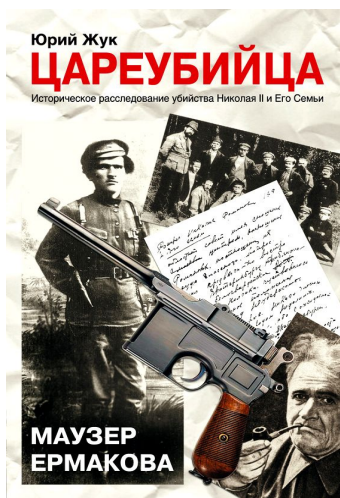

Юрий Жук

Цареубийца. Маузер Ермакова

От автора

Среди непосредственных участников убийства Царской Семьи наиболее «колоритной» фигурой был Петр Захарович Ермаков – человек весьма низкого интеллектуального уровня, но отчаянной смелости, граничащей с паталогической жестокостью. Поэтому неудивительно, что вплоть до настоящего времени вокруг его имени циркулируют всевозможные слухи, большинство из которых на деле не имеют ничего общего с реальной действительностью.

Так, например, наиболее живучим оказался слух о том, как после расправы с агентом Екатеринбургского отделения пермского ГЖУ Н.Н. Ериным (кличка «Летний»), П.З. Ермаков якобы лично отрезал последнему голову пилой с целью сделать невозможной дальнейшую идентификацию его трупа. И хотя этому, с позволения сказать, «факту» не имеется какого-либо документального подтверждения, слух этот тем не менее продолжает существовать и зачастую используется многими исследователями вплоть до настоящего времени.

Наряду с таковым ходят также слухи о том, что, состоя в должности инспектора мест заключения, П.З. Ермаков якобы по собственному почину и с особой страстью лично расстреливал заключенных, осужденных на смерть в ходе сталинских репрессий.

Однако и это не более чем непроверенные слухи. Ибо единственно подлинной, так сказать, особой страстью П.З. Ермакова была любовь к «зеленому змию». Любовь, которую он пронес через всю свою жизнь, насыщенную многочисленными событиями, напрямую связанную с историей нашего государства.

Без сомнения, Петр Ермаков – яркий представитель революционера-боевика, а проще говоря – бандита с большой дороги, прикрывающегося революционными идеями для осуществления своих меркантильных целей, главная из которых – карьерный рост и личное обогащение за чужой счет. Вступив на этот преступный путь незадолго до начала революционных событий 1905–1907 гг., он начинает

действовать по принципу «грабь награбленное!», претворяя тем самым в жизнь учение «вождя мирового пролетариата» В.И. Ульянова (Ленина). Ибо именно в это время на путь революционной борьбы становились многие молодые люди, немалая часть которых являла собой попросту паразитирующие отбросы общества в виде не нашего себя в жизни уголовно-преступного элемента.

Работая слесарем на Верх-Исетском металлургическом заводе, Петр Ермаков изначально был вовлечен в революционную деятельность своими старшими братьями. По их же совету он начинает посещать и социал-демократический кружок, занятия в котором вела бывшая выпускница Санкт-Петербургских «Курсов воспитательниц и руководительниц физического воспитания П.Ф. Лесгафта», К.Т. Новгородцева (впоследствии – супруга Я.М. Свердлова), по рекомендации которой П.З. Ермаков в 1906 году вступает в РСДРП.

Попытки властей уговорить активность молодого большевика Петра Ермакова в виде почти годового нахождения в тюрьме по делу «Летнего», а также высылка в далекий Вельск поначалу охлаждают пыл юного революционера. По окончании срока ссылки он возвращается на Урал, где, что называется, «залегает на дно». Однако ненадолго...

С началом событий Февральской смуты П.З. Ермаков выходит «из подполья» и вновь оказывается в самой гуще захлестнувших страну революционных событий. А после Октябрьского переворота он создает свой собственный красногвардейский отряд из рабочих Верх-Исетского металлургического завода, в составе которого участвует во многих боевых эпизодах Гражданской войны на Урале, главным из которых стало его непосредственное участие в убийстве Царской Семьи.

Представленная на суд читателей работа посвящена именно этому трагическому событию, одним из главных участников которого стал П.З. Ермаков. Посему рассказ наш пойдет не просто в виде простого изложения отдельных фактов его биографии, а по авторскому замыслу будет существенно дополнен материалом, имеющим непосредственное отношение к его личному оружию – пистолету Маузера К-96/12 № 161474, который П.З. Ермаков на протяжении многих лет выдавал за «орудие казни бывшего царя и его семьи».

Книга «Маузер Ермакова» [1 - Основой для данной работа послужила моя монография «Маузер Ермакова», написанная еще в 1995 году и переданная тогда же прокурору-криминалисту Генеральной прокуратуры РФ В.Н. Соловьеву в качестве дополнительного материала, с целью его возможного использования в производимом им следствии по делу «О выяснении обстоятельств гибели членов Российского императорского дома и лиц из их окружения в период 1918–1919 гг.». Основной акцент в таковой делался на абсолютно новую трактовку известных фактов, непосредственно связанных с подготовкой и механизмом проведения самого «расстрела» Царской Семьи, исходя из реального числа его непосредственных участников, а также возможного количества произведенных ими выстрелов по своим жертвам.] рассчитана на широкий круг читателей, которые, безусловно, узнают для себя много нового и интересного по данной теме.

Настоящее издание состоит как бы из нескольких частей, каждая из которых является логическим продолжением предыдущей. Посему его основная часть – «Маузер Ермакова» – дополнена документами из личного архива П.З. Ермакова, его воспоминаниями 1920–1940-х гг., а также рассказами о самом П.З. Ермакове, написанными различными авторами в разное время.

Особое место в книге занимают воспоминания П.З. Ермакова о «тобольской эпопее Романовых», а также об убийстве «бывшего царя и его семьи», снабженные обширными авторскими комментариями.

Работая над книгой, автор постарался использовать большинство имеющихся в его распоряжении источников в виде статей и книг, отрывки которых также размещены на страницах настоящего издания. Помимо этого, работа «Маузер Ермакова» снабжена многочисленными фотографиями, большинство из которых публикуется впервые, так как, несмотря на свою широкую известность, какого-либо выверенного биографического материала (кроме написанных и заполненных с его слов автобиографий и анкет) о жизни и деятельности П.З. Ермакова фактически не существует.

Данная книга – первая в задуманной автором серии книг о цареубийцах и их соучастниках: Я.М. Юровском («Палач из Каинска»), М.А. Медведеве-Кудрине («Колун революции»), Ф.Н. Лукоянове, Г.П. Никулине, И.И. Родзинском, В.М. Горине, И.Я. Кайгородове и др. («Преступления без наказания. Уральская ОблЧК в годы Гражданской войны»), выпуск которых он надеется осуществить в ближайшее время.

Автор выражает свою особую признательность Т.А. Боговаровой, А.С. Выголову, А.М. Кручинину, М.М. Лебедеффу-Донскому Л.Ф. Муртузалиевой, кандидату исторических наук В.М. Хрусталеву и В.В. Шитову за оказанную ими неоценимую помощь в деле работы над настоящим изданием.

Предисловие

Занимаясь изучением обстоятельств трагической гибели Царской Семьи, мне не раз приходилось бывать в Екатеринбурге, в котором наряду с прочими многочисленными зрелищными очагами культуры есть и Свердловский государственный объединенный историко-краеведческий музей (СГОИКМ), основу которому положили коллекции Уральского Общества Любителей Естествознания (УОЛЕ), основанного в 1870 году.

В числе его многочисленных фондов имеется и оружейный, коллекция которого насчитывает многие десятки единиц огнестрельного и холодного оружия, которые на сегодняшний день представляют одну из самых крупных коллекций военного и охотничьего оружия на Урале.

Одним из музейных предметов этой коллекции является пистолет Маузера К-96

мод. 1912 г., зав. № 161474, который ранее принадлежал бывшему Военному комиссару Верх-Исетского района г. Екатеринбурга П.З. Ермакову (1884–1952), принимавшему непосредственное участие в убийстве Царской Семьи. И что именно из этого пистолета лично им было расстреляно большинство содержащихся в доме Ипатьева Романовых в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

И надо сказать, что на протяжении многих лет эта версия поддерживалась многими уральскими исследователями, уверенными, что именно из этого оружия были убиты Венценосные Мученики.

Упоминание о Маузере Ермакова впервые попало мне на глаза во время ознакомления с книгой Э.С. Радзинского «Господи... спаси и усмири Россию. Николай II. Жизнь и смерть», где он со ссылкой на фонд архива Свердловского обкома КПСС, приводит текст акта приема-передачи этого пистолета в Уральский Истпарт. А немногим позже я нашел в статье Д.В. Боровикова и Д.В. Гаврилова «Расстреляны пролетарской рукой» еще одно упоминание об этом пистолете и ходившей вокруг него «красивой легенде» о том, что он якобы был в пользовании у П.З. Ермакова еще со времен революции 1905–1907 гг.! (Это пистолет-то модификации 1912 г.!)

Все эти обстоятельства меня весьма заинтересовали, так как к тому времени я уже был знаком с известным фото П.З. Ермакова (сделанном не ранее 1919 г.), на котором тот был запечатлен с револьвером Нагана на боку, помещенном в самодельно сшитую кобуру...

В свою очередь, именно они же натолкнули меня на мысль, что данное оружие не имело никакого касательства к убийству Царской Семьи, а досталось П.З. Ермакову лишь некоторое время спустя.

Мне стало интересно, и я решил, что называется, копать глубже, результатом чего и явилось предлагаемое на суд читателя авторское исследование, позволившее приоткрыть завесу над еще одной, пусть и небольшой, но все же тайной, имевшей непосредственное отношение к гибели Царской Семьи и Ее верных слуг.

Глава 1

Из истории пистолета Маузер к-96/12

Прежде чем перейти к изложению известных автору фактов, невозможно не дать хотя бы некоторые пояснения относительно самих пистолетов этой системы, напрямую связанных с темой настоящего исследования.

Маузер К-96 – исключительно мощное и надежное оружие – был разработан фирмой братьев Маузеров, впоследствии ставшей хорошо известной под наименованием *Waffenfabrik Mauser Oberndorf an Neckar* (Оружейная фабрика Маузера в Оберндорфе на реке Некар).

Но и сама история появления этой фирмы также требует некоторого пояснения. Ее основатель – Пауль Петер Маузер родился 27 июня 1838 года в немецком

городе Оберндорфе. Уже с 12 лет он пошел по стопам своего отца, начав свои «рабочие университеты» на местной оружейной фабрике. Поэтому из всего образования у будущего знаменитого оружейника была лишь начальная школа.

В 1868 году Пауль Питер Маузер совместно со своим старшим братом Вильгельмом Маузером и американцем Чарльзом Нарисом запатентовал в США через свою фирму «Gebruder Wilhelm und Paul Mauser» казнозарядную винтовку, которую в 1871 году германские княжества Пруссия и Вюртемберг приняли на вооружение своих армий под наименованием М/1871. Разработанная винтовка стала одной из лучших оружейных систем того времени, и как признание их безусловного успеха в деле конструирования оружия стала продажа Королевского Оружейного Завода, который братья Маузеры приобрели у Правительства Вюртемберга в 1872 году за 200 000 южно-германских гульденов (флоринов). Новое предприятие, именуемое теперь «Gebruder Mauser und Cie» (фирма «Братья Маузер и компаньоны»), возглавил старший брат Вильгельм, а после его смерти, последовавшей в 1882 году, его брат Пауль.

В 1884 г. Пауль Питер Маузер назначил нового управляющего – Фиделя Федерле, который был одним из трех братьев-конструкторов, работавших на этой фабрике. В 1893 г. братья Федерле разработали совершенно новый вид автоматического пистолета. А еще через два года – 15 марта 1895 года представили его доработанную версию, работа над которой велась уже при участии самого Пауля Питера Маузера и старшего мастера Гайзера, впоследствии получившую название Mauser K-96. (С-96). Конструкция Ф. Федерле была запатентована на имя Пауля Питера Маузера: сначала в Германии [1 - Немецкий Райхспатент (Deutsche Reich Patent) за № 90430 был выдан 11 сентября 1895 г.], а затем в Великобритании в 1896 году.

1 августа 1896 г. это новое оружие было продемонстрировано членам оружейной комиссии в Штутгарте, и, в частности, Министру обороны Княжества Вюртемберг Шульцу фон Шоттенштайну.

Начиная с 1897 г. производство пистолетов К-96 было поставлено на поток, а свое первое боевое крещение он прошел в годы первой Англо-Бурской войны 1899–1902 гг. Так как именно в это время стал почти что сакраментальным девиз одного из ее героев – генерала Бен Вильхена: «Met Got En Die Mauser!» («С Богом и с Маузером!»).

До 1908 года на заводе в Оберндорфе было произведено около 70 тысяч пистолетов Маузера К-96, получивших прозвище Broomhandle [2 - Не переводимое на русский язык словосочетание слов «веник», «метла» и слов «рукоятка», «ручка» и пр.]. Особенностью этой модели была вынесенная перед спусковой скобой магазинная коробка (так называемый, постоянный магазин), которая наполнялась патронами из специальной обоймы. Другими особенностями этого оружия было шахматное расположение патронов, затвор, спрятанный внутри ствольной коробки, блочная конструкция ударно-спускового механизма, а также регулируемый прицел и деревянная кобура, которая могла выполнять функции приклада, что давало

возможность использования этого пистолета как легкого карабина. Магазин пистолета был рассчитан на 10 [3 - В некоторых, более поздних моделях емкость магазинной коробки была рассчитана на 6 и 20 патронов.] специально разработанных для него бутылочных патронов калибра 7,63 мм. А упомянутый выше передвижной (секторный) прицел был насечен на 1000 м [4 - У ранних модификаций пистолета Маузера планка прицела была насечена до 700 и даже до 500 метров. А пистолеты самых первых выпусков, как, например, мод. 1905 г. с длиной ствола 101 мм, имели постоянные прицелы, выполненные в виде целика.]. Но, несмотря на то, что пистолет Маузера мог вести прицельный огонь на расстояния, недостижимые для других пистолетов, означенная на прицеле цифра «1000» была все же не более чем рекламной акцией, значительно превышающей предел действительности огня. Ибо на расстоянии километра рассеивание пули по ширине превышало 4, а по высоте – 5 м. Но при стрельбе до 100 м, то есть на дистанцию, весьма значительную для эффективного огня пистолетов других систем, пули из Маузера ложились в круг диаметром всего 30 см.

Работал пистолет Маузера К-96 по принципу использования энергии отдачи при коротком ходе ствола, а запираение канала ствола осуществлялось при помощи качающейся личинки.

Как уже говорилось выше, к пистолету Маузера К-96 был разработан специальный патрон калибра 7,63 мм (7,63 mm Mauser), обладающий очень высокой начальной скоростью пули в 430–450 м/с [5 - За его основу был взят патрон 7,63 mm Worchardt, сконструированный американским оружейником Х. Борхартом для его самозарядного пистолета модели 1893 г., выпускавшегося в Берлине предприятием Waffenfabrik Loeve. А точнее, одна из его модификаций 1893 г.].

Начиная с 1900 года у пистолетов Маузера появились серьезные конкуренты – пистолет Георга Люгера (Борхардта-Люгера) «Парабеллум» кал. 7,65 мм и 9 мм, а также пистолет Браунинга этого же калибра, но выпущенный под специально разработанный под него патрон 7,65 mm Browning. На их фоне отчетливо проступили недостатки К-96: большие размеры, неудобство заряжания, сложность изготовления и сборки-разборки, чувствительность к загрязнению. В итоге, даже в самой Германии пистолет Маузера был принят на частичное вооружение конных егерей лишь в 1908 году, да и то из-за недостаточного количества выпускаемых пистолетов Люгера. Но при этом потребовалось изменить калибр самого пистолета до 9 мм под новый патрон (9 mm Mauser), то есть как и у штатного «Парабеллума», сконструированного под патрон 9 mm Parabellum. (Такие пистолеты Маузера были помечены цифрой «9» красного цвета, вырезанной на рукоятке, поскольку при возможной путанице во время стрельбы 9-мм патроном к пистолету Люгера из пистолета Маузера кал. 7,63 мм происходил разрыв ствола.)

Широкая кампания по рекламе Маузера, а также отменные боевые качества этого пистолета почти сразу же снискали ему большую популярность среди охотников, путешественников, а также просто любителей оружия во всем мире.

С 1896 года по интересующий нас период пистолет Маузера выпускался

нескольких моделей, основное различие которых заключалось, главным образом, в их дизайне. Это соответственно модели «К-96»: 1896, 1898, 1903, 1905 и 1912 гг., наиболее распространенной из которых была последняя, именуемая «К-96/12» с длиной ствола 140 мм.

В Российской Империи первые пистолеты Маузера появились в 1897 году и впоследствии получили наименования «Маузер № 2» [6 - «Маузером № 1» называли карманную модель пистолета Маузера 1910 г. кал. 6,35 мм.] или «Маузер в колодке». Всего за какие-то несколько лет он становится настолько популярным, что даже вошел в число рекомендованных Военным Министерством систем пистолетов, которые разрешалось приобретать русским офицерам для ношения в строю взамен состоящего на вооружении 3-линейного форменного револьвера Нагана обр. 1895 г.

В 1913 году Воздухоплавательная Часть Главного Управления Генерального Штаба по ходатайству Великого Князя Александра Михайловича, определила пистолет Маузера К-96 «как принадлежность аэропланов», но наряду с этим пистолеты данной системы состояли на вооружении автомобильных и мотоциклетных частей.

А еще через несколько лет Маузер стал одним из самых популярных пистолетов в России. И это несмотря на его отнюдь не дешевую коммерческую стоимость! Так, приобретение этого пистолета в оружейных магазинах дореволюционной России обходилось его покупателям, что называется, «в копеечку». Например, согласно Прейскуранту цен № 7 Оружейного магазина и склада Торгового дома Ф. Фальковского и М. Ширококорядленко в г. Москве на 1913–1914 гг. его стоимость для пистолета обычной работы составляла 38 рублей, а для пистолета, выполненного в варианте «Люкс», – 45 рублей. (Для сравнения: стоимость револьвера Нагана обр. 1895 г. составляла 26 рублей.)

Следует также сказать, что особой популярностью у гражданского населения России пользовалась укороченная модель пистолета Маузера К-96/12 с длиной ствола в 98 мм, посему было неправильным считать, что подобная разновидность этого пистолета появилась только лишь в начале 20-х годов.

В годы революционного лихолетья и Гражданской войны Маузер стал одним из самых популярных пистолетов в России. А помощь Белым Армиям их бывшим союзником – Великобританией обернулась тем, что пистолеты Маузера попали в Среднюю Азию, к так называемым басмачам.

После смерти Пауля Питера Маузера, последовавшей в 1914 году, его фирма несколько раз реорганизовывалась и начиная с 1922 года стала именоваться как Waffenfabrik Mauser AG Oberndorf a/N (Акционерное Общество Оружейная фабрика Маузер в Оберндорфе на р. Некар). А в качестве своего клейма избрала «бочку» – фирменный знак по форме бочки, внутри которого находилось слово «MAUSER», которым теперь клеймилось все выпускаемое ею оружие.

По условиям Версальского соглашения между Германией и странами-победительницами, немецкие оружейные заводы не имели права выпускать ручное

огнестрельное оружие с длиной ствола более 100 мм. Поэтому уже в 1920 году фирмой «Маузер» был начат выпуск пистолетов К-96/12, так называемой «Полицейской модели», имевших длину ствола 98 мм и укороченную рукоятку. А так как прошедший Гражданскую войну пистолет Маузера снискал себе небывалую популярность, в середине 20-х – начале 30-х годов минувшего столетия Торгпредство СССР в Германии закупало у фирмы «Mauser A.G.» пистолеты этой системы. (Об этом будет сказано более подробно в одной из последующих глав.)

Со временем массовое распространение в СССР пистолетов Маузера привело к тому, что в июле 1928 г. было решено сделать штатным патроном пистолетный патрон 7,63 mm Mauser. Причем при производстве такового его изначальный калибр 7,63 мм уравнивали с российским «трехлинейным», то есть с принятым на вооружение в РККА калибром 7,62 мм. А в качестве капсюля решили использовать уже готовый, использовавшийся для снаряжения патронов к револьверу Нагана.

Впоследствии базовая модель Маузера К-96/12 неоднократно модернизировалась, так как именно ее отличали отменная баллистика и просто невероятная «живучесть» этого оружия.

Так, испанцы на ее основе разработали несколько моделей пистолета Астра (модель 900, модель 902, модель 903), а также пистолет Асуль ММ31, каждый из которых был снабжен переводчиком режима огня [7 - Впоследствии некоторые элементы конструкции Астры были использованы фирмой «Маузер Веерке АГ» в выпускаемых ей моделях маузер 711 и маузер 712, которые также были снабжены переводчиком режима огня и имели сменные магазины на 10, 20, 40 патронов.].

Но, к сожалению, автоматические пистолеты, снабженные переводчиком на автоматический огонь, показывали крайне низкую кучность, поэтому ни одна из этих моделей не была принята на вооружение.

В Китае же, где модель К-96/12 получила прозвище «Boxed Cannon», то есть «компактной пушки», ее копии выпускались различного калибра, вплоть до 45 АСР (11,43 мм).

Запасы Маузеров в нашей стране оказались столь значительны, что они были в ходу и во время Великой Отечественной Войны.

Так, в 1943 году гвардии полковник Л.И. Брежнев был награжден именно Маузером К-96/12.

А в ходе боевых операций, проводимых на территории сопредельной с СССР Демократической Республики Афганистан, а также при ликвидации незаконных бандформирований на территории Чечни и Дагестана порой в качестве трофеев попадались и пистолеты этой модели, разработанной фактически около 100 лет назад!

Но все это будет значительно позже. А сейчас, прежде чем начать наш рассказ о пистолете Маузера К-96/12 зав. № 161474, ознакомим читателя с его основными тактико-техническими характеристиками:

- Длина пистолета – 312 мм (при длине ствола 140 мм);
- Масса (неснаряженного) – 1250 г;

- Калибр – 7,63 мм;
- Емкость магазина – 10 патронов;
- Калибр – 7,63 мм;
- Патрон – 7,63 mm Mauser.

Глава 2

Реликвия Октября

10 декабря 1927 года, то есть чуть более чем через месяц после открытия в Свердловске Уральского Областного «Музея Революции» (УМР), в помещении Уральского Истпарта [8 - 11 сентября 1926 г. на заседании Комиссии Уральского обкома ВКП(б) было принято решение о том, что созданием Уральского Музея революции будет заниматься непосредственно Уральский Истпарт. (Истпарт – структурное подразделение Уральского Обкома ВКП(б), созданное для сбора, комплектования и популяризации документов по истории революционной борьбы и становления Советской власти на Урале.)] пришел хорошо известный в городе старый большевик П.З. Ермаков, который передал его сотрудникам, принадлежавший ему пистолет Маузера К-96/12 (зав. № 161474). Передавая же оный в Истпарт (безусловно, с целью его последующего размещения в экспозиции Уральского Областного «Музея Революции»), он также пояснил, что оружие это является «историческим», так как лично он сам, будучи участником расстрела Романовых в доме Ипатьева, «застрелил из него царя, царицу, наследника, а также одну из царских дочерей».

И хотя на момент убийства Царской Семьи и Ее верных слуг П.З. Ермаков не являлся владельцем данной системы оружия, его желание войти в историю «на правах царевубийцы № 1» доминировало над всем его сознанием.

В соответствии с этим был составлен соответствующий акт, текст которого приводится ниже:

«А К Т

10 декабря 1927 г. мы нижеподписавшиеся научные сотрудники Истпарта Уральского Областного Комитета В.К.П. (б) – т.т. МУТНЫХ В.С., ШАТУНОВ И.М. и Уральского Областного «Музея Революции» – т.т. БАРАНОВ А.В. и ГЕНЗЕЛЬ В.А. приняли от участника расстрела – быв. Царя Николая II у тов. ЕРМАКОВА П.З. револьвер № 161474 системы маузер, которым, по свидетельству тов. ЕРМАКОВА, – был расстрелян Николай II.

УЧАСТНИК РАССТРЕЛА НИКОЛАЯ II (Ермаков)

Научные сотрудники «Музея Революции» (Баранов)

(Гензель)

Истпарта Уралобкома (Мутных)

ВКП(б) (Шатунов)» [9 - ЦДООСО. Ф. 224, оп. 2, д. 845, л. 7.].

После того как П.З. Ермаков сдал свое «историческое оружие» в Истпарт, скорее всего по его личной просьбе было сделано фото этого пистолета, на котором его бывший владелец оставил свой полуграмотный автограф: «Здан музей истарта 10 декабря 1927».

Впрочем, не исключена возможность и того, что еще одной причиной, побудившей П.З. Ермакова сдать свое оружие в местный «Музей Революции», стало его желание «сравняться в этом деле» с Я.М. Юровским, месяцами ранее также сдавшим свое «историческое оружие» в Музей Революции СССР. Но об этом будет рассказано немногим ниже.

После передачи Истпарту принадлежавший П.З. Ермакову пистолет Маузера хранился в фондах означенного музея и даже некоторое время экспонировался в его залах. А после расформирования этого учреждения в мае 1946 г. он в числе прочих музейных предметов был передан Свердловскому государственному объединенному историко-краеведческому музею.

22 июля 1952 года, то есть по прошествии почти шести лет, Маузер Ермакова был впервые зарегистрирован в Главной инвентарной книге № 1 СГОИКМ на основании Акта приема-передачи Свердловского Областного «Музея Революции» от 25 сентября 1946 года. [10 - Это обстоятельство было вызвано тем, что с 1946 по 1952 гг. экспозиция СГОИКМ располагалась в помещении бывшего Вознесенского храма. А после того, как музей получил помещения в бывшем доме А.Ф. Поклевского-Козелла и на территории бывшего Ново-Тихвинского девичьего монастыря, была проведена новая фондовая проверка, результатом которой и явилась означенная запись.]

Вслед за этим этот музейный предмет был зарегистрирован в соответствии с нормами музейного хранения и стал числиться за СГОИКМ под шифром «С/м 508, 0–79» [11 - «С/м» – аббревиатура «Свердловский музей» (СГОИКМ)].

В настоящий момент общую сохранность этого пистолета можно считать удовлетворительной, но требующей чистки и смазки.

Говоря же о комплектности такового составляющими деталями, то здесь следует отметить их некоторое отсутствие.

А именно:

- возвратная пружина;
  - ударник с бойком;
  - упорная муфта;
  - предохранитель;
  - защелка крепления рамы;
  - подаватель;
  - пружина подавателя
- и др. мелкие детали в раме пистолета.

К числу индивидуальных признаков этого пистолета относится и наличие легкой коррозии по всей его поверхности, а также три сквозных отверстия, одно из

которых расположено на месте патронника, а два других – в ближней к нему части ствола. Кроме того, на правой стороне магазинно-спусковой коробки имеются три глухих резьбовых отверстия, предназначенных для жесткого крепления пистолета в экспозициях на вертикальных или горизонтальных поверхностях.

На торце магазинно-спусковой коробки, в верхней ее части в районе курка (не путать со спусковым крючком!), а также с левой стороны ствола – на верхней грани его патронника, имеется четко выбитый и хорошо читаемый заводской номер «161474».

Сохранность кобуры пистолета также можно считать удовлетворительной, но требующей частичной реставрации.

К числу индивидуальных признаков таковой относятся довольно глубокая трещина, находящаяся в ее верхней части, расположенной со стороны крепления чрезплечного ремешка, а также ряд мелких ссадин по всей поверхности.

Все находящиеся на ней металлические части также подвержены коррозии, но в несколько большей степени, чем сам пистолет.

Кроме того, на ее внутренней поверхности (в чреве) имеются затеки половой краски темно-коричневого цвета.

В начале 1987 года по инициативе Свердловского государственного объединенного историко-революционного музея, а также при поддержке Партийного архива Свердловского обкома КПСС и Государственного архива Свердловской области был выпущен справочно-информационный каталог «Реликвии Октября» [12 - «Реликвии Октября». Свердловск, 1987. Составители: Л.Ф. Муртузалиева, Б.А. Свалова, С.Б. Кохан.], в котором этот пистолет был представлен в разделе «Вещевые предметы» и описан как:

«6. Пистолет автоматический системы маузер образца 1898 г. в деревянной кобуре. Изготовлен на оружейной фабрике «Маузер» в Оберндорфе. Калибр 8,0 мм [13 - В выпущенном в 1989 г. каталоге СГОИКМ «Стрелковое и холодное оружие периода революции и гражданской войны» (Составитель: к.и.н. Г.Н. Шапочников) описание этого пистолета было осуществлено более грамотно: «60. с/м 508; 0-79. Пистолет системы Маузера, обр. 1896 г. (модель 1912 г.), зав. № 161474. Германия, начало XX в., г. Оберндорф. На раме клеймо: «Waffenfabrik, Mauser Oberndorf, A. NECKER. На стволе тоже клеймо. Сохранность: подающая пружина магазина, боек, ударник с пружиной утеряны. Ствол просверлен».]. Принадлежал П.З. Ермакову. С/м 508, 0-79.

Справка: Ермаков Петр Захарович (1887–1951), член КПСС с 1906 г., организатор частей Красной Гвардии на Урале, участник трех революций».

Но оставим на совести работников музея и архивов допущенные ими явные «ляпы», как то: «образец 1898 г.», «калибр 8,0 мм», а также несоответствия в годах рождения и смерти «организатора частей Красной Гвардии на Урале» и постараемся привлечь внимание читателя к личности самого П.З. Ермакова.

Глава 3

«Товарищ Маузер»

Одним из ближайших пригородов Екатеринбурга прошлых лет был поселок Верх-Исетского завода, в котором 1 декабря (18 ноября) 1884 года в семье столяра Захара Степановича Ермакова родился третий сын – Петр [14 - У Петра Ермакова было два старших брата – Николай и Степан, а также младший брат Алексей. Отец П.З. Ермакова – З.С. Ермаков скончался в 1900 г., а мать – в 1922-м.].

В юные годы П.З. Ермаков, окончив два класса местной церковно-приходской школы, поступает на Верх-Исетский металлический завод, где работает его отец, – сначала в качестве писаря заводской конторы, а затем ученика слесаря, выучившись на которого, он продолжает свою трудовую деятельность по избранной специальности.

Первые шаги на поприще своей революционной деятельности Петру Ермакову помогли сделать его старшие братья Николай и Степан, которые ранее попали под влияние группы заводских социал-демократов, насчитывающих в то время всего 17 человек. Поначалу они давали ему прочесть нелегальную литературу, которая была рассчитана на людей малообразованных и которая в самой популярной форме объясняла причины социального неравенства, постепенно подводя к мысли, что свои права рабочий класс может отстоять только в революционной борьбе.

Появление в Екатеринбурге Я.М. Свердлова совпало с началом Русско-японской войны, неудачное начало которой стало благодатной почвой для распространения социал-демократических идей среди местного населения. С образованием Екатеринбургского Комитета РСДРП начали свою работу социал-демократические кружки, занятия в которых проводили его члены – М.О. Авейде и К.Т. Новгородцева [15 - Новгородцева Клавдия Тимофеевна (впоследствии К.Т. Новгородцева-Свердлова) (1876–1960) – советский и партийный деятель. Из семьи купца. Окончила Екатеринбургскую классическую женскую гимназию, училась в Петербурге на Курсах воспитательниц и руководительниц физического воспитания П.С. Лесгафта, по профессии – Домашняя учительница. Член РСДРП с 1904 года. В 1904–1907 гг. занималась пропагандистской деятельностью, была членом Екатеринбургского и Пермского Комитетов партии. Участник IV съезда РСДРП. Свой дом использовала в качестве штаб-квартиры екатеринбургских большевиков. Находилась в фактическом браке с Я.М. Свердловым. Подвергалась арестам и ссылке. После событий Февральской смуты 1917 г. заведовала книгоиздательством ЦК РСДРП(б). В 1918 г. – член ВЦИК, работник его аппарата. С 1918 по 1920 г. заведовала Секретариатом ЦК РКП(б). Участвовала в работе VI и VII съездов партии, II Всероссийского съезда Советов. С 1920 по 1931 г. заведовала Отделом детских учреждений ВЦИК, детской литературы и детских учебников ОГИЗ, работала в Главлите. С 1946 г. – Персональный пенсионер Союзного значения. Награждена орденом Трудового Красного Знамени. Похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище.]. Появились и первые подпольные «типографии», все

оборудование которых поначалу было представлено самыми простыми множительными приспособлениями того времени – гектографами, при помощи которых можно было выпускать за один раз по несколько сотен листовок. Активной деятельности местных большевиков способствовала и поступающая из-за рубежа нелегальная литература в виде газеты «Правда» и всевозможных книжечек-брошюр типа: «Пауки и мухи», «Правда о войне», «Царские поражения и наши требования», «Царские посулы и рабочий класс» и т. п.

Первые поручения Петра Ермакова были связаны с распространением политической литературы и листовок антиправительственного содержания. Справившись с ними, ему поручают более ответственные дела, как то: охрану нелегальных митингов и всякого рода сборищ. Первое из подобных поручений он выполнял в городском театре, где в сентябре 1905 года проходило общее собрание городских и Верх-Исетских рабочих, на которое П.З. Ермаков со своими дружинниками не допустили представителей «Союза Русского Народа», именуемых в пролетарской среде «черносотенцами»...

В погожее летнее время кустовые собрания городских партийных организаций, объединявших несколько как крупных, так и мелких промышленных предприятий Екатеринбурга («Монетку», завод Ятеса, фабрику Логинова, фабрику Макарова, Верх-Исетский завод и др.), проводились в районе Верх-Исетского торфяника, на Зеленом острове, на Сиговом покосе, на Московском тракте за речкой Широкой, за «Генеральской дачей» и на Красной горке. А в холодное зимнее – на частных квартирах визовцев (у весовщика ВИЗа Филиппова, братьев Николая и Андрея Третьяковых, квартира которых на углу Главного проспекта была складом всей нелегальной литературы Екатеринбургского Комитета РСДРП и др.). И, как правило, все эти сборища проводились под неусыпной охраной пока еще слабо вооруженных дружинников, возглавляемых их бессменным предводителем – П.З. Ермаковым.

В январе 1906 года по рекомендации все той же К.Т. Новгородцевой П.З. Ермаков вступает в РСДРП, пребывание в которой как в прямом, так и в переносном смысле выводит его на «большую дорогу».

Следующим «жизненным университетом» Петра Ермакова стала Сводная боевая дружина РСДРП эсеров и анархистов, которую организовал и возглавил близкий друг Я.М. Свердлова Ф.Ф. Сыромолотов по кличке «Федич». (Впоследствии – Уральский Областной Комиссар Финансов.) Непосредственным же его наставником в этом, с позволения сказать, «учебном заведении» стал известный южно-уральский боевик Константин Мячин по кличке «Антон» или «Утиный нос». Проводя занятия на Конном острове, расположенном посреди реки Исети, он делился с дружинниками своим богатым опытом в деле осуществления экспроприаций («экссов»), обучая их особенностям практической стрельбы из огнестрельного оружия, а также проводя занятия по изготовлению самодельных бомб, бомбометанию и подрывному делу. (Впоследствии именно К.А. Мячину Я.М. Свердлов поручит перевоз Царской Семьи из Тобольска в Москву.) Окончив

обучение «вторым учеником», П.З. Ермаков становится во главе одной из «пятерок боевиков» и уже сам начинает совершать «эксы», помощь в проведении которых ему оказывают заводские рабочие, вовлеченные им лично в революционно-преступную деятельность.

В ходе проводимого следствия по делу об убийстве Царской Семьи следователь Н.А. Соколов в августе 1919 года допросил жителя Верх-Исетска А.Р. Зудихина, который знал П.З. Ермакова еще до большевистского переворота. Так вот, характеризуя его как человека, он пояснил, что: «Он (П.З. Ермаков. – Ю.Ж.) давно еще занимался грабежами на больших дорогах и нажил таким путем деньги» [16 - Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи. (Август 1918 – февраль 1920.) Составитель Н.Г. Росс. Франкфурт-на-Майне, Издательство «Посев», 1987, с. 432.].

Не менее ярко характеризует П.З. Ермакова и генерал-лейтенант М.К. Дитерихс в своей книге «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале»:

«1905 г. выводит его на арену “политического” деятеля», что он проявляет сообразно своей совершенно испорченной натуре – выходит на большие дороги и начинает грабить, резать, душить, с хладнокровием и зверством, которые впоследствии поражали даже истых советских деятелей, не останавливаясь ни перед чем» [17 - Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и других Членов Дома Романовых на Урале». Часть I. М., Издательство «Скифы», 1991, с. 287.].

И это правда, так как, прикрываясь политической ширмой экспроприаторства, П.З. Ермаков, сколотив банду подобных себе «борцов за народное счастье», насчитывавшую уже к концу 1906 года 52 человека, промышлял разбоем и грабежами в своем родном уезде. Но не все нападения и грабежи приносили бандитам удачу, так как сплошь и рядом налетчики получали вооруженный отпор, потому как далеко не у всех дружинников имелось огнестрельное оружие, дефицит которого со временем ощущался все острее и острее. И Петр Ермаков решил действовать.

Узнав через одного из своих сообщников – кассира Павла Фирсова, когда и как возят деньги на зарплату рабочим и служащим одного из расположенных в округе медных рудников, он составил план нападения на инкассаторов из засады. Первая попытка не удалась, так как экипажи с деньгами проехали ранее сообщенного ермаковцам времени. Однако во второй раз П.З. Ермаков решил быть осмотрительнее и ждать в засаде всю ночь, для чего обустроил свою позицию в том месте, где ведущая к руднику Ключевская дорога делала крутой поворот.

Засев в лесном массиве, он с двумя своими подельниками (одним из которых был бывший матрос «дядя Ваня», а другим – Василий Рябов) стал ждать. Время тянулось медленно, и уже ближе к утру стало казаться, что вновь произошла ошибка в дате или времени привоза денег на рудник. Но все решили подождать еще немного. Расчеты полностью оправдались. Едва лишь полностью рассвело, как два экипажа в сопровождении двух верховых чинов полиции показались из-за поворота дороги. В первом экипаже ехал кассир Фирсов, а во втором – его помощник

Тарханеев. Но они почти сразу же заметили людей в масках и, выхватив револьверы, открыли стрельбу по бандитам. Но так как находившимся в засаде нападать было легче, схватка оказалась неравной, в результате чего были убиты шесть человек, в числе коих оказались оба полицейских, три контролера банка и помощник кассира Тарханеев. Сам же Фирсов, с целью подтверждения своего алиби (по представленной им на следствии версии, ему во время перестрелки удалось незаметно скрыться), был легко ранен в руку одним из подельников П.З. Ермакова.

Результаты «экса» превзошли все ожидания. Было захвачено 12 400 рублей, одна часть которых была пущена на покупку оружия, а другая – передана в Екатеринбургский Комитет РСДРП.

Не остался внакладе и сам П.З. Ермаков, который также получил свою долю за риск, часть которой была пущена на поддержание «боевого духа» и дополнительное оснащение его собственной дружины. Впоследствии П.З. Ермаков будет рассказывать, что именно тогда он приобрел тот самый Маузер, с которым не расставался на протяжении всей своей жизни и который впоследствии передал в Уральский Областной Музей Революции... Но так как приобрести в 1906 году пистолет, модель которого была разработана лишь в 1912 г., это по меньшей мере нонсенс, то оставим все рассказы П.З. Ермакова на этот счет на его совести...

Поднаторев, что называется, во всякого рода преступной деятельности, П.З. Ермаков в августе 1907 года вместе со своими дружками (все тем же «дядей Ваней» и Вячеславом Кругляшовым – «Вячей») расправляется со своим товарищем по партии Николаем Ериным (по кличке «Летний»), который был уличен в сотрудничестве с жандармами. Не имея должных доказательств и уповая лишь на собственную интуицию, П.З. Ермаков, тем не менее, оказался прав, когда говорил о том, что Н.Н. Ерин – провокатор. «Я посмотрел на рожу, так и написано, что он провокатор», – вспоминал он впоследствии.

Получив согласие своих подельников, П.З. Ермаков 4 августа 1907 года назначает Н.Н. Ерину встречу, во время которой пояснил последнему, что «необходимо отправить одного товарища»... Н.Н. Ерин соглашается, после чего они все вместе идут в район Верх-Исетского кладбища. (В кармане П.З. Ермакова уже лежит заранее приготовленное полотенце, которое он захватил с собой в качестве орудия убийства.) По дороге П.З. Ермаков предлагает присесть, после чего все они сразу же набрасываются на провокатора и, заломив ему руки, начинают свой допрос. Николай Ерин во всем сознается и просит сохранить ему жизнь. Но убийцы неумолимы. Петр Ермаков набрасывает ему на шею полотенце и начинает душить... А так как опыта у него в этом деле еще недостаточно, на помощь ему приходит «дядя Ваня», который наносит Н.Е. Ерину удар ножом в область сердца. После этого ему уже мертвому засовывают в рот полотенце, поверх которого прикрепляют записку с надписью: «Убит за провокацию». (Именно эта записка стала главной уликой в деле Н.Н. Ерина, так как в ходе графологической экспертизы следствие получило неопровержимые улики в причастности к этому делу В. Кругляшова.)

Уже в сентябре В. Кругляшов и П.З. Ермаков были арестованы. А «дядя Ваня» под подозрение не попал. Под тяжестью неопровержимых доказательств Вячеслав Кругляшов был вынужден сознаться в умышленном убийстве. Взяв на себя одного всю вину, он вскоре был повешен, а П.З. Ермаков, за отсутствием доказательств в мае 1908 г. был выпущен на свободу.

Так что, как смог убедиться читатель, никаких «отрезанных голов», предшествующих «отрезанным царским», не было и в помине...

Пребывание П.З. Ермакова в тюрьме добавило ему авторитета среди местного большевистского подполья, и по выходу из Екатеринбургского Тюремного Замка [18 - Так тогда называлась городская тюрьма.] он избирается членом подпольного Екатеринбургского Комитета РСДРП, который сразу же переводит его на нелегальное положение.

Будучи нелегалом, П.З. Ермакову отводится роль одного из руководителей боевиков, главной задачей которых по-прежнему остаются экспроприации и охрана нелегальных сборищ.

Во время провала Уральской партийной конференции (в результате ареста в марте 1909 года всех ее делегатов, включая Я.М. Свердлова и его гражданскую жену К.Т. Новгородцеву), П.З. Ермаков вновь арестовывается и после годового тюремного заключения этапировается в ссылку, которую отбывает в городе Вельске Вологодской губернии [19 - С упразднением Вологодской губернии и всех ее уездов 14 января 1929 г. и преобразованием таковой в Вологодский Округ Северного края бывший Вельский уезд был выведен из ее состава и впоследствии вошел в состав Архангельской области.].

В своей автобиографии, написанной в сентябре 1931 г. при вступлении в Уральский филиал Всесоюзного Общества Старых Большевиков (ВОСБ), П.З. Ермаков напишет, что «По прибытии в ссылку была создана группа ВКП(б) (на самом деле – РСДРП. – Ю.Ж.), вскоре я был арестован и по суду получил ссылку в Тарский уезд...» [20 - Истпарт – Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), занимавшаяся собиранием, научной обработкой и изданием материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции. С августа 1920 г. создан при Государственном издательстве. 21 сентября 1920 г. СНК Р.С.Ф.С.Р. принял подписанное В.И. Лениным постановление об учреждении Истпарта при Народном Комиссариате Просвещения. 1 декабря 1921 г. Истпарт был введен в структуру ЦК РКП(б) на правах отдела. Сначала в Истпарт входило 9 человек, назначаемых СНК Р.С.Ф.С.Р., но впоследствии его состав был увеличен. Возглавляла Истпарт Коллегия (с 1924 г. – Совет). Повседневное же руководство его работой осуществлял Президиум: Председатель – М.С. Ольминский, Зам. председателя – М.Н. Покровский и Секретарь – В.В. Адоратский.]. То есть из сказанного следует, что, находясь в Вельске, П.З. Ермаков непосредственно участвовал в создании группы РСДРП, состоящей из числа находящихся в ссылке лиц, за что и был вновь арестован. А после суда отправлен на поселение в небезызвестный Тарский уезд Тобольской губернии, откуда его освободили

события Февральской смуты 1917 г. Причем в данном случае об отбывании им наказания на какой-либо каторге не говорится ни слова! И ясно почему: ведь Тарский уезд был известен как место ссылки еще со времен декабристов!

Но, как оказалось на деле, этот «факт» его биографии был целиком и полностью надуман им самим, так как П.З. Ермаков никогда не отбывал каторгу, а значит, не был и политкаторжанином, за которого выдавал себя многие годы! Ибо еще в 1917 г. большинство документов архива Вологодского ГЖУ было уничтожено во время событий уже упомянутой выше Февральской смуты. А в архиве Уральского Обкома ВКП(б) имелись лишь сведения о том, что «...По материалам, хранящимся в Областном Партийном Архиве, тов. Ермаков Петр Захарович в 1909 г. привлекался за принадлежность к Екатеринбургскому Комитету Р.С.Д.Р.П.» [21 - РГАСПИ. Ф. 124, оп. 1, д. 645, л. 7.].

Однако менее чем через год, П.З. Ермакову каким-то образом удается получить от Отделения Истпарта [22 - Там же, л. 8.] Уральского Обкома ВКП(б) справку (волею судеб датированную 17 июля 1931 г.!), в которой удостоверяется, что он «...подвергался арестам и ссылкам в 1907 г. и с 1909 по 1917 г. в Пермской, Вятской, Николаевских арестантских ротах и Екатеринбургских тюрьмах» [23 - Муниципальный музей истории города Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 387/Д1-554.].

И тем не менее П.З. Ермаков никогда не отбывал каторгу, в какое бы то ни было время!

И прямым доказательством этому – Личный листок по учету кадров, заполненный в конце 1940-х гг. по представленным П.З. Ермаковым сведениям, которые значительно разнятся с таковыми, имеющимися в автобиографии, написанной им при вступлении во Всесоюзное Общество Старых Большевиков. А еще один документ, говорящий в пользу этого обстоятельства, – автобиография П.З. Ермакова, датированная 23 апреля 1946 года, в которой он конкретно пишет о том, что: «Я в ссылке пробыл до конца 1912 г., вернулся в Екатеринбург для регистрации, но жить на определенном месте не разрешили, пришлось жить в разных местах, но партийных связей не терял и так прожил до 1917 г.» [24 - ГАРФ. Ф. 539, оп. 6, д. 8796, л.л. 35–36.].

Вот такая существенная разница!

Но главным в этих обоих документах является тот факт, что оба они были написаны после того, как П.З. Ермаков в 1946 году был вызван в УНКВД по Свердловской области в связи с «делом М.А. Медведева (Кудрина)» [25 - После завершения окончательного разгрома гитлеровской Германии в мае 1945 г. на ее территории работали многочисленные комиссии Группы Советских оккупационных войск в Германии, которые занимались организацией учета и вывоза трофейного имущества бывшего Третьего Рейха. Среди этих комиссий было и немало таких, которые вели поиск и осуществляли сортировку различной секретной или особо

ценной архивной документации, которая в последние месяцы войны была эвакуирована из мест своего постоянного хранения. Как правило, эти комиссии состояли из специально отобранных сотрудников ГРУ ГШ НКО СССР, выполняющих эту задачу по личному приказу Зам. Верховного Главнокомандующего Г.К. Жукова, или НКГБ СССР, выполняющих точно такую же задачу по личному распоряжению Наркома Внутренних Дел Л.П. Берии. По мере поступления информации эти комиссии могли работать, что называется, «бок о бок» на одних и тех же объектах. Вследствие этого, на одном из таких объектов в г. Бернау две подобные группы занимались разбором папок с документами на русском языке, обнаруженных в одном из подвальных помещений. Среди многих документов, помеченных штампом Имперской Канцелярии, было обнаружено 7 томов Следственного Производства Н.А. Соколова и один не имеющий копий том из личного архива Генерал-Лейтенанта М.К. Дитерихса. В связи с разницей в подведомственности каждой из указанных групп обнаруженные материалы были переданы для ознакомления в два разных наркомата: Наркомат Обороны СССР и Наркомат Государственной Безопасности СССР. Примечательно, что первые четыре тома Следственного Производства (попавшие в НКО СССР) были впоследствии переданы в Архив Главной Военной Прокуратуры, где находились на хранении до недавнего времени. В свою очередь оставшиеся три тома и том из личного архива Генерал-Лейтенанта М.К. Дитерихса попали в НГБ СССР, после чего в 1946 году (в связи с переименованием Наркоматов в Министерства) стали числиться за ГУ МГБ СССР, откуда в 1948 году передаются в Центральный архив МГБ СССР. (Впоследствии в связи с объединением МГБ СССР и МВД СССР в одно ведомство таковые с 1953 года стали числиться за ЦА МВД СССР, а начиная с 1954 года – за ЦА КГБ СССР.) Материалы следствия, имеющиеся в этих томах, дают ответы на многие вопросы, но вместе с тем с ними был связан один весьма занимательный случай, относящийся к биографии М.А. Медведева (Кудрина). Знакомясь с этими материалами в 1945 году, внимание работников ГВП было привлечено личностью бывшего Помощника Начальника Караульной команды ДОН – Павла Спиридоновича Медведева, 1890 г.р., уроженца Пермской губ. Следует также сказать, что одной из главных причин «Пермской катастрофы» в декабре 1919 года официальными советскими историками всегда считался захват моста через р. Каму в ходе стремительного зимнего наступления войск Уфимского правительства на Пермь. Ответственным же за уничтожение этого самого моста был назначен П.С. Медведев, который и должен был произвести его взрыв при приближении неприятеля. Взрыва, как ни странно, не последовало, однако это обстоятельство отнесли на счет нарушения целостности электрической цепи в результате повреждения одного из проводов, подключенных к так называемой «адской машинке». Считалось также, что П.С. Медведев после неоднократной неудачной попытки взорвать мост скатился под него в самый последний момент и впоследствии был схвачен белогвардейцами. Однако, ознакомившись с документами следствия, работникам прокуратуры стало ясно, что П.С. Медведев

вовсе не был схвачен, а сдался в плен добровольно. Мало того, после своей добровольной сдачи коммунист П.С. Медведев продолжил службу в должности санитаря в Эвакуационном пункте № 139 (относящемся к одному из военных госпиталей вражеской армии). А будучи разоблаченным, давал на следствии самые подробные показания об убийстве Царской Семьи, без всякого на то принуждения со стороны, называя виновных в этом лиц. В это же самое время в Москве в качестве преподавателя Кафедры истории ВКП(б) в Высшей школе НКВД СССР работал один из участников расстрела Царской Семьи – Михаил Александрович Медведев (Кудрин), 1891 г.р., также уроженец Пермской губ. А так как П.С. Медведев был практически одного возраста со своим однофамильцем и так как он принимал участие в совершении этого преступления (к этому выводу пришло белогвардейское следствие), у работников ГВП возникло серьезное подозрение в том, что П.С. Медведев и М.А. Медведев – одно и то же лицо. Причем весьма примечательным оказалось то, что рвение чинуш от юстиции не охладило даже сам факт смерти П.С. Медведева, который (как это следует из материалов Предварительного Следствия Н.А. Соколова) еще с 25 марта 1919 года числился умершим от сыпного тифа во время своего заключения в Екатеринбургском Тюремном Замке. А в своем стремлении разоблачить еще одного «затаившегося врага» (благо, накопленный за войну опыт был огромен) работники ГВП составили соответствующее представление, которое незамедлительно было направлено в компетентные органы, в соответствии с которым таковые начали по нему самую тщательную проверку. В ходе этой проверки осенью 1945 г. в УНКГБ по Свердловской области был вызван еще один царевубийца – П.З. Ермаков, который и разъяснил эту «запутанную» ситуацию, вследствие чего все подозрения в отношении М.А. Медведева (Кудрина) были полностью сняты.]. После чего, видимо, решил несколько упорядочить свою подлинную биографию в более правильную сторону.

Так, по представленным им сведениям, он с декабря 1912 по май 1913 года работал слесарем и машинистом на частной мельнице в Кунгуре. С мая 1913 по сентябрь 1916 года – слесарем частных мастерских в Сылве, после чего по декабрь 1917 г. – на Аффинажном заводе [26 - Аффинажный завод – производство, занимающееся металлургическим процессом получения благородных металлов высокой чистоты путем их разделения и отделения загрязняющих примесей. В данном случае имеется в виду первый в России Екатеринбургский частный платиново-аффинажный завод, принадлежавший Акционерному Обществу Николо-Павдинского Горного Округа. Его постройка началась после получения соответствующего правительственного разрешения, последовавшего 14 мая 1914 г. В соответствии с полученными договоренностями это производство специализировалось на выпуске черновой платины общим объемом не более 450 пудов в год (7,2 т). В 1915 г. завод выдал первую продукцию под руководством его Главного инженера Н.Н. Барабошкина. Однако с началом Гражданской войны работа этого предприятия была остановлена из-за отсутствия поставок сырья.] в Екатеринбурге.

Не менее интересные биографические сведения о жизни П.З. Ермакова опубликовал уральский краевед Е.М. Бирюков, который в своей статье «Фотограф «Товарищ Маузер» [27 - Бирюков Е.М. Фотограф «Товарищ Маузер». Журн. «Уральский следопыт». 1979. № 10, с. 78.] сообщает нам о том, что по отбытию высылки в Вельске Ермаков в декабре 1912 года возвращается в Екатеринбург. Но поступить вновь на работу в ВИЗ для него становится проблематичным: как лицо неблагонадежное, он числится в черных списках. Однако со временем П.З. Ермакову все же удается найти работу в качестве агента по продаже в рассрочку швейных машин известной Компании «Зингер», которая дает ему возможность посещать многие квартиры, в числе которых были и конспиративные. А еще Петр Ермаков по заданию Екатеринбургского Комитета РСДРП разносил небольшую материальную помощь семьям тех лиц, которые были арестованы по политическим мотивам. И подтверждением этому – воспоминания давнего друга и товарища П.З. Ермакова А.И. Медведева:

«Услышав последние слова Ильи (брата А.М. Медведева. – Ю.Ж.), я вспомнил аккуратного черноглазого человека с чемоданчиком, которого называли «агент компании «Зингер».

Когда Илью сослали в Сибирь, сестра, оставшаяся с двумя ребятишками, стала брать шитье на дом. Весь день она стучала на швейной машинке, на которой золотыми буквами было написано «Зингер», а меня мать отправляла посмотреть за двумя пискунами. (...)

И вот именно тогда время от времени в дом стал заходить этот самый черноглазый молодой человек с чемоданчиком. Сестра уважительно называла его Петром Захаровичем. Он каждый раз долго копался в машине, смазывал ее, а потом, усевшись за стол, что-то записывал в потрепанную книжонку. Проводив его, сестра быстро одевалась и убегала в лавочку, откуда всегда возвращалась с покупками. Это казалось удивительным: ведь только-только она ломала голову, где взять денег?

Но однажды я услышал, как Петр Захарович говорил в кухне сестре:

– Возьмите. Сегодня только пять рублей. А поправится дело, донесу еще.

Товарищи просили кланяться.

Помню, что я воротился домой обеспокоенный и поспешил поделиться с матерью:

– Мам, а нашей Марье Петр Захарович деньги носит. Сегодня пять рублей дал и сказал, что еще донесет...

Но мать прикрикнула на меня:

– Всюду-то лезешь со своим носом!.. Не вздумай еще кому такое сказать.

Померещилось тебе.

– Ничего не померещилось! – вознегодовал я.

– Ну и молчи, сказала тебе! – и перекрестилась на иконы в углу: – Пошли ему,

Господи, доброго здоровья.

– Это кому же? – спросил вошедший в кухню отец.

– Петру Захаровичу! – закричал я, обрадованный собственной догадливостью.

– Просто Захарычу, – сердито поправил отец. – Захарыч правильный человек, что

и говорить, пожелать ему доброго здоровья не грех. Все они, Ермаковы, правильные люди – и отец и сыны.

Вскоре после этого странный агент компании «Зингер» исчез. Позже я узнал, что он сидит в тюрьме за «политику» [28 - Медведев А.И. По долинам и по взгорьям. М., Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1960, с. 32, 33.].

А далее Е.М. Бирюков уверяет, что: «Потом Ермаков вдруг открыл на Опалихе (так называли тогда жилой район Верх-Исетского завода) фотографию. Из заказов предпочитал миниатюры – они очень подходили к липовым документам подпольщиков. Но фотозаведение вскоре привлекло внимание жандармов. Дело пришлось свернуть, и Ермаков уезжает в Кунгур, где стал работать в фотографии Д. Долгушева. Сохранился ряд снимков той поры, они сделаны Ермаковым по всем правилам тогдашней светописы» [29 - Бирюков Е.М. Фотограф «Товарищ Маузер». Журн. «Уральский следопыт», 1979, № 10, с. 78.].

Версия, безусловно, красивая. Фотограф – Яков Юровский, фотограф – Петр Ермаков. Но, к сожалению, несостоятельна, так как наш герой никогда не был владельцем собственной фотографии. Да к тому же и его общий эстетический уровень вряд ли позволил бы снискать успех в таком непростом деле, требующем определенного понимания чувства прекрасного...

Тем более что, заполняя одну из анкет, относящуюся к 40-м годам, П.З. Ермаков прямо указывает, что с декабря 1912 по май 1913 года работал в Кунгуре слесарем и машинистом на частной мельнице, а затем до сентября 1916 г. в частных мастерских Сылвы. Во всех же остальных (более ранних) своих автобиографиях, он указывает на то, что прибыл в Екатеринбург прямо из ссылки, из которой его освободили события Февральской смуты.

Далее уже сам П.З. Ермаков пишет, что с сентября 1916 по октябрь 1917 года работал в Екатеринбурге слесарем на Аффинажном заводе. Однако сведения эти указывает лишь в одной из своих анкет. А это, в свою очередь, наводит на мысль об очередном лукавстве Петра Захаровича. Ибо вряд ли мог работать П.З. Ермаков на Екатеринбургском платино-аффинажном заводе – предприятии строго режимном, куда в условиях военного времени, деятелям «надежности ермаковского типа» был в принципе закрыт доступ для трудоустройства. И к тому же в данном случае его легенда об «отбытии наказания на каторге» имела бы меньший «успех»: ибо с чего бы это он раньше срока мог объявиться в городе? Если сбежал, то, значит, должен быть на нелегальном положении, а не трудоустроившись, да еще на столь серьезное в режимном плане предприятие, все работники которого проходили при поступлении повсеместную проверку...

Посему, вероятнее всего, П.З. Ермаков не работал на этом заводе, а вернулся в родной Екатеринбург после февральских событий уже с заготовленной для товарищей легендой «политкаторжанина».

И надо сказать, что на эту удочку попался и генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, который, рассуждая о личности П.З. Ермакова и его роли в деле убийства Царской Семьи, писал:

«Амнистия, дарованная Керенским, освобождает П.З. Ермакова от каторги, а дальше он уже самостоятельно покидает место ссылки и возвращается к себе на Верх-Исетский завод. Здесь он вступает в ряды в то время еще тайных агентов будущей советской власти, куда-то часто уезжает, получает откуда-то крупные деньги и усиленно занимается скупкой оружия» [30 - Дитерихс М.К. Указ. соч., с. 287.].

Летом 1917 г. П.З. Ермаков принимает активное участие в формировании красногвардейских отрядов города Екатеринбурга, к 4-му району которого тогда относился Верх-Исетский завод [31 - Летом 1917 г. поселок Верх-Исетского завода являлся пригородом Екатеринбурга и не имел статуса городского района. Однако неофициально он все же считался таковым и именовался как 4-й район Екатеринбурга.], а по окончании формирования отряда Красной Гвардии в своем родном поселке избирается его командиром.

Сразу же после Октябрьского переворота П.З. Ермаков становится одним из самых активных большевистских деятелей в поселке Верх-Исетского металлургического завода, так как еще с весны 1917 года состоит членом Районного и Городского комитетов РСДРП(б), а также возглавляет в своем районе Земельный Комитет ВИЗ. (Должность председателя этого комитета предоставила ему и его людям практически безнаказанную возможность расстрелов на месте без суда и следствия всех тех, кто был хоть сколько-нибудь не согласен с проводимой им дележкой земельных угодий.)

В конце декабря 1917 года П.З. Ермаков во главе сводного Екатеринбургского отряда Красной Гвардии направляется на так называемый «Дутовский фронт», где участвует в боевых операциях. Но уже в феврале 1918 года его отряд (именуемый теперь как 1-й Сводный Революционный Отряд) отзывают назад в Екатеринбург, где бросают на новый участок работы, суть которой заключается в проведении карательных экспедиций местного значения.

Весной этого же года П.З. Ермаков во главе своего отряда вновь направляется на «Дутовский фронт», где вступает в командование 2-й Уральской дружиной, сформированной из рабочих-добровольцев 4-го района Резерва Красной Армии.

Участвуя в боях на Челябинском направлении, он получает пулевое ранение в живот и до конца апреля 1918 года находился на лечении в госпитале города Троицка, после чего переводится в один из екатеринбургских стационаров.

В мае 1918 года он назначается Военным комиссаром 4-го района Резерва Красной Армии Екатеринбурга [32 - 4-й район резерва Красной Армии являлся воинской структурой 4-го района Екатеринбурга и находился в подчинении Центрального Штаба Красной Гвардии города Екатеринбурга.], должность которого позволяла ему проявить себя с должным размахом.

«Ермаков, – писал М.К. Дитерихс, – выявил свою деятельность рядом невероятных зверств над своими же поселковыми и заводскими жителями. Он окружил себя подобными себе убийцами по натуре и стал грозой для всех окрестных жителей Верх-Исетского завода. Худой, с застывшим лицом, мертвыми,

висевшими прямыми нитями волосами как бы плохого парика, он был, как говорили несчастные обитатели окрестных хуторов и заимок, «сама смерть»» [33 - Дитерихс М.К. Указ. соч., с. 287.].

Как Военный комиссар Верх-Исетского завода П.З. Ермаков имел в своем непосредственном подчинении специальный отряд красногвардейцев численностью 19 человек [34 - Список этих людей приводится Н.А. Соколовым в его книге «Убийство Царской Семьи»]. А его ближайшим помощником на то время становится бывший балтийский матрос С.П. Ваганов [35 - Уроженец поселка Верх-Исетского завода Степан Петрович Ваганов (1886–1918) был призван на флот в 1910 г. Окончил Минно-торпедную школу в Кронштадте. Проходил службу на крейсере 2-го ранга «Азия». Матрос 2-й статьи. За проявленную храбрость в морских сражениях, при попытке прорыва германского флота в Рижский залив неоднократно отмечался в донесениях. Член РСДРП(б) с 1915 г. Впервые был арестован в 1916 г. за попытку пронести на корабль номер газеты «Пролетарский голос» Петроградского Комитета РСДРП(б). Был осужден на 6 месяцев. Наказание отбывал в Ревельской береговой тюрьме. До октября 1917 г. служил в команде сторожевого судна «Ворон». Дезертировал в ходе большевистского переворота и объявился в Екатеринбурге в январе 1918 г.].

Выписавшись из госпиталя в начале июня 1918 года, П.З. Ермаков вступает в командование отрядом, участвующим в подавлении Верх-Исетского восстания, после чего направляется в Невьянск с аналогичной задачей. Некоторых из руководителей этих восстаний расстреливает лично, о чем с гордостью вспоминает по прошествии лет:

«Были пойманы главари Аранс и учитель Пелехов, и ряд других главарей. Последние мной были уничтожены» [36 - ЦДООСО, Ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 12.].

И поэтому нет ничего удивительного в том, что именно этот человек был отобран партийным руководством Урала в команду палачей-добровольцев, изъявивших желание участвовать в расстреле Царской Семьи.

К личности П.З. Ермакова мы еще вернемся не раз, а сейчас, с позволения читателя, автор позволит себе сказать хотя бы несколько слов о еще одном участнике екатеринбургской трагедии – Якове Юровском.

Глава 4

«Надежнейший коммунист» Яков Юровский

В одном из своих многочисленных писем по поводу наведения порядка и организации должной работы в Гохране В.И. Ленин назвал Я.М. Юровского «надежнейшим коммунистом». Как ни странно, но эта ленинская оценка на сей раз полностью соответствовала истине, так как, куда бы ни посылала партия Якова Юровского и на какие бы посты ни выдвигала, он всегда и везде неуклонно выполнял ее волю.

Янкель Хаимович (после принятия лютеранства в 1904 г. – Яков Михайлович) Юровский родился 1 июля (19 июня) 1878 года [37 - Во многих источниках датой рождения Я.М. Юровского указывается 3 июля (21 июня) 1878 г. Однако это неверно, так как, по имеющимся сведениям Департамента полиции, мещанин г. Каинска Я.М. Юровский родился 19 июня (ст. ст.) 1878 г. А так как в XIX веке разница в датах между календарями старого и нового стиля составляет 12 дней, следовательно, датой рождения Я.М. Юровского по новому стилю следует считать 1 июля 1878 г.] в городе Томске в многодетной еврейской семье.

Его отец – Хаим Ицкович был сыном раввина и происходил из мещан Полтавской губернии. Сосланный в середине 1870-х гг. на поселение в Сибирь, он отбыл в ссылку вместе со своей супругой, поселившись вначале по месту назначенного ему предписания – в городе Каинске [38 - В 1935 г. город Каинск был переименован в город Куйбышев. (А всего в СССР имя В.В. Куйбышева было присвоено 11 городам, ранее носящим другие имена.) Ныне входит в состав Новосибирской области.]. Но в этом городе он долго не задержался и скорее всего не без помощи местной еврейской общины сумел перебраться в губернский Томск, где стал заниматься торговлей железным хламом и стекольными работами, которые приносили ему весьма скромный доход.

«Отец был стекольщиком, – напишет в 1922 г. позднее в своих воспоминаниях уже сам Яков Юровский. – Семья большая. Нужду терпели огромную» [39 - Юровский Я.М. Последний царь нашел свое место. Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3, оп. 58, д. 280. (Опубл. Исповедь цареубийц. Убийство Царской Семьи в материалах Предварительного Следствия и в воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления Составитель Ю.А. Жук. М., ООО «Издательский дом «Вече», 2008, с. 289.)], косвенно подтвердив тем самым, что его отец так и не сумел найти свое должное место в коммерческой жизни этого сибирского мегаполиса. А отсюда можно сделать предположительный вывод о том, что, памятуя о совершенном им ранее грехе, томская еврейская община просто не пожелала пойти навстречу своему новому члену и не приняла должного участия в его дальнейшей судьбе.

Мать – Эстер Моисеевна (рожд. Варшавская), также происходившая родом из Полтавской губернии, родилась в 1848 году и имела специальность швеи.

Строго соблюдая заветы веры отцов «плодиться и размножаться», в семье Юровских поочередно рождается восемь детей [40 - Это сыновья: Мойша (р. 1868), Пейсах (р. 1875), Янкель (р. 1878), Борух (р. 1879), Эле-Мейер (р. 1882), Лейба (р. 1888) и сестра Перла (р.?). Еще один, самый младший в семье ребенок, умер в малолетстве.], в числе коих Янкель был третьим ребенком.

Летом 1884 года родители определяют шестилетнего Янкеля на учебу в низшее иудейское учебное заведение – хедер, в каковых в конце XIX – начале XX вв. обучались все дети евреев. Занятия в нем проводил меламед (учитель), собирая обучаемых в помещении «каминерской» молитвенной школы «Талмуд-Тора» [41 - В книге Н.А. Соколова «Убийство Царской Семьи» это учебное заведение

ошибочно названо «школой «Талматейро». Хотя ее правильное название – «Талмуд-Тора». Однако не следует забывать, что на разных еврейских диалектах слово «Тора» звучит по-разному. Так, на ашкеназском – юго-восточном диалекте (в Польше и в Украине) оно произносится как «Тойра», а на северо-восточном (в Белоруссии и Литве), как «Тэйро». Посему человек, произнесший его на следствии, вероятнее всего, просто «проглотил» окончание в слове «Талмуд», результатом чего и появилось это неверное словосочетание.], перенесенной в 1881 году в специальное помещение, купленное для этой цели томским купцом 2-й гильдии М.М. Каминером, в Подгорном переулке. Главное внимание в ней уделялось изучению Талмуда и Торы. Помимо таковых в этой школе преподавали азы математики, а также обучали ивриту и идишу. Отдав учебе полтора года, Янкель Юровский получает единственное в своей жизни образование: не сумев окончить и 1-го отделения (два класса) этого начального учебного заведения, он отчисляется из него в декабре 1885 года, видимо, за то, что не проявил к учебе должного прилежания. А может быть, педагоги просто не увидели в юном Янкеле задатков будущего раввина, которой в дальнейшем смог бы пойти по стопам своего деда... Однако, как бы там ни было, вся трудовая жизнь Янкеля Юровского начинается именно с этого времени.

Следующим жизненным этапом нашего «героя» стала первая в его жизни трудовая деятельность на Дрожжевом заводе братьев Корневских, куда он был отдан отцом для работы «мальчиком на побегушках». На этом предприятии он проработал до 1888 года, то есть по достижении 10-летнего возраста, после чего был отдан в обучение портняжному делу в пошивочную мастерскую Рабиновича. (К этому времени семья Юровских переезжает на новое место жительства – в дом Дондо [42 - Абрам Эфраимович Дондо был крупным скотопромышленником и торговцем мяса в Томске и губернии, одновременно являясь основным поставщиком мяса для еврейской общины города. А его родной брат Моисей держал трактир в принадлежавшем ему доме. В 1912-м А.Э. Дондо состоял старостой каменной синагоги Томска на Магистратской улице.], расположенный в центральной части города на Миллионной улице).

«В далекой Сибири, в городе Томске в 1886–1887 гг., – писал далее Я.М. Юровский в своих воспоминаниях, – сидя летом на бревнах во дворе, размышлял о том, что плохо живется на свете. Думал, как бы это добраться к царю и рассказать ему о том, как плохо живется. Но рассказать так, чтобы он думал, что этот голос исходит откуда-то с неба. Мне было 7–8 лет. Мы жили на «Песках», так называлось предместье, которое ежегодно во время половодья затоплялось. Мы занимали в подвальном этаже небольшую квартирку на Миллионной улице в доме Дондо. Хозяин, мясник, жил наверху, а на улицу выходило лавочное помещение, где был кабак родственника хозяина» [43 - Юровский Я.М. Указ. соч. (Опубл. Исповедь царубийц, с. 289.)].

Оказавшись среди богатых соплеменников, маленький Янкель довольно быстро начинает остро осознавать социальную несправедливость, в связи с чем как-то

спросил свою мать:

«Почему это мы должны жить в таком подвале, который заливают водой, а дети хозяина (Абрама. – Ю.Ж.) и его родственника кабатчика (Моисея. – Ю.Ж.) живут наверху в хороших условиях». Мать отвечала: «Лучше жить бедным, но честным» [44 - Там же.].

Но ее ответ его несколько не удовлетворил, и он продолжал одолевать ее новыми вопросами:

«Почему к синагоге богатый еврей имеет право подъезжать на лошади в праздник, тогда как евреям это запрещено...» И на этот вопрос я от матери получал ответ: «Так как он приносит пожертвования, то ему это простительно». Я тогда тоже подумывал: «Великая штука, если бы у меня были деньги: не пожалел бы и с удовольствием дал другим». С тех пор подобные мысли меня не покидали (и я очень желал выхода из тяжелого материального положения» [45 - Там же.].

Не позднее июля 1889 года Янкель Юровский уже самостоятельно поступает учеником в часовой магазин Пермана. И работая именно в этом магазине, располагавшемся на Почтамтской улице, он 5 июля 1891 года [46 - Дата указана по старому стилю.] становится свидетелем проезда через Томск 23-летнего Наследника Цесаревича Николая Александровича – будущего Императора Николая II.

В этих же воспоминаниях Я.М. Юровский писал:

«В 1891 г. Николай совершал мировое путешествие [47 - 23 октября/4 ноября 1890 г. Наследник Цесаревич и Великий Князь Николай Александрович отправился в длительное путешествие вокруг Азии. Морская часть маршрута начиналась в Италии, где Наследник Цесаревич и сопровождающие Его лица, разместившись на борту фрегата «Память Азова», отправились в Италию. Из Италии фрегат проследовал в Египет, оттуда – в Японию, делая длительные остановки в Индии (с заходом на о. Цейлон), Индонезии – Батавии (о. Ява), Сиаме, Сайгоне (Французский Индокитай), Гонконге, Ханькоу, Шанхае (Китай) и пр. Конечной точкой маршрута стал Владивосток, куда Наследник Цесаревич прибыл 11/23 мая 1891 г. и 19/31 мая присутствовал при закладке памятника Адмиралу Г.И. Невельскому, а также закладке главной железной дороги России – Уссурийского участка Сибирской магистрали и здания железнодорожного вокзала на ст. «Владивосток». Из Владивостока обратный путь Наследника Цесаревича проходил уже сухопутными и речными путями через бескрайние сибирские просторы с остановками во всех крупных городах – Хабаровск, Благовещенск, Нерчинск, Чита, Красноярск, Томск, Тобольск, Сургут, Омск, Оренбург и Москва, откуда Он прибыл в Санкт-Петербург 4/16 августа 1891 г. Именно во время возвращения в столицу Его путь лежал через губернский Томск, где Я.М. Юровский впервые имел возможность увидеть будущего Государя.]. Он проезжал по Сибири и ехал в Томск. Все ждали и готовились к встрече наследника престола.

Я тогда учился часовому делу. Видя все приготовления, они меня захватили, хотя особенной тяги видеть наследника как будто не было. Ребята готовились влезать на

крыши, чтобы видеть наследника. Я думал, что если увижу, никуда не лазая, то посмотрю, а если не увижу, так что же?

В назначенный день наследник Николай приехал.

Магазин, где я учился часовому делу, был на Почтамтской улице, на самой большой улице города, которая вела к губернскому (губернаторскому. – Ю.Ж.) дому. Таким образом, я имел возможность наблюдать из окон и ворот дома, как проезжает процессия. Помню как сейчас, наследник с маленькими бакенами, красивый. Кругом много крестьян на лошадаках, с мешками за плечами. Один крестьянин на худой лошадаке, мчавшийся за хорошими рысаками, на которых ехал наследник, с размаху ударился об угловую магазин Корнакова и расшибся вместе со своей лошадей. Наследника провожала свита, особенно гарцевал один грузин. Наследника в Томск, то есть последний перегон, вез один содержатель постоянного двора – еврей, который на тройке вороных и примчал наследника в город. Вызывало тогда немало разговоров, что наследник решил ехать на еврейских лошадах и еврей сам же управлял этой тройкой. Тогда же рассказывали, что наследник пробовал у этого еврея приготовленный еврейский пряник и другие кушанья.

Торжество было огромное. Все придавали огромное значение тому, что в момент проезда наследника погода стояла замечательная, что когда наследник выходил на балкон губернаторского дома, дождик только брызнул и уложил пыль, и день был превосходный. Везет же таким великим людям, как наследник. Таково было мое первое знакомство с царствующим домом и Николаем» [48 - Юровский Я.М. Указ. соч. (Опубл. Исповедь царевубийц, с. 289.)].

Проработав в Томске до сентября 1892 года, Янкель Юровский незадолго до закрытия навигации переезжает в Тюмень, где продолжает свою трудовую деятельность в аналогичной должности у разных лиц. Скорее всего вдали от неусыпного взора родителей и местной общины он именно в Тюмени впервые и знакомится с идеями социал-демократов, потому как в конце лета 1893-го или 1894 г. он приезжает в отпуск домой, затевает «диспут о царях» со своим отцом – человеком верующим и нрава крутого.

«Лет 15–16-ти, – продолжает Я.М. Юровский, – однажды в праздничный день, сидя за обедом, в нашей семье поднялся вопрос о царях. Отец был довольно строгий и не терпел возражений со стороны детей. Он восхвалял Николая Первого, что тот, дескать, дубинкой умел учить народ. Я не выдержал и вступил в спор, что ничего хорошего в Николае не было...

Отец не выдержал. Пустил в меня вилкой. Я ушел и целых два дня дома не был.

Вот так вот я познакомился с царствующим домом и с живыми и с покойниками...» [49 - Там же, с. 290.]

Получив специальность часовщика, Янкель Юровский в мае 1895 года, то есть с началом открывшейся навигации, возвращается в родной Томск, где в течение двух лет работает подмастерьем по найму у разных лиц. Не заработав желаемых денег, он ударяется в революционную борьбу, выразившуюся поначалу в выдвижении

требования за фактическое проведение в жизнь 12-часового рабочего дня среди часовщиков. Таким образом, Я.М. Юровский именно в Томске (а не в 1905 г. в Екатеринодаре, как он впоследствии указывал в своих многочисленных автобиографиях) впервые вступает на путь революционной борьбы, влившись в ряды такой только что народившейся в России политической организации социал-демократического толка, как Всеобщий Еврейский Рабочий Союз («Бунд»), который с конца XIX в. начинает свое стремительное продвижение в глубь России.

В конце 1898 года несовершеннолетним юношей двадцати лет Янкель Хаимов Юровский предстает перед Томским Окружным Судом и в течение двух лет отбывает наказание за «непредумышленное убийство» в Томском Губернском Тюремном Замке [50 - На этот факт указывает справка, полученная из Архива революции и внешней политики, находящаяся в личном деле Я.М. Юровского как члена ВОСБ. Однако какие-либо подробности этого дела до сих пор не изучены исследователями, так как архив Томского ГЖУ был подожжен и сгорел во время революционных беспорядков в феврале 1917 г.].

Выйдя на свободу в 1900 году, он покидает Томск и едет в Тобольск, где живут родственники жены его старшего брата Пейсаха (Петра), женатого на местной жительнице Гуревич. Пробыв в этом городе некоторое время, он перебирается в Каинск, где в то время живет его младший брат Эле-Мейеру (Илья). Проживая в Каинске, Янкель Юровский знакомится со своей будущей супругой – Маней Янкелевой, в которую он влюбился, что называется, с первого взгляда. Но предмет его страсти – замужняя женщина, имеющая к тому же малолетнюю дочь Ребекку. А вдобавок ко всему ее муж – известный в городе коммерсант Канигер отбывал в то время наказание за совершенное им преступление – растрату. Маня ответила взаимностью, но, несмотря на возникшее между молодыми людьми чувство, они не могли взять и вот так сразу начать свою новую семейную жизнь. Ибо их браку, в первую очередь, мешало главное – замужество Мани. К тому же и сама Маня долго не могла решиться на развод из-за своего довольно щекотливого положения: не жены и не вдовы. И тем не менее Янкель Юровский, пренебрегая, что называется, «мнением света», в конечном итоге склонил Маню к сожителству, что, конечно же, не могло не вызвать гнев и возмущение местной еврейской общины, с которой та была связана самыми тесными узами.

Не желая отступить от своей возлюбленной и в то же время не зная, как ему поступить в данном случае, Я.Х. Юровский, как человек, далекий от веры своих предков, решает обратиться за советом к графу Л.Н. Толстому, которого выбирает в качестве своего судьи. В 1901 г. он пишет ему письмо, на которое получит ответ лишь в 1903 году [51 - Текст письма Я.М. Юровского, равно как и время его отправки, до сих пор не известны. Однако между его написанием и получением ответа должно было пройти никак не менее одного года.]. Текст письма Я.Х. Юровского до сих пор не известен. Но из ответа на него графа Л.Н. Толстого можно понять, в чем, собственно, заключалась его суть. Так, в частности, он (будучи к тому времени уже отлученным от Церкви) писал:

«Милостивый государь Яков Михайлович!

Я думаю, что человек, вступивший в плотскую связь с женщиной, не может и не должен оставить ее, тем более когда есть или может быть ребенок. Думаю тоже, что во всех нравственных вопросах человек должен руководствоваться только тем, что он по совести, т. е. перед Богом, должен делать... И поэтому в Вашем деле советую Вам поступить так, как Вы поступили, если бы знали, что завтра должны умереть.

Желаю Вам всего хорошего, самое лучшее, что может быть для человека, – это то, чтобы поступать по-Божьи.

Л. Толстой. 1903 г.» [52 - Текст этого письма впервые был опубликован в ПСС Л.Н. Толстого, выпущенного в 60-е годы.// Л.А. Лыкова, В.Б. Малкин. «Каин из города Каинска». Газ. «Час пик», № 179 (908) 1997 3 декабря, с. 14.]

Приняв к сведению совет графа Л.Н. Толстого (осветившего проблему Я.Х. Юровского в совершенно новом для него свете христианской морали), он и Маня решают уехать подальше из Каинска. Для этой цели они через Харбин выезжают в строящийся город Дальний (Далынь), расположенный в терминале КВЖД, неподалеку от Порт-Артура. Ибо в Харбине с недавнего времени осел вместе со своей многодетной семьей его старший брат Моисей. Здесь Янкель Юровский впервые пытается наладить собственный бизнес и, по имеющимся сведениям, в 1903 году открывает там свой собственный магазин. Но надвигавшаяся Русско-японская война 1904–1905 гг. нарушает все его планы. Дело пришлось продать, и, покинув Дальний Восток, сделать совершенно неожиданный ход: он и его избранница решают, изменив вере отцов, обратиться в Христианство.

Для этой цели Я.Х. Юровский в начале 1904 года уезжает в Германию, куда через некоторое время приезжает и Маня. Остановившись в Берлине у одного из родственников Юровского, они, к удивлению последнего, принимают христианско-евангелическое вероисповедание, то есть становятся лютеранами. Вследствие совершенного над ним Таинства Крещения Юровский теперь уже совершенно официально изменит свое имя Янкель на Яков, переимав также и отчество на Михайлов вместо исконного – Хаимов. И теперь уже на совершенно законных основаниях именуется Яковом Михайловичем Юровским. Примеру своего суженого последовала и Маня, изменив также свое исконное имя Маня – на Марию, а отчество Янкелева – на Яковлевну.

После этого им уже ничто не мешает соединиться, и Яков Юровский становится законным супругом Марии, обвенчавшись с ней в одном из евангелистских храмов немецкой столицы [53 - В связи с этим обстоятельством было бы уместным привести выдержку из книги Р. Вильтона «Последние дни Романовых», которая наглядно показывает, сколь далеки от истины бывают подчас некоторые «верные источники»: «Было известно также, что он состоял в связи с одной немкой, которая не захотела за него выйти замуж из-за религии. По этой ли причине или потому, что он видел в том способ преуспеть в жизни, но Янкель в Берлине крестится по лютеранскому обряду, после чего начал официально называться Яковом. Имя отца он переделал на Михаила и стал Яковом Михайловичем. Лицо его не выдавало его

происхождения. Он сходил за настоящего русского». Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин, Издание Книжного Магазина «Градъ Китежъ», 1923, с. 21.] [54 - В некоторых своих анкетах Я.М. Юровский писал, что с 13 лет был неверующим, за границей никогда не был и иностранных языков не знает. Но это, как видит читатель, не соответствует действительности. Так как по крайней мере один язык – немецкий разговорный он, как и большинство евреев того времени, знал довольно неплохо.].

Повествуя о Я.М. Юровском, многие исследователи ошибочно считают, что во время событий Революции 1905 года Я.М. Юровский ездил в Америку, откуда якобы привез целое состояние, на которое по прибытии в Россию смог открыть собственное дело – часовой магазин. Однако эти досужие домыслы никоим образом не соответствуют реальной действительности. Так как с началом революционных волнений в Северо-Американские Соединенные Штаты отбыл его старший брат Пейсах, в чем можно легко убедиться, ознакомившись с делом Томского Губернского Управления Государственной охраны «О подозрительных лицах Юровском и Ильмере» (август – октябрь 1919 г.).

Возвратившись в Россию весной 1904 года, Юровские выбирают для жительства совершенно новый для них обоих город Екатеринодар (с 1920 г. – Краснодар), где их никто не знает и где Яков некоторое время работает часовщиком, не забывая при этом посещать большевистские митинги и социал-демократические кружки.

Готовясь стать матерью, Маня вместе с Яковом переезжают в Батум, где проживают ее родители и где у них рождается первенец – сын Александр. (Их второй сын – Евгений рождается уже в Томске в 1909 году.)

Не позднее весны 1905 года семья Юровских возвращается в Томск, где в августе этого же года ее глава записывается в члены РСДРП, делу которой остается верен до конца жизни.

В своей автобиографии, датированной сентябрем 1923 года, Я.М. Юровский указывал, что, пребывая в партии в качестве рядового члена, «...выполнял технические работы: хранение, распространение нелегальной литературы, изготовление паспортов, печати для паспортов и для организаций, приискание квартир. Имел явочную квартиру у себя. Вел профессиональную и пропагандистскую работу среди ремесленников-рабочих» [55 - Автобиография члена партии с 1905 г. Я.М. Юровского. ГА РФ. Ф. 539, оп. 3, д. 9269, л. 2.]. И при этом ни словом не обмолвился о своем личном участии в уличных беспорядках, происходивших в Томске с 20 по 22 октября 1905 года... [56 - На следующий день после опубликования Высочайшего Манифеста от 17 октября 1905 г., даровавшего Русскому Народу более широкие права и свободы, в городе активизировалось большевистское подполье и прочие силы социал-демократического толка, открыто призывающие к массовым беспорядкам под лозунгом свержения Самодержавия. 20 октября 1905 г. на Соборной площади Томска собрался многотысячный стихийный митинг демократически настроенных граждан (в основном из числа интеллигенции и студенчества), на котором выступавшие, всяк на свой манер, обсуждали эту

новость, породившую множество слухов. Другая же часть населения в ознаменование этого исторического события, соединившего в себе Божью Волю и Монаршую Милость, попыталась организовать Крестный ход с хоругвями и иконами. В ходе такового произошло неизбежное столкновение всех оказавшихся в то время на улицах. Причем как с одной, так и с другой стороны. С целью прекращения беспорядков и восстановления былого спокойствия в центральную часть города были стянуты войска численностью до нескольких рот, усиленные казачьей сотней. В свою очередь, охранявшие митинг силы местной самообороны (милиции) из числа самовольно вооружившихся граждан стали оказывать активное сопротивление силам правопорядка, в результате чего на некоторых участках улиц даже произошли короткие перестрелки. Теснимые все дальше и дальше от центра, силы местной самообороны решили забаррикадироваться в здании Управления Томской железной дороги, где в то время уже находилось около 400 бастовавших рабочих-путейцев, ст. «Тайга», пришедших требовать свое жалованье. Укрывшись в нем, бунтовщики не успокоились и продолжали вести стрельбу из окон, причем уже не только по военным, но и по мирным гражданам. Озверевшая толпа решила взять здание штурмом, а после нескольких неудачных попыток подожгла его. Всех же тех, кто пытался спастись от огня, выпрыгивая из окон, убивала на месте без разбора...]

Однако в изданной в 1972 году в Свердловске книге Я.Л. Резника «Чекист» (Повесть о Я.М. Юровском) [57 - Резник Я.М. Чекист. Повесть. (О Я.М. Юровском.) Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1972.] прямо указывается на его непосредственное участие в этих беспорядках. Причем не просто участия, а участия самом активном, выразившемся «в стрельбе по черносотенцам», за что он якобы был даже впервые в жизни арестован, но, как водится, в дальнейшем отпущен за недоказанностью...

Но вот что интересно!

Вступив в РСДРП и числившийся в составе ее томской группы, Я.М. Юровский довольно быстро сводит знакомства с такими большевиками, как С.М. Киров (Костриков) и В.В. Куйбышев, ставшими впоследствии видными деятелями партии и правительства СССР. Причем на момент приема Я.М. Юровского в партию С.М. Киров был всего лишь как месяц избран членом Томского Комитета РСДРП. А с В.В. Куйбышевым Я.М. Юровский познакомился не ранее апреля 1907 года, когда последний был выслан под надзор полиции в город Каинск, где проживали его родители. Но, не доехав до места назначения, «застрял» в Томске, где влился в местную партийную организацию, выполняя в ней поначалу скромную роль агитатора.

Общаясь с членами томского подполья, Я.М. Юровский наиболее тесно сходитя с Е.У. Белопашенцевой (в дальнейшем известной советской писательницей-мемуаристкой, более известной под фамилией Е.У. Белопашенцевой-Пиньжаковой) и Н.Г. Сорокиным – одним из организаторов восстания в Камышине в 1906 году, осужденным за это преступление на 20 лет каторги, но сумевшим бежать из-под

ареста и жить на нелегальном положении в Томске. В свою очередь, Н.Г. Сорокин познакомил Я.М. Юровского с М.А. Герцманом, проживавшим в Томске на нелегальном положении, который впоследствии даст ему рекомендацию для вступления во Всесоюзное Общество Старых Большевиков [58 - В одном из своих посещений Санкт-Петербурга автору настоящего издания удалось посетить Музей-квартиру С.М. Кирова, в экспозиции которого было выставлено фото, запечатлевшее Я.М. Юровского в группе участников революционного движения в Сибири в 1905 г. Наряду с такими известными партийными руководителями, как С.М. Киров и В.В. Куйбышев, на ней были также запечатлены М.А. Герцман, Е.У. Белопашенцева-Пиньжакова, а непосредственно рядом с самим Я.М. Юровским – Н.Г. Сорокин.].

Доподлинно известно, что по прошествии событий революции 1905 года и последующего за ней периода реакции, длившегося еще несколько лет, то есть к тому времени, когда угроза погромов еврейских магазинов и лавок полностью миновала, Я.М. Юровский открывает свой собственный «Магазин часов и поделочных камней», располагавшийся в доме купца Диомида Шадрина, расположенного на углу Почтамтской улицы и Подгорного переулка. (Думается, что произошло это не позднее 1910 года [59 - «Магазин часов и поделочных камней Я.М. Юровского» упоминается в справочном издании «Вся Россия» за 1912 г.].) Уже из самого названия этого торгового учреждения ясно, какой, собственно говоря, товар продавал Я.М. Юровский – часы и поделочные (полудрагоценные) камни, поставку которых осуществлял, вероятнее всего, его брат Моисей из города Дальнего, равно запасные части, необходимые для ремонта часов, производившегося в этом же магазине.

Со слов допрошенного в 1919 году родного брата Я.М. Юровского – Лейбы (Леонтия), на описываемый выше период: «Он был уже богат. Его товар в магазине стоил по тому времени тысяч десять» [60 - Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. М., Изд-во «Сирин», 1990, с. 171.].

Но откуда на него свалилось это богатство, до сих пор неизвестно, равно как неизвестно и то, насколько «нечаянным» было убийство 1898 году. В Томске Яков сначала открывает часовую мастерскую, а затем, видимо, не ранее 1910–1912 года, и упомянутый выше магазин.

В свою очередь, желая внести свой вклад в материальное благополучие семьи, М.Я. Юровская оканчивает Акушерские курсы («Повивальный институт») при Томском родильном доме и начинает заниматься частной акушерской практикой.

В первое время своего пребывания в партии Я.М. Юровский выполняет «технические» (рутинные, по его словам) работы в качестве ее рядового члена. Причем слово в слово повторяет строчки, написанные им в биографии 1923 года: «В качестве рядового члена партии выполнял ...» [61 - ГА РФ. Ф. 539, оп. 3, д. 9269, л. 2.].

Длительное время Я.М. Юровскому удавалось скрывать свою конспиративную деятельность. Однако с началом зимы 1910 года он начинает привлекать внимание

Томского Губернского Жандармского Управления, так как начиная с середины 1911 года он несколько раз выезжал в Нарымский край, расположенный в северной части Томской губернии. Будучи допрошенным, он пояснил, что необходимость этих поездок была связана исключительно с желанием ознакомления с таким новым для него видом коммерции, как торговля осокорем [62 - Осокорь – растение семейства Ивовые, вид рода Тополь.], который он в дальнейшем планировал поставлять в районы Поволжья. В свою очередь, это обстоятельство не могло не вызвать интереса у местных жандармов, так как в близлежащем с Чулымским Парабельском уезде находилось село Нарым, куда ссылались на поселение многие видные политические преступники, среди которых в указанный временной период отбывали ссылку Я.М. Свердлов и Ф.И. Голощекин.

Не подлежит сомнению и тот факт, что под видом коммерческих интересов в Нарымском и Чулымском лесничествах Я.М. Юровский всякий раз ездил туда по заданию Томского комитета РСДРП. Осуществляя связь с видными ссыльно-поселенцами села Нарым, он, вероятнее всего, привозил им самое необходимое: деньги, на которые приобретались продукты, а также теплые вещи, столь необходимые для их дальнейшего побега. А отсюда можно сделать лишь один вывод: Я.М. Юровский впервые познакомился с Ф.И. Голощекиным не позднее 1911 года, то есть во время одного из его посещений Нарымского края. И прямое подтверждение сему – шуба, которую Я.М. Юровский ранее привез Ф.И. Голощекину и по которой опознал своего старого знакомого, случайно встретив его на улице в Екатеринбурге, куда тот прибыл в качестве представителя Русского Бюро [63 - Я.М. Юровский опознал свою шубу-барнаулку на Ф.И. Голощекине, которого встретил в Екатеринбурге у синемаатографа «Колизей» вечером 21 февраля 1913 г. Эту шубу он сшил себе на заказ в Томске, а позднее отдал ему в дар во время побега «Товарища Филиппа» из Нарымской ссылки. «Эпизод с шубой» подробно был описан в книге Я.Л. Резника «Чекист». (См.: Резник Я.Л. Указ. соч., с. 36).].

Обо всех передвижениях и связях Я.М. Юровского с большевистским подпольем Томское ГЖУ знало через своего агента «Сидорова», внедренного в Томскую группу РСДРП. Однако ввиду неординарности случая («большевик-коммерсант»), а также с целью выявления его истинной роли в местной большевистской организации решено было его не трогать, что называется, до поры до времени.

Но для того чтобы проследить связь Я.М. Юровского с Ф.И. Голощекиным и Я.М. Свердловым, следует пояснить, что, арестованный в декабре 1909 года на проходившем заседании Московского Комитета РСДРП Ф.И. Голощекин был поначалу помещен в Бутырский Тюремный Замок, откуда по окончании следствия уже в марте 1910 года отправлен по этапу в Нарымскую ссылку сроком на три года. Едва освоившись на новом месте, Ф.И. Голощекин организует Марксистский кружок, за что подвергается новому аресту и помещается теперь уже в Томский Тюремный Замок. Однако в ходе проводимого следствия длиной в несколько месяцев доказать его виновность не удалось, посему «за недостаточностью улик» дело вскоре было закрыто, а «товарищ Филипп» вновь водворен к месту ссылки –

село Нарым, откуда ему удалось бежать лишь в сентябре 1911 года.

В свою очередь, будущий Председатель Президиума ВЦИК Я.М. Свердлов, арестованный вместе с Ф.И. Голощекиным, в том же марте 1910 года был выслан в Нарымскую ссылку, откуда ему удалось скрыться уже в июле. Арестованный вновь в Петербурге, Я.М. Свердлов 5 мая 1911 года был вновь сослан в село Нарым, где почти сразу же сумел организовать «Бюро побегов» под руководством ссыльного Бориса Краевского. Как наиболее опасный преступник среди ссыльно-поселенцев, Я.М. Свердлов был переведен в Томский Тюремный Замок, где продолжил свою активную революционную деятельность посредством выражения протеста Томскому губернатору и Томскому Окружному Прокурору по факту нарушения прав заключенных и откуда ему удалось сбежать в декабре этого же года.

Известно также и то, что 4 апреля 1911 года Я.М. Юровский был арестован и ровно месяц провел в томской тюрьме, где в то же самое время находился и Я.М. Свердлов. (Правда, находясь в разных камерах, они не могли общаться.)

Будучи допрошенным 6 и 25 апреля 1911 года, он всячески пытался снять с себя предъявленные ему обвинения по подозрению принадлежности к РСДРП и связанной с этим «противогосударственно-преступной» деятельности, настаивая на том, что лишь желал сменить вид своей коммерческой деятельности, в связи с чем и продал свой часовой бизнес.

Однако не подлежит сомнению, что, попав в поле зрения Охранного отделения, он не случайно решает продать собственное дело, так как не желает дожидаться его реквизиции в судебном порядке. Посему, предвидя возможный арест, он отнюдь не случайно передает накануне своих поездок на хранение своей сестре Перле (Пане) 9 единиц хранящегося у него дома оружия (пистолетов и револьверов), принадлежащего местной социал-демократической организации.

Таким образом, ведя в Томске активную революционную работу на протяжении более шести лет, причем, что называется, «без отрыва от собственного дела», Я.М. Юровский постепенно входит в доверие первых лиц партии как надежный исполнитель, способный выполнить любое порученное ему дело.

Будучи арестованным, Я.М. Юровский помещается в Томский Тюремный Замок, откуда выходит на свободу ровно через месяц. Но таковая длилась недолго, так как уже на следующий день он был приглашен в полицейскую часть, где у него вновь отобрали паспорт и, предъявив предписание Тобольского губернатора В.И. Азанчевского-Азанчеева о высылке за пределы Томской губернии, предложили ему самому выбрать место для дальнейшего жительства.

Получив предписание, запрещавшее ему поселение в 64 административных центрах европейской части России, Сибири и Северного Кавказа [64 - В ГАРФ (Фонд Особого Отдела Департамента Полиции) хранится документ следующего содержания: «Каинскому мещанину Якову Михайлову Юровскому Томским Губернатором, в интересах охранения общественного порядка, на основании п. 4. ст. 16 Положения об усиленной охране ввиду вредного направления деятельности названного Юровского, воспрещено на все время действия указанного положения

жительство в пределах Томской губернии с правом избрания Юровским места жительства». (М.Д. де Дзулиани. Царская семья. Последний акт трагедии. М., Художественная литература, 1991, с. 99.)), Я.М. Юровский, памятуя полученные им как-то рекомендации Я.М. Свердлова, выбирает Екатеринбург, куда он и был доставлен в сопровождении двух чинов полиции и куда немногим позднее прибыла его семья.

Оказавшись в Екатеринбурге, Я.М. Юровский уже 24 мая 1912 года подает прошение на имя товарища министра внутренних дел И.М. Золотарева, в котором просит отменить предписание о своей высылке и разрешить ему возвратиться в Томск [65 - ДП, № 74.3, 1912.Его Высокопревосходительству господину Товарищу Министру внутренних делКаинского мещанина Томской губернии Якова Михайловича Юровского, живущего в г. Екатеринбурге, Пермской губ., на 2 Береговой ул., в д. № 25.ПРОШЕНИЕ4 апреля 1912 г. в Томске, где я проживал по татарской улице дом 6, кв. 2 по предписанию Начальника Томского губернского жандармского управления, которое гласило о произведении обыска у меня и купеческой дочери Анны Павловны Линевич как у людей противогосударственно-преступных, подлежащих аресту независимо от результатов обыска. После обыска я был арестован. Кто такая подлинная Линевич, я не знал и не знаю до сих пор, но то обстоятельство, что мой арест был связан с ее именем, дает мне новый повод думать, что она лицо политически преступное, иначе я не могу представить себе обыска и ареста меня.Я, как уроженец г. Томска, почти безвыездно провел свою жизнь на виду у властей как владелец часовой мастерской, а потом часового магазина. Никогда ни в чем не обвинялся и в первый раз был подвергнут обыску и аресту. 6 и 25 апреля сего года я был допрошен в Охранном отделении, как выяснилось на допросах 4-го же апреля, были арестованы мои знакомые: Александр Гаврилович Соколов, работавший по землеустройству, и его гражданская жена Нехамы Львовны Сорина: как оказалось, что Соколов – не Соколов, а кто именно, я не знаю, а Сорина жила некоторое время под именем вышеназванной Линевич. После освобождения я узнал, что единственной целью прописки под чужим именем было желание Соколова избавить ее как еврейку от ограничений по праву жительства.Насколько я понял из допросов, мне ставится в вину, что Сорина у нас временами жила по несколько дней. Я этого факта не отрицал и не отрицаю. Далее, мне ставится в вину, что Соколов будто бы зашел ко мне в магазин по приезде в Томск и сразу же остался жить у меня. Неправильность такого утверждения легко может быть установлена данными полицейской прописки. Познакомился я с Соколовым через Сорину, приблизительно в 1908 г. он приехал в Томск, снял комнату по Никольской улице в доме Немирова, где в то время жила и Сорина. У меня же он квартировал зиму 1910 и 1911 гг. по Королевской улице в д[оме] Прохорова.Мне также ставится в вину денежная помощь Моисею Борисовичу Дил...<неразб.>, который высылался из Томска, как не имеющий права жительства еврей, помощь моя выразилась в том, что я поручился за него в Первом ссудно-сберегательном товариществе.Далее мне ставится в вину, будто у меня проживала

без прописки некая Рахиль Рабинович, что не соответствует истине. В 1911 г. я уезжал из Томска по моим коммерческим делам, – в это время опасно заболела моя жена, – Рабинович оставалась несколько раз ночевать у нас, этого факта я тоже не отрицал. Независимо от всего вышеизложенного, я в знакомстве с вышеупомянутыми лицами не мог видеть ничего опасного для общественного порядка и спокойствия вредного для меня лично, так как знал их за людей вполне легальных и совершенно непричастных к какой-либо правительственной деятельности. В 1911 г. в силу кризиса я ликвидировал свой часовой магазин [и] ездил в Нарымский край, а именно в село Колпашево, где расположено Нарымское лесничество, и в село Кривошеино-Родина, где находится Чулымское лесничество, ездил для того, чтобы собрать необходимые сведения относительно нового коммерческого предприятия по добычи осокоря, которым я намеревался заняться. Часть адресов в отобранных у меня при обыске памятных книжках относится именно к этой поездке, предпринятой мной исключительно с коммерческими целями, что может быть установлено моей специальной поездкой на Волгу, куда идет осокорь. Поездка эта также ставится почему-то [мне] в вину, между тем как в действительности в Нарымском крае у меня нет знакомых, и останавливался я во время поездки у какого-то совершенно мне незнакомого крестьянина, что легко могло быть проверено полицейским расследованием. После ареста 4 апреля я пробыл под стражей ровно месяц. 4 мая сего года я был освобожден и получил в Жандармском управлении свой паспорт обратно. На другой день 5 мая сего года явившейся ко мне Околоточный надзиратель, пригласил меня в полицейскую часть, где у меня отобрали паспорт и предъявили предписание Томского губернатора, подписанное за Губернатора – Вице-Губернатором господином Штевенем о высылке меня этапным порядком из пределов Томской губ.[ернии] с правом указать избираемое мной место жительства, за исключением многих местностей Сибири, Кавказа и Европейской России. Ответа требовали немедленно, и я указал как первопопавший город Екатеринбург, где нахожусь сейчас. Полагая, что полнейшая моя непричастность к какой-либо вредной для государственного порядка деятельности вполне доказывается вышеизложенными данными, ввиду чего я не мог быть признан человеком, вредным для общественного спокойствия и подлежащем высылке, прошу Ваше Превосходительство проверить справедливость изложенных мной обстоятельств. В дополнение позволю себе указать Вашему Высокопревосходительству, что предписание о моей высылке подписано покойным Вице-Губернатором господином Штевен и что это было как раз за несколько дней до самоубийства господина Штевен. Этот прискорбный факт дает мне основание предположить, что за несколько дней до рокового конца господин Штевен едва ли обладал в достаточной степени необходимым спокойствием и полным психическим здоровьем. На основании изложенных соображений я осмеливаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорной просьбой, затребовать все производство по настоящему делу, Предписание Томского Губернатора о моей высылке отменить и разрешить мне

вернуться в Томск. О последующем распоряжении прошу Ваше
Высокопревосходительство не отказать меня уведомить. 24 мая 1912 г. г.
Екатеринбург, Яков Михайлович ЮРОВСКИЙ. С подлинным верно: Директор
Архива революции: /Далаго/Зав. справ.[очной] частью: РГАСПИ. Ф. 124, оп. 1, д.
2232, л. 16, 16 об.]. Однако все его старания оказались напрасными, так как таковое
было оставлено без ответа.

Смирившись с постигшей неудачей, Я.М. Юровский вновь развивает активную
деятельность в области частного предпринимательства. И уже в 1913 году по
договоренности с известным на Урале фотографом Н.Н. Введенским он открывает в
Екатеринбурге «Фотоателье М.Я. Юровской», специализировавшееся на
портретных фотографиях [66 - Некоторые исследователи, не зная настоящего
названия этого фотоателье, называют его «электрофотографией», что в принципе
неверно.]. Располагалось оно на Покровском проспекте в доме № 42 и было
зарегистрировано на имя жены Я.М. Юровского – Марии Яковлевны, так как сам он
(как лицо, высланное ввиду «вредного направления деятельности») не имел права
заниматься каким-либо видом коммерческой деятельности.

А сделать это ему это удалось благодаря знакомству с екатеринбургским
ювелиром Б.И. Нехидом, вместе с которым он когда-то обучался часовому делу в
магазине Пермана и который, по некоторым сведениям, был обязан Я.М.
Юровскому жизнью [67 - В книге Резника Я.Л. «Чекист» рассказывается о
происходивших в Томске событиях 20–22 октября 1905 г. (См. п. 20 прим. к наст.
главе.) В советское время происходившие в Томске беспорядки свалили на
черносотенцев. Однако факт остается фактом: сотни закрывшихся в нем людей
погибли в огне, так и не сумев выбраться из горящего здания. И лишь единицам
удалось спастись, проделав путь к свободе через подвальные помещения. Одним из
этих затворников (со слов Резника Я.Л.) был и Я.М. Юровский, который якобы и
спас томского меньшевика и владельца ювелирного магазина Б.И. Нехида. В
довершение к этой трагедии в городе в течение нескольких дней учинялись
еврейские погромы, вынудившие многих представителей этой национальности
покинуть насиженные места. Не стал исключением и Б.И. Нехид, продавший свое
дело в Томске и перебравшийся в Екатеринбург, где сумел почти сразу же открыть
аналогичное. А встретившись в 1912 г. с Я.М. Юровским, случайно заглянувшим в
принадлежавшую ему ювелирную мастерскую в поисках работы, в благодарность за
свое спасение решил помочь ему в организации собственного дела,
зарегистрированного на имя его супруги.]

Далее в биографии Я.М. Юровского присутствуют так называемые «белые пятна»,
так как именно в этот период своей жизни он практически отходит от
революционной деятельности, занимаясь исключительно коммерцией. А в качестве
оправдания сему факту он впоследствии напишет в автобиографии, что: «В
Екатеринбурге до Февральской революции связи с организацией не имел, так как в
силу своей работы находился на виду у жандармерии и полиции, куда меня очень

часто таскали», а также то, что: «В Екатеринбурге жандармерия ко мне все время придиралась, требовала сфотографировать заключенных и т. д.» [68 - Резник Я.Л. Указ. соч., с. 30.]

В 1915 году Я.М. Юровский во избежание своего принудительного переселения в Чердынский уезд Пермской губернии требует призвать его на военную службу. И это, несмотря на то, что в свое время он был начисто забракован военно-врачебной комиссией в связи с имевшимися у него хроническими заболеваниями: туберкулезом легких, ревматизмом и язвой двенадцатиперстной кишки. Непосредственную помощь в этом деле ему оказал один из членов означенной комиссии – ординатор Екатеринбургского Военного Лазарета К.С. Архипов, дружба с которым будет связывать Я.М. Юровского и после захвата власти большевиками. По его совету Я.М. Юровский записывается в местное Государственное Ополчение, откуда, как пояснил его новый знакомец, ему с его «букетом болезней» не составит труда перевестись в Фельдшерскую Школу, убив тем самым, как говорится, двух зайцев: избежать отправки на фронт и остаться в Екатеринбурге.

Начав таковую в дислоцирующейся в Екатеринбурге 698-й Пешей дружине 56-й бригады 3-го корпуса Государственного Ополчения [69 - На всех фото Я.М. Юровского, запечатлевших его в военной форме и фуражке, четко усматривается Ополченский крест, расположенный на ее тулье. По иронии судьбы, носимый главным царевубийцей крест имел в своей центральной части вензель Государя – Н II – и надпись на лучах «За Веру Царя и Отечество».], Я.М. Юровский по совету К.С. Архипова поступает в Фельдшерскую Школу, по окончании которой он по его же протекции распределяется на должность Фельдшера Хирургического отделения Екатеринбургского лазарета. Причем того самого отделения, которым заведовал доктор К.С. Архипов.

С первых дней Февральской смуты Я.М. Юровский активизирует свои пораженческие настроения. Со свойственной ему энергией он активно включается в революционную борьбу, полностью отдавая себя пропагандистской и организационной работе, в которой зачастую использует самые гнусные и подлые приемы, как, например, кормление больных гнилым мясом с целью вызвать недовольство последних в адрес персонала лазарета.

Из протокола допроса А.И. Белоградского от 22 июля 1919 года:

«Я знал врача Кенсорина Сергеевича Архипова. Он работал в 1916 г. в качестве ординатора в Екатеринбургском местном военном лазарете. Он работал в хирургическом отделении. Я про него могу сказать следующее. Он, как мне известно, не имеет диплома об окончании высшего медицинского учреждения и получил звание врача по Монаршей милости в войну, как лицо, прослушавшее 10 семестров. Он умел и мог работать. Но на нас врачей (я в этом лазарете был старшим врачом, когда там работал Архипов) он производил странное впечатление. Это был резкий, дикий человек. Говорит-говорит и обязательно спорит какую-нибудь дичь. Это был неуравновешенный человек, резкий неврастеник. Он ушел от нас в 1916 г., но куда, я не знаю [70 - Архипов К.С. никуда не уезжал из

Екатеринбурга, а продолжал оставаться в этом городе, пользуясь после Октябрьского переворота личным покровительством Я.М. Юровского.]. По моему мнению, когда началась революция, его не было в Екатеринбурге. Он был где-то на стороне, но где именно, не знаю.

Юровского я тоже знал. Это крещеный еврей, ротный фельдшер. Он был в близких отношениях с Архиповым. Оба они были в одном отделении. Что их сводило, я не знаю. Но близость их была заметна всем. В то время у нас была субординация. Ротный фельдшер был в повиновении у врача. У них же отношения были особые: близкие. Тогда Архипов как-то заболел воспалением легких. Говорили, что около него неотступно находился Юровский. Я сам тогда как-то навестил Архипова и видел там у него Юровского. Политического облика Архипова и Юровского я не знаю: я был для них человеком определенным – монархист, и они при мне держались замкнуто.

Когда произошла революция, Юровский сразу всплыл на поверхность. Он был избран командой лазарета в совет рабочих депутатов. Первым делом он стал мутить у нас в лазарете: гнилым мясом кормил больных. Ничего из этого у него не вышло. Тогда он взял у нас двухмесячный отпуск и куда-то пропал. Я уехал после этого на Кавказ и вернулся к осени. Произошел большевистский переворот: Юровский попал в заправилы у екатеринбургских большевиков. Что он у них делал, я не знаю, но он втирался везде, как было слышно, и, в конце концов, попал в коменданты дома Ипатьева» [71 - Гибель Царской семьи. Составитель Н.Г. Росс, с. 408, 409.].

Не менее интересное дополнение к характеристике Я.М. Юровского дает и В.П. Аничков:

«Юровского, впоследствии сыгравшего главную роль безжалостного палача Государя и его семьи, я немного знал еще до революции. Он имел небольшую моментальную фотографию, и раза три моя семья снималась у Юровского.

В первый же день, как только образовался Комитет общественной безопасности, ко мне подошел Юровский и вручил пятьсот рублей вместе с подписным листом.

– Эти деньги я собрал среди местного еврейства для нужд Исполнительной комиссии. Прошу принять и выдать квитанцию.

Второй раз он обратился ко мне с просьбой выдать ему как уполномоченному Советом рабочих и солдатских депутатов мандат на занятие под совдеп дома Поклевского-Козелла.

Мне очень не хотелось давать ему это разрешение: Поклевский-Козелл состоял членом совета нашего банка, и я был с ним в дружеских отношениях. Поэтому я предложил Юровскому остановить свой выбор на каком-нибудь другом особняке.

Но он, придя на другой день, настаивал на выдаче мандата именно на этот дом.

– Да чем он так вам понравился?

– Не мне, а совдепу. Мы постановили занять его во что бы то ни стало, потому что Поклевский-Козелл всегда предоставлял его в полное распоряжение всех губернаторов и высоких чиновников, приезжавших в Екатеринбург. Пусть же теперь окажет гостеприимство и нашему совдепу.

Пришлось выдать мандат на занятие верхнего, парадного этажа» [72 - Аничков В.П. Указ. соч., с. 54.].

В марте 1917 года состоялось первое заседание Совета солдатских депутатов, на котором были избраны полномочные представители полков Екатеринбургского гарнизона. Единогласным решением всех собравшихся представителем от Воинской команды Екатеринбургского лазарета был избран Я.М. Юровский. А после того как 23 марта 1917 года бывшие военнослужащие воссоединились с местными пролетариями, Я.М. Юровский поднимается на новую ступень власти и становится депутатом Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, в котором он занимается организационной работой, направленной на налаживание работы этого нового органа власти.

После захвата власти большевиками в Екатеринбурге в октябре 1917 года Я.М. Юровский становится одной из самых видных фигур, совмещая сразу несколько ответственных постов в новых структурах партийных и советских органов Урала.

Вот далеко неполный перечень некоторых его должностей и назначений (не считая участия в работе различных отделов и комиссий), занимаемых им с 1917 по 1918 гг.:

- член Военного отдела Екатеринбургского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов;
- Председатель Следственной комиссии Уральского Областного Революционного Трибунала;
- Товарищ Уральского Областного Комиссара Юстиции;
- Заместитель заведующего охраной города Екатеринбургa и др.

Наряду с этим Я.М. Юровский занимал еще и ряд выборных должностей, являясь членом Екатеринбургского Городского и Уральского Областного Исполнительного Комитета РКП(б), а также членом Бюро Екатеринбургского Комитета РКП(б).

Но в дополнение к занимаемым должностям Я.М. Юровский получает еще одну, к которой приступает 4 июля 1918 года. С этого дня он вступает в должность Коменданта Дома Особого назначения (ДОН), которая менее чем через две недели принесет ему «славу главного цареубийцы», главенство в которой он будет вынужден отстаивать до конца своих дней...

Глава 5

Лавры для цареубийц

Перебравшись в августе 1920 года на постоянное жительство в Москву, Я.М. Юровский часто посещал вместе со своим бывшим помощником Г.П. Никулиным [73 - Никулин Григорий Петрович (1895–1964) – сотрудник УОЧК в 1918 г., Помощник коменданта Дома Особого назначения. Один из участников убийства Царской Семьи. Впоследствии на партийной и советской работе. Персональный пенсионер Союзного значения. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

(Автобиографию Г.П. Никулина см. в книге «Исповедь царевубийц», с. 197, 198.)] квартиру еще одного участника расстрела Царской Семьи – М.А. Медведева (Кудрина). А иногда к ним на огонек забегал и еще один их общий товарищ – бывший сотрудник УОЧК И.И. Родзинский [74 - Родзинский Исай (Исайя) Иделевич (1897–1987) – член Коллегии УОЧК в 1918 г. Участник тайного «захоронения» Царской Семьи. Впоследствии на партийной и советской работе. Персональный пенсионер Союзного значения. Похоронен в Москве, в колумбарии Донского крематория. (Автобиографию И.И. Родзинского см. в книге «Исповедь царевубийц», с. 402–405.)], работавший в то время в системе мясозаготовок.

Особой же честью для присутствующих в доме семьи Медведевых лиц были дни, когда в их обществе бывал сам «Товарищ Филипп» (Ф.И. Голощекин) [75 - Голощекин Филипп Исаевич (наст. имя Иешуи-Ицка Исаакович) (1876–1941) – видный партийный и советский государственный деятель. Член РСДРП с весны 1905 г. Партийные клички: «Фрам», «Газетчик Котиссе», «Филипп». Участник борьбы за установление Советской власти на Урале и в Сибири. Главный организатор убийства Царской Семьи в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. Окончил курс гимназии в Невеле и Зубоврачебную школу в Риге. Работал зубным техником в Санкт-Петербурге. Вел революционную работу в Петербурге, Кронштадте, Сестрорецке, Москве и др. городах. Участник Революции 1905–1907 гг. С 1906 г. – член Петербургского Комитета РСДРП, с 1907 г. – Ответственный организатор и член Петербургского Исполкома РСДРП. С 1909 г. работал в Московском Комитете РСДРП. В 1909 г. арестован и сослан в Нарымский край, откуда бежал на следующий год. В 1912 г. на 6-й (Пражской) конференции РСДРП избран членом ЦК и его Русского Бюро. В 1912 г. избран членом ЦК РСДРП. В 1913 г. вновь арестован и выслан в Туруханский край, где отбывал ссылку вместе с Я.М. Свердловым. Освобожден в ходе событий Февральской смуты. По прибытии в Петроград – представитель ЦК в Петербургском Комитете РСДРП(б), делегат 7-й (Апрельской) конференции РСДРП(б). По инициативе Я.М. Свердлова в мае 1917 г. командирован на Урал. Член и Секретарь Пермского Комитета РСДРП(б), затем член и Секретарь Уральского Обкома РСДРП(б). Делегат VI съезда РСДРП(б). Состоял членом Пермского, а затем Екатеринбургского Советов, членом Исполкома Уральского Облсовета. Формировал и возглавлял Красную Гвардию. В середине октября в качестве делегата 2-го Всероссийского съезда Советов прибыл в Петроград. Вошел в состав Петроградского ВРК, участвовал в Октябрьском вооруженном восстании. На 2-м съезде Советов рабочих и солдатских депутатов избран чл. ВЦИК. Участвовал в переговорах ВЦИК с Викжелем. По приезде в Екатеринбург в ноябре 1917 г. участвовал в ликвидации прежних местных государственных структур. С декабря 1917 г. – член Екатеринбургского и Уральского Областного Комитетов РСДРП(б). После сдачи Екатеринбурга в июле 1918 г. переехал в Пермь, а затем в Вятку. Впоследствии возглавил Сибирское бюро ЦК РКП(б). С октября 1922 по 1925 г. Ф. И. Голощекин являлся Председателем Самарского Губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских

депутатов, Председателем Самарского Губисполкома и членом Самарского Губкома РКП(б). С октября 1924 по 1933 г. занимал должность Первого Секретаря ЦК Компартии Казахстана. Осуществлял насильственные меры по переводу кочевников на оседлый образ жизни и политику продразверстки, что привело к голодомору и миллионным жертвам со стороны местного населения. С 1933 по 1939 г. – Главный государственный арбитр СССР. Арестован 15 октября 1939 г. по личному указанию И.В. Сталина. Расстрелян без суда по устному распоряжению Л.П. Берии в числе прочих бывших военачальников и политических деятелей 28 октября в пригороде Куйбышева. Реабилитирован в 1961 г.] – бывший Секретарь Уральского Обкома РКП(б) и Военный Комиссар Уральского Военного Округа, ставший впоследствии членом ЦК ВКП(б).

Собираясь за столом хлебосольного хозяина, гости вели неторопливые разговоры, каждый из которых рано или поздно переходил в воспоминания о далеких июльских днях лета 1918 года.

Вспоминает М.М. Медведев [76 - Медведев Михаил Михайлович (р. 1925) – историк-архивист, сын М.А. Медведева (Кудрина).]: «Они часто встречались у нас на квартире. Все бывшие цареубийцы, переехавшие теперь в Москву» [77 - Радзинский Э.С. Господи, спаси... и усмири Россию. М., Вагриус, 1993, с. 454.].

Несмотря на разность в возрасте и занимаемое ими общественное положение, всех перечисленных выше лиц с какой-то необъяснимой силой продолжало тянуть друг к другу, заставляя их память вновь и вновь возвращаться к событиям той ночи.

Тогда, в 1927 году, они и не могли подозревать о том, как сложатся в дальнейшем их судьбы.

Считая расстрел Царской Семьи главным событием своей жизни, бывшие палачи вели изнурительно-бесконечные разговоры на эту тему, всякий раз уточняя какие-либо детали.

Повязанные кровью оболганной и преданной Августейшей Семьи, они никогда не пытались осознать содеянного и вряд ли задумывались над тем, что совершенный ими грех цареубийства есть самый страшный из всех грехов, во веки веков не подлежащий искуплению в памяти Русского Народа...

13 марта 1927 года Я.М. Юровский и Г.П. Никулин пришли в Музей Революции СССР, где в присутствии его директора С.И. Мицкевича бывший комендант ДОН передал в дар музею два принадлежащих ему пистолета, из которых он якобы лично производил расстрел Царской Семьи. Вместе с «историческим» оружием Я.М. Юровский также передал музею и экземпляр американской газеты «A Paper for People Who Think», в которой имелись фото «б. царской семьи и т. Юровского», а также один из документов своего бывшего помощника, относящегося к екатеринбургскому периоду его деятельности [78 - Этим документом было удостоверение за подписью Председателя Президиума Уральского Областного Совета А.Г. Белобородова, выданное Г.П. Никулину как лицу, уполномоченному

сопровождать в Пермь груз специального назначения в двух вагонах. (Под этим специальным грузом подразумевались личные вещи, принадлежавшие Царской Семье и Ее верным слугам.)].

К сданному в музей оружию Я.М. Юровский приложил пояснительную записку, текст которой приводится ниже с сохранением орфографии подлинника:

«В Музей революции
Директору музея товарищу Мицкевичу

Имея в виду приближающуюся 10-ю годовщину Октябрьской революции и вероятный интерес для молодого поколения видеть вещественные доказательства (орудие казни бывшего царя Николая II, его семьи и остатков верной им до гроба челяди), считаю необходимым передать музею для хранения находившиеся у меня до сих пор два револьвера: один системы кольт номер 71905 с обоймой и семью патронами и второй системы маузер за номером 167177 с деревянным чехлом-ложей и обоймой патронов 10 штук. Причиной того, почему два револьвера, следующие – из кольта мною был наповал убит Николай, остальные патроны одной имеющейся заряженной обоймы кольта, а также заряженного маузера ушли на достреливание дочерей Николая, которые были забронированы в лифчики из сплошной массы крупных бриллиантов и странную живучесть наследника, на которого мой помощник израсходовал целую обойму патронов (причину странной живучести наследника нужно, вероятно, отнести к слабому владению оружием или неизбежной нервности, вызванной долгой возней с бронированными дочерьми).

Бывший комендант дома особого назначения в городе Екатеринбурге, где сидел бывший царь Николай II с семьей в 1918 г. (до расстрела его в том же году 16.07), Яков Михайлович Юровский и помощник коменданта Григорий Петрович Никулин свидетельствует вышеизложенное.

Я.М. Юровский, член партии с 1905 г. Номер партбилета 1500, Краснопресненская Организация.

Г.П. Никулин, член ВКП (б) с 1917 г., номер 128185, Краснопресненская организация» [79 - Радзинский Э.С. Указ. соч., с. 430, 431.].

Приняв от Я.М. Юровского упомянутое оружие и документы, С.И. Мицкевич выдал ему взамен расписку нижеследующего содержания:

«Музей Революции С.С.С.Р.
Москва, Тверская, 59 _ _ _ _ _

Расписка

_ _ _ _ _

Музеем Революции СССР получено от т. Юровского:

- 1/ 2 револьвера: один системы Кольт № 71905 с обоймой и семью патронами, второй системы Маузер № 167177 в деревянном чехле с обоймой и 10 патронами.
- 2/ Удостоверение на имя Никулина, выданное Уральским областным Советом.
- 3/ Газета «A Paper for People Who Think» от 6 ноября 1921 г. со снимками б. царской семьи и т. Юровского.
- 4/ Автобиография т. Никулина.
- 5/ Фотокарточка т. Никулина.

13 марта 1927 г.

Директор Музея революции СССР

С. Мицкевич» [80 - Данная расписка хранилась в семье Юровских. Копия ее машинописного текста была получена М.К. Касвиновым (автором книги «Двадцать три ступени вниз») от сына Я.М. Юровского – А.Я. Юровского в ноябре 1973 г.].

Сдавая в музей «историческое оружие», Я.М. Юровский, конечно же, в первую очередь рассчитывал на то, что в преддверии 10-летней годовщины Октябрьского переворота оно непременно будет выставлено на всенародное обозрение в одном из музейных залов. А значит, и его имя как организатора казни и главного цареубийцы будет навечно вписано в анналы истории борьбы за власть Советов. Но этого не случилось. И, вероятнее всего, по целому ряду причин, о которых будет рассказано немногим ниже.

Сейчас же самое время рассказать немного поподробнее о том, какое именно «историческое оружие» сдал Я.М. Юровский в Музей Революции СССР. А для того чтобы не вызвать ненужных кривотолков, в первую очередь следует пояснить тот факт, что по укоренившейся привычке того времени словом «револьвер» (которые были изобретены значительно раньше автоматических пистолетов) могли называть не только таковые, но и автоматические пистолеты.

Пояснения требует и тот факт, что сданный Я.М. Юровским пистолет Маузера К-96/12 был, судя по воспоминаниям Г.П. Никулина, моделью этого пистолета с коротким стволом [81 - Пистолеты Маузера К-96 модель 1912 г. (К-96/12) выпускались с длинным (140 мм) и коротким (98 мм) стволом.].

Так, во время беседы М.М. Медведева с Г.П. Никулиным [82 - Здесь и далее приводятся фрагменты этой беседы, организованной по инициативе М.М. Медведева Заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС И.Ф. Ильичевым и его заместителем А.Н. Яковлевым. Данная беседа происходила 13 мая 1964 г. в помещении Государственного комитета по радиовещанию и телевидению Совета Министров СССР (Москва, ул. Пятницкая, 25) и была записана на магнитофонную ленту. Впоследствии лента с записью этой беседы была расшифрована в виде машинописного текста (подвергнувшись в результате

купирования значительному сокращению), одна из копий которого была передана для закрытого хранения в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ныне РГАСПИ), где находится по настоящее время под наименованием: «Запись беседы с Г.П. Никулиным о расстреле семьи Романовых 13.05.1964».] последний вспоминал: «Ну, надо Вам сказать, что когда мы еще вели беседу в Музее революции, это было в 1927 г., куда мы сдали оружие – пистолеты. Он – свой, я – свой. Мой – кольт, а его был маузер, короткий» [83 - РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, д. 13, л. 44.].

Здесь также следует оговориться о том, что, записывая свои воспоминания на пленку в 1964 году, Г.П. Никулин явно заблуждался в отношении передачи музею лично им пистолета Кольта М1911, зав. № 71905. Этот пистолет, так же, как и пистолет Маузера К-96/12, Зав. № 167177, принадлежал Я.М. Юровскому. Свой же пистолет Кольта, со слов М.М. Медведева, он сдал в Музей Революции СССР несколько позднее, в начале 1930-х гг.

Пистолет Кольта, сданный в музей Я.М. Юровским, судя по его заводскому номеру, – это Модель 1911 г. (М1911), изготовленная в Северо-Американских Соединенных Штатах (САСШ) специально для России.

С левой стороны кожуха затвора этих пистолетов имеется следующая надпись:

PATENTED APR. 20. 1897; SEPT. 9. 1902; COLT'S PT. F.A. MFG. CO.
DEC. 10. 1905; FEB. 14. 1911; AUG. 19. 1913. HARTFORD CT. U. S. A.

С этой же стороны рамок этих пистолетов (ближе к их спусковой скобе) имеется надпись на русском языке, выполненная более мелким шрифтом:

англ. заказъ

С правой стороны кожуха затвора этих пистолетов имеется следующая надпись:
COLT AUTOMATIC, CALIBRE 45. GOVERNMENT MODEL.

С правой стороны рамок этих пистолетов (ближе к спусковой скобе) располагается заводской номер, имеющий в нашем случае перед цифровым рядом индекс «С», указывающий на коммерческий выпуск данного вида оружия.

Коммерческие партии этого оружия поставлялись правительством САСШ для Русской императорской армии во время Первой мировой войны.

В январе 1916 года по просьбе Военного Министерства Российской империи правительство Великобритании разместило на фирме «Кольт» свой заказ на изготовление 100 тыс. пистолетов этой системы. Согласно американским источникам, в период с 19 февраля 1916 по 18 января 1917 года фирмой «Colt» («Кольт») было поставлено в Россию 47 тыс. таких пистолетов, имеющих порядковые номера с 2300 по 80 000 [84 - Как уже говорилось выше, все они имели надпись на русском языке «англ. заказъ» и индекс «С» перед заводским номером.].

Скорее всего одна из партий этих пистолетов, так и не успев дойти до Действующей Армии, «осела» на военных складах Екатеринбургского гарнизона и в дальнейшем была «реализована» уже при Советской власти меж «своими людьми».

И подтверждением сему – слова того же М.М. Медведева, рассказавшего автору, что этими пистолетами были вооружены все Члены Коллегии, а также некоторые сотрудники УОЧК (в том числе и Я.М. Юровский), работавшие в Екатеринбурге в 1918 году.

Кстати сказать, один из подобных пистолетов и сейчас представлен в экспозиции «Музея Памяти Романовых» в экспозиции Свердловского областного историко-краеведческого музея [85 - Этот пистолет зарегистрирован в ГИК № 1 СГОИКМ как музейный предмет «С/м 505; 0–77».]

До 9 июня 1935 года сданные Я.М. Юровским пистолеты находились в фондах музея, а затем были изъяты органами НКВД СССР [86 - Об этом факте 27 мая 1964 г. сообщала Директор Государственного Музея Революции СССР А.И. Толстихина в ответе на запрос зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А.Н. Яковлева.]

Так что, как это ни прискорбно, но именно с этого дня это оружие стало числиться как изъятое сотрудниками правоохранительных органов, преемники которых даже по прошествии более чем семи десятилетий до сих пор не могут дать по этому поводу, хоть сколько-нибудь вразумительных объяснений! (Наверное, точно такая же участь постигла и пистолет Г.П. Никулина, который также никогда не выставлялся в экспозиции...) Причина же, побудившая компетентные органы изъять из музея и это оружие, доподлинно неизвестна, а надежда на установление истины видится автору более чем сомнительной даже в настоящее время.

Однако в связи с этим имевшим место фактом все же можно сделать два предположения.

Первый из них – пристрастие некоторых представителей партийно-советской элиты к каким бы то ни было «сувенирам» отечественной истории, в силу чего автор не исключает возможности того, что суть необъяснимо-таинственной причины их изъятия как раз и заключается в ее банально-корыстолюбивой подоплеке.

А второй – еще более тривиальный: арест единственной дочери Я.М. Юровского – одной из главных организаторов прообраза будущего комсомола, – Социалистических Союзов рабочей молодежи Урала, репрессированной в марте 1938 года [87 - Причиной ареста Р.Я. Юровской (1898–1980) послужило ее сочувствие троцкистам. На момент такового она занимала должность Зав. Промышленно-транспортным отделом Ростовского Горкома ВКП(б). Пробыв в сталинских лагерях до 1950 г., была выслана на поселение в Южный Казахстан, где работала экономистом МТС совхоза Пахта-Арал до 1957 г. В феврале – марте 1956 г. Р.Я. Юровская была полностью реабилитирована и восстановлена в партии с прежним стажем с 1917 г. Последние годы жизни проживала в Ленинграде.]

Однако как бы там ни было, но отсутствие этих исторических памятников в собрании бывшего Центрального Музея Революции СССР является невосполнимой утратой не только для музейных работников, но и для ученых-исследователей, специализирующихся в области судебно-баллистических и историко-криминалистических экспертиз.

Занимаясь детальным изучением обстоятельств трагической гибели Царской Семьи многие годы, автор пришел к выводу о том, что так называемая пояснительная записка (текст которой приведен выше) была написана Я.М. Юровским с сознательным искажением некоторых фактов, имевших место в реальной действительности.

Так, например, упомянутый в ней пистолет Кольта М 1911 на деле вряд ли является «орудием казни» (даже несмотря на свою историческую принадлежность к ДОН и личности его бывшего коменданта), так как целый ряд обстоятельств говорит против этого факта. Нелишним также будет и пояснение автора о том, что бриллианты и прочие драгоценности (зашитые в корсетах Государыни и Ее дочерей) не могли сыграть какой-либо существенной роли в защите тел их владельцев. Так как, несмотря на природную твердость таковых, все они были размещены в мягкой тканевой основе (не представляющей собой жесткой конструкции), а посему и не являлись серьезной помехой пулям оружия, используемого при убийстве Царской Семьи. Более того, автор практически не сомневается в том, что, подчеркивая особо наличие «бриллиантовых панцирей», Я.М. Юровский как бы чувствовал в них свою «собственную защиту», позволявшую прикрывать допущенные им огрехи, в конечном итоге сказавшиеся на неорганизованности проведения всей акции в целом, а также «неизбежной нервности» действующей под его началом команды.

Не желая повторять уже сказанное, попробуем все же обратить внимание читателя на одну небезынтересную особенность этой пояснительной записки.

Вчитываясь в ее строки, становится не совсем понятно, для чего, собственно, Я.М. Юровскому – человеку, наделенному особым доверием партии (поручавшей ему в 1918–1919 гг. самые ответственные поручения [88 - Помимо перечисленных выше должностей, Я.М. Юровский в июле 1918 г. перевозил в Москву принадлежавшие Царской Семье драгоценности и наиболее ценные носильные вещи, был комендантом поезда 3-Бис («Золотого эшелона»), перевозившего в Москву золото и платину уральских банков. А также по рекомендации Ф.Э. Дзержинского и В.И. Ленина поочередно состоял в должности Члена Коллегии МЧК и Заведующего Золотым отделом Гохрана.]), понадобилась подпись Г.П. Никулина на этом историческом документе?

А дело в том, что Г.П. Никулин был выбран Я.М. Юровским не случайно. Ибо еще в Екатеринбурге, в далеком 1918 году, он почти сразу же заметил молодого сотрудника УОЧК, который резко выделялся среди своих товарищей тем, что не употреблял спиртное в принципе [89 - Отец Г.П. Никулина сильно злоупотреблял алкоголем.]. Завязавшаяся на Урале дружба с годами только крепла и со временем переросла фактически в родственные отношения. Поэтому куда бы ни бросала судьба Я.М. Юровского в годы Гражданской войны и после, он повсюду старался «тащить» за собой «сынка» (так он называл Г.П. Никулина с первых дней их знакомства). И даже умирая от сердечной недостаточности и прободной язвы летом 1938 года, Я.М. Юровский делает Г.П. Никулина своим душеприказчиком и

завещает своим детям слушать его, как родного отца.

Учитывая эти обстоятельства, нетрудно понять, что Г.П. Никулин просто не мог бы отказать Я.М. Юровскому в его просьбе: подписать этот столь важный для него документ.

И именно на этом, на взгляд автора, и был построен весь тонкий расчет Я.М. Юровского, который, с одной стороны, лично от себя передавал в Музей Революции СССР эти «вещественные доказательства». А с другой (используя подпись и имя своего бывшего помощника) – как бы навечно закреплял за собой «титул» теперь уже официально признанного цареубийцы, ограждая себя на будущее от любых посягательств со стороны, каких бы то ни было других претендентов на эту роль. Ибо бывший Комендант ДОН отлично знал, что в силу сложившихся обстоятельств там, в подвальном помещении дома Ипатьева, этот первый «исторический» выстрел принадлежал не ему, а члену Коллегии УОЧК Михаилу Александровичу Медведеву (Кудрину), который попросту опередил его на какие-то секунды...

И поэтому до самых последних дней не смог простить ему этого Яков Михайлович Юровский, построив в дальнейшем свою личную месть на том, что практически никогда не упоминал имя бывшего соратника в собственных мемуарах. (Ведь передавая в Музей Революции СССР принадлежавший ему пистолет Кольта, Я.М. Юровский, конечно же, не мог не помнить о том, что оружие данной системы во время расстрела находилось не в его руках, а в руках чекиста М.А. Медведева (Кудрина)!)

Явная ложь Я.М. Юровского в деле присвоения себе «лавров» главного цареубийцы видится автору еще и в том, что, имея в своем личном пользовании книгу П. Жильяра «Тринадцать лет при Русском Дворе (Петергоф 1905 г. – Екатеринбург 1918 г.). Трагическая судьба Николая II и Царской семьи», он был также хорошо знаком с книгой Н.А. Соколова «Убийство Царской Семьи» [90 - Во время своего выступления на «Совещании старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале», состоявшемся 1 февраля 1934 г. в Свердловске, Я.М. Юровский упоминает о том, что впервые познакомился с книгой Н.А. Соколова буквально за полтора-два месяца до упоминаемого совещания. То есть если ему поверить, то получается, что он не имел возможности ее просмотра до конца 1933 г. На основании вышесказанного автор не берет на себя смелость утверждать, что Я.М. Юровский был знаком с этой книгой уже в 1927 г. Но и не исключает того, что он просто не мог быть не наслышан о данном издании.], подробные выписки из которой он хранил у себя до конца своих дней.

Располагая этим материалом, Я.М. Юровский не мог не знать о том, что в числе прочих вещественных доказательств (обнаруженных и изъятых членом Екатеринбургского Округного Суда И.А. Сергеевым в комнате, где было совершено убийство Царской Семьи) была одна-единственная пуля, идентифицируемая специалистами как пуля кал. 11,43 мм к пистолету системы Кольта. Поэтому автор вправе предположить, что данное обстоятельство могло быть использовано Я.М. Юровским, не без некоторой выгоды для себя.

А если наши рассуждения верны, то в этом случае серьезный «прокол» Я.М. Юровского состоял в том, что он указал слишком большое количество выстрелов, произведенных из его Кольта по несчастным жертвам. Ибо в таком случае количество обнаруженных в комнате пуль данного калибра, равно как и их следов, без сомнения превысило бы ее единственный экземпляр, которым располагало следствие в 1918 г.

В то же время М.А. Медведев (Кудрин) никогда не отрицал того факта, что сделал из своего аналогичного оружия всего один выстрел, достреливая одну из жертв – Великую Княжну Татьяну Николаевну. (По мнению автора, именно эта пуля была изъята следствием в 1918 году!)

Однако не следует забывать о том, что кроме М.А. Медведева (Кудрина) у Я.М. Юровского был куда более «серьезный конкурент» – П.З. Ермаков. Оставшись проживать на Урале, он также стал претендовать на роль главного организатора и исполнителя расстрела Романовых, и не менее главного уничтожителя (сжигателя) трупов.

И если М.А. Медведев (Кудрин), в силу целого ряда причин, предпочитал особо не распространяться о своем участии в этом деле [91 - О своем участии в деле убийства Царской Семьи М.А. Медведев (Кудрин) впервые напишет в своей автобиографии, датированной 1932 г. при вступлении в ВОСБ. Но, пожалуй, главное, чего он больше всего боялся, так это своей прежней связи по бакинскому подполью с бывшим оппозиционером, Г.И. Мясниковым. И не просто оппозиционера проводимой партией линии, а лично самого товарища Ленина! А посему широко распространилась версия о том, что, принимая М.А. Медведева (Кудрина) в члены своей 1-й Бакинской городской группы еще в 1911 г., Г.И. Мясников якобы поручил ему ликвидировать И.В. Сталина, заподозренного в связях с царской охранкой. И что именно с этой целью он вместе со своим товарищем А. Биркенфельдом (А.Т. Парупом) официально приобрел пистолет Браунинга мод. 1900 г. Однако, по мнению автора, эта версия выглядит несостоятельной. Ибо доподлинно известно, что в это же самое время И.В. Сталин был арестован в Санкт-Петербурге и водворен к месту своей ссылки в Вологодскую губернию.], то П.З. Ермаков, наоборот, кричал об этом чуть ли не на каждом углу. И, как мы уже знаем, последовав его примеру, также сдает свое оружие в Уральский Областной «Музей Революции».

Желая закрепить свою «историческую миссию», так сказать, окончательно и бесповоротно, Я.М. Юровский обращается к Ф.И. Голощекину (в то время члену ЦК ВКП /б/) с предложением об издании сборника воспоминаний участников расстрела Царской Семьи, выпуск которого планировался им к 10-летию этого события.

Вспоминает М.М. Медведев:

«В том же 1927 г. Юровский подал в ЦК ВКП(б) идею создать к 10-летию расстрела Романовых сборник документов и воспоминаний участников расстрела. (Он предполагал включить в этот сборник воспоминания нужных ему участников,

то есть Г.П. Никулина, А.А. Стрекотина и др., то есть всех тех, кто смог бы подтвердить его «историческую миссию» – тот самый выстрел в царя. – Авт.) Но через члена Коллегии ОГПУ – Ф. Голощекина [92 - М.М. Медведев ошибается. Ф.И. Голощекин никогда не был Членом Коллегии ОГПУ СССР.] был передан устный приказ Сталина: «Ничего не печатать и, вообще, помалкивать!» [93 - Радзинский Э.С. Указ. соч., с. 455.].

И в этом не было особого секрета, так как к тому времени И.В. Сталин уже начал открытую борьбу со своими политическими противниками – троцкистами. А в этом случае хотели бы авторы таковых или же нет, но обойтись без упоминаний видящего себя главным обвинителем на планируемом суде над Николаем II Л.Д. Троцкого, а также без одного из главных организаторов убийства Царской Семьи А.Г. Белобородова было просто невозможно. Равно как невозможно было бы не упомянуть и таких фигурантов этого дела, как Г.И. Сафаров, Б.В. Дидковский, С.В. Мрачковский, В.М. Горин, а также многих прочих лиц из числа «раскаившихся» и «затаившихся» троцкистов. А отсюда и запрет вождя на публикацию таковых.

Так что после приведенных выше слов М.М. Медведева, думаю, излишне напоминать читателю еще раз о том, чем могло бы закончиться в то время дальнейшее послушание воле вождя со стороны любого из перечисленных лиц. Посему написанные к тому времени В.Н. Нетребиным, А.А. Стрекотиным и Г.И. Сухоруковым воспоминания на эту тему было предложено сдать в Уральский Истпарт, где таковые и находились на особом хранении вплоть до недавнего времени.

Глава 6

«Товарищ Маузер» (1918–1935)

Надо сказать, что в роль «главного царевубийцы» П.З. Ермаков с годами вошел настолько, что даже люди из его ближайшего окружения свято уверовали в этот «факт».

Так, один из его сотоварищей – А.И. Медведев, состоящий в 1918 г. бойцом Особого (карательного) Красногвардейского отряда ВИЗ, подчинявшегося непосредственно П.З. Ермакову, впоследствии писал:

«Учитывая сложившуюся обстановку, Уральский областной Совет постановил: во избежание кровавых авантур, на которые могут пойти монархисты, используя фамилию Романовых как знамя контрреволюции, и в наказание за все преступления против народа – расстрелять бывшего царя Николая II и членов его семьи.

И на рассвете 18 июля 1918 г. не в императорскую усыпальницу Петропавловского собора, а в заброшенную шахту «Ганиной ямы», за урочище Поросенков лог, под конвоем группы конников из отряда П.З. Ермакова были свезены бранные останки династии Романовых» [94 - Медведев А.И. Указ. соч., с. 88.].

На самом же деле врал оба. Так как лично сам П.З. Ермаков был назначен Президиумом Исполкома Уральского Облсовета ответственным за тайное захоронение трупов Царской Семьи и Ее верных слуг. И это важное дело он, кстати сказать, полностью провалил! (Равно как и провалил его чекист М.А. Медведев («Кудрин»), который должен был контролировать последнего!) А его люди принимали участие лишь в первичном «захоронении» останков, так сказать, на его начальном этапе, когда тела Венценосных Мучеников сбросили в шахту № 7, расположенную в урочище «Четыре Брата» [95 - Далее почти все бойцы ермаковского отряда с целью прекращения начавшегося еще по дороге мародерства, во избежание продолжения такового были распущены, и лишь небольшая их часть была оставлена для охраны подступов к району «Ганиной ямы». Подробнее об этом факте см. в воспоминаниях Я.М. Юровского за различные годы. (Опубл. в книге «Исповедь царубийц».)].

А еще А.И. Медведев даже годы спустя, покрывал своего бывшего командира. Так как на деле, собрав накануне убийства Царской Семьи своих бойцов, П.З. Ермаков объявил, что лично им как наиболее преданным бойцам дела революции предстоит выполнение почетной миссии: покончить с династией Романовых! А еще он, видимо, намекнул своим бойцам, что непосредственно перед самым убийством они смогут поразвлечься...

После того как Екатеринбург был оставлен большинством красных частей, П.З. Ермаков долго не возвращался в родной город.

25 июля 1918 года он вместе со своим отрядом и некоторыми работниками Уральского Обкома РКП(б), Исполкома Уральского Облсовета и Верх-Исетского Ревкома отступал из города на блиндированном поезде по Горнозаводской ветке в сторону Кунгура. Однако вырваться с боем из города на восток им удалось через станцию «Шарташ», и только около четырех часов дня.

Кружным путем – через станции «Богданович», «Алапаевск», «Кушва», «Чусовой» – отряд добрался до Перми, откуда двинулись обратно в сторону Екатеринбурга. 1 августа ермаковцы объединились с Коммунистическим батальоном Уральского Обкома РКП(б), который накануне понес серьезные потери в личном составе. (В этот же день пополненный батальон вошел в состав 1-й бригады Западной дивизии.) В этом батальоне Верх-Исетский отряд образовал роту, командиром которой стал П.З. Ермаков.

25 августа часть этого батальона в составе 1-й и 3-й роты, полуэскадрона и пулеметной команды под командованием П.З. Ермакова была брошена со станции «Шаля» на Сылвенские высоты.

И здесь автор позволит себе привести еще одну выдержку из книги А.И. Медведева, в которой он описывает бой этого подразделения с чешскими легионерами:

«Но едва только смолкли наши выстрелы, как пехота противника снова – теперь уже редкими цепями – с винтовками наперевес, пошла в атаку. На этот раз ее подпустили поближе, метров на двести. И снова враг не выдержал. Ермаков

выхватил маузер:

– Коммунары, за мной!

Через час-полтора наш отряд полностью очистил высоты от чехов» [96 - Медведев А.И. Указ. соч., с. 94.].

Прочитав вышесказанное, следует обратить внимание на то, что А.И. Медведев упоминает о пистолете Маузера в руках П.З. Ермакова, как об имевшем место факте, свидетелем которого он якобы был сам. Однако автор данной работы просто уверен в том, что на описываемый в книге момент П.З. Ермаков не мог располагать пистолетом этой системы в качестве личного оружия, а был вооружен револьвером Нагана обр. 1895 г. (Более подробно об этом будет рассказано немногим ниже.) А свидетельство А.И. Медведева есть не что иное, как результат действия многочисленных рассказов П.З. Ермакова «о себе любимом» и своем «легендарном маузере», которые со временем подействовали на подсознание не только слушавших его людей, но и на бывших товарищей.

После боев в районе Сылвы приказом по войскам 3-й Армии Восточного фронта Коммунистическому батальону Уральского Обкома РКП(б) согласно постановлению заседания Пленума Уральского Обкома РКП(б) было присвоено наименование «Коммунистический Батальон имени Ивана Михайловича Малышева» [97 - Малышев Иван Михайлович (1889–1918) – участник революционного движения и Гражданской войны на Урале. Родился в семье рабочего. Окончил Горное Училище и учительские курсы (1905). Член РСДРП с 1906 г. Вел революционную и профсоюзную работу в Верхотурье, Надеждинске, Тюмени и Екатеринбурге. Подвергался неоднократным арестам (1907 и 1911 гг.) и высылке в административном порядке за пределы Пермской губернии. С 1915 г. – член подпольного Екатеринбургского Комитета РСДРП. В это же самое время – приказчик в магазине братьев Агафуровых. С началом Первой мировой войны Екатеринбургским Воинским Присутствием был призван на военную службу. Окончил Школу Прапорщиков Военного времени. С конца 1915 г. – в одной из запасных частей в Саратове. В 1916 г. комиссован по болезни. Вернулся в Екатеринбург, где продолжал вести работу по восстановлению городской партийной организации. В январе 1917 г. вновь арестован. Освобожден из тюрьмы в ходе событий Февральской смуты. Избран председателем Екатеринбургского Комитета РСДРП, а с апреля – членом Уральского Обкома РСДРП(б), затем – Зам. Председателя Екатеринбургского Горисполкома и членом Уральского Областного Совета. Делегат VI съезда РСДРП(б). Один из руководителей установления власти большевиков на Урале. После Октябрьского переворота – член Уральского Областного Бюро Всероссийского Союза металлистов. На 3-й Уральской Областной Конференции РСДРП(б) (январь 1918 г.) был избран Председателем Уральского Областного Комитета РСДРП(б). В марте – апреле 1918 г. – на «Дутовском фронте». В мае – июне 1918 г. руководил боевыми операциями против белых и чехословаков на Златоуст-Челябинском участке Северо-Урало-Сибирского фронта. 23 июня 1918 г., следуя в своем поезде в Екатеринбург, на ст. «Тундуш» (Златоустовского уезда

Уфимской губ.) был захвачен повстанцами и убит.]. А на должность командира этого батальона был назначен П.З. Ермаков. Но долго находиться в этой должности ему не пришлось, так как буквально через несколько дней его ранило. Но, по свидетельству очевидцев, он не покинул поле боя и продолжал командовать батальоном, лежа на носилках.

Когда П.З. Ермаков находился на лечении в госпитале, Коммунистический Батальон имени И.М. Малышева был передислоцирован в Кунгур, где после небольшого отдыха и пополнения его Рабочим отрядом пермских железнодорожников и Боевой дружиной Кунгурского уездного Комитета РКП (б) он получил наименование «Рабочего Стрелкового имени И.М. Малышева Полка». А первым командиром этого подразделения стал Н.Е. Таланкин.

Но это обстоятельство нисколько не помешало П.З. Ермакову по прошествии лет писать в анкетах, что с августа 1918 по июнь 1919 г. он проходил службу в должности «Командира полка Малышева»...

Выписавшись из госпиталя, П.З. Ермаков был зачислен на должность Комиссара Караульного батальона 3-й Армии Восточного фронта. То есть, выражаясь современным языком, – Комендантского батальона, главной задачей которого является охрана штаба и административно-хозяйственных управлений этого оперативно-стратегического объединения. Но долго комиссарить П.З. Ермакову не пришлось, так как с прекращением военных действий на территории Урала и Сибири к весне 1920 года Приказом РВСР от 6 января 1920 года Восточный фронт был расформирован с 15 января...

П.З. Ермаков выходит в запас и до начала июня 1920 года состоит в резерве Екатеринбургского Губвоенкомата.

Но уже на следующий месяц он отправляется добровольцем на Западный фронт, где получает должность Военного Комиссара 23-й Стрелковой бригады 8-й дивизии. (Это соединение входило в состав Ударной группы 16-й Армии, ведущей бои за «освобождение польского пролетариата» на Минском и далее на Варшавском направлениях.)

В июле 1920 года в боях на Березине П.З. Ермаков он был снова ранен и после своего излечения получает назначение на аналогичную должность в 1-й Стрелковый запасной полк 16-й Армии [98 - Точная дата ранения неизвестна, равно как и дата его назначения в 1-й Стрелковый запасной полк.].

Надо сказать, что как командир, так и комиссар был из П.З. Ермакова, прямо говоря, неважный. Сказывалось отсутствие образования, эрудиции и просто элементарной культуры человеческого общения. Но какую бы должность он ни занимал, для него всегда служил хорошим прикрытием его дореволюционный партийный стаж, а также знакомства с «сильными мира сего», которыми он в случае чего мог козырнуть! Это, собственно говоря, всегда и спасало его при переводе с места на место. А если еще учесть, что по своей натуре он был человеком грубым и к тому же сильно злоупотреблявшим спиртным, то, как говорится, комментарии излишни!

Но в то время такое положение вещей не являлось большой помехой, ибо большинство старых партийцев были подвержены этой пагубной страсти, которую относили к «тяжелому наследию царского режима»... И, как это ни странно, именно благодаря этим качествам П.З. Ермаков пользовался «заслуженным авторитетом» у бойцов и командиров новой формации. А его революционные заслуги только лишь повышали его в их глазах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, покидая это место службы, П.З. Ермаков получает на прощание от своих сослуживцев рукописный адрес, датированный 26 декабря 1920 года, в котором они, принося слова благодарности, выражают уверенность в том, что «...Вы сумеете принести еще много пользы Советской Республике благодаря Вашим познаниям, умению и энергии, которые Вы всюду проявляли, находясь с нами» [99 - В тексте этого адреса говорится, что П.З. Ермаков состоял в должности Военного Комиссара «продолжительное время», из чего можно сделать вывод, что он находился в штате этой части не менее полугода, т. е. с момента окончания боев 16-й Армии на р. Березине.].

В новую должность комиссара 48-й Стрелковой бригады этой же армии П.З. Ермаков вступил в самом конце декабря 1920 – начале 1921 года. И, вероятнее всего, пробыл в ней незначительное время [100 - Знакомясь с автобиографиями П.З. Ермакова за разные годы, невольно сталкиваешься с несоответствием таковых с прочими документами его личного архива (удостоверениями, справками и т. п.), ныне хранящимися в Муниципальном музее истории Екатеринбурга. Поэтому, рассказывая о жизненном пути этого человека, автор в своих исследованиях опирался исключительно на те документы, которые не вызывают сомнения в хронологии минувших событий.], так как из-за открывшейся раны был вынужден снова лечь в госпиталь, расположенный в Могилеве. А так как к моменту его выздоровления «освободительный польский поход» был уже окончен, П.З. Ермакова отправляют на Южный Урал, где летом 1921 года назначают на должность Военного комиссара формируемых там 24 Кавалерийских Уфимских Подготовительных Курсов РККА. Точная дата его назначения на эту должность также неизвестна, однако из удостоверения, выданного Приуральским Окружным Управлением Военно-Учебных Заведений от 14 июня 1921 года, видно, что: «Предъявитель сего действительно тов. Ермаков Петр состоит на службе при Окр. Упр. Военно-Учеб. Заведений Приурво в должности Военкома 24 Уфимских кавкурсов» [101 - Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 379/Д1 -552.].

Судя по другому документу [102 - Благодарственное письмо Председателя Политпросвета 24 Кавалерийских Уфимских Подготовительных Курсов РККА, датированное августом 1921 г.], работу по формированию Политпросвета 24 кавкурсов П.З. Ермаков закончил в августе 1921 года. При отбытии к новому месту службы ему также был вручен памятный адрес [103 - Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 407/Д1-580.], подписанный начальником этих курсов Филимоновым, Заведующим строевым обучением

Захаровым, а также командирами 1-го и 2-го эскадронов и командирами взводов.

Следующим местом службы П.З. Ермакова стали 20-е Кавалерийские Екатеринбургские Подготовительные Курсы РККА, на которых он также занимал должность Комиссара до весны 1922 года, после чего опять был направлен на 24-е кавкурсы, которые стали последним местом службы в его военной карьере.

Но сидеть без работы П.З. Ермакову долго не пришлось.

Решив окончательно порвать с военно-политической карьерой, он к июлю 1923 года добивается через своих знакомых и в первую очередь через А.Г. Белобородова (назначенного в августе 1923 г. на пост Наркома Внутренних Дел РСФСР) назначения на начальствующую должность в Рабоче-Крестьянской Милиции (РКМ) Западной Сибири. Вот только на какую, опять-таки неясно, так как в одной из своих биографий он указывает: «г. Омск (Приурново) Вр. назначен по борьбе с уголовн. бандитизмом омской губ. милиции» [104 - ЦДООСО. Ф. 41, оп. 2, д. 79.], а в другой – «В апреле 1923 г. был назначен начальником губмилиции города Омска, где возглавил ликвидацию групп уголовного бандитизма» [105 - ГА РФ. Ф. 539, оп. 6, д. 8796, л. 35 об.]. А так как РКМ в то время имела самостоятельные управления как городского, так и губернского уровней, то становится не совсем понятным: в каком из них именно он проходил службу? И остается только предполагать, что, по всей видимости, он все же был Вр.и.о. начальника РКМ г. Омска.

Ровно через год П.З. Ермакова отзывают назад в родной город, где назначают на вакантную должность помощника Начальника Горно-промышленной Милиции Екатеринбургского губернского отделения РКМ, и в течение года он занимает поочередно должности начальника Административного отдела Екатеринбургской губернской РКМ и Зам. начальника Горно-промышленной милиции Екатеринбургского Округа.

Видимо, не потянув столь высокую для него должность, П.З. Ермаков в июле 1924 года переводится в Челябинск, где получает место Начальника охраны Административного Отдела НКВД Челябинского Округа. Зарекомендовав себя на этой работе с положительной стороны, он в начале ноября 1925 года командировается в Златоуст, где вступает в должность Начальника Административного Отдела НКВД Златоустовского Округа [106 - Вопреки существующему мнению и домыслам некоторых исследователей что, находясь на службе в Административных отделах НКВД различных округов, П.З. Ермаков якобы «по старой памяти» занимался расстрелами заключенных, это не соответствует действительности. Ибо в то время в ведении Административных отделов местных органов НКВД (как структуры Центрального Административного Управления, образованного Приказом по НКВД 3 мая 1923 г.) был контроль за исполнением декретов и постановлений органов государственной власти, наблюдение за законностью и условием содержания задержанных лиц и пр.].

Проработав на этом месте до апреля 1926 года, П.З. Ермаков переводится на аналогичную должность в город Усолье Верхнее-Камского Округа. Но прежде чем покинуть прежнее место службы, командный и строевой состав милиции

Златоустовского Административного Отдела НКВД устраивает ему прощальную встречу, во время которой вручает памятный адрес и шашку с дарственной надписью, изготовленную на Златоустовском оружейном заводе.

В новую должность П.З. Ермаков вступил 10 мая 1926 года и проработал на ней до 17 сентября 1927 года, после чего был выведен в резерв комсостава НКВД.

Но буквально через два месяца он был вновь принят на службу в это ведомство и 22 ноября приступил к обязанностям помощника начальника Административного Отдела Административного Управления ОГПУ по Уральской области (ОБЛАУ ОГПУ).

Позднее, вступая в ВОСБ и отвечая на вопрос анкеты: «После Октябрьской Революции подвергались ли Вы партийному и Советскому суду и за что», Петр Захарович укажет, что: «Подвергался Контр. Комиссией за грубое отношение с заключен. после расследования Комиссии факт не подтвердился было ложное донесение. Контрольная комиссия вынесла [решение] дело прекратить» [107 - РГАСПИ. Ф. 124, оп. 1, д. 645, л. 2.].

В чем заключалось это грубое отношение, думается, пояснять не надо. Ибо, зная уркаганскую натуру П.З. Ермакова и его барско-паханские замашки, можно не сомневаться, что донесение это не было ложным. А что касается его грубого отношения к человеческой личности, то таковое, думается, коснулось не только одного заключенного... Или заключенных... Ибо «к месту» поставленная точка лишает автора сделать какие-либо определенные выводы в этом вопросе.

15 июля 1929 года, в годовщину «освобождения Урала и его революционной столицы – Свердловска от контрреволюционных банд адмирала Колчака» Президиум Свердловского [108 - В начале 20-х годов прошлого столетия был поднят вопрос о переименовании города Екатеринбурга, так как, по мнению властей: «...имя царицы терзало пролетарский дух». Но в вопросе о том, каким все же должно быть новое название города, единства среди его жителей не было. 6 марта 1924 г. в газете «Уральский рабочий» появилась информация «К переименованию Екатеринбурга». Рабочие ряда предприятий, отмечалось в газете, считали: «...что имя тов. Свердлова многим совсем не известно, так как тов. Свердлов в легальных условиях работал очень недолго и в самом начале революции». Высказывались также и самые разные предложения по новому названию Екатеринбурга: Андрейбург (в честь партийной клички Я.М. Свердлова – «Андрей»), Красноград, Реваншбург, Уралгород и даже Местиград (в честь казни Николая II и др. Членов Царской Семьи в этом городе в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.). На следующий день Екатеринбургский Горсовет создает специальную комиссию для решения данного вопроса. Заслушав итоги ее работы, Горсовет 14 октября 1924 г. постановил ходатайствовать перед центральными властями о переименовании Екатеринбурга в Свердловск. 30 октября 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение: «...Основываясь на многочисленных постановлениях рабочих собраний и профессиональных и партийных организаций, разрешить переименование Екатеринбурга в Свердловск», которое было подписано лично И.В. Сталиным. 3

ноября 1924 г. Президиум ВЦИК утвердил решение Екатеринбургского Горсовета. И с тех пор на протяжении почти семи десятилетий город именовался Свердловском.] Окрисполкома вручил П.З. Ермакову Почетную Грамоту, в которой выразил надежду, что он «...на всех этапах развития революции, как и в годы борьбы с колчаковщиной, будет в первой шеренге бойцов за социализм и мировую республику советов».

В 1928 году П.З. Ермаков выходит на пенсию, но работу свою не оставляет, продолжая служить по упомянутому чекистскому ведомству. Начиная с января 1931 года он занимает должности Зам. начальника Уральского ОБЛАУ [109 - ОБЛАУ ОГПУ – Областное административное управление ОГПУ] ОГПУ, а с сентября этого же года – начальника Уральского ОБЛАУ ОГПУ, с поста которого он все же уходит в 1935 г. по состоянию здоровья [110 - В этом году у П.З. Ермакова проявились первые признаки рака горла, которые и послужили его причиной увольнения из органов.]

Глава 7

«...подарен браунинг от коллектива»

Освоившись в столь близкой ему чекистской среде, П.З. Ермаков начинает свою борьбу за не дающие ему покоя лавры «главного царубийцы», открыто говоря всем, что именно он, а никто другой, собственноручно расстрелял всех Романовых в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

Из беседы М.М. Медведева с Г.П. Никулиным:

«...И вот этот товарищ Ермаков, о котором я рассказывал, который себя неприлично вел, присваивая себе главенствующую роль, что это он все совершил единолично, без всякой помощи.

И когда ему задавали вопрос:

– Ну, как же ты сделал?

– Ну, просто, – говорит, – брал, стрелял и все...» [111 - РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, д. 13, л. 18.]

Сам же П.З. Ермаков в своей краткой биографии, хранящейся в ЦДООСО (бывш. Партийном архиве Свердловского обкома КПСС), описывал этот факт следующим образом:

«Уральским Исполнительным Комитетом я был назначен начальником охраны дома особого назначения, где содержался бывший царь Романов и его семья под арестом.

16 июля 1918 г. по постановлению Областного Исполнительного Комитета о расстреле бывшего царя Романова [112 - В этом постановлении говорилось о расстреле одного Государя, а не всей Царской Семьи вместе с находившимися с Ней людьми.], я постановление привел в исполнение – сам царь, а также и семья была мною расстреляна. И лично мной самой трупы были сожжены. При захвате белыми

Свердловска остатков трупов царя найти не удалось.

3 августа 1932 г.» [113 - ЦДООСО. Ф. 41, оп. 2, д. 79.].

Желая увековечить себя как «истинного» цареубийцу, П.З. Ермаков еще не раз прибегнет в своих мемуарах к теме расстрела и сокрытия трупов бывшей Царской Семьи. В отличие от других участников этого убийства он оставил не одно, а целый ряд воспоминаний, в каждом из которых будет особо подчеркнута его главенствующая роль в этом деле.

Не забывал он упомянуть и о своем сданном в музей Маузера:

«Я спустился книзу совместно с комендантом, надо сказать, что уже заранее было распределено, кому и как стрелять. Я себе взял самого Николая, Александру, дочь, Алексея потому, что у меня был маузер, им можно верно работать, остальные были наганы» [114 - Там же. Ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 11. (Копия.)].

Однако приведенные выше строки являются частью «литературной правки» воспоминаний П.З. Ермакова, переданных им в Музей революции СССР, сотрудники которого 2 ноября 1952 года сняли с них заверенную копию по просьбе работников Партийного архива Свердловской области (ПАСО). На самом же деле неграмотность нашего героя была попросту фантастической, наглядное свидетельство чему – этот же отрывок, вынесенный в примечания [115 - В первоисточнике документа этот отрывок выглядел следующим образом: «Я спустился книзу совместно [с] комендантом. надо сказать, что уже заранее было распределено кому и как стрелять. я себе взял самого Никалая, Александру, доч, Алексея потому, что у меня был маузер, им можно верна работат, астальные были наганы».], который весьма наглядно показывает его исключительную амбициозность в деле претензий на лавры «главного цареубийцы». Но даже этого ему казалось мало. В своем желании выделиться еще больше из числа сотоварищей, П.З. Ермаков однажды дописался до того, что лично участвовал: «...в Октябрьском перевороте на судне «Аврора». И, как совершенно справедливо отметил в своей книге «Женевский счет» Ю.П. Власов, осталось только добавить – на капитанском мостике! [116 - Власов Ю.П. Женевский счет. (Трилогия «Огненный крест».) М., Издательская группа «Прогресс», 1993, с. 250.]

Но если все же постараться отбросить всю претенциозность этой, с позволения сказать, «исторической хроники» (в совокупности с убожеством ее изложения), то перед нами с очевидной ясностью встает вся глубина трагедии, постигшей 11 человек, 10 из которых были злодейски умерщвлены, даже без какой-либо видимости правосудия.

А чтобы читатель не счел автора несколько отклонившимся от темы нашего исследования, последний позволит себе заметить, что П.З. Ермаков отнюдь не случайно конкретизирует внимание на том, что только у него был пистолет Маузера: «...у меня был маузер, им можно верно работать, остальные были наганы».

То есть прямо свидетельствует о том, что у всех тех, кто принимал участие в расстреле Царской Семьи, были револьверы Нагана, и только он один имел в

качестве личного оружия пистолет Маузера.

Однако для того, чтобы разобраться в этом на первый взгляд не вызывающем сомнения факте, попробуем взглянуть на него с новой, совершенно не исследованной ранее стороны.

С легкой руки наших режиссеров и специалистов, консультирующих отечественные кинокартины о событиях революции и Гражданской войны в России, появилась целая плеяда экранных героев, вооруженных в своем большинстве пистолетами данной системы.

Такая, с позволения сказать, режиссура, не имеющая, кстати, ничего общего с реальной действительностью, породила у зрителя определенный стереотип, согласно которому, чуть ли не каждый, кто жил и воевал в то время, был обладателем этого пистолета.

На самом же деле пистолет Маузера был по тем временам довольно редким и весьма престижным оружием, иметь которое довелось далеко не каждому. И поэтому отнюдь не случайно Президиум ЦИК СССР официально утвердил его в качестве «Почетного Революционного Оружия».

5 января 1921 года в качестве такового ВЦИК Советов вручил пистолеты Маузера Главкому Вооруженных Сил Республики С.С. Каменеву и Командующему 1-й Конной Армии С.М. Буденному. А 12 декабря 1924 г. ЦИК СССР утвердил Положение «О награждении лиц высшего состава РККА и Флота Почетным Революционным Оружием», отличительной чертой которого должны были стать прикрепляемый на его рукоятку знак ордена Красного Знамени и крепившаяся во впадины магазинной коробки серебряная табличка с надписью: «Честному воину РККА от ЦИК Союза ССР». Однако ни одного награждения таким так и не было произведено.

С 1922 по 1930 год, по заявкам РККА и ВЧК – ОГПУ, Торговым Представительством СССР в Германии был заключен договор с фирмой «Mauser A.G.» на поставки в нашу страну пистолетов Маузера «Полицейской модели», которые в связи с этим получили на Западе название «Боло-Маузер», где «Боло» – производное от слова «большевик». (Хотя изначально, это слово означало – «компактный».)

Наряду с этим награждение пистолетами Маузера проводилось не только от имени ВЦИК и различных ЦИК, но и на основании соответствующих приказов по РККА и ВЧК – ОГПУ. Так, например, царубийца М.А. Медведев (Кудрин), по представлению Коллеги ОГПУ был награжден пистолетом Маузера К-96/12 «за беспощадную борьбу с контрреволюцией» на основании Приказа № 1180 по ОГПУ СССР от 20 декабря 1932 г. в связи с 15-летием ВЧК – ОГПУ. И причем не «Боло-Маузером», а пистолетом с длиной ствола 140 мм.

В таком случае эти пистолеты поступали в распоряжение ХОЗУ ЦК ВКП(б), а также на различные склады подобных управлений РККА и ОГПУ, откуда по ходатайству партийного руководства этих ведомств выписывались (вплоть до 1934

г. [117 - До убийства С.М. Кирова в 1934 г. практически любой член ВКП(б) мог иметь без каких-либо ограничений зарегистрированное в органах милиции личное оружие.]) для вручения в качестве наградного (именного) оружия наиболее заслуженным членам ВКП(б), как правило, бывшим участникам Гражданской войны.

Помимо пистолетов Маузера К-96/20 в качестве подобных наград вручались и револьверы Нагана обр. 1895 г., изготовленные на Тульском оружейном заводе по заказу ХОЗУ РККА, отличавшиеся от серийных образцов тем, что имели никелированную поверхность с вытесненным на левой части рамки гербом СССР.

Кроме этих, установленных образцов оружия, могли вручаться и другие (имевшиеся в распоряжении местного партийного руководства) системы автоматических пистолетов и револьверов.

К их числу относились, как правило, наиболее популярные автоматические пистолеты тех лет: Браунинга мод. 1900 г., Браунинга мод. 1903 г., Браунинга мод. 1910 г., Борхарда-Люгера обр. 1908 г. («Парабеллум»), Штайра обр. 1912 г., Кольта М1911 и др.

Так, находясь во время одной из своих командировок в Екатеринбурге, мне довелось видеть в одной из частных коллекций деревянную кобуру кустарного изготовления, предназначенную для ношения и крепления к ней австро-венгерского пистолета Рот-Штайра мод. 1907 г. [118 - Технические условия заводского изготовления данной модели оружия никогда не предусматривали его крепления ни к какой деревянной кобуре.].

Упомянутая кобура была изготовлена из твердых пород дерева и имела укрепленную на ней серебряную пластинку с надписью: «Боевому красногвардейцу – подпольщику-чекисту, краснознаменцу – Ал. Пр. Макарову за героическую борьбу с белогвардейцами в Прикамье от Саратов. ГРК ВКП(б)».

И вполне возможно, что кобура эта не представляла бы собой ничего интересного (разумеется, помимо ее исторической ценности по принадлежности), если бы не ее внешний вид. Ибо стараниями мастера она была сделана в форме кобуры к пистолету Маузера К-96 и не имела ничего общего с внешним видом штатной кобуры к пистолету Рот-Штайра мод. 1907 г. И думается, что изготовивший ее мастер приложил немало сил для того, чтобы она, будучи надетой на своего будущего владельца, хотя бы издали напоминала кобуру со столь престижным пистолетом того времени – Маузером К-96/12.

Не был обойден вниманием в этом деле и П.З. Ермаков.

24 декабря 1930 года, ко дню 25-летней годовщины его пребывания в рядах партии [119 - П.З. Ермаков и в этом случае умудрился соврать, приписав себе партийный стаж на один год, чтобы «быть ближе» к революционным событиям 1905 г.], он как старейший большевик от имени Уральского областного Административного Управления ОГПУ НКВД СССР и партколлектива ВИЗа был награжден Грамотой и пистолетом Браунинга мод 1910 г. зав. № 40005.

И об этом весьма важном в своей жизни событии он так написал в одной из своих

автобиографий: «...15 июля 1929 г. получил грамоту от Свердловского Окрисполкома в день 10-й годовщины освобождения Урала от Колчака, за активное участие в организации Красной Гвардии и как энергичному борцу за Урал. Одновременно получена грамота от рабочих Верх-Исетского завода и партколлектива завода, подарен браунинг от коллектива» [120 - ЦДООСО. Ф. 41, оп. 2, д. 79, л. 7.].

Глава 8

Что показали свидетели...

Чтобы не утомлять читателя пространственными рассуждениями рабочих аспектов данного исследования, вернемся вновь к событиям, описанным П.З. Ермаковым в своих воспоминаниях.

С его слов мы знаем, что убийство Царской Семьи происходило из двух видов оружия: его – пистолета Маузера и револьверов Нагана, имевшихся у остальных.

Давайте попробуем поверить старому большевику Петру Захаровичу Ермакову, а для того, чтобы до конца убедиться в правдивости его слов, предоставим слово другим непосредственным участникам и свидетелям этого преступления.

Так, бывший Начальник Караульной команды ДОН А.А. Якимов, арестованный в ходе следствия по делу об убийстве Царской Семьи, будучи допрошенным Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Округном Суде Н.А. Соколовым 7–11 мая 1919 г., показал:

«Относительно оружия я могу сказать следующее. У Юровского было два револьвера. Один у него был большой маузер, другой – наган. У Никулина был также наган. Кроме того, я видел в комендантской комнате большой револьвер, похожий по устройству на браунинг, но не браунинг, гораздо большего калибра револьвер. Я не знаю, как он назывался; возможно, что и кольт. У всех «латышей» [121 - «Латышами» обвиняемые и свидетели по делу называли всех тех, кто находился во внутренней охране ДОН.] были револьверы. Этих револьверов я не видел, но, судя по кобурам, думаю, что у них были наганы. У Медведева, когда я еще только поступил в охрану, был наган» [122 - Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи, с. 343.].

Приведенная выше выдержка из протокола допроса документально подтверждает наличие у Я.М. Юровского пистолета Маузера (если не в момент убийства, то, по крайней мере, в дни нахождения его в должности коменданта), о чем по вполне понятной причине умалчивает П.З. Ермаков.

Трудно поверить, что, встречаясь с Я.М. Юровским чуть ли не каждый день, П.З. Ермаков мог не заметить его оружия, с которым тот практически никогда не расставался. Само же предположение того, что он мог забыть об этом факте с годами (проявляя, где нужно, редкую память при описании собственных заслуг в деле царубийства), кажется автору просто абсурдным.

Выдержка из протокола допроса А.А. Якимова также является и важным свидетельством того, что в комнате коменданта находился пистолет непривычного для допрашиваемого калибра. Автор склонен считать, что это был тот самый пистолет Кольта № 71905, который Я.М. Юровский сдал впоследствии в Музей Революции СССР.

Помимо этого, косвенным доказательством того, что Я.М. Юровский во время исполнения обязанностей коменданта ДОН имел в своем личном пользовании этот пистолет, является еще и вот какой факт.

Среди хранящихся в ГА РФ документов фонда 601 имеется Наряд Окружного Хозяйственного Управления Уральского Военного Округа, выписанный 10.07.1918 г. на отпуск вещей Коменданту ДОН с Екатеринбургского вещевого склада. Так вот в этом наряде в числе прочих наименований упомянута кобура для «револьвера Кольт», в количестве 1 шт., в чем затребовавшему ее лицу было отказано ввиду отсутствия таковой на означенном складе [123 - ГА РФ. Ф. 601, оп. 2, д. 34, л. 55.].

Еще одним свидетельством того, что у Я.М. Юровского был пистолет Маузера, является протокол допроса бывшего Помощника Начальника Караульной команды ДОН П.С. Медведева. Арестованный в ходе следствия по делу об убийстве Царской Семьи и будучи допрошенным Членом Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеевым 21–22 февраля 1919 г., он показал: «У Юровского кроме нагана был маузер» [124 - Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи, с. 162.].

И думается, что выдержки из протоколов не нуждаются в комментариях...

Однако не лишним будет добавить, что П.С. Медведев в 1914 г. проходил воинскую подготовку в Верхотурье в качестве Ратника 1-го разряда в дислоцирующейся там 720-й Пешей дружине 56-й бригады 3-го корпуса Государственного Ополчения. А А.А. Якимов с 1916-го по 1917 г. в качестве добровольца принимал участие в боевых действиях на Румынском фронте. А это значит, что каждый из них просто не мог не знать форменного 3-линейного револьвера Нагана обр. 1895 г. или же перепутать его с каким-либо другим оружием!

Показания П.С. Медведева и А.А. Якимова полностью подтверждают воспоминания Члена Коллегии УОЧК М.А. Медведева (Кудрина), в которых он наряду со своим упоминает также и личное оружие некоторых других участников расстрела Царской Семьи:

«Юровский предлагает нам взять оставшиеся пять наганов. Петр Ермаков берет себе два нагана и засовывает их себе за пояс, по нагану берут Григорий Никулин и Павел Медведев. Я отказываюсь, так как у меня и так два пистолета: на поясе в кобуре американский кольт, а за поясом бельгийский браунинг (оба исторических пистолета – браунинг № 389965 и кольт калибра 45, правительственная модель С № 7851 – я сохранил до сегодняшнего дня). Оставшийся револьвер берет сначала Юровский (у него в кобуре десятизарядный «маузер»), но затем отдает его Ермакову, и тот затыкает себе за пояс третий наган. Мы все невольно улыбаемся,

глядя на его воинственный вид» [125 - Исповедь цареубийц, с. 187.].

И, несмотря на то, что М.А. Медведев (Кудрин) продиктовал свои воспоминания в декабре 1963 года, они не только не противоречат свидетельствам А.А. Якимова и П.С. Медведева, но и существенно их дополняют. Ибо М.А. Медведев (Кудрин) первым из всех ранее известных свидетельств очевидцев и участников цареубийства категорически подтверждает наличие у Я.М. Юровского пистолета Маузера в момент убийства Царской Семьи, а также акцентирует особое на «вооружении» П.З. Ермакова.

А если читатель на минуту возвратится к главе 5 «Лавры для цареубийц», в той ее части, где Г.П. Никулин рассказывает о передаче оружия в Музей Революции СССР Я.М. Юровским, то он, безусловно, освежит в своей памяти его фразу: «Ну, надо Вам сказать, что когда мы еще вели беседу в Музее революции, это было в 1927 г., куда мы сдали оружие – пистолеты. Он – свой, я – свой. Мой – кольт, а его был маузер, короткий».

Таким образом, на основании вышеизложенных свидетельств можно сделать следующий вывод, подтверждающий наличие пистолета Маузера К-96/12:

у Я.М. Юровского у П.З. Ермакова

1. Я.М. Юровский. 1. П.З. Ермаков.
2. Г.П. Никулин.
3. М.А. Медведев (Кудрин).
4. П.С. Медведев.
5. А.А. Якимов.

18 августа 1918 года Член Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеев произвел вырезку частей пола, а 20 августа – вырезку частей (фрагментов) Восточной и Южной стен комнаты, где произошло убийство Царской Семьи и Ее верных слуг.

После предварительного осмотра этих фрагментов оказалось, что почти в каждом из них находились револьверные и пистолетные пули, из которых (помимо прочих пуль к другим системам оружия): к револьверу Нагана обр. 1895 г. – 8 пуль, а к пистолету Маузера К-96/12 – 1 пуля.

Помимо этого, 25 мая 1919 года при осмотре рудника и окружающей его местности, в район которой были вывезены трупы Царской Семьи, в месте, именуемом в протоколе как «Глиняная площадка», следователем Н.А. Соколовым (в числе прочих вещественных доказательств) были обнаружены и пули, большую часть которых представляли пули к револьверу Нагана. Но была среди них и одна «стальная оболочка от пули», лишенная свинцового сердечника из-за воздействия на нее огня. Так вот именно эта оболочка была ничем иным, как оболочкой от пули кал. 7,63 мм к патрону пистолета Маузера К-96, выпущенной германской фирмой DWM (Deutsche Waffen u. Munitionsfabriken), расположенной в г. Карлсруэ, так как

только эта фирма выпускала в то время патроны данного типа, снаряженные пулями в стальных оболочках!

В 1979 году в ходе эксгумации костных останков Царской Семьи и Ее верных слуг в районе «Мостоотряда № 72» и дальнейшего просеивания грунта с места этой безымянной могилы было обнаружено еще 14 пуль к оружию разных систем. Среди них 9 оказались пулями к револьверу Нагана, 4 – к стандартному патрону Браунинга кал. 7,65 мм, а 1 – к пистолету Маузера К-96.

Таким образом, общее количество пуль, изъятых следствием в доме Ипатьева и на руднике в 1918–1919 гг., а также обнаруженных в 1991, 1993 и 1998 [126 - В 1993 и 1998 г. группа ученых-энтузиастов из Центра «Уран» и Института геофизики Уральской Академии наук по инициативе доктора геолого-минералогических наук А.Н. Авдонины проводила научные изыскания на месте первичного захоронения Царской Семьи. Данная работа велась на основе различных геофизических методик и охватывала собой участок, прилегающий к заброшенному руднику, расположенному в Урочище «Четыре брата». В ходе этих работ были обнаружены некоторые предметы, идентичные найденным Н.А. Соколовым в 1919 г., а также 10 пуль и их оболочек к патрону револьвера Нагана обр. 1895 г.] гг., позволяет автору сделать следующие выводы.

Общее количество пуль к револьверу Нагана обр. 1895 г. составило 28 (29) шт., а к пистолету Маузера К-96 – всего 3.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что все свидетельские показания и соотношение найденных пуль к револьверу Нагана и пистолету Маузера явно говорит в пользу того, что во время убийства Царской Семьи убийцами был использован только один пистолет Маузера К-96. И скорее всего этот пистолет был у Я.М. Юровского, а не у П.З. Ермакова!

Глава 9

«Товарищ Маузер» (1935–1952)

Из всего сказанного ранее можно лишь сделать однозначный вывод о том, что при совершении этого преступления стрельба из двух пистолетов Маузера К-96 была невозможна. И прямым доказательством этому – обнаруженные 3 пули кал. 7,63 мм к пистолету Маузера К-96, количество которых никак не подтверждает свидетельств Я.М. Юровского и П.З. Ермакова. Так как если принять все сказанное ими на веру, то количество таковых должно было бы составить никак не меньше 15–20 штук. А это, в свою очередь, дает возможность сделать заключение о том, что к моменту убийства Царской Семьи П.З. Ермаков попросту не имел в своем распоряжении пистолета Маузера К-96/12!

Это же самое обстоятельство подтверждается и свидетельством М.А. Медведева (Кудрина), а также не опровергается показаниями других участников и очевидцев этого преступления.

Но помимо этого есть еще одно интересное наблюдение, которое в некоторой степени дополняет это предположение.

В фондах СГОИКМ хранится фотография П.З. Ермакова, который изображен на ней почти в полный рост на фоне декоративного задника, установленного, по-видимому, в одном из фотоателье того времени.

По мнению работников музея, она относится к 1918 году и сделана незадолго до расстрела Царской Семьи.

На этой фотографии П.З. Ермаков изображен в рубахе военного покроя, гимнастерке с косыми накладными карманами, имеющими клапаны и плиссированную складку, и шароварах, заправленных в сапоги. В качестве головного убора у П.З. Ермакова имеется фуражка военного образца, с зауженной по моде того времени, тульей, на околыше которой имеется красная пятиконечная звезда с изображением плуга и молота, образец которой был утвержден Приказом Народного Комиссариата по военным делам за № 594 от 29 июля 1918 года.

Поверх гимнастерки надета часть офицерского пехотного снаряжения (портупей) обр. 1912 г., состоящая из:

- поясного ремня;
- наплечных ремней с гнездом для свистка;
- муфт (широких кожаных петель, к которым крепились наплечные и пасовые ремни);
- пасовых ремней, к которым должна была крепиться офицерская шашка обр. 1909 г.

С левой стороны на пасовых ремнях вместо шашки установленного образца у П.З. Ермакова висит нож классных чинов Корпуса Казенных Лесничих [127 - Корпус казенных лесничих был одним из структурных подразделений Министерства государственных имуществ.] обр. 1904 г. (который был принадлежностью их парадной формы), а с правой – самодельная кобура к револьверу Нагана обр. 1895 г.

Но, к сожалению, данное фото было подвергнуто ретуши. И причем, самое интересное заключается в том, что только в том месте, где было изображено личное оружие П.З. Ермакова. (Ибо там, где данная кобура должна была бы быть видна в полном своем объеме, явно усматривается линия гимнастерки, искусственно проведенная ретушером [128 - На одном из вариантов этой фотографии (переснятой с подлинника и представленной в книге А.И. Медведева «По долинам и по взгорьям» без имеющегося на таковом декоративного задника) кобура личного оружия П.З. Ермакова также имеет следы ретуши, с помощью которой обозначена ее крышка (клапан), а также свисающий вдоль бедра револьверный шнур укороченного образца.] А еще это видно из того, что кажущийся на первый взгляд фрагмент рукава (примыкающий к поясу П.З. Ермакова) является ничем иным, как заретушированным продолжением кобуры к его револьверу. Данные же, позволяющие автору сделать вывод о том, что висящая на поясе П.З. Ермакова кобура является еще и самодельной, заключается в следующем.

В кобурах заводского изготовления, большинство из которых являлось изделиями

известной в то время кожевенной фабрики Мусина-Пушкина, использовалась толстая (не менее 4–5 мм) кожа животных, которая не позволила бы ей деформироваться подобным образом. То есть так, как она деформирована на описываемой фотографии. А кроме того, кобура фабричного изготовления имела в своей нижней части некую вставку каплеобразной формы (в которую упирался ствол револьвера), что также не усматривается на данном фотоснимке. Так же, как и сужение блика на ее прямой части наглядно свидетельствует в пользу того, что она имеет в своей нижней части шов, по виду и форме которого можно смело исключить нахождение там этой вставки [129 - В дополнение к сказанному остается отметить, что при масштабном пересчете соотношения длины данной кобуры к длине находящегося в ней предполагаемого оружия П.З. Ермакова (в нашем случае револьвера Нагана обр. 1895 г. или пистолета Маузера К-96/12) таковая полностью соответствует длине штатного оружия, коим являлся упомянутый револьвер Нагана.].

Не менее важным, на взгляд автора, обстоятельством является то, что на левой стороне груди П.З. Ермакова располагается знак командира РККА [130 - Утвержденный как «Знак красноармейца и командира Красной Армии», этот отличительный символ, с введением красной пятиконечной звезды для ношения на головном уборе стал прерогативой исключительно командного состава РККА.]. (Его утвержденный эскиз был опубликован в газетах «Правда» и «Известия ВЦИК» 19 апреля 1918 г.) Вполне естественно, что на разработку технологии и изготовления инструмента, необходимого для ее массового производства, потребовалось определенное время, вследствие чего первые подобные знаки стали поступать в РККА не ранее конца лета 1918 г.

Но ведь на фуражке П.З. Ермакова имеется еще и пятиконечная звезда, которая стала поступать в части РККА лишь в начале осени 1918 года! Посему это обстоятельство дает автору право считать, что данное фото П.З. Ермакова (по своему временному происхождению) относится никак не ранее чем к сентябрю 1918 года. [131 - В упомянутой уже автором книге А.И. Медведева имеется групповое фото красноармейцев Рабочего имени И.М. Малышева стрелкового полка, сделанное в Кунгуре в конце сентября 1918 г. В центре этого снимка запечатлен П.З. Ермаков, слегка оправившийся от полученного накануне ранения, в той же самой форменной одежде, подробное описание которой приводилось уже в тексте. Так вот, весьма интересной особенностью этого снимка является то, что на головных уборах сфотографированных бойцов уже имеются красноармейские звезды, а на груди их командира П.З. Ермакова – «Знак красноармейца и командира Красной Армии».].

А все вместе позволяет сделать окончательный вывод о том, что Петр Захарович Ермаков не имел в своем личном пользовании пистолет Маузера К-96/12 не только в июле 1918 года, но и некоторое время спустя!

И еще.

Занимаясь изучением обстоятельств трагической гибели Царской Семьи в рамках

Уголовного дела № 18123666-93 «О выяснении обстоятельств гибели членов Российского императорского дома и лиц из их окружения в период 1918–1919 гг.» [132 - Данное уголовное дело было возбуждено 19 августа 1993 г.], Старшему прокурору-криминалисту (тогда еще!) Отдела криминалистики Главного следственного управления Генеральной прокуратуры РФ В.Н. Соловьеву удалось обнаружить в фондах Государственного центрального музея современной истории России [133 - Ранее – Центральный Музей Революции СССР.] еще одно фото, имеющее прямое отношение к предмету нашего исследования.

На этом фотоснимке была отображена группа партийных и советских руководителей Урала, сфотографировавшихся на месте так называемой «царской могилы».

Вплоть до сегодняшнего дня исследователями не установлена точная дата и год происхождения этого фотоснимка. Однако можно с уверенностью утверждать то, что он сделан не ранее 1924 года. И, что вероятнее всего, именно в этом году. И вот почему.

Из тринадцати человек, запечатленных на нем, автору удалось идентифицировать только десятерых, среди которых есть и П.З. Ермаков. (Этот снимок приведен в иллюстрациях к настоящему изданию.) Первое, на что автор хотел бы обратить внимание читателя, так это на орден Красного Знамени РСФСР, находящийся на груди А.Л. Борчанинова, который тот получил в 1923 г. [134 - Приказ Реввоенсовета Республики № 15 (номер неизвестен) за 1923 г.], и на значок члена ВЦИК, в состав которого он был введен еще в 1921 г. [135 - А.Л. Борчанинов был единственным из всех перечисленных лиц, который не проживал в Екатеринбурге. Однако по долгу своей службы ему довольно часто приходилось бывать в этом городе.] [136 - Поначалу было весьма сложно разобраться, кто есть кто на этом фото. Так, например, ознакомившись с этим снимком в середине 90-х, Ученый секретарь РЦХИДНИ (РГАСПИ) кандидат исторических наук Л.А. Лыкова идентифицировала личность А.Л. Борчанинова как В.К. Блю*~~censored~~*а. Неизвестного с бородой (стоит крайним справа) – как Р.И. Берзина, а В.М. Быкова – как Ф.И. Голощекина...].

Точно такой же значок виден на груди и И.П. Румянцева, ставшего членом ВЦИК в 1924 г., что лишний раз доказывает правильность авторских выводов.

Но главное, пожалуй, состоит в том, что все означенные лица именно в 1924 году проживали в Екатеринбурге.

Так, например, А.И. Парамонов с апреля 1924 г. состоял в должности Председателя Правления Уралсельхозбанка и редактора «Крестьянской газеты». Б.В. Дидковский – с 1922 по 1930 г. работал заместителем Председателя и Председателем Уралплана. И.П. Румянцев с 1924 по 1927 г. состоял в должности Секретаря Пермского и Свердловского окружкомов ВКП(б). А.Л. Борчанинов – Председателя Пермского Окрисполкома. Д.Е. Сулимов с 1923 по 1925 г. – Председателем Уральского Облесполкома. Г.М. Мороз с 1922 по 1926 г. состоял в должности Полномочного Представителя ОГПУ по Уралу. В.М. Быков с 1922 г.

возглавлял Уральский Истпарт и скончался в 1925 г., находясь на лечении в Ленинграде. (В то время как его младший брат Павел, ставший впоследствии автором нашумевшей книги «Последние дни Романовых», занимал должность Уполномоченного Госкино СССР по Уралу, Сибири и Дальнему Востоку [137 - Над своей книгой «Последние дни Романовых», впервые выпущенной в Свердловске в 1926 г., П.М. Быков работал по поручению Уральского Истпарта, возглавляемого в то время его старшим братом В.М. Быковым. Второе издание книги, вышедшей в 1930 г., было фактически все уничтожено не без прямого на то указания И.В. Сталина.])

Непосредственно же сам П.З. Ермаков, как уже говорилось выше, с апреля по июль 1924 года поочередно занимал должности начальника Административного Отдела Екатеринбургской губернской РКМ и Зам. начальника Горно-промышленной Милиции Екатеринбургского Округа.

Пользуясь торжественностью момента и с целью придания еще большего эффекта данному фото, П.З. Ермаков как единственный среди перечисленных лиц участник расстрела Царской Семьи выложил перед снимающимися свой Маузер, который к тому времени, конечно же, имел в личном пользовании. И это не случайно. Так как этим жестом он, безусловно, хотел «запечатлеть в истории» принадлежавший ему пистолет, выдавая таковой за «вещественное доказательство» царевубийства, совершенного в 1918 году.

Запечатленные же на фотоснимке большевистские деятели тогда вряд ли придавали этой детали большое значение. Тем более что те из них, кто хоть немного знал П.З. Ермакова, были, как говорится, в курсе водящихся за ним «слабостей», одной из которых была просто фатальная страсть к невероятному преувеличению собственных заслуг в любом деле.

Поведение П.З. Ермакова вполне объяснимо, так как лавры «главного царевубийцы», не дававшие ему покоя до самых последних дней его жизни, заставляли его всякий раз выдумывать все новые и новые интерпретации, свидетельствующие о значимости совершенного лично им «революционного подвига».

Кстати, вероятнее всего, именно в этот же день П.З. Ермаков был сфотографирован на мостике из шпал – месте, где, по его словам, он «пожог царя и всю его семью» [138 - В своих многочисленных выступлениях П.З. Ермаков любил часто повторять, что под его непосредственным руководством все трупы Царской Семьи были обезображены серной кислотой и сожжены до пепла при помощи облитых керосином дров. И что именно благодаря ему «...был и I Крематорий над коронованным разбойником», явно намекая на то, что еще за три года до открытия в Петрограде первого в европейской части России крематория впервые «устроил» таковой на Урале.], о чем сделал соответствующую надпись на обратной стороне этого фото, ныне хранящегося в СГОИКМ.

Слухи о бахвальстве П.З. Ермакова, конечно же, доходили и до Я.М. Юровского. И о том, что Петр Захарович как бы в пику ему кричал чуть ли не на всех углах, что

только он, а никто другой и есть «главный царевубийца», бывший комендант тоже знал. Знал, но почему-то молча сносил все хвастливые разглагольствования своего бывшего товарища, даже ни разу не пытаясь им воспрепятствовать. И это при том, что именно Я.М. Юровский еще в 1920 году рассказал Заместителю Председателя Истпарта М.Н. Покровскому о том, как происходило убийство Царской Семьи, не забыв, естественно, упомянуть свою заглавную роль в этом деле. А посему он, а не П.З. Ермаков был для партии и центральных органов власти «официальным царевубийцей». И именно этот материал с записью его рассказа был передан в Центрархив РСФСР, находившийся в непосредственном ведении ВЦИК.

Так почему же так получилось, что П.З. Ермаков на протяжении всей своей жизни был в этом вопросе, что называется, «на коне», а Я.М. Юровский (также стремящийся примерить к себе лавры «главного царевубийцы») до конца своих дней оставался в тени?

А дело в том, что тема царевубийства не была популярна с самого начала. Примером чему – книга П.М. Быкова «Последние дни Романовых», изданная на Урале в 1926-м и в Москве – в 1930-м, весь тираж которой был изъят и которая в настоящее время является библиографической редкостью. А о причине этого уже говорилось выше: И.В. Сталин, ни под каким видом не хотел слышать о своих политических противниках троцкистах, активно замешанных в деле царевубийства.

А вкупе с этим кандидатура Я.М. Юровского (его национальность, происхождение, а также социальный статус коммерсанта до 1917 г.) была, с точки зрения партийного руководства тех лет, как бы не совсем подходящей для выполнения такого важного пункта программы партии большевиков, как физическое уничтожение бывших членов правящей династии. В то же самое время анкетные данные бывшего рабочего П.З. Ермакова куда как более подходили под образ нескгибаемого «борца за народное дело», лично уничтожившего от имени пролетарских масс «Николая Кровавого» как «тирана и палача народов России».

И именно исходя из идеологических установок тех лет, еврей и бывший частный предприниматель Я.М. Юровский никогда не смог бы прилюдно «конкурировать» в этом вопросе с потомственным русским пролетарием П.З. Ермаковым.

Так что единственным утешением Я.М. Юровского на тот момент была уже упомянутая книга П. Жильяра, в которой, к его невероятной радости, прямо было сказано о том, что «Он тотчас поднимает револьвер и стреляет в упор в Государя, который падает как сноп» [139 - Император Николай II и Его Семья (Петергоф, сентябрь 1905 г. – Екатеринбург, май 1918 г.) по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Вена. Книгоиздательство «Русь», 1921, с. 268.].

А кроме того, Я.М. Юровский (в отличие от П.З. Ермакова), предвидя любые возможные последствия, не предвещающие для него и его близких ничего хорошего, вряд ли стал когда-либо выступать перед широкой аудиторией с рассказами о своих личных заслугах в деле царевубийства. И тем более после ареста любимой дочери...

Совсем другое дело – П.З. Ермаков, который беспрестанно твердил об этом у себя на Урале, посему к речам его давно привыкли.

Начиная с конца 20-х годов, Петр Захарович ведет довольно активный образ жизни, часто выступая перед общественностью Свердловска. Но с особым удовольствием он встречался с представителями молодого поколения – пионерами, комсомольцами и студенчеством, которым рассказывал, как он лично расстреливал из своего Маузера «...самого Николая, Александру, дочь и Алексея»... Поэтому нет ничего удивительного в том, что, наслушавшись подобных рассказов из уст «героя революции Ермакова», пионеры и молодежь 20–30-х годов с восторгом прозвали его «Товарищ Маузер», что чрезвычайно нравилось и льстило последнему.

Наряду с этим П.З. Ермаков вел также большую общественную работу, подтверждением чему являются многочисленные документы, хранящиеся в его личном фонде Муниципального музея истории Екатеринбурга.

Так, в частности, 5 мая 1933 года созданный при Уральском Истпарте Областной комитет содействия изданию «История Гражданской войны» приглашал П.З. Ермакова на совещание командиров и организаторов отрядов Красной Гвардии, принимавших участие в боях на различных участках Северо-Урало-Сибирского фронтов весной 1918 г. [140 - Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 400/Д1-573.].

Говоря об участии П.З. Ермакова в деле участия в убийстве Царской Семьи, нельзя не коснуться еще одной важной жизненной вехи П.З. Ермакова, начало которой положили события, произошедшие годом ранее.

В 1933 году корреспондент чикагской газеты «Daily News» Стонеман находился в служебной командировке в СССР. От случайных лиц ему удалось узнать, что в Свердловске проживает один из участников расстрела Романовых – Петр Ермаков, который служит в системе НКВД. Возвратившись в США, Стонеман поделился этой новостью с журналистом Ричардом Хэллибертоном, который вскоре должен был выехать в СССР. Путешествуя по нашей стране в 1935 году, он постепенно добрался до Свердловска, где сумел разыскать П.З. Ермакова и взять у него на квартире подробное интервью об убийстве Царской Семьи.

(В то время у П.З. Ермакова стали проявляться первые признаки рака горла, посему, не очень-то веря в благополучный исход своей болезни, Петр Захарович решил «исповедоваться» перед зарубежным корреспондентом в надежде на то, что его откровения будут напечатаны в каком-нибудь зарубежном издании. А значит, прославят его и за океаном!)

«На низкой, грубо изготовленной русской кровати... укрытый красными ватными одеялами... огромный, заплывший жиром мужчина пятидесяти трех лет [141 - На момент их встречи П.З. Ермакову еще не исполнился 51 год.]... беспокоило ворочался, лихорадочно хватая ртом воздух. Его челюсть отвисла, и из одного угла рта сочилась струйка крови. На меня в упор смотрели налитые кровью безумные черные глаза». В разговоре, продолжавшемся около трех часов, П.З. Ермаков признался Хэллибертону, что Николая застрелил все-таки Юровский. Его же

жертвой, сказал он, стала Александра. (...)

Свидетельства П.З. Ермакова о том, как были уничтожены трупы, подтверждали точку зрения Соколова. «Мы устроили из поленьев погребальный костер, таких размеров, что на нем в два слоя поместились тела. Мы вылили на трупы пять канистр бензина и два ведра серной кислоты и подожгли бревна. Я стоял рядом и следил, чтобы целым не осталось ни единого пальца, ни единой косточки. Нам пришлось довольно долго жечь костер, пока не сгорели черепа». В заключение П.З. Ермаков сказал: «Мы не оставили на земле ни щепотки пепла. Я поставил канистры с пеплом снова на грузовик и приказал шоферу, чтобы он вывез меня на шоссе. Там я рассеял пепел по воздуху – ветер подхватил его, словно пыль, и понес дальше по лесам и полям».

Вернувшись к себе в Нью-Йорк, Хэллибертон опубликовал интервью, данное ему Ермаковым на смертном одре. В Свердловске, однако, П.З. Ермаков восстал со своих красных одеял и прожил еще семнадцать лет» [142 - Мэсси Р.К. Романовы. Последняя глава. Смоленск, издательство «Русич», 1997, с. 31–32.].

После опубликования интервью Р. Хэллибертон всерьез увлекся темой убийства Царской Семьи и даже выпустил книгу под названием «Как убили царскую семью» [143 - Выдержки из этой книги были напечатаны в переводе на русский язык в известных русских газетах зарубежья: «Наша страна» (Буэнос-Айрес) и «Новое русское слово» (Нью-Йорк).], которая увидела свет в 1952 г. и в которой приводятся довольно пространственные выдержки из этого интервью.

Приведем и мы таковые, так как мало кто из наших соотечественников мог ознакомиться с ними по сей день.

Со слов П.З. Ермакова, выходило (а у автора нет сомнения в том, что Р. Хэллибертон позволил себе что-нибудь преувеличить), что после того, как участь Царской Семьи была решена, условия Ее содержания стали намного хуже. Бывший царевубийца также вспоминал, как он якобы поймал некоторых охранников, которые позволяли себе разговоры с Великими Княжнами, вызывавшие у них не только улыбку, но и смех.

«И они, – вспоминал П.З. Ермаков, – начали принимать папиросы от царя [144 - Об этом и других приводимых в этом отрывке фактах П.З. Ермаков мог узнать только из стенограммы выступления Я.М. Юровского, выступившего 1 февраля 1934 г. на «Совещании Старых Большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале».]. Мы не могли допустить этого. Я сказал Юровскому об этом. Он на следующий день выгнал начальника охраны Авдеева и всю охрану и сам взял на себя командование [145 - На протяжении всего своего рассказа П.З. Ермаков пытался доказать, что он и Я.М. Юровский были главными действующими лицами в деле организации расстрела Царской Семьи и сокрытия следов этого преступления.]. Я думал, что я жесток. Я видел тысячи человек убитыми, сам убивал множество их, но я был мягким человеком по сравнению с Юровским. При нем уже не могло быть разговоров с царевнами. Вместо охранников-рабочих Юровский вызвал взвод наших палачей из ЧК, в большинстве из венгерских

пленников. Было несколько русских в ЧЕКа, но Юровский не взял никого из них. Он чувствовал, что иностранцам можно было больше доверять» [146 - Пушкарский Н.Ю. Всероссийский Император Николай II (1894–1917). Жизнь. Царствование. Трагическая смерть. Саратов, «Соотечественник», 1995, с. 282.]

Поведав далее, как Я.М. Юровский назначил его своим старшим помощником, и о том, как они с С.П. Вагановым обследовали район заброшенных шахт, где должно было произойти сожжение тел несчастных жертв, П.З. Ермаков продолжал:

«Мы (я – Ермаков, Юровский и Ваганов) решили убить кроме царской семьи и всех их слуг, что составляло 11 человек. Служащую-большевичку, работавшую в доме, мы решили тоже взять в подвал, чтобы не вызвать подозрения. Ее, конечно, мы не собирались уничтожить и позже, перед расстрелом, ее удалили из подвала» [147 - Чтобы у читателя не возникало каких-либо мыслей в отношении личности этой самой «служащей-большевички», автор хочет сразу же оговориться, что сей персонаж от начала и до конца является вымышленным. Так как при существовавшем режиме охраны и содержания в ДОН находившихся в нем узников никакие посторонние лица туда не допускались.]

Развивая далее тему подготовки к этому убийству, П.З. Ермаков поведал, что:

«Юровский был главным распорядителем по расстрелу. Мы согласились, что лучше будет, если стрелять [будут] только трое: он, я и Ваганов [148 - В своих «неофициальных» рассказах о расстреле Царской Семьи и Ее верных слуг П.З. Ермаков постоянно упоминал С.П. Ваганова, что дало многим исследователям повод считать его одним из цареубийц.]. Последний – всегда со мной, он – хороший большевик, так же, как и я. У Юровского был наган, у Ваганова и у меня – маузеры. Таким образом, было только три исполнителя. Мы, исполнители, должны были стрелять в группу, скученную в маленькой комнате. Если бы нас было больше, чем три, мы бы мешали друг другу. Юровский сказал Ваганову и мне – не стрелять в царя и царевича, он сам хотел их убить. Мне достались царица, доктор Боткин, повар и лакей. Ваганов должен был убить четырех царевен и горничную царицы. Каждый из нас вложит новую обойму, как только выпустит все шесть пуль» [149 - Видимо, Р. Хэллибертон что-то явно напутал. Ибо если представить, что П.З. Ермаков и С.П. Ваганов были вооружены пистолетами Маузера, которые действительно заряжаются из обоймы в 10 патронов, то почему их надо перезаряжать после производства шести выстрелов? И тем более непонятно, в какое, так сказать, место револьвера Нагана следовало бы Я.М. Юровскому пихать обойму? Ведь при зарядании револьвера этой системы патроны, расположенные в 7 каморках его барабана, никогда не вставлялись при помощи какой-либо обоймы!] [150 - Пушкарский Н.Ю. Указ. соч., с. 284, 285.]

Рассказ же о самом расстреле у П.З. Ермакова свелся к нижеследующему:

«Юровский, Ваганов и я стояли рядом в дверях. Юровский начал читать составленный им “приговор”. Ему приходилось почти кричать, чтобы его можно было услышать за грохотом мотора, стоявшего у дверей.

– Вы думаете, что белые вас спасут, – этого не будет... Вы думаете о том, что вы

уедете в Англию, так и этого не будет. Уральский Совет приговорил вас и вашу семью к смерти за ваши преступления против русского народа...

Царица поняла сразу. Она вскочила, перекрестилась и напряженно стояла. Другие тоже поняли, но были слишком напряжены, чтобы говорить. Только царь, казалось, не понимал:

– Что?! За что?! – закричал он Юровскому.

Ответом Юровского было:

– Вот что! – И он выстрелил прямо в лицо царя. Пуля пробила насквозь его голову. Царь упал и более не шевелился...» [151 - Там же, с. 286.]

«Я (П.З. Ермаков. – Ю.Ж.) выстрелил в царицу, всего 6 футов, я не мог промахнуться. Попал ей прямо в рот, через две секунды она была мертва. Затем я выстрелил в доктора Боткина. Он вскинул руками и наполовину отвернулся. Пуля попала ему в шею. Он упал навзничь. Выстрел Юровского сбросил царевича на пол, где он лежал и стонал. Повар пригнулся к углу. Я попал ему сперва в тело, а потом в голову. Лакей упал, я не знаю, кто его застрелил... Ваганов расправился с царевнами: они лежали грудой на полу и стонали, умирая... Ваганов продолжал стрелять в Ольгу и Татьяну. Две младших – Мария и Анастасия – лежали около доктора. Освещение было плохое, комната полна дыма, так что наши прицелы были не всегда удачны... Я не думаю, что кто-нибудь из нас попал в горничную. Она опустилась на пол, спрятавшись в подушки. Один из охраны позже проткнул ей горло штыком [152 - Этим «одним из охраны» на деле был непосредственно сам П.З. Ермаков.]. Мы позвали охрану из коридора, чтобы они помогли закончить дело. Охрана прокалывала штыками и била прикладами всех без различия... Царевич все еще стонал. Юровский еще два раза выстрелил в него. Это его прикончило. Анастасия также еще жила. Один из охраны повернул ее на спину. Она закричала, и он добил ее до смерти прикладом [153 - Великая Княжна Анастасия Николаевна также была добита П.З. Ермаковым, который, встав ей ногами на обе раскинутые руки, произвел в нее смертельный выстрел из своего Нагана.]. Через несколько минут одиннадцать тел лежало в лужах крови. Комната опустела. Дверь закрылась за последним из, убийц» [154 - Пушкарский Н.Ю. Указ. соч., с. 286.].

После столь пространственного отступления, думается, следует подчеркнуть всего лишь две важные вещи.

Во-первых, то, что встреча П.З. Ермакова с Р. Хэллибертона, безусловно, была запланирована по сценарию сверху. Иначе кто бы позволил ему встречаться с представителем «продажной буржуазной прессы»? Да еще у себя дома! И к тому же выбалтывать проклятому капиталисту об одном из наших «могучих секретов», о котором в то время не полагалось даже заикаться... Ведь за такое даже в 1935 «мирном» году не только не погладили бы по головке, но и костерили бы за политическую близорукость на всех партийно-ячеечных собраниях и всевозможных райкомо-обкомовских бюро. А по прошествии всего пары лет можно было бы вполне быть подвергнутым аресту по «обвинению в шпионаже», после чего закончить свой жизненный путь у чекистской стенки...

А во-вторых, весь его рассказ, построенный от начала и до конца на уже известных фактах, был все же немного разбавлен малоизвестными, которые он мог почерпнуть только из рассказа Я.М. Юровского на «Совещании Старых Большевиков...», что является косвенным доказательством, если не его присутствия на таковом, так, по крайней мере, ознакомлением со стенограммой этого совещания...

Говорить же что-либо о сожжении тел Царственных Мучеников и Их верных слуг до состояния пепла не приходится вовсе, так как в этой части его «воспоминаний» комментарии, что называется, излишни ввиду того, что «кремировать» таковые в описываемых условиях физически невозможно. А уж рассуждать на эту тему после проведенной идентификации костных останков, извлеченных из бывшей Коптяковской дороги летом 1991 года, тем более не приходится...

Но, как говорится, не будем более утомлять читателя авторскими рассуждениями и продолжим рассказ о нашем герое.

Начиная с конца 30-х годов, П.З. Ермаков состоял членом Научного общества при Свердловском областном музее революции! Это с низшим-то образованием! (Хотя в своих биографиях он всегда указывал на то, что имеет «среднее».) Впрочем, в то время правильная политическая ориентация и партийный стаж были куда важнее, чем образовательный уровень!

Еще один, не менее интересный документ из фонда Муниципального музея истории Екатеринбурга, датированный 27 февраля 1939 года, доносит до нас обращенную к П.З. Ермакову просьбу Зам. директора по научной части Свердловского областного музея революции [155 - Открытый 7 ноября 1927 г. как Уральский Областной «Музей Революции», таковой в январе 1934 г. был переименован в Уральский областной Музей революции, а в 1939 г. – в Свердловский областной Музей революции.] Н. Чудакова провести для студентов и педагогов Промакадемии «экскурсию о расстреле Николая Романова» [156 - Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 400/Д1-573.]. И П.З. Ермаков, конечно же, соглашается. Ибо водить подобные экскурсии по музею для него было особой радостью. Той радостью, когда он заранее предвкушал, какое впечатление на присутствующих произведет его рассказ об убийстве Царя и Его семьи...

Вот только была одна закавыка. Точнее, один, но часто повторяемый вопрос, задаваемый подчас кем-нибудь из любопытствующих экскурсантов. Вопрос, который всякий раз портил ту нарисованную им в музейном зале картину его правдивого рассказа о расстреле Николая Кровавого. Да еще не где-нибудь, а в бывшем Доме Особого назначения, располагавшемся к тому же в то самое время на площади Народной Мести, названной так чуть ли не в его Петра Ермакова честь! Ибо ответа на него он не знал. А вопрос тем не менее не должен был оставаться без ответа. «Ну, царя и царицу – понятно! – не унимался кто-нибудь из любопытствующих. – А детей, все же за что?» И надо сказать, что честный ответ на него не находился в душе даже такого отъявленного негодя и безбожника, как П.З.

Ермаков. Так как ни один нормальный человек никогда не сможет оправдать это зверское убийство: ни по совести, ни по «классовому принципу»... А значит, и ответить честно на поставленный прямо вопрос. Так как все остальные разглагольствования о «живом знамени контрреволюции» даже тогда мало кого устраивали...

Состоя на учете в Молотовском районном комитете ВКП(б) города Свердловска, П.З. Ермаков с конца 30-х годов стоял во главе Военной секции ОСОАВИАХИМа этого же района.

С началом Великой Отечественной войны хлопот у Петра Захаровича прибавилось.

7 августа 1941 года П.З. Ермаков назначается Командиром батальона Народного Ополчения Верх-Исетского металлургического завода [157 - Там же, 391/Д1-564.], а с 25 ноября 1942 года он как председатель Военной секции Молотовского Совета ОСОАВИАХИМа наделяется полномочиями по осуществлению проверки оборонной работы во всех организациях означенного района [158 - Там же, 392/Д1-565.]. И с этого же числа он являлся представителем Молотовского РК ВКП(б) в Комиссии «Горрайвоенкомата по переосвидетельствованию военнообязанных» [159 - Там же, 393/Д1-566.].

Вероятнее всего, где-то в начале 1942 года П.З. Ермаков встречается с Я.М. Свикке [160 - Свикке Ян Мартынович (наст. фам. Свикис) (1885–1976) – советский партийный деятель, участник трех революций. Уроженец хутора Свикиса (местечко Вецумниеки), расположенного в Бауском уезде Курляндской губернии. Свою трудовую деятельность начал в 8 лет. С 1898 г. проживал в Риге, где работал в качестве рассыльного сначала в одной из колониальных лавок, а затем в магазине А. Фогта. В 1900 г., сдав экзамены на подмастерье кулинара, был командирован в Германию, где совершенствовал свои знания в этой области. До поездки за рубеж посещал Воскресную школу ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II при Рижском городском училище, в стенах которой впервые приобщился к революционной деятельности. По окончании этого учебного заведения получает звание и диплом народного учителя. В 1904 г. возвращается в Ригу и вступает в ряды партии социал-демократов Латвии (СДЛ). С 1905 г. работает народным учителем, с должности которого он неоднократно увольняется за политическую агитацию среди молодежи. Активное участие Я.М. Свикке в революционных событиях 1905 г. на территории Прибалтики заставляет его покинуть Ригу и выехать в Германию, где он продолжает свою учебу, окончив в Митвейде заводской техникум по специальности «Специалист по центральному отоплению». В 1908 г. возвращается в Ригу, где устраивается на работу в качестве управделами коммерческого училища Р.Р. Мурмана. С 1910 по 1912 г. работает на заводах Товарищества «Проводник», где занимает должность старшего писаря Расчетной конторы. С 1912 по 1915 г. работает в техническом бюро инженера А.И. Банкаина в качестве техника по центральному отоплению. В 1916 г. поступает в Московский Народный

Университет им. А.Л. Шанявского, где учится на Общественно-юридическом факультете, совмещая свою учебу с работой Старшего бухгалтера Автомобильного отдела Всероссийского Земского Союза. По прошествии лет, в своей автобиографии Я.М. Свикке напишет, что 15 декабря 1916 г. он был арестован Московским Охранным Отделением за политическую деятельность и выслан в Административном порядке в Иркутскую губернию за принадлежность к СДЛ, а также за активную агитацию против войны и по подозрению в организации предполагаемой к выпуску рабочей газеты антиправительственного содержания. Так это было или нет, но в Центральном архиве Нижегородской области и по сей день хранится «Дело о крестьянине Курляндской губ. Бауского уезда, Нейгутской волости Яне Мартыновиче Свикке, высланном из Москвы за пропаганду войны». Во время событий Февральской смуты возвращается в Ригу, где продолжает заниматься активной политической деятельностью. В июле 1917 г. избирается членом Президиума Исполнительного комитета Курляндского временного земского совета, а в августе этого же года назначается на должность комиссара Рижской Народной Милиции. 20 мая 1918 г. Я.М. Свикке назначается на должность Заведующего Осведомительным отделом Средне-Сибирского Округного Комиссариата по военным делам, а начиная с 9 июня 1918 г. совмещает такую с должностью члена Высшей Военной Инспекции, обязанности которого он исполняет до 20 июля 1918 г. Но в то же самое время начиная с 10 июля 1918 г. Я.М. Свикке совмещает означенные выше обязанности члена Высшей Военной Инспекции с должностью Комиссара Полевой Типографии Штаба Уральского Военного Округа. После окончания Гражданской войны – на советской, партийной и преподавательской работе. С началом Великой Отечественной войны вместе с семьей эвакуирован в Москву, откуда направлен в город Кыштым Свердловской области. Незначительное время проработал на одном из военных заводов, после чего по предложению 1-го Секретаря Кыштымского РК ВКП(б) К.Г. Захарова был назначен лектором-пропагандистом Кыштымского РК ВКП(б). По роду своей деятельности выезжал читать лекции в эвакогоспитали, на предприятия оборонного значения и в различные советские учреждения. В 1942 г. по делам служебной надобности неоднократно выезжал в Свердловск, где встречался с П.З. Ермаковым.], который, будучи эвакуированным на Урал, состоял в то время в должности лектора-пропагандиста Кыштымского РК ВКП(б) и по делам служебной надобности часто бывал в Свердловске. О том, сколько было этих встреч – одна или несколько, – история умалчивает. Но ясно лишь одно: Ян Мартынович сумел убедить Петра Захаровича в своем непосредственном участии в расстреле Романовых. Ибо сделать это было не так уж сложно, так как событие это непосредственно сам Петр Захарович помнил весьма смутно, ибо принимал в нем участие, предварительно сильно «приняв на грудь»... [161 - Автор не исключает возможности того, что, «заручившись свидетельскими показаниями П.З. Ермакова» в 1942 г., у Я.М. Свикке со временем окончательно вызрела идея представить себя в роли «главного царевубийцы», под руководством которого был осуществлен

расстрел Царской Семьи.]

В мае 1943 года в жизни П.З. Ермакова происходит весьма важное событие: он вступает в брак с Таисией Аристарховной, которая стала его второй супругой.

С конца мая 1943 года П.З. Ермаков являлся «...уполномоченным от Молотовского РК ВКП(б) для участия в Комиссии Свердловского Горрайвоенкомата по проверочной регистрации военнообязанных согласно приказа № 42 от 20 мая 1943 г.» [162 - Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 385/Д1-558.]

18 июля 1943 года, по поручению Молотовского РК ВКП(б) П.З. Ермаков был направлен «в парторганизацию завода № 217 [163 - Завод № 217 (до января 1937 г. – завод «Геофизика») специализировался на разработке и производстве оптических приборов военного профиля. На основании решения ГКО СССР от 7 октября 1941 г. был эвакуирован в Свердловск, где всего в считанные дни было собрано все заводское оборудование, сразу же начавшее давать первую продукцию. В течение 1943 г. было разработано 17 видов вооружений, в числе которых был авиационный прицел с автоматическим набором высоты для самолетов-торпедоносцев. Кроме обеспечения авиации, флота и артиллерии оптическими приборами, рабочие завода по своей инициативе помогали фронту дефицитными деталями не своего профиля. Например, это предприятие выпускало минный упрощенный взрыватель (МУВ), приемник к станковому пулемету Максима, узел затвора к реактивной установке БМ-13 («Катюше») и танковую призму, ограждающую механика-водителя от пуля. Нельзя также не сказать и о том, что, движимые чувством патриотизма, заводчане на свои сбережения покупали сверхплановую продукцию, которая отправлялась на фронт, вооружив, таким образом, 10 артиллерийских батарей и 4 авиационных эскадрильи.] для оказания помощи в проведении партийно-политической работы» [164 - Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 399/Д1-572.], а с 25 февраля 1944 года он являлся «членом Районной Перерегистрационной Комиссии военнообязанных от Молотовского РК ВКП(б) гор. Свердловска» [165 - Там же, 384/Д1-557.].

Помимо перечисленной общественной нагрузки, П.З. Ермаков также неоднократно выступал с рассказами о своем боевом прошлом перед ранеными бойцами, находящимися на излечении в Свердловске.

Так, 8 мая 1944 года Зам. начальника Госпиталя 3866 по политической части ст. лейтенант Великанов обратился к нему с просьбой о проведении беседы «о боевых делах уральских партизанских отрядов, одним из которых Вы командовали в период гражданской войны» [166 - Там же, 401/Д1-559.].

9 сентября 1944 года П.З. Ермаков был вызван в помещение Партийного архива Свердловского обкома ВКП(б) [167 - Там же, 403/Д1-576.] (опять-таки в доме Ипатьева!), где состоялась его встреча с представителем Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) С.Б. Сутоцким [168 - Сутоцкий Сергей Борисович (1912–1974) – писатель, журналист. Член ВКП(б). Работал в редакции московской газеты, был ответственным редактором газеты «Советское искусство».

В годы войны – сотрудник Института Маркса – Энгельса – Ленина. Принимал участие в составлении биографии И.В. Сталина (1946). В 50–60-е годы – сотрудник редакции газеты «Правда». Автор агитационно-познавательных произведений для молодежи по проблемам коммунистической идеологии, жизни и деятельности В.И. Ленина, в том числе книги «Книга великой жизни: Ленин Владимир Ильич. Краткая биография» (1955), «Слово – полководец» (1971), «Слово – строитель» (1974).]. О чем был этот разговор, сейчас остается только догадываться, но, думается, тема убийства в нем Царской Семьи не была обойдена.

Говоря о деятельности П.З. Ермакова в годы войны, нельзя не упомянуть о его поездке на фронт. На какой именно его участок, автору так и не удалось узнать, так как об этом факте лишь вскользь упоминает А. Яковлев в своем биографическом очерке «Товарищ Маузер», включенном в биографический сборник «Ленинская гвардия Урала»: «Началась Великая Отечественная война, и Ермаков на своем родном Верх-Исетском заводе готовил будущих бойцов. Сам все время рвался на фронт. Выехал однажды с делегацией и... со слезами на глазах просил командира части оставить его. Такой уж это был человек» [169 - Яковлев А. Товарищ Маузер. Сб. «Ленинская гвардия Урала». Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1967, с. 332.].

Выше уже говорилось о том, что осенью 1945 года П.З. Ермаков давал показания по так называемому «делу Медведева» [170 - См. п. 11 Главы 3 «Товарищ Маузер» (12. 1884 – 06. 1918).]. С этой целью он был вызван в УНКВД по Свердловской области, где дал показания, разъяснив допрашиваемым его лицам, что М.А. Медведев (Кудрин) и П.С. Медведев – разные лица. Находясь в этом учреждении, ему вновь пришлось рассказывать о своем участии в убийстве Царской Семьи. Но в этом случае он не стал, как прежде, «тянуть одеяло только на себя», рассказав, что помимо него в этом расстреле принимали участие еще двое «...начальник охраны Юровский, зам. командира латвийских красногвардейцев – Ян [171 - Вероятнее всего, караульный внутренней охраны ДОН Я.М. Целмс.] и я – Ермаков П.З.» [172 - Ю.А. Жук. Гибель Романовых. По следам неразгаданных тайн. М., ООО Издательский дом «Вече», 2009, с. 27.]. Но Ермаков не был бы Ермаковым, если бы впоследствии, что называется, не «оторвался», рассказывая всем и вся, как был вызван не в местное Управление НКВД, а в Москву. И не просто в Москву, в аппарат Л.П. Берии, а к самому товарищу И.В. Сталину!

Но на этом дело не кончилось. И, конечно же, все обстояло совсем не так, как рассказывал П.З. Ермаков.

Забегая немного вперед, следует сказать, что осенью 1946 года на квартиру П.З. Ермакова пришли двое сотрудников МГБ и предложили ему собираться в дорогу. Зная не понаслышке методы работы своих бывших коллег, П.З. Ермаков понял: это все... Дошла и его очередь...

Но к немалому удивлению последнего, люди в штатском отвезли его не в столь хорошо знакомую ему местную тюрьму, а на вокзал, где посадили в отдельное купе отходящего на Москву поезда. Слушая дорогой рассказы оправившегося от страха

Петра Захаровича, его сопровождающие шутили, балагурили и даже разрешили ему выпить, благо вся поездка была организована за казенный счет. По приезду в столицу П.З. Ермаков был помещен в один из номеров гостиницы «Москва» (позднее хорошо известной своими прослушивающими устройствами), где ему приказали взяться за написание воспоминаний... о расстреле Царской Семьи. И при этом ни при каких обстоятельствах не покидать гостиничного номера! Когда же воспоминания были готовы, П.З. Ермакову предложили пожить в номере еще какое-то время (видимо, тогда принималось решение по поводу его дальнейшей судьбы), после чего вручили обратные билеты до Свердловска, пожелав счастливого пути...

Но перед самым своим отъездом он все же побывал на Лубянке, где с ним была проведена профилактическая беседа о том, чтобы он никогда более прилюдно не рассказывал о своих революционных подвигах, и уж тем более о расстреле Царской Семьи. И вообще, чтобы больше помалкивал и поменьше бы врал про свое героическое прошлое! Еще до конца не осознав, что так легко отделался, Петр Захарович возвратился домой, а через некоторое время им была придумана та самая красивая история встречи со Сталиным.

Видимо, со временем ему это дело порядком поднадоело, посему в мае 1946 года он устраивается на работу в Свердловскую межобластную контору «ГЛАВСНАБТОПСТРОЙ» на должность Вр. И.О. Зам. Управляющего по общим вопросам [173 - Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 382/Д1-555.].

21 февраля 1947 года Молотовский РК ВКП(б) и исполком Молотовского Райсовета г. Свердловска наградил П.З. Ермакова Почетной Грамотой «за активное участие в подготовке и проведении выборов в Верховный Совет РСФСР 9 февраля 1947 года» [174 - Там же, 406/Д1-579.].

Сам же П.И. Ермаков также избирался в выборные органы Советской власти.

С 1922 по 1923 гг. он был депутатом Омского Горсовета. В 1924-м – членом Челябинского Окрисполкома, а по возвращении в Екатеринбург в этом же году – Екатеринбургского Горсовета. В 1926–1927 гг. П.З. Ермаков поочередно избирается членом Златоустовского Горсовета и Верхне-Камского Округа. А в 1931 и 1938 гг. он избирался в своем родном Свердловске депутатом Молотовского Райсовета.

В преддверии 30-й годовщины Октябрьского переворота П.З. Ермаков как старый большевик много выступает перед трудящимися города. В упомянутом уже неоднократно Муниципальном музее истории Екатеринбурга сохранился документ – «Отзыв о проведенной беседе старого большевика г. СВЕРДЛОВСКА тов. ЕРМАКОВЫМ ПЕТРОМ ЗАХАРОВИЧЕМ в в/ч п/п 78023», направленный Зам. командира в/ч по политической части гв. полковником Дмитриенко на имя секретаря Молотовского райкома ВКП(б) г. Свердловска» в котором, в частности, говорилось, что: «Личный состав части прослушал с большим интересом выступление тов. ЕРМАКОВА и остался доволен проведенной беседой, так как она имела большой воспитательный характер» [175 - Там же, 405/Д1-578.].

Выступление перед воинами означенной части дало толчок новой деятельности

П.З. Ермакова на ниве политического просвещения, примером чему – благодарственное письмо Ответственного редактора ежедневной красноармейской газеты Уральского Военного Округа «Красный Боец» подполковника П.И. Коробова от 2 июня 1948 года, в котором тот благодарит Петра Захаровича «...за активное участие в организации экскурсии воинов по историческим местам Свердловска» [176 - Там же, 364/Д1-566.].

В этом же году П.З. Ермаков после долгих лет перерыва встречается с К.Т. Новгородцевой-Свердловой, приехавшей в Свердловск накануне упомянутых торжеств [177 - Об этом факте свидетельствует адресованное П.З. Ермакову открытое письмо К.Т. Свердловой-Новгородцевой от 29 октября 1947 г. (ММИЕ. 365/Д1-537.) Это послание положило начало их переписке, продолжавшейся до самой смерти П.З. Ермакова, свидетельством чему несколько телеграмм и писем, ныне хранящихся в личном фонде П.З. Ермакова Муниципального музея истории Екатеринбурга. А так как к тому времени в живых остались немногие из тех, кто вместе с ней начинал свою революционную деятельность в Екатеринбургском Комитете РСДРП в 1905 г. (А.И. Парамонов, А.Н. Бычкова, П.З. Ермаков, Ф.Ф. Сыромолотов и др.), то все они были для нее – вдовы бывшего всесильного Председателя ВЦИК – не только ярким напоминанием ее давно ушедшей молодости, но и частью истории становления Советской власти на Урале. И именно поэтому она писала П.З. Ермакову в 1948 г.: «Дорогой Петр Захарович, сегодня я написала несколько писем в Свердловск, захотелось послать вам привет и пожелание здоровья. В марте 1949 г. исполняется 30 лет со дня смерти Якова Михайловича, тщательно ли подготовился музей (Государственный мемориальный музей Я.М. Свердлова в Свердловске. – Ю.Ж.) к этой годовщине? Надо бы, возможно, шире и глубже охватить город и область агитацией, пропагандой. Свердлов – это кусок истории партии, на живых примерах биографии легко знакомить людей с великой ролью нашей партии, с ее многолетней борьбой, с ее вождями. Уверена, что вы по-прежнему поможете музею всем, что в ваших силах. Рассчитываю в дни годовщины быть в Свердловске. Шлю привет. К. Свердлова. 3./XII 48 г.». (ММИЕ. 363/Д1-535.)].

За годы, прожитые в Свердловске, авторитет П.З. Ермакова как старого большевика и «знатока» революционного движения на Среднем Урале стал настолько непререкаем, что порой дело доходило, прямо говоря, до абсурда.

Так, 10 октября 1950 года Свердловский областной Дом народного творчества (состоящий в ведении Отдела искусств Свердловского облисполкома), за подписью методиста по фольклору В.Н. Курбатовой, прислал ему приглашение на трехдневный семинар «собирателей и сказителей фольклора». Так что теперь остается только гадать, с какой такой подоплекой было прислано это приглашение? То ли как шутка (ведь Петр Захарович не знал элементарной грамоты), то ли всерьез, как сказителю баек собственного сочинительства и знатоку матерного фольклора, в коем он действительно слыл непревзойденным мастером...

Последние годы жизни П.З. Ермаков тяжело болел и незадолго до смерти был

помещен в одну из городских больниц, где и скончался 25 мая 1952 года.

Похороны «героя революции» Петра Захаровича Ермакова состоялись 28 мая на участке старых большевиков Ивановского кладбища Свердловска.

Вскоре после его смерти бывшей Ключевской улице в Свердловске было присвоено имя П.З. Ермакова, которое она носила до середины 80-х годов минувшего столетия, после чего ей вновь было возвращено прежнее историческое название.

Долгое время могила П.З. Ермакова содержалась в надлежащем состоянии благодаря средствам, выделяемым из городского бюджета. Но с началом политических преобразований в нашей стране ситуация в корне изменилась. Постепенно могила приходила в запустение, а в начале 90-х на ней появилось изображение свастики и надпись «убийца», выполненная в виде кровоподтека.

После смерти П.З. Ермакова за возвеличивание заслуг последнего стала бороться вдова покойного – Т.А. Ермакова, стараниями которой была названа улица в его честь, а также опубликована биография «Товарища Маузера» в сборнике «Ленинская Гвардия Урала». Весь личный архив, а также некоторые личные вещи своего бывшего супруга (как, например, самодельные шахматы) были переданы Таисией Аристарховной в Государственный мемориальный музей Я.М. Свердлова.

В настоящее время о Петре Захаровиче Ермакове помнят лишь краеведы и те исследователи, которые занимаются темой гибели Царской Семьи, так как его сын, рождения не ранее 1909 года [178 - В соответствии с записью, имеющейся в Личном листке по учету кадров, заполненном не ранее 1946 г., П.З. Ермаков указал, что имеет «жену и сына 37 лет».], по имеющимся сведениям, с годами, что называется, покатился по наклонной плоскости, был осужден, и в конечном итоге его дальнейшая судьба осталась неизвестной...

Глава10

Реликвия Октября. (Окончание)

Вокруг сданного П.З. Ермаковым Маузера К-96/12 не без его помощи стали складываться легенды, которые могли бы составить конкуренцию любой древней притче.

Чтобы не быть голословным, приведу одну из них, напечатанную, видимо, в назидание потомкам, в газете «Пионерская правда» от 13 сентября 1957 года под рубрикой «Навстречу 40-летию Великого Октября»:

«ТОВАРИЩ МАУЗЕР

На одном из стендов Свердловского краеведческого музея хранится пистолет системы маузер. Кобура у него из твердого дерева. Ее можно прикрепить к ручке пистолета, и тогда он превратится в маленькое ружье. Сделали этот пистолет на бельгийском заводе лет 50 назад.

После революции 1905 г. рабочий класс России начал готовиться к новому бою с царским самодержавием. Необходимое для этой цели оружие приходилось покупать за границей и тайно переправлять в Россию. Так попал на Урал пистолет маузер, купленный на деньги рабочих.

Екатеринбургская организация большевиков вручила его рабочему Верх-Исетского завода Петру Ермакову, смелому человеку, выполнявшему важные поручения Комитета большевиков. Вооруженный маузером, Петр охранял тайные собрания рабочих. Но полицейские искали его, и все труднее становилось Петру вести революционную работу. В конце концов Ермакова арестовали. Оружия при нем не было (накануне мать Петра закопала пистолет в огороде), но все же рабочего на несколько лет упрятали в тюрьму, из которой он вышел перед Февральской революцией 1917 г. И снова маузер стал верно служить революции в руках командира красногвардейского отряда Ермакова. Петр сражался против банд белогвардейского атамана Дутова и иностранных захватчиков. В одном сражении, когда небольшой отряд рабочих защищал станцию, Ермаков был ранен, но продолжал руководить, пока рабочие не победили.

Потом маузер долго лежал в ящике. К началу Отечественной войны пистолет уже устарел. Воевали новым, более совершенным оружием.

Старого боевого товарища – маузер – Ермаков решил сдать в музей. Пусть видят люди, каким оружием отстояли Советскую власть их отцы.

Неверов» [179 - Неверов Л. П. (1904–1962) – уральский писатель, журналист, краевед. Родился он в Перми в 1904 году. Обучался в 1-й Пермской мужской гимназии, затем в Единой Трудовой Школе. С 1921 года работал в пермских губернских газетах «Звезда» и «На смену!». Учился на заочном отделении Исторического факультета Свердловского педагогического института, откуда перевелся в Свердловский коммунистический институт журналистики, где с 1939 по 1941 годы преподавал курс дисциплины «Информация в газете, несмотря на то, что самому Л.П. Неверову учебу в ВУЗе закончить не удалось. В годы Великой Отечественной войны Л.П. Неверов продолжал сотрудничать с центральными и местными газетами, а как партийный агитатор-пропагандист читал лекции по линии Свердловского Обкома ВКП(б). С 1948 года – директор Уральского музея революции (размещавшегося в то время в доме инженера Ипатьева, в котором в 1918 году была расстреляна Царская Семья), а после его расформирования – Ученым секретарем Свердловского областного краеведческого музея. С 1950 года работал рецензентом в Средне-Уральском книжном издательстве, но сам уже не писал. (За исключением участия в работе над книгой по краеведению «Исторические памятники Свердловска и области» в качестве одного из соавторов.) Последние годы жизни (с 1958 г.) был Ответственным секретарем журнала «Уральский следопыт». Умер в возрасте 58 лет от сердечного приступа. Похоронен в Свердловске.]

Для неискушенного читателя хочу еще раз напомнить, что, во-первых, пистолеты

Маузера изготавливались в Германии, а во-вторых, в 1905 году пистолет данной модели никак не мог быть у П.З. Ермакова, так как был смоделирован на заводах Маузера только лишь в 1912 году!

Но это вовсе не ошибка Л.П. Неверова, так как еще один уральский исследователь – А. Яковлев, написавший о П.З. Ермакове очерк точно под таким же названием, приводя стенографическую запись его воспоминаний (в которых тот рассказывал о событиях 1905 г. на Верх-Исетском заводе), пишет дословно следующее:

«Я заранее расставил патрули по всем проходным, чтобы полиция нас врасплох не застала. Рабочие вооружались: кто железной, кто камнем, кто чем. Кое-кто из дружины имел браунинги. У меня был маузер» [180 - Яковлев А. Указ. соч., с. 319].

И именно эта последняя фраза особенно заслуживает внимания, так как дословно повторяет другую, приведенную выше: «У меня был маузер. Им можно верна работат. а стальные были наганы».

Так что, будь то устный рассказ или написанные воспоминания, П.З. Ермаков всегда и везде акцентировал всеобщее внимание на том, что только у него, а ни у кого другого был пистолет Маузера, который, как уже знает читатель, достался ему с таким трудом и которым он, безусловно, очень дорожил.

Напомню также, что при сдаче этого пистолета в Уральский Областной «Музей Революции» П.З. Ермаков (так же, как и его «конкурент» Я.М. Юровский) нисколько не сомневался в том, что его незамедлительно поместят в экспозиции, как одну из «главных святынь» революционного Урала. Ведь по существовавшему тогда экспозиционному плану в комнате, где произошло убийство Царской Семьи и Ее верных слуг, планировалось воссоздание обстановки последнего периода царского правления.

Так, в юбилейном 1929 году 10-летней годовщины «освобождения Урала от белогвардейцев» наряду с тематической выставкой научными сотрудниками музея было заложено в смету «устройство в угловой комнате нижнего этажа (соседней с комнатой расстрела Романовых), а также «мешка» для политзаключенного» «в годы разгула царской реакции» [181 - Крайнова Е.В. Уральский Музей Революции. Россия. Романовы. Урал. (Сб. материалов Свердловского государственного историко-краеведческого музея (СГОИКМ), Екатеринбург. Банк культурной информации, 1993, с. 35, 36.]. (Например, одним из экспонатов этой комнаты были носимые каторжниками кандалы, которые символизировали собой «жестокость режима самодержавия».)

Признавалось и значение той самой комнаты, в которой уже в 1-й половине 1929 года был восстановлен внутренний вход из верхнего этажа здания музея, с целью «возродить историческую обстановку этого действия» [182 - В годы войны часть этой стены хранилась в помещении Вознесенской церкви, где в 1946 году открылся Свердловский областной историко-краеведческий музей. Некоторое время какая-то часть этой стены находилась и в Центральном архиве Октябрьской революции ГАУ при СМ СССР (в настоящее время – ГА РФ). Однако со временем, и тот и другой фрагменты были утрачены. (По непроверенным данным, та часть стены, которая

находилась в Свердловске, в годы Великой Отечественной войны была пущена на растопку.)).

Для этой цели была окончательно очищена от обоев и штукатурки та самая подлинная стена, на которой остались места удаленных из нее фрагментов с застрявшими пулями, извлечение которых было произведено белогвардейским следствием еще в августе 1918 года [183 - На этих открытках имелась пояснительная надпись приблизительно, одного содержания: «Чехо-словацкая делегация в помещении, где были казнены Романовы» и «Франко-бельгийская делегация в помещении, где были казнены Романовы». Но наряду с ними были и другие: «Передача Романовых Уралсовету» (репродукция картины худ. В.Н. Пчелина), «Бывший дом Ипатьева в момент заключения в нем Романовых», «Дом, где в 1918 году казнены Романовы», «г. Свердловск. Последний дворец последнего царя» и др.].

На фоне этой стены в октябре 1928 года были сфотографированы две «братские» делегации – «чехословацкая» и «франко-бельгийская», прибывшие в СССР для участия в работе VI Конгресса Коминтерна. Впоследствии же эти фотоснимки были размножены в виде почтовых открыток, широко распространяемых при посещении музея и по линии Уральского Отделения РОСТА [184 - «Исповедь цареубийц», с. 310.].

В конце января 1934 года Я.М. Юровский выехал в Свердловск, чтобы собрать там документы, необходимые ему для оформления персональной пенсии.

Вполне естественно, что поиск таковых он начал в Уральском Истпарте, который с 1928 года возглавлял С.С. Моисеев.

Вероятнее всего, их встреча состоялась именно в Ипатьевском доме, в ходе которой С.С. Моисеев наверняка предложил бывшему Коменданту ДОН осмотреть залы музея, в числе которых была и та самая историческая комната. Побывав в ней, Я.М. Юровский скорее всего не поверил глазам: почетное место среди всех прочих экспонатов, развешанных по стенам этой комнаты, превращенной в музейный зал, занимал ранее принадлежавший П.З. Ермакову пистолет Маузера, надпись под которым гласила, что именно из него им лично «...были убиты бывший царь, царица и наследник»...

Наверное, именно тогда (конечно же, «с целью восстановления исторической истины»!) у Я.М. Юровского возникла мысль о выступлении перед членами Свердловского Филиала ВОСБ, стенограмма которого сейчас хорошо известна под наименованием «Совещание Старых Большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале».

Намеченное выступление состоялось 1 февраля 1934 года в Ипатьевском доме. Имена же всех его участников до сих пор не выявлены. Однако доподлинно известно, что на нем присутствовали: С.С. Моисеев, Я.М. Юровский, А.Н. Жилинский, Е.Б. Вайнер и с весьма малой долей вероятности сам П.З. Ермаков.

Выступая на упомянутом совещании, Я.М. Юровский в самой категоричной форме осудил деятельность некоторых сотрудников этого музея, рассказывающих о расстреле Царской Семьи не со стороны «политической необходимости», а с позиций «зверской кровожадности». Ибо многие посетители этого музея зачастую задавали экскурсоводу уже хорошо известный читателю вопрос: «Ну, ладно царя и царицу... А детей-то за что?»

Поэтому, обличая такую «политическую близорукость», он говорил:

«Не менее вредны, кстати сказать, рассказы, которые до последнего времени давались в Музее революции и которые лишь в конце 33 года прекращены, как об этом рассказывал мне директор музея в настоящее время тов. Чевардин. Как об этом рассказывали в музее, мне говорили товарищи, приезжавшие сюда из Москвы, бывшие здесь, причем рассказывали не только для своих граждан, но и для иностранцев. Результатом такой работы было распространение скорее контрреволюции, вместо революции» [185 - Гаврилов Д.В., Боровиков Д.В. Расстрелян пролетарской рукой. Сб. «Убийство царской семьи Романовых». Свердловск, Издательство «Урал-Советы», 1991, с. 122.].

Занимаясь историей этого пистолета, я также ознакомился с работой уральских исследователей Д.В. Боровикова и Д.В. Гаврилова «Расстреляны пролетарской рукой», опубликованной в сборнике «Убийство царской семьи», выпущенном в Свердловске в 1991 г. Так вот эти упомянутые авторы писали, что: «Сохранился акт от 10 декабря 1927 г., в котором научные сотрудники Истпарта А.В. Баранов и В.А. Гензель подтверждают, что приняли у тов. П.З. Ермакова револьвер № 161474 системы маузер, которым, по свидетельству Ермакова, был расстрелян царь» [186 - В целях восстановления истины не могу не сказать о том, что Д.В. Гаврилов при личной беседе со мной заявил, что узнал о его существовании со слов своего коллеги Д.В. Боровикова.] [187 - Радзинский Э.С. Указ. соч., с. 455.].

Я же, честно говоря, впервые узнал о существовании этого акта приема-передачи в 1993 г., после выхода в свет книги Э.С. Радзинского «Господи... спаси и умири Россию», в которой сей маститый автор ссылается на место его хранения – Партийный архив Свердловского обкома КПСС (ПАСО), фонд 221, опись 2, дело 842, лист 7 [188 - Личный архив автора.].

Поэтому, когда я в свой первый приезд в Екатеринбург в конце 1993 г. посетил Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), его директором С.Д. Алексеевым мне был любезно предоставлен документ нижеследующего содержания:

Архивная справка

Документов, подтверждающих наличие акта «от 10 декабря 1927 г., в котором научные сотрудники Истпарта А.В. Баранов и В.А. Гензель подтверждают, что «приняли у тов. П.З. Ермакова револьвер № 161474 системы маузер, которым, по свидетельству Ермакова, был расстрелян царь» (см.: «Убийство царской семьи Романовых», Весть, Свердловск, «Урал-Советы», 1991, с. 122; а также: Э.

Радзинский. «Господи, спаси и умири Россию». М.: Вагриус, 1993, с. 455) в ЦДООСО не выявлено.

Указанные документы не имеются в делах фонда 221 (Партийный архив Свердловского обкома КПСС), опись 2, дела 774 и 842, фонда 41 (Уральский Истпарт), опись 2, дело 79.

Директор Центра С.Д. Алексеев [189 - Так в документе.].

Так что же? Значит, этого акта не существовало вовсе? Да нет – еще как существовал!

Просто произошла, мягко говоря, ошибочка. Ибо, как выяснилось впоследствии, сей документ числится не в фонде 221, а в фонде 224 и представляет собой лист 7 дела 845, зарегистрированного по описи 2 означенного фонда.

Разыскивая этот документ (на след которого мне удалось напасть лишь 2001 г.), я обратился за помощью к сотрудникам СГОИКМ, которые в 1994 году рассказали мне о существовании еще одного хранящегося у них документа, датированного 1946 годом, появление на свет которого было вызвано следующими обстоятельствами.

Когда в мае 1946 года Свердловский областной Музей революции и размещавшийся в этом же доме Свердловский областной антирелигиозный музей были ликвидированы, все коллекции последних были распределены между СГОИКМ, Государственным мемориальным музеем Я.М. Свердлова (ГММ им. Я.М. Свердлова), Мемориальным домом-музеем Д.Н. Мамина-Сибиряка, Школой СМРЖ, войсковой частью 93316 и Клубом глухонемых г. Свердловска, в результате чего интересующий нас музейный предмет был передан в СГОИКМ по нижеследующему акту:

Акт

25 сентября 1946 г. мы, нижеподписавшиеся, Директор Областного Музея Революции НЕВЕРОВ Л.П. и зав. Отделом Отечественной Войны и Отд. Соцстроительства тов. БЕРГАУЗ Р.Г. с одной стороны, – и с другой – Директор Обл. Краеведческого Музея ДИВИНСКИЙ Б.А. и Зав. фондами БОРОДИНА В.А. составили настоящий акт в том, что первые сдали, а вторые приняли:

Маузер за № ... [190 - Отдел документации СГОИКМ.], принадлежавший Петру Захаровичу ЕРМАКОВУ, которым и был в свое время передан Музеем революции.

СДАЛИ:

ДИРЕКТОР МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ

(Неверов)

ЗАВ. ОТД. ОТЕЧ. ВОЙНЫ И ЗАВ. ОТД. СОЦСТРОИТ.

(Бергауз) [191 - Сама мысль о том, что П.З. Ермаков хранил свой «исторический пистолет» где-нибудь на чердаке или в подвале, кажется автору, более чем нелепой, так как каждый сотрудник ОГПУ (каковым в 1927 году, безусловно, являлся и П.З. Ермаков) мог иметь и хранить у себя дома свое личное оружие.]

То, что в этом акте не указан заводской номер переданного в СГОИКМ, принадлежавшего П.З. Ермакову пистолета Маузера, безусловно, являлось нарушением норм регистрации музейных предметов. Однако возникшая ситуация никоим образом не была связана с каким-либо подлогом или махинацией ввиду того, что люди, засвидетельствовавшие своими подписями данный акт, являлись старейшими музейными работниками, честность и порядочность которых не подлежала сомнению. (Именно это обстоятельство впоследствии послужило причиной появления слухов о том, что этот пистолет был подменен на другой.)

Вероятнее же всего, оформлявшие этот документ лица намеревались вписать заводской номер этого пистолета чуть позднее, но в силу каких-то причин этого сделать не смогли. А так и оставшаяся незаполненной графа породила впоследствии этот невероятный слух...

А теперь постараемся дать некоторые разъяснения из того, что было сказано выше, для чего вернемся к некоторым выдержкам из статьи Л.П. Неверова.

Так, в частности, он пишет, что «...маузер долго лежал в ящике. К началу Отечественной войны пистолет уже устарел. Воевали новым, более совершенным оружием.

Старого боевого товарища – маузер – Ермаков решил сдать в музей».

Из этих двух приведенных автором умозаключений наиболее интересно первое. И действительно: ведь не мог же П.З. Ермаков держать свое «историческое оружие» абы где? Посему ящик письменного стола скорее всего был наиболее подходящим для этой цели местом. (Думается также, что в то время его оружие было в исправном состоянии.)

А теперь о втором. В самом начале этого повествования автор уже упоминал о том, что представленный в коллекции СГОИКМ пистолет Маузера К-96/12 зав. № 161474 за годы «музейного хранения» претерпел значительные изменения: покрылся легким налетом коррозии и утратил ряд своих деталей. Причем имеющийся на нем слой коррозии весьма характерен для всех металлических предметов, находящихся в продуваемых сквозняками, закрытых помещениях, подверженный перепадам температур, вследствие чего на их поверхности образуется конденсат. Вероятнее всего, так было и в нашем случае (помянутыми помещениями могут быть чердаки, погреба, любые хозяйственные постройки и т. п. или же просто неотапливаемые комнаты), так как, со слов работников музея, большинство его фондовых помещений в годы войны не отапливалось [192 - См. Главу 1. Из истории пистолета Маузера К-96/12.].

Помимо этого, автор также говорил о том, что на внутренней поверхности корпуса деревянной кобуры-приклада к этому пистолету имеются затеки половой краски. Их происхождение говорит о весьма небрежном отношении к оружию со стороны бывшего хозяина, но скорее всего наводит на мысль о ее отдельном (вне пистолета) хранении.

Состояние деталей механизма этого пистолета позволяет сделать вывод о том, что

он неоднократно ремонтировался, причем самым неквалифицированным способом, что вряд ли имело место при возможностях П.З. Ермакова. Но, честно говоря, почему-то именно этот музейный экспонат вытерпел над собой наибольшее количество надругательств. Начало таковым положили сами сотрудники музея (когда приводили его в негодность, в соответствии с нормами музейного хранения), просверлив в его патроннике и стволе три огромных отверстия самым «зверским способом». Другим видом такового являлось то, что этот пистолет длительное время не могли правильно собрать, поэтому на многочисленных фото он изображен с частично отведенной назад рамкой и наполовину взведенным курком. Далее же метаморфозы только продолжались...

Вслед за утратой перечисленных в Главе 2 деталей исчез и предохранитель, который запечатлен на многочисленных фото начала 90-х годов. (Наличие такового я хорошо помню в бытность своего первого пребывания в Екатеринбурге в 1993–1994 гг., когда этот пистолет был выставлен на экспозиции «Россия, Романовы, Урал», развернутой в одном из залов музея в означенное время.)

Еще одним явным несоответствием в этой статье было утверждение ее автора о том, что пистолет этот был сдан П.З. Ермаковым в музей сразу после войны. (Видимо, Л.П. Неверов пришел к такому выводу на основании музейного Акта от 25 сентября 1946 г., не имея представления об Акте Уральского Истпарта от 10 декабря 1927 г.) А его заявление, что к началу Великой Отечественной войны это оружие устарело, и вовсе не выдерживает никакой критики. (О том, что пистолеты Маузера вплоть до сегодняшнего дня не потеряли своей популярности, продолжая оставаться одним из самых мощных видов оружия, думается, известно всем, кто хоть мало-мальски знаком с историей развития стрелкового оружия [193 - Боровиков Д.В., Гаврилов Д.В. Указ. соч., с. 123.]).

А каких только легенд не рождалось вокруг этого экспоната?

Так, в своей статье уже упоминаемые Д.В. Боровиков и Д.В. Гаврилов вдруг ни с того ни сего заявили, что «...на пистолете, хранящемся в музее, номера и заводские знаки спилены, и при внешнем осмотре установить его подлинное происхождение невозможно» [194 - Там же.]

Не вступая в долгую дискуссию, советую этим господам просто внимательнее присмотреться к находящемуся в музее экспонату, на котором в положенных местах существуют все необходимые «номера» и «заводские знаки». А еще мне хотелось бы указать им на то, что опыт отечественной криминалистики не имеет в своей многолетней практике прецедента спиливания заводских маркировок и испытательных клейм, которые эти господа называют «заводскими знаками»...

Наряду с этим Д.В. Боровиков и Д.В. Гаврилов поведали читателю о том, что: «Ранее работавшие в музее сотрудники утверждают, что по имеющимся у них материалам, которые скрывались от посетителей, маузер был изготовлен на заводе в начале 20-х годов. Но разве можно принимать во внимание такие “мелочи”, если работникам музея так хотелось иметь у себя “бесценную реликвию?”» [195 - Ezell Edward. Handguns of the World. Stackpole Book, USA, 1981. Harrisburg, s. 390.]

В данном же случае я позволю себе дать исследователям Д.В. Боровикову и Д.В. Гаврилову один маленький совет: прежде чем делать столь смелые заявления, им следовало бы сравнить номер сданного в Музей Революции СССР пистолета Маузера К-96/12, принадлежащего Я.М. Юровскому, со «спилленным» номером аналогичного пистолета, принадлежащего П.З. Ермакову. А так как пистолет первого имел № 167177, а второго – № 161474, то разница между их номерами была всего в 5703 единицы! А значит, весьма близкой по времени их выпуска.

Но если на минуту постараться отбросить столь предвзятое отношение к работникам музея (ибо сей факт не имеет ничего общего с реальной действительностью) и закрыть глаза на некорректность подобного заявления со стороны указанных авторов, то тогда получается, что Я.М. Юровский пошел на заведомую ложь, когда в 1927 г. сдавал свое оружие, изготовленное... «начале 20-х годов»!

Но все это, разумеется, не более чем абсурд, посему автор считает необходимым дать некоторые пояснения относительно выпусков пистолетов Маузера К-96 кал. 7,63 мм за различный временной период, что наверняка поможет некоторым исследователям в их дальнейших изысканиях.

**ВЫПУСК РАЗЛИЧНЫХ ПИСТОЛЕТОВ МАУЗЕРА К-96 КАЛ. 7,63 ММ
ОРУЖЕЙНОЙ ФИРМОЙ «МАУЗЕР» (1895–1918 ГГ.)**

Время изготовления	Заводские номера	Примечания
С марта 1896 г. по сентябрь 1896 г.	С № 0 по № 90	Прототипы и различные инженерные разработки
С сентября 1896 г. по апрель 1897 г.	С № 90 по № 360	Так называемая «переходная модель» (Выпуск опытной серии.)
С апреля 1897 г. по конец 1898 г.	С № 360 по № 14 999	Первые выпуски Мод. «К-96»
С января 1899 г. по конец 1899 г.	С № 1 по № 5000	Поставки по контракту для итальянских ВМС. Общее количество pistols, выпущенных к концу 1899 г., составило 19 632 шт.
С 1900 г. по середине 1902 г.	С № 20 000 по № 35 000	Вторые выпуски так называемой «плоской модели», усовершенствованной для нужд армии
С 1902 г. по 1905 г.	С № 35 000 по № 50 000	Третьи выпуски «плоской модели» армейского образца
С 1905 г. по 1910 г.	С № 50 000 по № 90 000	Четвертые выпуски, сделанные по типу Мод. 1898 г.
С 1910 г. по 1912 г.	С № 90 000 по № 130 000	Выпуски pistols с емкостью магазина на 6 патронов осуществлялись с № 90 000 по № 120 000. Далее — вновь производство pistols с емкостью магазина на 10 патронов
С 1912 г. по 1918 г.	С № 130 000 по № 300 000	Разработка новой модели с емкостью магазина на 10 патронов. С 1915 г. серия pistols изготовлялась с № 280 000

Из приведенной таблицы видно, что пистолет Маузера К-96/12 зав. № 161474 мог быть выпущен между 1912 и 1915 гг. А если говорить точнее, то скорее всего в 1913–1914 гг., то есть накануне Первой мировой войны, что, естественно, соответствует интересующему нас временному периоду.

Однако «таинственная история» этого пистолета отнюдь не заканчивается на «спиленных номерах», легенда о которых вполне могла возникнуть в связи с отсутствием его заводского номера в соответствующей графе Акта приема-передачи от 25 сентября 1946 г.

В № 1 журнала «Родина» за 1993 г. (выпуск которого был посвящен 380-летию Российского Императорского Дома Романовых) была помещена фотография этого пистолета, имевшая пояснительную надпись: «Пистолет, принадлежавший Юровскому, из которого был убит последний российский император...»

А далее и вовсе начинаются чудеса...

В № 7 этого же журнала за 1997 г. было помещено фото револьвера Нагана обр. 1985 г. (выпуска не ранее 1940 года, на что указывает его модифицированная мушка), под которым с легкой руки обозревателя Льва Анненского появилась надпись: «Револьвер, из которого был застрелен Николай II»...

И как, читатель, прикажешь это расценивать? Как очередную сенсацию или очередной «журналистский ляп»?

Однако оставим сей «пассаж» на совести Льва Анненского. Ибо он, готовя для печати свое очередное интервью с прокурором-криминалистом В.Н. Соловьевым, видимо, не осознавал в полной мере того, что вина за подобные «ляпы» зачастую может быть расценена не как ошибка отдельно взятого журналиста, а раздута до масштабов «некомпетентности» всего следствия в целом...

Что ж, продолжение, как видно, следует...

Эпилог

Надо сказать, что Петру Захаровичу Ермакову крупно повезло.

В отличие от многих боевых товарищей его как-то обошла стороной машина сталинского террора, не подвергнув каким-либо репрессиям и не одарив клеймом «врага народа».

Единственное, о чем он глубоко сожалел на протяжении всей своей жизни, так это лишь о том, что он – старый большевик был незаслуженно обойден властями, не получив за свои революционные подвиги никакой награды, пусть даже в виде самого плохонького орденочка... Конечно, доживи Петр Захарович до юбилейного 1967 года, в который вся страна широко отмечала 50-летие Великого Октября, он, безусловно, был бы представлен как минимум к ордену Октябрьской Революции. Но этого не случилось. Петр Захарович к тому времени умер, вот уж как 15 лет...

Не секрет, что самым любимым рассказом Петра Захаровича Ермакова было повествование о его личном участии в расстреле Царской Семьи. Причем с годами его рассказы обрастали все новыми и новыми подробностями. «Вот этой самой рукой!» – любил повторять Ермаков, когда выступал на всякого рода собраниях и встречах с трудящимися. «Вот этой самой пролетарской рукой мною лично были расстреляны царь, царица и наследник!» – уже в который раз говорил он. И всякий раз при этом, как бы в подтверждение сказанному, картинно потрясал рукой в воздухе, мысленно представляя зажатый в ней пистолет Маузера.

И ему верили. Да и как было не верить ему – старому большевику и соратнику самого Якова Свердлова! И хотя ведомство «товарища Берии» во время визита Ермакова в Москву зимой 1946 года наложило запрет на его выступления с рассказами об участии в расстреле Царской Семьи, он хотя и осторожно, но продолжал таковые, ставшие фактически всем делом его жизни. Ибо больше всего на свете ему не хватало всеобщего признания. Тем более что за прошедшие с того времени годы Ермаков так вжился в роль «главного царубийцы», что и сам,

наверное, уже верил тому, что говорил.

Проживая в Доме Старых Большевиков по улице 8 Марта, П.З. Ермаков в погожую погоду часто выходил во двор, где, сидя на скамье за столиком, любил хвалиться своими «революционными подвигами». Слушавшие его лица из числа проживающих в этом же доме видных советских и партийных работников часто возражали и даже спорили с ним, уличая в неправде. Как правило, подобное недоверие страшно выводило его из себя, но вскорости все повторялось сначала.

А еще знавшие его люди запомнили, что Петр Захарович фактически не признавал никакой другой обуви, кроме сапог. Но голенища таковых в своей верхней части у него были всегда надрезаны из-за постоянных болей в ногах, происходящих из-за плохой циркуляции крови.

Поговаривали также, что из органов он уволился не по причине болезни, а «вылетел с треском» по причине неприкрытого мародерства, которым постоянно грешил, работая в системе ГУМЗ УНКВД по Свердловской области. И думается, что сие обстоятельство весьма похоже на правду, если хотя бы вспомнить случай с золотым портсигаром Императора Николая II, который П.З. Ермаков пытался себе присвоить сразу же после убийства Царской Семьи.

Любил он также часто захаживать в находящуюся при доме столовую-распределитель. В большинстве случаев обходилось без эксцессов. Но стоило подвыпившему Петру Захаровичу увидеть за буфетной стойкой нового продавца, как лицо его сразу же преобразалось и, подходя уже нетвердыми шагами к буфету, он восклицал: «Кружку пива с прицепом!» (Словом «прицеп» на местном жаргоне обозначался налитый «под маруськин поясок» стакан водки.) Выпив залпом стакан и запив его несколькими глотками пива, П.З. Ермаков, как правило, оставлял кружку недопитой, после чего всякий раз следовал к выходу, опасаясь, что его может развезти окончательно. А на справедливую просьбу оказавшегося в неудобной ситуации продавца (эту столовую, как правило, посещали видные большевики и члены их семей) оплатить свой заказ, Петр Захарович всякий раз гневно восклицал: «Ты что, не видишь, кто перед тобой? Не знаешь? Я – Ермаков! Я царя убил и всю его семью! Я первым устроил на Урале крематорий! Осознаешь – ты, работник “Нарпита”?» После чего картинно выдерживал паузу и уходил, провожаемый сочувственным взглядом работника общественного питания...

В 1935 г. у П.З. Ермакова был обнаружен рак горла на своей ранней стадии, который стал официальной причиной его увольнения из органов. Испугавшись не на шутку, Петр Захарович мысленно стал готовиться к самому худшему... Но случилось невероятное: болезнь, едва проявившись, отступила... Ибо Господь подарил цареубийце еще 17 лет жизни, за которые он так и не осознал совершенного им злодеяния...

В начале 1950 года вновь наступило ухудшение здоровья. А затаившийся на годы рак обожженного алкоголем горла начал проявляться уже во всей красе, почти полностью лишив его возможности общения. Неутешительными оказались также и анализы крови из-за цирроза печени, доведенной до последней стадии своего

существования многолетними излияниями Петра Захаровича...

Будучи помещенным в спецбольницу, находившуюся в доме бывшего Главного Начальника Горных заводов (сейчас – Свердловская областная больница № 2), он встретился со своим давним знакомым – В.Я. Ильичевым (Заместителем главного редактора газеты «Уральский рабочий»), проходившим там в то же время курс лечения. А так как В.Я. Ильичев на протяжении долгих лет собирал материалы по теме гибели Царской Семьи, он не преминул воспользоваться этим случаем. Но, к великому сожалению, у Владимира Яковлевича так ничего и не вышло. Как не выходило ранее и у одного из самых, казалось бы, ближайших его соратников – М.И. Медведева, во время работы последнего над своей книгой «По долинам и по взгорьям». Ибо после 1946 года П.З. Ермаков закрыл свой рот, что называется, «на замок» и про убийство Романовых не распространялся уже более никогда. Причем как в трезвом, так и в пьяном виде. А на задаваемые ему вопросы по этой теме всякий раз начинал лишь громко материться...

В конце апреля 1952 г. уже по-настоящему умирающего Ермакова вновь поместили в спецбольницу, которая, кстати говоря, находилась совсем недалеко от места его «революционного подвига» – дома Ипатьева. (Кстати говоря, в связи с особенностью болезни последнего кажется весьма интересным заявление А.П. Мурзина о его беседе с Ермаковым буквально за месяц до его смерти!) К середине мая П.З. Ермаков уже перестал узнавать посещавших его родных, а за несколько дней до смерти впал в бессознательное состояние, крича ночами от мучавшей его боли...

Так без покаяния и без креста уходил из жизни цареубийца Петр Ермаков...

И в шеренге таковых его смерть была уже четвертой после умершего от прободной язвы Я.М. Юровского и расстрелянных оппозиционеров-троцкистов – А.Т. Парупа (А.Я. Биркенфельда) и С.А. Бройда.

За два года до своей кончины Ермакову была назначена весьма неплохая по тем временам пенсия в 1200 руб. А по прошествии пяти лет после его смерти вдове была назначена персональная пенсия в 550 рублей. Однако ей этого показалось мало, и уже в ноябре 1959 года она пишет письмо в ЦК КПСС, адресованное лично Н.С. Хрущеву, к которому обращается с просьбой «увеличить пенсию, т. к. очень больна и находится в тяжелом материальном положении». Административный Отдел ЦК КПСС переправил письмо Т.А. Ермаковой в Комиссию о реализации пенсионных прав граждан, которая в своем заседании от 13 декабря 1959 года ходатайство Т.А. Ермаковой отклонила...

Ранее уже говорилось, что Ермаков был похоронен на одном из самых престижных городских кладбищ – Ивановском. То есть, на таком кладбище, где до 1917 года хоронили самых именитых граждан Екатеринбурга. Свое «почетное место» могила Ермакова заняла в непосредственной близости от могилы известного уральского писателя П. Бажова, который подобно Ермакову отстаивал с оружием в руках Советскую власть в составе знаменитого на весь Урал подразделения – полка «Красных Орлов».

Поначалу на могиле Ермакова был установлен его барельеф, который со временем упал и разбился. (Сейчас места его бывшего крепления многими посетителями этого некрополя принимаются за следы от пуль...)

«Рядом, прямо напротив фигуры Бажова, – пишет один из наших современников, – памятник другого пламенного коммуниста. Он облит красной краской. И это неспроста. Приглядитесь повнимательнее. Да-да, это могила того самого Петра Ермакова – активного участника расстрела семьи Романовых, гордившегося этим до конца своих дней. И красная краска здесь символизирует пролитую Ермаковым человеческую кровь».

Посетив впервые эту могилу в сентябре 2011 г., я увидел, что ничего не изменилось с начала 90-х. Все то же облитое краской надгробие. Могила не ухожена и, вероятнее всего, не посещается...

А продолжавшие оставаться на надгробии следы красной краски только лишней раз укрепили меня в мысли о том, что грех царубийства не отпускаем во все времена...

Приложения

Приложение № 1

П.З. Ермаков в материалах следственного производства 1918–1919 гг

Из Протокола допроса П.В. Кухтенкова [2 - Настоящая фамилия этого человека Кухтенко Прокопий Влади–мирович.]от 13 ноября 1918 г. Членом Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеевым в Верх-Исетском Арестном доме:

«(...) Числа 18–19 июля н/ст., часа в четыре утра, в клуб пришли: председатель Верх-Исетского исполнительного комитета совета Р.К. и Красноарм.[ейских] Деп.[утатов] Сергей Павлович Малышкин, военный комиссар Петр Ермаков и видные члены партии Александр Егорович Костоусов, Василий Иванович Леватных [3 - Правильно – Ливадных Василий Иванович.], Николай Сергеевич Партин и Александр Иванович Кривцов».

Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи. (Август 1918 – февраль 1920). Составитель Н. Росс. Франкфурт-на-Майне, Изд-во «Посев», 1987, с. 115.

Из Протокола допроса П.И. Логинова от 11 января 1919 г. Начальником Екатеринбургского Военного Контроля Штабс-Капитаном Белоцерковским на ст. «Екатеринбург-I»:

«(...) Разговаривая на эту тему с другим комиссаром, фамилии коего я не знаю, я слышал точно такую же версию о расстреле бывшего Царя и всей Царской фамилии, причем, насколько помню, он рассказывал мне даже некоторые детали, а именно: после того как был вынесен всей Царской семье смертный приговор, было решено тотчас же всех их расстрелять, а потому команда красноармейцев при комиссаре Голощекине отправилась в дом Ипатьева и, так как прибывших было больше, чем предназначенных к расстрелу, то был брошен жребий, кто должен принимать непосредственное участие в расстреле. На расстрел бывшего Царя жребий пал комиссару Ермакову».

Там же, с. 127.

Из Протокола допроса П.И. Логинова от 29 января 1919 г. Членом Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеевым в г. Екатеринбург:

«(...) Во время остановок на станциях ко мне на паровоз иногда заскакивал кто-нибудь из матросов или красноармейцев. На первой за Алапаевском станции (Ясашная) зашел ко мне на паровоз человек лет 30–32-х, среднего роста, плотный брюнет с густыми черными волосами и небольшой круглой бородкой. Одет он был в защитного цвета гимнастерку и брюки, вооружен был наганом. Судя по акценту, это был латыш. Был он слегка «навеселе» (выпивши), но не пьян. По этой или иной какой-либо причине, латыш был очень словоохотлив и пустился в пространные беседы со мной о разных злободневных вопросах (по преимуществу вели разговоры об оставлении Екатеринбурга, о разных случаях, бывших при поспешной эвакуации, и т. п.). Восстановить в своей памяти содержание всех этих разговоров я не могу. Не помню уже теперь, как и с чего зашел у нас разговор и о судьбе б. Императора. Твердо помню, что когда разговор коснулся этого вопроса, латыш мне сказал: «Это дело покончено» и пояснил далее, что Николай Романов и вся его семья расстреляны. Заинтересовавшись этим заявлением, я попросил латыша сообщить мне, как и кем был произведен расстрел, и тот, взяв с меня слово держать в секрете все им сказанное, объяснил, что б. Государь и его семья были расстреляны в доме Ипатьева согласно постановления Областного совета. Исполнители казни бросили меж собой жребий о том, кому и кого расстреливать. Убийство Государя выпало, по жребию, на долю б. Верх-Исетского военного комиссара Петра Ермакова. По словам латыша, осужденных на казнь приводили и расстреливали поодиночке. Когда на место казни был доставлен б. Император Николай II, комиссар Петр Ермаков объявил ему, что по постановлению Совета уральской области он приговорен к расстрелу. Государь сначала как будто не расслышал сказанного и спросил: «Что, что?», а затем на вопрос Ермакова: «Готовы ли вы?», ответил: «Я готов». Вслед за этим раздался выстрел, и Государь упал мертвым, сраженный пулей, выпущенной из револьвера Петром Ермаковым».

Там же, с. 135.

Из Постановления о дознании в отношении П.С. Медведева от 12 февраля 1919 г., произведенного Чиновником Екатеринбургского Уголовного Розыска С.И. Алексеевым в Пермской губернской тюрьме:

«(...) К этому времени в «Дом особого назначения» уже прибыли два члена Чрезвычайной следственной комиссии, один из них, как я узнал впоследствии, был Ермаков, как его звать, не знает, родом из Верх-Исетского завода, и другой, ему совсем неизвестный. Первый из них, Ермаков [4 - Состоя в должности военного комиссара 4-го Района резерва Красной Армии Екатеринбурга, П.З. Ермаков прибыл в дом Ипатьева как представитель РККА.], невысокого роста, черноватый, на вид лет 30, бороду бреет, усы черные, говорит – «приярыкивает», второй – роста высокого, белокурый, на вид 25–26 лет» [5 - Этим вторым неизвестным для П.С. Медведева лицом был член коллегии УОЧК М.А. Медведев (Кудрин)]. (...)

Все 11 трупов тогда же увезли со двора на автомобиле. Автомобиль с трупами был особый грузовик, который был доставлен во двор под вечер. На автомобиле этом с трупами уехали два члена следственной комиссии, один из коих был Ермаков, а другой, вышеописанных примет, ему неизвестный. (...)

Куда были увезены трупы, он, Медведев, достоверно не знает и никого об этом никогда не расспрашивал. Лишь позднее в городе Алапаевске он встретился с членом Чрезвычайной следственной комиссии, названным выше Ермаковым, и спрашивал его, куда девали трупы. Ермаков говорил, что он отвез их в шахту за Верх-Исетским заводом, там свалили все трупы в шахту, и затем будто бы взорвали эту шахту бросая туда бомбы, чтобы она засыпалась землею».

Там же, с. 152, 153.

Из Постановления Члена Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеева от 20 февраля 1919 г.:

«(...) Свидетель Владимир Кухтенков удостоверил подслушанный им разговор в. – исетского военного комиссара Петра Ермакова и деятелей партии коммунистов-большевиков Александра Костоусова, Алексей Партина и Василия Леватных. Содержание разговора сводится к тому, что эти лица принимали участие в сокрытии трупов убитых Царя, Царицы, Наследника, вел. Княжон, доктора Боткина и некоторых царских слуг».

Там же, с. 158.

Из Протокола допроса П.С. Медведева от 21–22 февраля 1919 г. Членом

Екатеринбургского Округного Суда И.А. Сергеевым в г. Екатеринбурге:

«(...) Еще прежде чем Юровский пошел будить Царскую семью, в дом Ипатьева приехали из Чрезвычайной комиссии два члена: один, как оказалось впоследствии, – Петр Ермаков, а другой – неизвестный мне по имени и фамилии, высокого роста, белокурый с маленькими усиками, лет 25–26. (...) На грузовик сели Петр Ермаков и другой член Чрезвычайной комиссии и увезли трупы. (...)

О том куда скрыты трупы убитых, я знаю только вот что: по выезде из Екатеринбурга я встретил на ст. Алапаевск Петра Ермакова и спросил его, куда они увезли трупы. Ермаков объяснил мне, что трупы сбросили в шахту за В.-Исетским заводом и шахту ту взорвали бомбами, чтобы она засыпалась. О сожженных близ шахты кострах я ничего не знаю и не слышал. Более никаких сведений о месте нахождения трупов я не имею».

Там же, с. 161–163.

Из Протокола допроса Ф.П. Проскуракова от 1–3 апреля 1919 г. Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Округном Суде Н.А. Соколовым в г. Екатеринбурге:

«(...) Вместе с Белобородовым приходил в дом еще какой-то человек. Ему было лет 35, роста он был невысокого, среднего, коренастого, плотный, волосы на голове черные, косым рядом, усы маленькие, черные кверху, бороду брил, щеки после бритья всегда отливали синей чернотой, нос длинный, тонкий, глаза черные. Отличался этот человек большим брюхом. Фамилии его я не знаю. Медведев мне его фамилии не называл. Но оба они (и Белобородов, и этот мне неизвестный) жили в Американской гостинице. Об этом мне сказывал Медведев. Еще я забыл сказать, что неизвестный волосы на голове имел курчавые. Всегда я видел их обоих, приходящих вместе. И ходили, как я уже говорил, оба они в дом всегда вместе. Должно быть, они были оба «главные» какие-нибудь. (...)

В 12 часов ночи Юровский стал будить Царскую Семью, потребовав, чтобы они все оделись и сошли в нижние комнаты. (...) Они требование Медведева (Юровского. – Ю.Ж.) исполнили и сошли в нижние комнаты в сопровождении Юровского, Никулина, Белобородова и этого курчавого пузатого. (...)

Хорошо еще помню, что, передавая мне бумагу, которую Юровский вычитывал ГОСУДАРЮ, он называл ее, эту бумагу, «протоколом». Именно так ее называл Пашка. (П.С. Медведев. – Ю.Ж.) Это я хорошо помню. Как только это Юровский сказал, он, Белобородов, пузатый, Никулин, Медведев и все латыши (их было, по словам Пашки, 10, а не 11 человек) выстрелили все сначала в ГОСУДАРЯ, а потом тут же стали стрелять во всех остальных. (...)

По словам Медведева, на этом грузовом автомобиле с трупами убитых уехали: Юровский, Белобородов, пузатый и несколько человек латышей. (...)

Человек, фотографические карточки которого Вы мне сейчас показываете (предъявлены фотографические карточки Петра Захарова Ермакова, представленные при дознании агентом Алексеевым, л.д. 11 об., т. 3-й), сильно похож на того самого, которого я называл пузатым и курчавым и который приходил во вторник с Белобородовым в дом Ипатьева. Действительно ли у него такое брюхо, как мне казалось, я не могу сказать. Может быть, он так был одет, что брюхо у него казалось мне большим, а на карточке этого как будто незаметно. Я припоминаю, что и Медведев, кажется, также называл его по фамилии «Ермаков» и говорил про него, что это комиссар, но какой именно комиссар и откуда именно, он не сказывал. (...)

Про пузатого я хорошо помню: Медведев сказывал, что он именно комиссар и живет именно в Американской гостинице».

Там же, с. 274, 277, 278, 280, 282.

Из Протокола дознания в отношении А.А. Якимова от 2 апреля 1919 г., произведенного агентом Екатеринбургского Уголовного Розыска С.И. Алексеевым в присутствии Прокурора Пермского Округного Суда П.Я. Шамарина в г. Перми:

«(...) Из числа лиц, бывших при внутренней охране, принимавших участие в расстреле, был один по фамилии, как он припоминает, Ермаков. Слышал он также между этими лицами фамилию одного – Костоусов. Фамилий Леватных, Малышкина и Партина не помнит. Костоусова он видал, помнит, что ходил он в простых белых очках. Костоусов, по словам Клещева, замывал пол в комнате расстрела».

Там же, с. 286.

Из Протокола дознания в отношении И.А. Фесенко от 30 апреля 1919 г., произведенного агентом Екатеринбургского Уголовного Розыска С.И. Алексеевым в г. Екатеринбурге:

«(...) Однажды во время работ, когда они подходили к завороту с дороги к Исетскому руднику, в местности около Четырех Братьев, он видел ехавших верхами на лошадях Юровского и с ним двух неизвестных лиц, одного из которых рабочие называли Ермаковым, а другой был пленный австриец [6 - Этим «пленным австрийцем» был бывший горный егерь в чине патрулефюрера (ефрейтора) – Рудольф Ла*sensored*, состоявший при комендантах ДОН А.Д. Авдееве и Я.М. Юровском в должности своего рода денщика.], мадьяр или кто другой – он не знает. Юровского он знал до этого, он занимал какое-то видное место при большевиках и был многим известен, а Ермакова и пленного видел в первый раз в жизни и до этого их совершенно не знал. Ехали они по направлению от Верх-Исетского завода к дер. Коптякам и повстречались с ним верстах в полуторах от разъезда Шувакиш к

Коптякам.

Встречаясь с ним, они спросили его сначала, чем он тут занимается. Он объяснил им, что занимается разведкой руд. Тогда они спросили его, можно ли будет проехать по этой дороге на Коптяки и далее на автомобиле-грузовике и при том объяснили ему, что им нужно будет провезти 500 пуд. хлеба. Он, Фесенко, сказал им, что дорога, кажется, хорошая: проехать на автомобиле можно. Сказал он им это наугад, т. к. до деревни Коптяков он тогда еще не дошел. Дорога вообще та плохая. Разговор с ним вел более Юровский.

Повстречались они с ними под вечер, приблизительно часов около 5-ти. Было это около 11 июля или после этого числа, – он хорошо не упомнит, но только знает, что в те именно числа.

Проехавши на дер. Коптяки, двое из упомянутых лиц – Юровский и Ермаков – вскоре вернулись обратно, а третий – пленный – с ними обратно не проезжал. Относительно дороги Юровский и Ермаков расспрашивали его, Фесенко, на обратном пути. О третьем товарище, возвращаясь обратно, они говорили, что он поехал осматривать дорогу.

В тот же день, когда проезжали эти лица, ехали по той же дороге из города Екатеринбурга на свою дачу с кучером жена Ивана Владимировна Ускова, которой попали навстречу Юровский и Ермаков. Ускова разговаривала с ним и сообщила новости в городе и что в городе паника, и что город эвакуируется, и что красные доживают последние дни.

После проезда Юровского и Ермакова он еще работал сколько-то времени, день или два, в означенной местности, а затем работы были прекращены, так как красноармейцы начали выгонять из той местности людей под предлогом военных действий».

Там же, с. 331.

Из Протокола допроса А.А. Якимова от 7–11 мая 1919 г. Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколовым в г. Екатеринбурге:

«(...) Хорошо помню, что [одному из русских] фамилия была Кабанов. Это я весьма хорошо помню и положительно это удостоверяю. Что касается остальных четырех из русских, то я не могу указать, кому из них какая принадлежит фамилия. Но только я помню, положительно удостоверяю, что эти русские, кроме Кабанова, носили фамилии Ермакова, Партина и Костоусова. Указать же, который из описанных мною русских носил фамилию Ермакова, Партина и Костоусова, я не могу, но только, повторяю, они носили эти фамилии. Пятому же фамилию я забыл и не могу сказать, был ли среди них человек с фамилией Леватных. Одного же из описанных мною людей, фамилия которому Кабанов, я запомнил именно по наружности. Эти же фамилии я потому запомнил, что меня, как разводящего [7 -

А.А. Якимову удалось скрыть от следствия, что при вступлении в должность коменданта Я.М. Юровского, он в соответствии с его приказом, был назначен Начальником Караульной Команды наружной охраны ДОН.], иногда посылали или Юровский или Никулин за кем-нибудь из них: «Позови Ермакова, позови Партина, позови Костоусова» [8 - Рассказываемое А.А. Якимовым вряд ли имело место в реальной действительности. Ибо никто из братьев Партиных (Николай или Алексей), а также ни А.Е. Костоусов, ни В.И. Ливадных, ни уж тем более П.З. Ермаков никогда не состояли во внутренней охране ДОН, а лишь участвовали в т. н. «захоронении», свидетельством чему показания П.В. Кухтенко.].

Там же, с. 337, 338.

Из заявления коллежского асессора Сретенского от 17 мая 1919 г. на имя Судебного Следователя по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколова:

«(...) Когда Семен и Афанасья Карлуковы пошли на покос утром в четверг (18 чис.), не доходя расстояния до двух верст до Четырех Братьев в узком месте дороги навстречу им попал грузовой автомобиль; на нем сидели три или четыре красноармейца, они везли две или три бочки с железными обручами, черные, из-под сала или керосина. Карлуковы отошли еще с четверти версты, – попал им навстречу второй легковой автомобиль «с шарами» (фонарями), на нем сидело три или четыре красноармейца. Прошли еще с полверсты, приблизительно, где из леса на дорогу вышли известные Карлуковым красноармейцы Ермаков и Ваганов, причем Ваганов не приказал дальше проходить, пригрозив в случае слушания застрелить их. Дальше в лесу видны были другие красноармейцы. Карлуковы воротились домой».

Там же, с. 347.

Из Протокола допроса В.Г. Редникова от 4 августа 1919 г. Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколовым в г. Ишиме:

«(...) Общее мнение кр-н д. Коптяков, соприкасавшихся тогда с рудником, было то, что трупы здесь сожигались. Назывались имена местных деятелей Ермакова и Ваганова. Больше ничьих имен слышать не приходилось. Оба эти «деятели» времен большевизма были в Верх-Исетске в то время: кто они такие, я не знаю. Ермаков – это амнистированный каторжник, а Ваганов – матрос».

Там же, с. 428.

Из Протокола допроса Н.Е. Божова от 5 августа 1919 г. Судебным Следователем

по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколовым в г. Ишиме:

«(...) Я до поступления в партизанский отряд [9 - Имеется в виду партизанский отряд Капитана Иванова, впоследствии Коменданта поселка Верх-Исетского завода.] служил объезчиком Верх-Исетской дачи и жил в Верх-Исетске. Ермакова я немного знал. Он был житель Верх-Исетска, но за что-то до революции находился в ссылке. А после переворота он вернулся из ссылки. После же большевистского переворота он стал заправилкой в Верх-Исетске: военным комиссаром. Был он, должно быть, самый настоящий большевик. Я видел его часто до большевистского переворота скупающим оружие на толчках. Раз он спрашивал продажного оружия и у меня. В эти дни, когда не было пропуска к Коптякам со стороны города, мой тесть Петр Сафонович Воронин ездил за дерном. Он драл тогда дерн в болоте у Четырех Братьев. Когда он ехал назад, около Поросенкова лога ему навстречу попался Ермаков. Он ехал верхом. С ним ехали красноармейцы его отряда. Ведь все же знали тогда, кто был у Ермакова в отряде: все наши же верх-исетские молодые ребята. Я сам знаю двоих, которые были в отряде у Ермакова: Егора Скорынина (теперь убит: застрелился сам перед приходом чехословаков), другой – Михаил Шадрин (он ушел с красными). Других, которые были в отряде Ермакова, я не знаю, но я сегодня же Вам сообщу, кто именно состоял тогда в его отряде: наша команда должна всех знать их. Обязательно из них заставы и состояли тогда на Коптяковской дороге. Кто именно ехал тогда из этих красноармейцев с Ермаковым, я не знаю. Тесть, может быть, и знает, но не расспрашивал я его об этом. Когда Ермаков встретил тестя, он на него заругался и сказал ему: «Вам сказано, что сейчас тут ездить нельзя». Тесть его напугался, потому что его взгляда все боялись одного: поступал строго. И еще тогда один человек проезжал этой местностью, да я не знаю, кто такой. Его тогда Ермаков чуть не убил. Этот человек обязательно тоже знает, с какими тогда красноармейцами ехал Ермаков. (...)

Я вижу предъявленную мне Вами фотографическую карточку Александра Егорова Костоусова (предъявлена карточка Костоусова). Это он. Это был самый опасный из большевиков. Он меня чуть не расстрелял. Он тоже ушел с красными, как Леватных и Партин. И Ермаков и Ваганов были близки с Голощекиным».

Там же, с. 430, 431.

Из Протокола допроса А.Р. Зудихина от 5 августа 1919 г. Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколовым в г. Ишиме:

«(...) Ермакова я знал по Верх-Исетску. Он давно еще занимался грабежами на больших дорогах и нажил таким путем деньги. Был он за что-то сослан на каторгу и находился в ссылке. После революции он вернулся в Верх-Исетск, и, когда власть взяли большевики, он стал военным комиссаром. На предъявленной мне Вами фотографической карточке изображен он – Ермаков (предъявлена карточка

Ермакова).

Там же, с. 432.

Из Протокола допроса И.С. Зубрицкого от 7 августа 1919 г. Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколовым в г. Ишиме:

«(...) Жена мне передавала, что утром 19 июля часов в 6–7 через Верх-Исетск как раз по Коптяковской дороге проходило несколько автомобилей. В них сидело несколько каких-то людей с поникшими головами, как сонные. Кажется, жена узнала в одном из них Ермакова.

Ермаков – наш, коренной верх-исетский житель. Он мальчонкой служил писарем, должно быть, в заводской конторе. С 1905 г. он стал заниматься «политикой» и сделался*~~сensored~~*ганом. Его сослали, а в эту революцию он вернулся и при большевиках сделался у нас военным комиссаром».

Там же, с. 438.

Приложение № 2

Документы и материалы личного архива П.З. Ермакова

Документ № 1

Военному 1-го Запасного Стрелкового полка 16 армии

Уважаемый

Петр Захарович!

Мы, нижеподписавшиеся комсостав полка Военным комиссаром которого вы состояли столь продолжительное время, теперь когда Вы уходите от нас для того, чтобы занять более ответственный пост мы от всей души приносим Вам, уважаемый Петр Захарович свои наилучшие пожелания и благодарим Вас за то теплое и доброжелательное отношение к нам, какое мы всегда встречали от Вас везде и всюду, видя в Вас строгого и всегда справедливого комиссара и товарища.

Теперь когда Вы вступаете на новый пост мы глубоко уверены в том, что Вы сумеете принести еще много пользы Советской Республике благодаря вашим познаниям, умению и энергии, которые Вы всюду проявляли находясь с нами.

26 Декабря 1920 г.

В правой части документа имеется расположенная вертикально запись: «С удовольствием отмечаю полезную службу в полку тов. Комиссара Ермакова.

Командир полка Ильюшин», заверенная оттиском круглой гербовой печати этого подразделения.

В нижней части документа имеются многочисленные подписи сослуживцев П.З. Ермакова.

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 376/Д 549/2

Автограф. Подлинник.

Документ № 2

Р. С. Ф.С. Р.

Народный Комиссариат по Военным Дела

ПРИУРАЛЬСКОЕ ОКРУЖН. УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

По части Стр.

14 Июня 192[1] г.

№ 596

г. Екатеринбург

Пред`явитель сего тов. Ермаков Петр состоит на службе при Окр. Упр. Военно-Учеб. Заведений Приурво в должности Военкома 24 Уфимских кавкурсов что и удостоверяется.

Действительно по первое Августа 1921.

Начприурокуруз (подпись)

Начальник канцелярий (подпись)

На документе имеется оттиск гербовой мастичной печати с надписью по кругу: «Приуральское Округное Управление Военно-Учебных Заведений».

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 379/Д1-552

Автограф. Подлинник.

Документ № 3

Политпросвет 24х Уфимских Кавалерийских подготовительных курсов Раб. – Кр. Кр. Армии

1921

Глубокоуважаемый Петр Захарович!

Начальник и строевой Командный состав 24-х Уфимских Кавалерийских подготовительных Курсов с глубокой скорбью встретил весть о Вашем назначении.

Пережив эпоху неудачного формирования нашего молодого организма при Вашем предшествовании, мы с первых дней совместной работы с Вами почувствовали в Вас умного организатора-работника и оценили как доброго товарища и беспристрастного Начальника. Нам как строевым учителям и воспитателям будущих стойких бойцов Красных кавалеристов было особенно дорого Ваше твердое руководящее слово, которое давало нам бодрость и поднимало наш дух столь необходимый Начальнику вообще, а воспитывающему будущих Начальников-кавалеристов в особенности.

Ваше сердечное к нам отношение сказалось на той колоссальной работе, которая Вами проделана в течении немногих недель совместной с Вами работы и нашло горячий отклик в сердце строевого Командного состава. Глубокоуважаемый Петр Захарович, то, что создано Вами для нашей обновленной родины, запишет золотыми буквами на св<неразб.>страницах ее истории, а что сделано доброго товарищем (Ермаковым. – Ю.Ж.) в стенах наших Курсов не забудем мы.

Расставаясь с Вами мы твердо верим, что наши Курсы <неразб.> в Вашем воспоминании точно также как они дороги нам Вашим сотрудникам.

Начальник Курсов Владимир Евгеньевич Филимонов.

Заведующий строевым обучением П. Захаров.

Начальник Учебной части П.И. Стеранович

Помощник начальника Учебной части Н.А. Семенов

Командир 1 го эскадрона Н. Овчинников.

Командир 2 го эскадрона Поляков Михаил Михайлович

Пом. Ком. 1 го эск. <неразб.>ершенный Михаил Андреевич

Пом. К-ра 2 го эскадрона Константинов Михаил Савельевич

Инструктор физкультуры П. Двинский

Командиры взводов Командиры взводов

1 го эскадрона 2 го эскадрона

Абрамов Яков Андреевич 1 го взв. Алейников И.

2 —»— Портнов Михаил Игнатьевич

3 —»—

4 —»—

Гербовая печать

Документ представляет собой выполненный самодеятельным художником адрес,

на лицевой стороне которого в обрамлении венка, увенчанного пятиконечной звездой, имеется надпись «Полит-просвет 24 х Уфимских Кавалерийских курсов Раб. – Кр. Кр. Армии. 1921».

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. № 407/Д1-580.

Автограф. Подлинник.

Документ № 4

Р. С. Ф.С. Р.

Нач. Ком. по Воен. Дел тов. ЕРМАКОВУ

ПРИУРАЛЬСКОЕ ОКРУЖН. УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

По части Политич

26 августа 1921 г.

№ 1160

г. Екатеринбург

Вх. № 146

27/VIII 21 г.

Вы назначаетесь представителем в Губернскую Комиссию по мобилизации приема на военную службу членов Р.К.П. Профсоюзов и К.С.М.

За всеми справками по вопросам настоящего обращаться к Политинспектору тов. ТАРАСОВУ.

Начприурокуруз» а: (подпись)

Начполитчасти: (подпись)

Инспектор Н-к Орг. Отд. (подпись)

На документе имеется оттиск гербовой мастичной печати с надписью по кругу: «Приуральское Округное Управление Военно-Учебных Заведений».

На обратной стороне документа имеется помета: «Высчитать с т. Пичугиным н-ком орг. отд. Губком».

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. № 378/Д1-551.

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 5

Р. С. Ф.С. Р.

ПРИУРАЛЬСКОЕ ОКРУЖН. УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

По части Строевой

1 сентября 1921 г.

№ 3958

г. Екатеринбург.

т. Ермакову

Предписываю Вам с получением сего отправиться в г. Уфу в качестве представителя от Приурокувуз» а.

Об отбытии донести.

Начприурокувуз (подпись)

Начканцелярии (подпись)

Делопроизводитель (подпись)

На документе имеется оттиск гербовой мастичной печати с надписью по кругу: «Приуральское Округное Управление Военно-Учебных Заведений».

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 376/Д1-567

Типографский бланк. Автограф. Подлинник.

Документ № 6

Р. С. Ф.С. Р.

Нач. Ком. по Воен. Дел

ПРИУРАЛЬСКОЕ ОКРУЖН. УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

По части администр.

1 сентября 1921 г.

№ 3958

г. Екатеринбург

Мандат

Дан сей от Управления В.У.З. Приурво т. Ермакову комиссару 20 х Кавкурсов в том, что он действительно командирован в г. Уфу на открытие 24 кавкурсов, в качестве представителя от Округузуз» а. Всем н-кам ст. и комендантам на основании прик. Р.В.С.Р. № 670 с/г. предлагается оказывать содействие т. Ермакову в смысле посадки в поезда, как скорые пассажирские так и в вагоне особого назначения.

Настоящий мандат действителен по «10» сентября 1921 г.
Что подписями с приложением печати удостоверяется.

Н-к Управления и комиссар (подпись)
Врио Начадмстрчасти (подпись)
Делопроизводитель (подпись)

На документе имеется оттиск гербовой мастичной печати с надписью по кругу:
«Приуральское Окружное Управление Военно-Учебных Заведений».

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.
Личный фонд П.З. Ермакова. 395/Д1-568
Типографский бланк. Автограф. Подлинник.

Документ № 7

Р. С. Ф.С. Р.
Нач. Ком. по Воен. Дел

ПРИУРАЛЬСКОЕ ОКРУЖН. УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
По части администр.
1 октября 192[1] г.
№ 5413
г. Екатеринбург

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Пред» явитель сего комиссар 20-х Кавалерийских Екатеринбургских курсов тов.
ЕРМАКОВ Петр Захарович, действительно председатель комиссии по выселению
из района монастыря Трамота, Комхоза и Приюта, что подписями с приложением
печати удостоверяется.

ОСНОВАНИЕ: Приказ ВУЗ Округа № 151 – 1921 г.

Начкомприурвуз» а (подпись)
Нач. адмстр. части (подпись)
Делопроизводитель (подпись)

На документе имеется оттиск гербовой мастичной печати с надписью по кругу:
«Приуральское Окружное Управление Военно-Учебных Заведений».

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.
Личный фонд П.З. Ермакова.

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 8

Р. С. Ф.С. Р.

Нач. Ком. по Воен. Дел

ПРИУРАЛЬСКОЕ ОКРУЖН. УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

По части полит.

15 ноября 1921 г.

№ 2239

г. Екатеринбург

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего действительно тов. ЕРМАКОВ Петр Захарович состоит на службе при политотделе ПРИУРВУЗ» А в должности Комиссара 20-х кав. курсов что и удостоверяется.

Действительно по 31 Декабря 1921 г.

Начприурокрувуз (подпись)

Начальник политотдела (подпись)

СЕКРЕТАРЬ (подпись)

На документе имеется отпечаток гербовой мастичной печати с надписью по кругу: «Приуральское Округное Управление Военно-Учебных Заведений».

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. № 377/Д1-550.

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 9<

>

Р. С. Ф.С. Р.

Нач. Ком. по Воен. Дел

ПРИУРАЛЬСКОЕ ОКРУЖН. УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

По части политич.

10 марта 19 22 г.

№ 1094

г. Екатеринбург

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего действительно Тов. Ермаков Петр Захарович состоит на службе при Окружном Управлении Военно-Учебных Заведений Приуральского Военного Округа в должности Комиссара 24 Уфимских кав курсов.

Действительно по «1» июня 1922 г.

Врид. Комиссара (подпись)

Врид. НАЧПОЛИТОТДЕЛА (подпись)

НАЧУЧРАСПРЕДОТДЕЛА (подпись)

На документе имеется оттиск гербовой мастичной печати с надписью по кругу: «Приуральское Окружное Управление Военно-Учебных Заведений».

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 389/Д1-562

Типографский бланк. Автограф. Подлинник.

Документ № 10

НАЧАЛЬНИКУ АДМИНИСТРАТИВНОГО ОТДЕЛА ЗЛАТОУСТОВСКОГО
ОКРУГА

ТОВ. ЕРМАКОВУ

УВАЖАЕМЫЙ ПЕТР ЗАХАРОВИЧ.

Мы, командный и младший строевой состав Милиции и сотрудники Злат. Окрамотдела, Начальником которого вы состояли столь продолжительное время, теперь когда Вас долг службы отзывает в другой Округ, мы искренно от души приносим Вам уважаемый Петр Захарович свои наилучшие пожелания и в знак нашей солидарности преподносим Вам наш скромный подарок, который просим хранить от нас на память, шашку с гравировкой от сотрудников Адмотдела и благодарим Вас за то теплое и доброжелательное отношение к нам, какое мы всегда встречали от Вас везде и всюду видев Вас строгого, но всегда спрведливого Начальника и товарища, и теперь когда Вы уезжаете от нас на новый пост Начальника Адмотдела мы глубоко уверены в том, что Вы сумеете принести еще больше пользы Советской Республики, благодаря Вашим познаниям, умением и энергией, которую Вы всюду проявляете когда Вы были с нами.

Что и свидетельствуем собственно ручными
подписями

В нижней части документа имеются многочисленные подписи сослуживцев П.З. Ермакова.

Под подписями сотрудников имеется оттиск гербовой мастичной печати Златоустовского Окружного Административного отдела, наложенный на помету: «Подпись рук сотрудников адм. Отдела Злат. Окрика свидетельствую. Вр. Нач. Адм. Отд. (подпись) 16/IV-26 г.

Ниже таковой также имеется оттиск мастичного штампа местного комитета служащих административного отдела профессионального союза советских и торговых служащих, наложенный на помету: «Местком адм.отдела гор. Златоуста свидетельствует подарок шашку преподнесенный сотрудниками адм.отдела. Отв. Секретарь М-ка (подпись). 19/IV 26 г.

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 377/Д-550

Машинопись. Подлинник.

Документ № 11

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (б)

УРАЛЬСКИЙ Областной Комитет

Отд. Парт. Архив

«15» Ноября 1930 г.

№ 51

Н вх. №

В исх. №

г. Свердловск, Набережная Рабочей Молодежи, д. № 3.

СПРАВКА

По материалам, хранящимся в Обл. Парт. Архиве, тов. Ермаков Петр Захарович в 1909 г. привлекался за принадлежность к Екатеринбургскому Комитету Р.С.-Д.Р.П.

Зав. Обл. Партархивом.

/А. Крылов/

РГАСПИ. Ф.124, оп. 1, д. 645, л. 8.

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 12

ГРАМОТА
СТАРЕЙШЕМУ БОЛЬШЕВИКУ

организатору боевых дружин в борьбе против черной реакции и самодержавия,
организатору К р а с н о й г а р д и на Урале – тов. Е Р М А К О В У в день 25-
летия пребывания в рядах В.К.П. (б)

Уважаемый, ПЕТР ЗАХАРОВИЧ!

В своей деятельности в рядах В.К.П. (б) ты проявил себя как стойкий,
непоколебимый большевик-ленинец, неостанавливаясь ни перед чем в деле борьбы
за осуществление и укрепление диктатуры пролетариата.

Твоя неутомимая энергия и преданность делу р е в о л ю ц и и являясь
неотъемлемой частью героической борьбы партии и рабочего класса на фронте
социалистического строительства.

Отмечая твои заслуги перед Революцией, вручаем тебе скромный подарок –
револьвер и выражаем твердую уверенность в том, что и в дальнейшем твои силы и
энергия будут всецело направлены на окончательную победу и построение с о ц и а
л и с т и ч е с к о г о общества.

Приложение: револьвер системы «Браунинг» № 40005.

От партколлектива ВКП(б) и рабочих В.-Исетского завода, Ячейки ВКП(б) и
сотрудников Уралобладмуправления.

Секретарь партколлектива ВИЗ`а (подпись)

Предфабкома (подпись)

Секретарь ячейки ВКП(б) Уралобладмуправления Серебрянников

Предместкома Овчинникова

Гор. Свердловск.

24XII-1930 г.

На документе имеется отпечаток мастичной печати с надписью по кругу:
«Уралобластком. Завод Красная Кровля», а также прямоугольного штампа
Административного Отдела.

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова.

Подлинник.

Документ № 13

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)
УРАЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ

Отд. ИСПАРТ

«17» июля 1931 г.

№ 112

По вопросу:

СПР[А]ВКА

Испарт удостоверяет, что ПЕТР ЗАХАРОВИЧ ЕРМАКОВ действительно принимал участие в б-кой С-Д. организации [с] 1905 г., с 1908 г. по март м-ц 1909 г. был членом Уральского Областного комит. РСДРП, а также с 1905 г. по 1908 г. был начальником боевой партдружины В-Исетского завода и г. Екатеринбург.

Тов. Ермаков подвергался арестам в 1907 г. и с 1909 г. по 1917 г. в Пермской, Вятской, Новониколаевских арестантских ротах и Екатеринбургских тюрьмах [10 - В Пермской и Вятской пересыльных тюрьмах П.З. Ермаков находился во время своего конвоирования в г. Вельск Вологодской губернии, назначенный ему местом административной ссылки. Пребывание же его в Исправительном арестантском отделении г. Новониколаевска записано с его собственных слов и на деле не имеет ничего общего с его настоящей биографией.].

Зав. Истпартом Обкома ВКП(б) (Д. Наранович).

На документе имеется отпечаток мастичной печати с надписью по кругу: «Всесоюзная Коммунистическая Партия. БОЛЬШЕВИКОВ». И по центру: «Уральский Областной Комитет».

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 387/Д1-554

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 14

СПРАВКА

Настоящая дана справка I-м Райкома ВКП /б/ гор. Свердловска в том, что член партии с 1906 г. тов. ЕРМАКОВ Петр Захарович за весь период пребывания в партии партвзысканиям не подвергался.

Зав. Учетом I РК ВКП/б/ /Сосунова/

14. IX/31

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.
Личный фонд П.З. Ермакова. 386/Д1-559
Копия. Машинопись. Подлинник.

Документ № 15

АНКЕТА

для старых большевиков и ветеранов революции

1. Фамилия, имя, отчество. *ЕРМАКОВ Петр Захарович*
2. Когда и где родились. *В 1884 г. в В-Исетском заводе.*
3. Социальное положение:
Раньше: Рабочий, крестьянин, интеллигент, служащий, партпрофессионал.
Теперь: Рабочий, крестьянин, интеллигент, служащий, партработник (нужное подчеркнуть)
4. Образование:
Самообразование, низшее, среднее, высшее, специальное (нужное подчеркнуть)
5. Какая Ваша основная профессия. *Слесарь-машинист в данное время*
Средства существования. *Начальник Отд.
М/З Уралобласти.*
6. Кто на иждивении у Вас. *Жена.*
Их возраст.
Или на чьем иждивении Вы находитесь.
7. С какого момента и в какой организации начало Вашей революционной деятельности. Были ли перерывы и почему. *С 1905 г. ВКП /б/. член партии офиц. с 1906 г. январ. вел партийную работу на ВИЗе в качестве организатора под руководством Новгородцевой.*
8. Если состояли членом других партий, то какую выполняли в них работу. *Не состоял.*
9. Были ли в тюрьмах, в ссылке (где). Приговорены судами к тюрьме, ссылке, каторге и т. д. *Был арестован в 1907 г. августе по делу убийства провокатора Летнего. По суду оправдан за недоказательством. 1909 г. арестован и ушел в ссылку.*

10. Были ли в эмиграции, сколько времени и какое принимали участие в революционной жизни там. *Не был.*
11. Что делали во время Гражд. войны и были ли на фронте. *Был на фронте в качестве Нач. отряда, командира полка, командира бригады, демобилизован по болезни в 23 г.*
12. С какого времени член Фракции большевиков, № Вашего парт. билета, были ли перерывы, в какие годы. *Перерывов не было. № партбилета 0517222.*
13. Как прошла Ваша чистка и были ли сделаны замечания. *При чистке замечаний не было.*
14. После Октябрьской Революции подвергались-ли партийному или Советскому суду и за что. *Подвергался Контр. Комиссии за грубое отношен. с заключен. После расследования комиссии факт не подтвердился, было ложное донесение. Контрольная комиссия вынесла дело прекратить.*
15. Какую выполняете работу: партийную, профессиональную, советскую и т. д. *Прикреплен к цехов. ячейке зав. ВИЗ, веду партбеседы, делаю доклады, помогаю Бюро ячейки.*
16. В чем Вы нуждаетесь. Чем можно улучшить не только Ваше здоровье, но и Вашу способность в борьбе за наши идеалы. *Материально не нуждаюсь, здоровье пока ничего, партработу вести могу.*
17. Ваш адрес, телефон и место службы и должность. *Областное управление Местами Заключения. Нач. Адм. Стр. Сектора., тел №...*
- Время заполнения анкеты *8 сентября 1931 г.*
- Подпись: *Ермаков.*

РГАСПИ. Ф. 124, оп. 1, д. 645, л. 2, 2 об.

Типографский бланк. Автограф. Подлинник.

Документ № 16

Родился в 1884 г., в В-Исетском заводе Уральской области отец мой рабочий данного завода, проработал 45 лет, сам я после учебы поступил на завод работать в качестве ученика, а потом и самостоятельно слесарем и машинистом.

Партработу стал выполнять с 1905 г. под наблюдением Новгородцевой, которая делала мне поручения. Первое время распространение листовок, а дальше был организатором связывающей звена кружковой работы на ВИЗ» е. Членом партии был утвержден в 1906 г. и в 1907 г. я был арестован в качестве подозреваемого в убийстве провокатора бывшего члена партии. Кличка «Летний», ввиду недоказанности моих улик был по суду оправдан, просидел около года. По выходе из тюрьмы в 1908 г. в Мае м-це я снова был членом Областного комитета, был

организатором завода ВИЗА и объединяющим частные мастерские зав. Баранова и Лобвинскую фабрику. В 1903 г. был арестован с членами Комитета по делу провокации во время С»езда Областной партийной конференции в Марте м-це. Просидел около года, был отправлен в ссылку в Вельск. По прибытии в ссылку была создана группа ВКП(б) (РСДРП. – Ю.Ж.), вскоре я был арестован и по суду получил ссылку в Тарский уезд, вернулся в 1917 г. во время Февральской Революции. Был избран членом Комитета на ВИЗЕ и был председателем земельного Комитета. С выступлением контрреволюции в Троицке и Оренбурге под командой атамана ДУТОВА, я сформировал добровольческий отряд и по распоряжению парторганизации ушел на фронт в качестве Начальника отряда и с 1917 г. по 1923 г. занимал командные должности командира бригады и комиссара кавалерийск. Школы, был в боях и был ранен четыре раза и контужен.

В данное время занимаю административную должность Начальника Отдела Исправительно-Трудового Дела ОБЛАУ.

Ермаков Петр Захарович

Член партии 1906 г. № 0517222

Знаю т. Ермакова П.З. по совместной работе в подполье с 1905 по 1908 г. Считаю его выдержанным членом партии и вполне достойным быть членом Об-ва Старых большевиков и даю ему свою рекомендацию.

член ВКП(б) с 1905 г. п/б № 0587371 Член Об-ва Старых большевиков А. Иванова (См. пр. Об-ва Старых большевиков 1/VII-31 г. № 16)

16/IX-31 г. Свердловск.

Подпись руки члена партии т. Ивановой А.М. удостоверяю.

За Секретаря чл. ВКП(б) при Обл. Р.К. (Латунов)

Подпись Латунова заверена оттиском гербовой мастичной печати, имеющей по кругу надпись: «Урал. Обл. КК ВКП(б) Урал. Обл. РКП»

РГАСПИ. Ф. 124, оп. 1, д. 645, л. 4, 4 об.

Машинопись. Автограф. Подлинник.

Документ № 17

**ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)
УРАЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ**

Отд. Истпарт

«5» мая 1933 г.

№ 13

По вопросу: ОБЛ. К-т Содействия изданию: «Истории Гражданской войны».

Тов. Ермаков П.З

Областной К-т содействия изданию: «История Гражданской войны» 6 МАЯ в 11 час. дня созывает СОВЕЩАНИЕ командиров и организаторов отрядов Красной Гвардии, принимавших участие в направлении фронтов: Челябинское – Екатеринбургское железнодорож. 2). Челябинское – Екатеринбургское по тракту. 3). Самаро-Златоустовское, 4). Кузинский заслон на которое приглашает Вас.

Совещание будет проводиться в помещении Облиспарта.

Моисеев

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 400/Д1-573

Машинопись. Подлинник.

Документ № 18

Тов. ЕРМАКОВУ

Тебе старому большевику, тебе закаленному в ожесточенных классовых боях, тебе подпольному и красному партизану, тебе тов. ЕРМАКОВ наш дружеский горячий привет. Мы собрались работники ИТУ Свердловского Гарнизона, на торжественное заседание в день XVI-ти летней борьбы и побед РККА.

Глубоко сожалеем, что в силу своей болезни не присуствуешь на нашем заседании, но мы уверены в том, что ты вместе с нами торжествуешь нашу всеобщую победу социализма и нашу готовность к Мировому Октябрю.

Да здравствует старый большевик – подпольщик и Красны[й] партизан тов. ЕРМАКОВ.

Преодолевай тов. ЕРМАКОВ свою болезнь и будь готов к надвигающимся штурмовым боям труда с капиталом.

Председатель заседания (подпись)

22. 2. 34.

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 397/Д1-570

Машинопись. Копия.

Документ № 19

Свердловский ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

27/ П 1939 г.

№ 2-94

ул. Карла Либкнехта, 49/1

ПЕТР ЗАХАРОВИЧ!

Студенты и педагоги Промакадемии обращаются к Вам с просьбой провести с ними экскурсию в музей о расстреле Николая Романова I/III-39 г. одну экскурсию в 2 ч. 30 м. и другую в 3 ч. 30 м. Просим Вас сообщить в музей Революции сможете ли Вы провести эти экскурсии или нет.

Зам. директора по научн. части: /Чудаков/

ЦДООСО. Ф. 221, оп. 2, д. 845, л. 9

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 20

ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

9/V 1939 г.

№ 9

ул. Карла Либкнехта, 49/1.

Дом ст. больш. под. Кв. 6.

ЧЛЕНУ НАУЧНОГО СОВЕТА ПРИ СВЕРДЛОВСКОМ ОБЛАСТНОМ МУЗЕЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Товарищу Ермакову П.З.

Дирекция Музея Революции созывает организационное заседание Научного Совета при Музее Революции на 10/V-39 г. в 7 час. вечера в здании Музея Революции, Площадь Народной Мести, /рядом с Дворцом Пионеров/.

Просьба явиться аккуратно.

Директор Музея Революции /БАРТОВ/

ЦДООСО. Ф. 221, оп. 2, д. 845, л. 8

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 21

Р.С.Ф.С.Р.

ОБЩЕСТВО Содействия Обороне и Авиационно-Химическому Строительству С.С.С.Р.

МОЛОТОВСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЕТ ОСОАВИАХИМА

«7» сентября 1941 г.

№ 17941

г. Свердловск

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано тов. Ермаков П.З. в том, что он действительно работает в Молотовском Райсовете Осоавиахима г. Свердловска в качестве Председ. Военной секции, которому доверяется проверка состояния военного обучения и инструктаж во всех организациях Молотовского района. Срок действия до 1/І-42 г.

Председатель Райсовета ОАХ (ЧЕРДАНЦЕВ)

Секретарь (ГАЛКИНА)

На документе имеется оттиск мастичной печати с надписью по кругу:
«Молотовский Районный Совет Осоавиахима г. Свердловска Свердловской области».

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 390/Д1-563

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 22

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

ПАРТИЙНЫЙ КОМИТЕТ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО
ЗАВОДА

«28» октября 1941 г.

№ 85

г. Свердловск, ВИЗ Уральской обл.

Телефон 9-41

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Тов. ЕРМАКОВ Петр Захарович с 7-го Августа с.г. является командиром народного ополчения Верх-Исетского Metallургического завода.

СЕКРЕТАРЬ ПАРТБЮРО ВИЗ» а (БУЧЕЛЬ)

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 391/Д1-564

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 23

Р.С.Ф.С.Р.
ОБЩЕСТВО Содействия Обороне и Авиационно-Химическому Строительству
С.С.С.Р.
МОЛОТОВСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЕТ ОСОАВИАХИМА
«25» ноября 1941 г.
№-0244
г. Свердловск

Удостоверение
Дано тов. Ермакову П.З в том, что он является председателем военной секции при
Молотовском райсов. Осоав.

Тов. Ермакову доверяется произв. проверку состояния оборонной работы во всех
организациях Молотовского района гор. Свердловска.

Председатель Молотов. р.с. Осоав.

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.
Личный фонд П.З. Ермакова. 392/Д1-565
Типографский бланк. Автограф. Подлинник.

Документ № 24

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)
МОЛОТОВСКИЙ РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ Свердловской области
«25» XI 19 42 г.
№ 0-12
г. СВЕРДЛОВСК
УДОСТОВЕРЕНИЕ
Пред» явитель сего тов. ЕРМАКОВ Петр Захарович является представителем
Молотовского РК ВКП(б) г. Свердловска в Комиссию Горрайвоенкомата по
переосвидетельствованию военнообязанных, согласно приказа № 42 от 20 мая.
Секретарь РК ВКП(б) /АМЕНИЦКИЙ/

На документе имеется отпечаток мастичной печати шестиугольной формы с
надписью: «Молотовский РК ВКП(б) гор. Свердловска».

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.
Личный фонд П.З. Ермакова. 393/Д1-566

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 25

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

МОЛОТОВСКИЙ РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ Свердловской области

«31» / V 1943 г.

№ 0-12

г. СВЕРДЛОВСК

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего тов. Ермаков П.З. является уполномоченным от Молотовского РК ВКП(б) для участия в работе комиссии Свердловского Горрайвоенкомата по проверочной регистрации военнообязанных согласно приказа № 42 от 20 мая 1943 г. Действительно по 30/VI-43 г.

Секретарь Молотовского РК ВКП(б) /Аменицкий/

Зав. Военным Отд. ЗК /Козинец/

На документе имеется оттиск мастичной печати шестиугольной формы с надписью: «Молотовский РК ВКП(б) гор. Свердловска».

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 385/Д1-558

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 26

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

Городской Комитет г. Свердловска

Отдел Орг.

«18» июля 1943 г.

№

г. Свердловск, ул. Ленина, 37

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано тов. Ермакову Петру Захаровичу в том, что он направляется в парторганизацию МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА для оказания помощи в проведении партийно-политической работы.

СЕКРЕТАРЬ ГОРКОМА ВКП(б) (КОСОВ)

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 399/Д1-572

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 27

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

МОЛОТОВСКИЙ РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ

Свердловской области

«25» II 1944 г.

№ 0-1

г. СВЕРДЛОВСК

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящим удостоверяется, что пред» явитель сего тов. ЕРМАКОВ Петр Захарович является членом Районной Перерегистрационной комиссии военнообязанных от Молотовского РК ВКП(б) гор. Свердловска.

Секретарь РК ВКП(б) /АМЕНИЦКИЙ/

На документе имеется отпечаток мастичной печати шестиугольной формы с надписью: «Молотовский РК ВКП(б) гор. Свердловска».

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 384/Д1-557

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 28

РСФСР

ЭВАКОГОСПИТАЛЬ

№ 3866

8 мая 4

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ ПЕТР ЗАХАРОВИЧ!

Командование и раненые бойцы и офицеры просят Вас прийти в Госпиталь № 3866 для проведения беседы о боевых делах уральских партизанских отрядов, одним из которых Вы командовали в период гражданской войны.

ЗАМ. НАЧ. ГОСПИТАЛЯ 3866 по П/Ч СТ. ЛЕЙТЕНАНТ /ВЕЛИКАНОВ/
(подпись)

На документе имеется оттиск мастичного углового штампа Эвакуационного Госпиталя № 3866, текст которого из-за изначальной нечеткости самого штампа, со временем, был почти полностью утрачен. Однако по сохранившейся на нем дате известно, что таковой был датирован 8 мая 1944 г.

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.
Личный фонд П.З. Ермакова. 401/Д1 574
Машинопись. Подлинник.

Документ № 29

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ Большевиков
СВЕРДЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ПАРТИЙНЫЙ АРХИВ при Обкоме ВКП(б)
«8» сентября 1944 г.

№ 62

г. Свердловск, Ленина 52

ТОВАРИЩУ ЕРМАКОВУ ПЕТРУ ЗАХАРОВИЧУ.

Уважаемый Петр Захарович!

Облпартархив Свердловского Обкома ВКП(б) просит Вас зайти в партархив в субботу 9 сентября в 11 часов утра для беседы с прибывшим из Москвы представителем Института Маркса-Энгельса-Ленина товарищем Сутоцким.

С КОМ. ПРИВЕТОМ

СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ОБЛПАРТАРХИВА (Г. РЫЧКОВА)

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 403/Д1-576

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 30

Городской Краеведческий Музей

СВЕРДЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ КРАЕВЕДЕНИЯ

Сектор _____

«1» X 1945 г.

№ 009

Адрес: г. Свердловск, 14 пер. Воеводина 4

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ Ермаков П.З.

Свердловский Областной Совет Краеведения ведет большую подготовительную работу по собиранию материалов по биографиям выдающихся деятелей Урала для биографического словаря деятелей Урала.

Вы тоже включены в список лиц, биографии которых предлагается поместить в словарь.

Сообщая об изложенном, – просьба принять участие в работах по составлению словаря, предоставив свою автобиографию, а также вообще материалы, характеризующие вашу революционную и общественную деятельность.

АДРЕС: 1. Переулок Воеводина 4, Библиотека Музея Краеведения.

2. ул. 8-го марта, № 1 кв. 11, Пьянков А.А. тел. 82–87, 75–74 и 08–09.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА КРАЕВЕДЕНИЯ /А. ПЬЯНКОВ/

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 404/Д-577

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 31

НКО – СССР

МОЛОТОВСКИЙ РАЙОННЫЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ

Часть 2

«21» марта 1946 г.

№ 2/044

гор. Свердловск

ТОВ. ЕРМАКОВУ

Районным комитетом ВКП /б/ Вы выделены членом в медицинскую приписную комиссию Молотовского Райвоенкомата.

Прошу прибыть на совещание ко мне о порядке работы в 18.00 21.03. 46 г.

Комиссия начинает работать с 22 марта 1946 г. с 9:30 до 14.00 и с 17 до 20 и продолжится до 15 апреля 1946 г.

МОЛОТОВСКИЙ РАЙВОЕНКОМ МАЙОР /ФЕДОТОВ/

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 383/Д1-556

Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 32

ПРИКАЗ

По Свердловской Межобластной Конторе ГЛАВСНАБТОПСТРОЙ
г. Свердловск № 25 3 мая 1946 г.

С сего числа назначаю Вр. Исп. Обязанности моего заместителя по общим
Вопросам тов. ЕРМАКОВА Петра Захаровича.

Управляющий Свердловской М/О Конторой ГЛАВСНАБТОПСТРОЙ
/СЕЛИВАНОВ/

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.
Личный фонд П.З. Ермакова. 382/Д1-555
Типографский бланк. Машинопись. Копия.

Документ № 33

Личный листок по учету кадров

Фамилия Ермаков имя Петр отчество Захарович

1. Пол м
2. Год и месяц рождения 1884
3. Место рождения (по существующему административному делению) г.
Свердловск
4. Национальность русский
5. Социальное происхождение:
  - а). бывш. сословие (звание) родителей сын рабочего
  - б). основное занятие родителей
до Октябрьской революции, рабочий металлург
после Октябрьской революции умер
6. Основная профессия (занятие) в настоящее время: для членов ВКП(б) – к
моменту вступления в партию слесарь стаж 7 лет
7. Соц. положение рабочий
8. Партийность чл. ВКП(б)
9. Какой организацией принят в члены ВКП(б) Екатеринбургский комитет РСДРП
10. Партстаж 1906 – январь

№ партбилета или карты – 3988526

11. Стаж пребывания в ВЛКСМ с – по – нет

12. Состоял ли в других партиях (каких, где с какого и по какое время) нет

13. Состоял ли ранее в ВКП(б) с какого и по какое время _____ и причины исключения или выбытия _____ нет

14. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда) Колебаний не было в оппозициях не участвовал

15. Членом какого профсоюза состоит и с какого года госучрежден. 1921 г.

16. Образование незаконченное среднее

Партийно-Общее и специальное политическое	Подробное название учебного заведения (вуза, техникума, комвуза, шк. и пр.)	Название факультета или отделения	Дата (м-ц год) поступления окончания		Окончил, нет	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую (узкую) специальность получил и результат окончания учебного заведения
	Приходская школа	Общее образование.	1894	1899	да		
		Нет					

17. Ученая степень (звание) нет

18. Имеете ли научные труды и изобретения _____

(Перечень научных трудов и изобретений, с указанием по каким вопросам и где опубликованы необходимо дать в приложении)

19. Был ли за границей нет

С какого времени	По какое время	В какой стране (указать город)	Цель поездки (пребывания)

20. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая и военную службу)

Дата (м-ц год)		Должность с указанием учреждения, организации, предприятия, а также наркомата (ведомства) в систему которого они входят	Местонахождение учреждения, организации, предприятия (указать город и какой области, края, республики)
поступл.	уход		
<i>1900</i>	<i>1906</i>	<i>Слесарь и пом. машиниста</i>	<i>г. Екатеринбург</i>
		<i>Верх-Исетский завод</i>	<i>ВИЗ</i>
<i>III-1906</i>	<i>1907-VIII</i>	<i>Слесарь частная мастерская</i>	
<i>VIII-1907</i>	<i>1908-V</i>	<i>Арестован жандарм. управл.</i>	<i>в тюрьме Екатеринбург.</i>
<i>V-1908</i>	<i>III-1909</i>	<i>на подпольной пар-тработе</i>	<i>в Екатеринбург. губ.</i>

III-1909	1910-XII	Арестован жандарм. управл.	в тюрьме Екатеринбурга
XII-1910	1912-XII	Был в ссылке	г. Вельск Вологодской губ.
XII-1912	1913-V	Слесарь и машинист частн. мельницы	г. Кунгур, Екатеринб.
V-1913	1916-IX	Слесарь частные ма- стерские	Сылва, Екатеринб.
IX-1916	1917-X	Слесарь. А[ф]финаж- ный завод	г. Екатеринбург
X-1917	1917-XII	Председатель зем. отд. райсовета	ВИЗ. Екатеринбург
XII-1918	1918-III	Начальник револ. от- ряда Красной гвардии	
III-1918	1918- VIII	Ранен был в госпи- тале	
VIII- 1918	1920-VI	Командир полка им. Мальшиева. Ранен	
I-1920	1921-VI	Комиссар Уфимских кав. курсов	г. Уфа
VI-1921	1922- VIII	Военком кав. курсов	г. Екатеринбург
VIII- 1922	I-1923	Начальник губ. ми- лиции	г. Омск
I-1923	XII-1923	Пом. Нач. губ. пром. милиции	г. Екатеринбург
XII-1923	XII-1924	Начальник окр. адм. отдела	г. Челябинск
XII-1924	1925	В командировке по сбору Един. сельхоз. налога	г. Челябинск
V-1925	1925	Начальник адм. от- дела	г. Златоуст
XI-1925	1926-V	Начальник адм. от- дела	г. Златоуст
V-1926	1927-XI	Инспектор мест за- ключ.	г. Усолье
XI-1927	1931-I	Пом. начальника Ураладмтдела	г. Свердловск
I-1931	1931-IX	Зам. нач-ка Урал обл. управл. мест заключ. и директор трудовой колонии	г. Свердловск
IX-1931	1932-XII	Начальн. обл. управл. исправит. труд. уч- режд.	г. Свердловск

XII 1932 г. посл.[еднее] время на пенсии республиканского заключения (значения. – Ю.Ж.)

21. Работа по совместительству (в момент заполнения личного листка)

1	2	3	4
1944	по сие время	Председатель рев. комиссии	Молотовский РК ВКП(б)
1942	«—//—»	член правления Рай. Осоавиахима	г. Свердловск
1942	«—//—»	член правления обл. МОПРа	г. Свердловск
1943	«—//—»	Зам. пред. Кассы взаимопомощи пенсионеров горсобеса	г. Свердловск

22. Участие в центральных, республиканских, краевых, областных, окружных городских выборных органах

Местонахождение выборного органа	Нахождение выборного органа	В качестве кого выбран	Дата избрания	Дата выбытия
<i>г. Омск</i>	<i>Окр. исполком</i>	<i>чл. окр. исп.</i>	<i>1922</i>	
<i>г. Челябинск</i>	<i>горсовет</i>	<i>чл. горсовета</i>	<i>1924</i>	
<i>г. Челябинск</i>	<i>горсовет</i>	<i>чл. горсовета</i>	<i>1924</i>	
<i>г. Екатеринбург</i>	<i>горсовет</i>	<i>чл. горсовета</i>	<i>1924</i>	
<i>г. Златоуст</i>	<i>горсовет</i>	<i>чл. горсовета</i>	<i>1926</i>	
<i>г. Верхне-Камск</i>	<i>окрсовет</i>	<i>член окрсовета</i>	<i>1927</i>	
<i>г. Верх-Исетск</i>	<i>райсовет</i>	<i>Чл. Райсовета</i>	<i>1931 г.</i>	
<i>г. Свердловск</i>	<i>райсовет</i>	<i>Депутат Райсовета</i>	<i>1931 г.</i>	
<i>г. Свердловск</i>	<i>горсовет</i>	<i>Депутат Горсовета</i>	<i>1938 г.</i>	

23. Знание иностранных языков народностей СССР

	(Названия языков, которыми владеет, читает, пишет, говорит)	
	<i>слабо</i>	<i>хорошо</i>
Иностранных	<i>нет</i>	
Народностей СССР		<i>русский</i>

24. Участвовал ли в революционном движении и подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции (за что, когда, каким) участвовал. За партийн. деятельность 1907 г. арест, 1909 г. арест как член обл. комитета РСДРП

25. Участвовал ли в партийном движении и подпольной работе (как вступил, где, когда и выполняемая работа) Н-к первого сводн. рев. отряда 1917 г. XI г.

Свердловска, участвовал в боях против атамана Дутова в Оренбургском направл. Нач-к 2-й Уральской дружины в Верхне-Уральске ранен III-1918

26. Военная служба

а). в старой армии с нет по ____ последний высший чин _____

б). в красной гвардии с XI-1917 по II-1918 в каких должностях нач-к отрядов

в). Красной Армии с II-1918 по VIII-1922 последняя высшая должность
Военкомбриг 48-й кубанской участвов. в боях гражданкой войны на Урале, на западе 16 армия [11 - Правильно – 16-я дивизия.], 1917 по 1921 Военкомиссар бригады выбыл по ранению в отеч. войне не был

27. Был ли в плену (где, когда, при каких обстоят. Попал, как и когда освобожден из плена) нет

28. Служил ли в войсках или учреждениях белых правительств нет (если служил, то указать с какого по какое время, где и в каких должностях) _____

29. Находились ли на территории, временно оккупированной немцами в период Отечественной войны (где, когда и работал в это время) нет

30. Отношение к воинской обязанности

а). учета _____

б). группа учета снят с воинского учета по болезни

в). состав _____ Красн. Ар. ВМФ, НКВД

г). воинское звание _____

д). военно-учетная специальность № _____

е). приписан ли к войсковой части _____

ж). наименование военно-учетного стола по месту жительства военнообязанного _____

з). наименование РВК по месту жительства военнообязанного _____

и). снят с воинского учета _____

к). предоставлена ли отсрочка от призыва на военное время _____ если предоставлена, до какого времени _____

л). состоял ли на специальном учете _____

31. Какие награды и поощрения имеет после Октябрьской революции

Когда награжден	Кем награжден	За что награжден	Чем награжден
1946	правительством	За доблестный труд	Медаль
1928	Гл. управл. мест закл. Нар. к. Вн. дел	За продолжительн. беспорочн. работу	Бронзов. нагрудн. знак 10 лет
1927	Орган, милиции	—//—	Бронзов. нагрудн. знак 10 лет

32. Привлекался ли к судебной ответственности (кем, когда, за что) и решение

суда _____

33. Имеет ли партвзыскания нет

Дата м-ц, год	Кем наложено партвзыскание	За что (сущность дела)	Какое наложено партвзыскание

34. Семейное положение в момент заполнения личного листка женат имею жену и сына 37 лет

35. Домашний адрес: г. Свердловск ул. 8 марта д. № 1 кв. 4

_____ 194

дата заполнения

Подпись тов. _____ заверяю

_____ 194 г.

М.П.

Секретарь партийного комитета

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 396/Д1-569/2

Типографский бланк. Автограф. Подлинник.

Документ № 34

АВТОБИОГРАФИЯ

члены ВКП/б/ ЕРМАКОВА Петра Захаровича.

Я, Ермаков Петр Захарович, родился в 1884 г. в городе Екатеринбурге в семье рабочего-столяра. Отец умер в 1900 г., мать, жившая на иждивении детей, умерла в 1922 г.

По окончании пяти классов начальной школы в 1900 г., я пошел работать на Верх-Исетский завод в механический цех, в начале учеником, а потом слесарем по ремонту машин, где проработал до декабря 1905 г.

Участие в революционной деятельности стал принимать с 1905 г. на Верх-Исетском заводе, распространял литературу и прокламации, а с приездом на Урал тов. СВЕРДЛОВА, благодаря беседам с ним у меня определилось мировоззрение и я в январе месяце 1906 г. был принят в члены партии и зачислен в школу пропагандистов, которой руководил Яков Михайлович Свердлов.

В 1906 г. я входил в состав партийного комитета на ВИЗ'е и вел

пропагандистскую работу.

В 1906 г. с приездом тов. Свердлова в Екатеринбург была создана школа боевиков. Я кончил эту школу и до августа месяца 1907 г. был начальником боевой дружины ВИЗ`а. В августе месяце 1907 г. я был арестован по подозрению в убийстве провокатора Ерина (по кличке «Летний»). Надо отметить, что он являлся членом партии, но в то же время был изменником, состоял в жандармской охране, и при его участии было арестовано много членов комитета. Ерин был разоблачен и убит. По этому делу я был арестован и просидел в тюрьме до мая месяца 1908 г. За недоказанностью моего участия был выпущен под надзор полиции. По выходе на свободу я снова восстановил партийные связи, и был введен в члены Екатеринбургского Городского Комитета РСДРП(б).

В 1909 г. должна была состояться партийная конференция, для подготовки ее был командирован Центральным Комитетом партии старый подпольщик, долго работавший на Урале – Семен ШВАРЦ. С большим трудом была налажена партийная работа, но перед самой конференцией произошел провал. 28 марта 1909 г. в связи с провокацией были провалы ряда организаций и аресты членов партии в Екатеринбурге, Тюмени, Челябинске, Златоусте, Уфе, Миньярах и в других местах. Я с другими товарищами был арестован, но жандармскому управлению не удалось создать против нас дело, и нас продержали в тюрьме до февраля месяца 1910 г., а потом выслали на разные сроки. Я получил ссылку на два года в местечко Вельск Вологодской губернии. В 1911 г., во время обыска на квартире, меня арестовали и продержали в тюрьме три месяца.

Я в ссылке пробыл до конца 1912 г., вернулся в Екатеринбург для регистрации, но жить на определенном месте не разрешили, пришлось жить в разных местах, но партийных связей я не терял и так прожил до февраля 1917 г.

В феврале 1917 г. я приехал в Екатеринбург и был избран членом районного партийного комитета на ВИЗ`е, потом в состав городского партийного комитета, – был организатором по объединению низовых ячеек города.

Во время выборов в земство я был избран по списку большевиков в районное земство ВИЗ`а, был председателем земельного отдела и был его начальником до ноября 1917 г.

25 декабря 1917 г. я выбыл на фронт. По прибытии в г. Челябинск объединил все мелкие отряды и был назначен начальником 1-го Сводного Революционного отряда. Провел ряд военных операций, с боем прошел от Бузулука до Оренбурга. В феврале месяце 1918 г. я с отрядом был отозван в Екатеринбург, где принимал участие в подавлении белогвардейских банд. Далее мне с отрядом пришлось поехать на ликвидацию восстания атамана Дутова.

Я был назначен начальником 3-й Уральской дружины. Во время окружения около г. Троицка 29 марта я был ранен пулей в живот. До конца апреля 1918 г. лежал в Троицком госпитале, потом был перевезен в Екатеринбургский госпиталь, где лежал до июня 1918 г.

В июне, во главе с группой бывших офицеров на В.-Исетском заводе, произошло

восстание против Советской власти. Я вышел из госпиталя и возглавил отряд по ликвидации этой банды. Восстание было подавлено и главари его арестованы. В июле этого же года мне с отрядом пришлось вести бои за Урал против чехословаков и Колчака. Пришлось отступить из Свердловска и я с отрядом вышел на Пермское направление и был брошен на главную линию железной дороги около Кунгура. В августе 1918 г. был одновременно начальником боевого участка. Мой отряд, согласно приказа командования, был переформирован в регулярную часть – полк имени Малышева, бывшего комиссара. Мне пришлось с частью проводить очень много военных операций.

Накануне Октябрьских праздников в 1918 г. я с отрядом в местечке Размалинники зашел противнику в тыл и разбил белогвардейскую часть черепников смети – это описано в книге «По долинам и по нагорьям» и в газете «Уральский Рабочий». Это время наша часть входила в 30 бригаду 3-й Армии. Из части выбыл после открытия ранения, поправился и был зачислен комиссаром караульного батальона 3-й Армии, пробыл там до марта 1920 г., выбыл по распоряжению реввоенсовета на Западный фронт.

В апреле 1920 г. был зачислен военкомбригом 23 бригады 8-й дивизии. Участвовал в боях на Березине. После ранения был зачислен комиссаром запасного полка 16 Армии, где пробыл до июля 1921 г., а потом получил назначение военкомбригом 48 бригады 16-й Армии. В связи с открытием раны был направлен на излечение в г. Могилев. Подлечился и был переброшен на Урал, где в октябре месяца 1921 г. получил назначение на 20 кавалерийские курсы комиссаром по их созданию и оформлению. Наладил работу курсов и получил назначение в г. Уфу на 24 Уфимские кавалерийские курсы.

В апреле 1923 г. был назначен начальником губмилиции города Омска, где возглавлял ликвидацию групп уголовного бандитизма. В апреле 1924 г. был возвращен в Екатеринбург заместителем Начальника Горно-Промышленной милиции губернского отделения. С декабря 1924 г. по май 1925 г. работал начальником Адмтдела Челябинской Окрмилиции и где за продолжительную беспорочную работу в рядах Милиции получил благодарность.

В мае 1925 г. был назначен начальником Адмтдела Окрмилиции г. Златоуста, где получил адрес от Окрисполкома в день 8-й годовщины создания РККА. С мая 1926 г. по сентябрь 1927 г. работал в г. Усолье Верхне-Камского округа начальником адмтдела Окрмилиции. В 1927 г. был откомандирован в распоряжение НКВД г. Свердловска и назначен на должность инспектора мест заключения и заместителем начальника исправительно-трудовых учреждений, где работал до августа 1935 г., с августа 1935 г. являюсь пенсионером персональным в связи с болезнью.

За время своей работы многократно награждался областными и городскими организациями почетными грамотами за активную работу. Принимал участие в работе Советов – был депутатом Губсовета г. Омска, районного совета В. Исетского района, Окружного Совета г. Челябинска, депутатом Горсовета г. Златоуста, депутатом Окружного Исполнительного Комитета г. Усолья, депутатом VII Созыва

Екатеринбургского Совета.

Как член партии, как побывавший на фронте против Дутова и как старому подпольщику-боевику Областным Исполнительным Комитетом, было поручено расстрелять бывшего царя, который содержался под стражей в Свердловске в доме особых назначений, что я и выполнил волю правительства и рабочего класса.

В настоящее время являюсь членом ревизионной комиссии Молотовского Райкома ВКП(б), членом районного совета Осоавиахима, членом президиума Свердловского Обкома МОПР, представителем кассы взаимопомощи пенсионеров г. Свердловска. Систематически провожу беседы и делаю доклады по заданию Райкома ВКП(б)

23 апреля 1946 г. /ЕРМАКОВ Петр Захарович/

Адрес: г. Свердловск, ул. 8 марта № 1, квартира 4

Автобиографию члена ВКП(б) Ермакова Петра Захаровича заверяю. Секретарь Молотовского РК ВКП(б /Семененко/

ГА РФ. Ф. 539, оп. 6, д. 8796, л.л. 35, 35 об, 36.<
> Машинописный текст. Подлинник.

Документ № 35

**ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ
ПОЛЕВАЯ ПОЧТА
78023**

«21» октября 1947 г.
№ 261

СЕКРЕТАРЮ МОЛОТОВСКОГО РАЙКОМА ВКП (б) г. СВЕРДЛОВСКА

ОТЗЫВ

О проведенной беседе старого большевика г. СВЕРДЛОВСКА тов.
ЕРМАКОВЫМ ПЕТРОМ ЗАХАРОВИЧЕМ в в/ч п/п 78023

ТЕКСТ: В связи с подготовкой и проведением 30 годовщины Великой Октябрьской социалистической революции командование в/ч 87023 решило организовать встречу личного состава части со старыми большевиками г. СВЕРДЛОВСКА. С этим вопросом мы обратились к тов. ЕРМАКОВУ П.З. с просьбой провести такую беседу, он пошел навстречу нашему желанию и 20 октября 1947 г. на собрании

личного состава провел обстоятельную беседу. Личный состав части прослушал с большим интересом выступление тов. ЕРМАКОВА и остался доволен проведенной беседой, так как она имела большой воспитательный характер.

Командование части от имени личного состава вынесло благодарность тов. ЕРМАКОВУ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА В/Ч 78023 по п/ч
ГВ. ПОЛКОВНИК /ДМИТРИЕНКО/

21 октября 1947 г.

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 405/Д1-578

Машинопись. Подлинник.

Документ № 36

МВС – СССР

РЕДАКЦИЯ ЕЖЕДНЕВНОЙ КРАСНОАРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ УралВО
«КРАСНЫЙ БОЕЦ»

2 июня 1948 г.

№ _____

г. Свердловск, улица Ленина

здание штаба Округа

Д1-32-88

Телефоны: Д1-19-80

тов. П.З. ЕРМАКОВУ

Уважаемый Петр Захарович

Редакция газеты Уральского военного округа «Красный боец» выражает Вам свою признательность и благодарность за активное участие в организации экскурсии воинов по историческим местам Свердловска.

Ваша беседа дала много ценных сведений воинам, она поможет агитаторам еще шире пропагандировать достижения социалистического Урала.

Посылаем Вам номер газеты, где напечатан отчет об экскурсии воинов.

С коммунистическим приветом.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Газеты Уральского военного Округа –
подполковник (П.И. КОРОБОВ)

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.
Личный фонд П.З. Ермакова. 364/Д1-536
Машинопись. Подлинник.

Документ № 37

РСФСР ВКИ
ОТДЕЛ ИСКУССТВ СВЕРДОБЛИСПОЛКОМА
СВЕРДЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА (О.Д.Н.Т.)
«__» 10/X 1950 г.
№ 28/ф
г. Свердловск

Уважаемый тов. Ермаков
Свердловский Областной Дом Народного Творчества приглашает Вас принять участие в 3-х дневном семинаре собирателей и сказителей фольклора.
Семинар открывается с 20 и продлится до 22 октября 1950 г.
Просим Вас прибыть на открытие семинара, которое состоится 20 октября в 12 час. дня.

Директор Свердловского Областного Дома Народного Творчества (Г.М.
ЧЕРНАКОВА)

Методист по фольклору ОДНТ (В.Н. КУРБАТОВА)

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.
Личный фонд П.З. Ермакова. 402/Д1-575
Типографский бланк. Машинопись. Подлинник.

Документ № 38

Проект статьи о П.З. Ермакове

Петр Захарович Ермаков, один из основоположников подпольной В-Исетской п/организации РСДРП /б/, смелый и талантливый организатор красногвардейских дружин, родился 1/XII-1884 г. в семье рабочего Верх-Исетского завода в г. Екатеринбурге. /г. Свердловск/.

После окончания приходского училища работал подмастерьем слесаря, а затем помощником машиниста заводской лесопилки. Будучи по натуре человеком общительным, энергичным и увлекающимся с юношеских лет стал вожаком передовой заводской молодежи, среди которой работали организаторы с-д кружков братьев Черепановых Сергей и Александр.

В 1906 г. П. Ермаков вступил в члены РСДРП /б/, был направлен в школу большевиков-организаторов боевых рабочих дружин. По окончании школы,

Ермаков, по заданию Уральского комитета партии, возглавляет организацию боевых «пятерок» на ВИЗе, участвует лично в изготовлении самодельных гранат и приобретении оружия для боевой рабочей дружины.

Летом 1907 г. по заданию к-та ликвидировал провокатора Ерина – агента царской охраны, оперировавшего под кличкой «Летний», за что был арестован. Просидел около года в одиночке Екатеринбургской тюрьмы, с помощью товарищей с воли доказал невиновность и был освобожден. В 1908–1910 гг. выполняет обязанности организатора-пропагандиста среди рабочих ВИЗа.

В марте 1909 г. при провале Обл. комитета партии Ермаков снова арестован, но за недостаточностью улик прямых сослал на 2 года на.... [12 - Так в документе. Имелся в виду город Вельск Вологодской губернии, название которого, видимо, решили уточнить позже.] Вологодской губернии. В марте 1917 г. от организации большевиков П.З. [Ермаков] избирается во Вр. Комитет общественной безопасности, а в апреле П.З. как член райкома РСДР /б/ избран в состав В-Исетского Совета рабочих и солдатских депутатов. В Июльские дни по заданию Губкома партии на Верх-Исетском заводе он организует отряд Красной гвардии, в котором после Октябрьской революции становится начальником. Возглавляя 4-й район Кр. Гвардии г. Екатеринбурга, П.З. по заданию совета руководит ликвидацией шаек уголовников и совместно с отрядами дружин районов города участвует в разоружении бунтующих казачьих эшелонов. В декабре 1917 г. возглавляет сводный отряд Екатеринбургских Красногвардейцев, который под общим командованием Павлова /мичмана/ и Кобзева, прибывших из Петрограда, участвует в боях по освобождению г. Оренбурга от дутовских банд.

В феврале 1918 г. по призыву УралОбкома т. Ермаков становится во главе 2-й Ур. Боевой дружины, состоящей из добровольцев рабочих ВИЗа, а комиссаром дружины назначается И.М. Малышев – председатель УралОбкома. В боевом походе на Верхнеуральск т. Ермаков под руководством И.М. Малышева, личным примером дисциплинированности воспитывает первых солдат советского государства. В бою у Черной речки Ермаков был тяжело ранен, но остался в строю. В июне 1918 г., командуя резервным отрядом Красной Армии, т. Ермаков ликвидирует мятеж бывших фронтовиков, желавших освободить царя [13 - Это голословное заявление не соответствует действительности.]. Когда город Екатеринбург был в кольце белогвардейского окружения, когда Уралсовет, убедившись в невозможности дальнейшего содержания Романова под арестом, – решение расстрелять бывшего царя – эта миссия была выполнена П.З. Ермаковым. После оставления Екатеринбурга П.З. с отрядом пробился из окружения и вливается в Уральский отряд коммунистов. В этом отряде, впоследствии прославленном краснознаменном полку им. И.М. Малышева, легендарной 30 Уральской /впоследствии дивизии/ П.З. проявлял исключительную смелость, геройство, проходит путь от командира роты до командира [и] комиссара полка, будучи дважды ранен в боях при обороне Урала.

После 4 ранения на Западном фронте, где П.З. был комиссаром конной бригады в составе 16-й дивизии т. Киквидзе, он возвращается на Урал, где его демобилизуют с

должности комиссара 20 кавкурсов [14 - В данном случае несколько нарушена хронология биографии П.З. Ермакова.]

С 1922–33 гг. П.З. с присущим ему огоньком и боевой настойчивостью работает на командных должностях в административных органах Уральской области.

Будучи тяжело болен в 1935 г. он уходит на пенсию, но до последних дней своей жизни он не порывает с родным В-Исетским орденоносным заводом, являясь бессменным членом бюро п/о ведущего крупносортового цеха. Всеми уважаемый, он умер в мае 1952 г. и теперь его именем названа одна из улиц города.

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга.

Личный фонд П.З. Ермакова. 374/Д1-547

Машинопись. Копия.

Приложение № 3

Литературное наследие П. З. Ермакова

Приводимые ниже документы представляют собой часть коллекции Личного фонда П.З. Ермакова, хранящуюся в Муниципальном музее истории города Екатеринбурга (бывшем Государственном мемориальном музее Я.М. Свердлова).

После смерти П.З. Ермакова его вдова, в числе некоторых принадлежавших ему личных вещей, передала таковые в означенный музей.

Находящиеся на музейном хранении воспоминания П.З. Ермакова представляют собой машинописные копии таковых, вероятнее всего, напечатанные им самим (это можно предположить из-за невероятного количества орфографических и стилистических ошибок, всегда присутствующих в текстах, написанных рукой П.З. Ермакова), либо же записанные с его слов.

Среди таковых присутствует также стенограмма одного из его выступлений на одном из партийных активов, а также несколько вырезок из газет, опубликовавших его воспоминания и выступления («У черной речки», «Молодежь мужественно защищала советскую власть»).

Приведенные в данном приложении воспоминания П.З. Ермакова далеко не полны [15 - Воспоминания П.З. Ермакова, рассказывающие о Царской Семье, вынесены в Приложение № 4.], однако автор счел для себя возможным ограничиться общим количеством таковых, так как большинство их, посвященных, как правило, одним и тем же темам, в принципе весьма схожи друг с другом.

//-- Воспоминания о 1905 г. --//

1. О рабочих дружинах.

Рабочие дружины возникли с 1905 г. Руководитель ее был тов. Е р м а к о в.

Из рабочих ВИЗ`а состояли в дружине т.т. Горбунов, В...й [196 - В машинописном варианте текста имелась фамилия Третьякова, вычеркнутая рукой П.З. Ермакова и исправленная на неразборчивую, напоминаемую «Воронов».], Давыдов, Чемышеевы (правильно Черемышевы – Ю.Ж.) Андрей и Иван Вороновы. Место занятий дружины были большой Конный остров на реке Исети. Рабочая дружина проводила везде и всюду отражение прежней жандармерии, организовывала и охраняла митинги и собрания. В бывшем городском театре г. Екатеринбурга, ныне Свердловска, проводились собрания городских и Верх-исетских рабочих. В это время городской голова Козицин образовал черную сотню, были выпущены прокламации «бей жидов», разыскивались ею и предавались жандармерии лица, заподозренные в свободомыслии. В сентябре месяце 1905 г. в бывш.[ем] Городском театре было назначено собрание городских и Верх-исетских рабочих, черная сотня окружила театр и пыталась сорвать собрание, в зал собрания вошли двое пьяных черносотенцев и начали*censored*ганские выступления, один из рабочей дружины, рабочий завода бывш.[его] Ятес, ныне зав.[ода] «Металлиста», латыш ГИН предложил*censored*ганам выйти, пришлось рабочей дружине их вывести из театра и рассеять черную сотню, только тогда митинг мог пройти спокойно. Все собрания и маевки устраивала рабочая дружина и охраняла их.

2. О кустовых собраниях.

Кустовые собрания в летнее время проводились в любом месте – на Верх-Исетском торфянике, на Зеленом острове, на Сиговском покосе, на Московском тракте за Широкой речкой, за Генеральской дачей – на Красной Горке. Собрания проводились под руководством т. Ермакова.

В зимнее время по случаю холодов кустовые собрания проводились на нелегальных квартирах, на прим.[ер] у бывш.[его] весовщика ВИЗ`а Филиппова, в его маленькой дерновушке, где в тесноте, прижавшись друг к другу, жадно слушали оратора на тему о борьбе за свободу и улучшение своего быта. Пользовались также квартирами рабочих Черемышевых Николая и Андрея, Третьякова, у последнего даже, тов. Третьякова, не раз сохранялись от преследования полиции. Во всех этих квартирах хранилась нелегальная литература, прокламации и проч.[ее] Однажды по поручению руководителя дружины тов. Ермакова рабочим тов. Третьяковым на углу Главного проспекта, около Аффинажного завода было получено много нелегальной литературы, которую он отвез на извозчике домой. Эта литература была назначена для обслуживания не только города, но и округа, на распространение ее всюду и за получением ее обращались к тов. Третьякову, у которого она хранилась, через известный пароль.

3. С 1905 г. из малых собраний и маевок стали образовываться крупные митинги и забастовки, завязалась уже связь с рабочим классом. Стали организовываться митинги и в цехах заводов. Так однажды руководителем рабочей дружины тов. Ермаковым было поручено рабочим ВИЗ`а механ.[ического] цеха – тов. Фролову и литейного цеха тов. Третьякову и Давыдову провести митинг в котельно-кузнечном

цехе, митинг состоялся, хотя в нем едва не арестовали оратора переодетые фараоны и шпики; спасся он благодаря только рабочим Третьякову, Давыдову и Логинову, которые увели его в литейный цех, там переодели в рабочую одежду и под видом рабочего он сохранился от ареста. Под руководством также товарищей Довыдова [197 - Правильно. – Давыдов.] и Третьякова, Воронова и Фролова и по договоренности механического и литейного цехов о выводе из завода механика Балакина, последний, Балакин, был выведен за ворота завода с барабанным боем и свистом рабочих.

По постановлению также рабочих литейного цеха было запрошено перед администрацией завода об увольнении со службы подрядчика ГЕЙЦ, известного эксплуататора рабочих, что и было исполнено заводоуправлением. Так же по постановлению рабочих был уволен со службы управитель завода Фотиев, который не перенес обиды и отравился.

//-- Воспоминания [198 - Название дано условно, так как таковые являются стенограммой одного из выступлений П.З. Ермакова перед зрительской аудиторией. Не подлежит также сомнению, что таковое было приурочено к одной из дат, так называемой Первой Русской революции. И скорее всего происходило где-то между 1930 и 1935 гг.] --//

(после перерыва) [199 - Документ публикуется с сохранением орфографии подлинника.]

ЕРМАКОВ: Товарищи, вы меня простите, я может быть скажу не совсем точно, но, что помню, я скажу.

Надо сказать, что ученик нашего родной землячки, это Верх-Исетского товарища Новгородцевой Клав[дии] [200 - В документе имеются исправления, внесенные рукой П.З. Ермакова.]. Благодаря [е]я выучки я стал членом партии и стал принимать активное участие.

Здесь в Свердловске первым заданием, которое мне было поручено в моем родном Верх-Исетском заводе партийного ядра, которого в то время на заводе было «немного». Не было большевистского ядра, имелось четыре-пять человек, которых можно было назвать Эсерами, но в последнее время они оказались не Эсерами, а анти-эсерами. Я и мой брат Степан создали в то время маленькое ядро в составе 17 человек из тех рабочих, которые были надежны и разбирались в вопросах политической жизни. В то время по своему моменту, они были наши и до сего времени остались таковыми. Вот это ядро в нашем заводе приняло основу большевистского фундамента. Здесь одно время был Яков Михайлович Свердлов и Клавдия Новгородцева, которые заложили основу партийных задач, отсюда и пошла наша работа на заводе.

После того, как создалось наше партийное ядро, я [был] выделен заводским организатором, я держал связь с городским комитетом, который объединялся с Беринова заводом, заводом Монетка, заводом Ятеса. Это было основное ядро, положенное здесь на Урале.

Каким путем проходили наши выступления? Помню одну из первых маевок в 1906 г. на Красной Горке. Надо сказать, что здесь проходил первый митинг свердловцев, объединяя предприятия. Этот митинг, надо сказать, прошел для нас неблагоприятно. Каким-то путем жандармерия узнала о митинге, но недостаточно знала где проходила наша маевка. [А она] была назначена на Красной Горке, за мостом железной дороги между кладбищем и Верх-Исетским заводом. Я учел момент и перевел эту маевку с Красной Горки по направлению к Шарташу. Жандармская полиция туда не попала, митинг прошел и все ребята разошлись.

Что я делал дальше после этого? В начале 1906 г. мне пришлось попасть в инструкторскую боевую школу, здесь инструктором был Костя Мечен [201 - Правильно К. Мячин. То есть тот самый известный боевик В.В. Яковлев (К.А. Мячин), который по поручению Я.М. Свердлова, перевозил Царскую Семью из Тобольска в Екатеринбург.] (голос: Утиный нос). Я прошел школу, выдержал [экзамен] как удачный стрелок и кончил вторым, был начальником боевой дружины, дружина была небольшая, в 52 человека. Но боевая дружина одно, а когда нет оружия, это другое. Для меня встал вопрос подыскать хороших ребят; надо деньги, оружия предлагают, но надо заплатить деньги. И вот настал момент, без ведома комитета Партии (потом узнали, мне наvertsели хвост) я, покойный Вечеслав, который был марксималистом, но он состоял в боевой дружине, потом дядя Ваня, это хороший парнюга, бывший матрос, мы создали так называемую тройку. Я узнал, когда повезут деньги на медный рудник, но один раз проворонил, а потом, когда повезли 12.400 руб. мы их экспроприировали, мы получили 12.400 рублей, ранили своего друга – кассира Пашу Фирсова (голос: он жив?) – жив. (голос: и не знает до сих пор?) – нет, я сказал. Ранили лошадей гончих, двух Мильтонов убили, лошадь ранили. Деньги у нас есть, мы получили 14 браунингов № 2 [202 - «Браунингом № 2» в то время назывался пистолет Браунинга мод. 1903 г., кал. 9 мм. Соответственно «браунингом № 1» именовали мод. 1900 г.]. Я приобрел пять Маузеров. Потом встретили Медведева [203 - Вероятнее всего, П.З. Ермаков имеет в виду А.И. Медведева.], он теперь покойный (голос: живой). И таким путем достали несколько штук винтовок. Так как они были длинны[е], а я как слесарь, отрезал. Вот это была основа к подготовки к выступлениям. Мне ставили задачи: все совещания и конференции в лесу охранялись моей дружиной. После этого в 1907 г. я был избран организатором партийного ядра для устройства охраны и проведения митингов. На мне лежала задача проводить людей, установка (установление личности. – Ю.Ж.), пароль и т. д. Но в нашей коммунистической среде, среди членов Комитета был покойный Николай Летний, настоящая фамилия Ерин, который не вел весь Екатеринбург, который работал в жандармском Управлении, а после ареста целого ряда наших товарищей, он зачастую спрашивал. Он моей фамилии не знал, а знал мою кличку Попка, меня и Вовкой звали. Он спрашивает: «Сколько у тебя оружия, а где у тебя жина?» Я говорю: Тебя это не касается. Когда я попал на совещание в тюрьму к нашим товарищам, которой я теперь заведу [204 - Вероятнее всего, П.З. Ермаков намекает на свою должность

заместителя начальника исправительно-трудовых учреждений г. Свердловска, которую он занимал с 1927 по 1935 гг.], вот здесь мне мысль, что Николай провокатор. Я посмотрел на рожу, так и написано, что он провокатор. Я уговорился со Свечкой и дядей Ваней, решили следить за Николаем. А он жил на Арсеньевском проспекте. Один раз мы следили по Солдатской улице, там жил жандармский полковник и он там с ним случайно встретился, и что-то передал. На углу жил жандармский полковник и вот здесь он ему передал что-то. Что тут осталось делать? Момент был тяжелый. Я беру Вячеслава и говорю: Что то надо сделать. Я говорю, что поеду в Казань. Я говорю Вячеславу: Давай сегодня, дело надо кончить. Мы говорим, что приехал один товарищ, его д[е] надо отправить, он ничего не догадался и пошел с нами. Это было 4 августа в 1907 г., пошли по полотну железной дороги к Верх-Исетскому кладбищу. Я ему руки завернул сюда (показывает). Нечего допрашивать, он сознался, что Рядкину провалил за 10 рублей, Бычкову провалил за 15 рублей. Привалили (провалил. – Ю.Ж.) Минкина за 20 рублей, Червонного за 25 рублей, в общем целый ряд таких маленьких подачек соберутся. Мы наблюдали, он говорит: «товарищи Вы простите, отпустите меня, я больше не буду». Мы его свернули, перетянули полотенцем, сюда ему воткнули... и он умер. Мы может грубо сделали, написали «Убит за провакацию». Глотку заткнули полотенцем.

Проходит долгое время, начинают подозревать кого-то, потому, что в то время еще было взятие Верхисетской кассы, а в Тагиле магазина, я забыл как его фамилия, и нас забирают. Я с Вячиком списался. Он говорит, что я тебя не выдам. Но все равно в то время из нашей организации думали, что он провалит. Ему почему-то многие не доверяли. Потом рассказывали, что не ему надо было недоверять, а другому.

После нескольких месяцев сидения у жандармерии доказательств никаких не было, они говорят про меня, что ровно он не хромал, а этот хромает. Потом они меня отпустили, а Вячку узнали и парня повесили.

В то время после провала комитета опять появилась группа, но группа человек в 8 и я в это время заведывал и был организатором нашей подпольной типографии. Нашим руководителем из ЦК приехал Михей, потом приехал Зуев из Ленинграда (Санкт-Петербурга. – Ю.Ж.) и здесь уже у нас настал момент о необходимости создания областного уральского съезда. Вопрос подготовки был поставлен, помещение было приспособлено для совещания и этим я заведывал и место для совещания не было объявлено до самого съезда и на съезд в 1909 г. в марте месяце от ЦК партии был Семен Шварц, на уральскую областную конференцию был выбран я и Зуев и Давыдов от Свердловска (Екатеринбурга. – Ю.Ж.), из Тюмени приехал Криненберг, из Челябинска приехал Калинин, дальше из Миньяра приехал Зимкин, а из Тагила я забыл кто был.

Благодаря той провокации, которая была в то время, которым был наш секретарь Бахарев – наша конференция и провалилась.

Было таким образом, что явка у нас была у Бахарева, а конференция должна была

состояться в Верхисетских дачах, на которые я имел в то время влияние.

Видимо к этому жандармерия подготовилась раньше потому, что из районов полиция вся была вызвана и 29 марта мы все были арестованы и все приехавшие ребята и в частности весь Екатеринбургский Комитет и в это время и в Челябинске и Миньяре в пределах всей уральской Области были обыски и в один день, 28–29 марта, были поголовные обыски. Каким путем произошло это. Оказалось, что провокатором был Семен Бахарев. После ряда очень больших допросов жандармского правления, я [не] помню как его звали, был он рыжеватый жандарм, который добывывать. Почему, говорит мы не знали, где у Вас должна была быть конференция, мы, говорит, [знали] ваши явочные квартиры, но не знали где Вы собираетесь. Я ответил, что на эти вопросы я ответа не даю. Были такие еще вопросы, откуда ребята приехали, спрашивали какие у нас готовились резолюции к съезду и т. д. Много таких было вопросов.

Интересный тот случай, что когда приехали в Правление, то стали говорить, что среди нас есть провокатор. Не прошло и получаса приехал Семен, открыл ключик двери,..... Потом он ушел [и] больше к нам не вернулся. Благодаря этой провокации со стороны Бахарева продержали нас несколько месяцев, до 11, правда у нас своевременно были уничтожены мандаты и они нас участниками конференции признать не могли. Дали нам кому 5 лет, кому 3 года, кому 2 года и так все ниже и ниже.

Вот чем я мог поделиться.

//-- В годы царской реакции [205 - Документ публикуется с сохранением орфографии подлинника.] --//

Большевистская партийная организация у нас в Екатеринбурге (теперь в Свердловске) организовано оформилась. В 1905 г., в момент революции 1905 г. основным костяком партийной работы являлся созданный Екатеринбургский комитет РСДРП(б); организатором большевиков был «АНДРЕЙ» (Я.М. Свердлов). В состав комитета тогда входили «Федич» (Сыромолотов), Чуцкаев, Аскарвна (Авейде) и др. т.т.

В начале 1906 г. была созвана Екатеринбургская партийная конференция, которая наметила ряд организационных вопросов работы. В результате итогов этой конференции на территории Екатеринбурга были созданы 4 районные ячейки: на Визе, заводах Ятес (теперь «металлист»), на макаровской фабрике и в заводе Беренова.

Тогда уже имелась связь с Пермью, Тагилом, Челябинском и другими городами. В том-же 1906 г. у нас в Екатеринбурге была боевая партийная дружина. Центральный штаб руководил работой ячейковых боевых дружин. Из последних помню на: ВИЗе, Логиновской фабрике, и в ряде мелких мастерских, с которыми дело непосредственно имел я, ЕРМАКОВ. Конец 1906 г. Екатеринбург. парторганизации принес провал: Часть членов комитета – «Федич», Чуцкаев и др. сели в тюрьму. На некоторое [время] руководящая партийная работа замерла, но районные ячейки

свою работу вели. Несмотря на трудные условия работы, в том-же 1906 г. работа снова восстановилась. Организаторами на этот раз были приехавший Семен Шварц член Ц.К. и Червонный (Кирезвский), во вновь созданный комитет вошли: Червонный («Кличка»), Бычка (теперь – председатель горсовета) Матвей Миркин), Рябкина, Собанеева. Работа партийная наладилась хорошо: кружки восстановили свою работу, руководила кружком в Верх-Исетске Сима Дерябина. а я в это время был организатором на ВИЗе и объединял все частные мастерские.

Благодаря провокации в начале 1907 г. комитет был провален. Провокатором оказался член партии, являвшийся сотрудником жандармов, партийная кличка у него была «Летний»; (Николай Ерин) он провалил всех товарищей. Провокаторская деятельность Ерина была разоблачена нашей группой боевиков. 6 августа 1907 г. согласно постановления организации Ерин нами был уничтожен.

Работа большевистской организации благодаря этой провокации и новоявлением небывалой царской реакции заглохла, но не замерла окончательно поскольку позволяли условия и силы, работу вели оставшиеся товарищи, оставшиеся активы некоторых организаций. В начале февраля 1908 г. создается новый комитет партии. Екатеринбургский комитет большевиков составляют следующие т.т.: Сергей (он же Кушнарев) профессиональный партийный работник, я – Ермаков Петр, Верх-Исетск.[ий] район. – Давыдов Николай, Вайнер, Бахарев, Семен и Федор (фамилии не помню) этот комитет повел подготовительную работу к областному партийному съезду. Из центра приехал к нам Семен (Шварц). Екатеринбургский комитет был связан с Пермью, Тагилом, Челябинском, Златоустом, Миньяром, Тюменью, Уфой. В это время в Тюмени у нас работала Типография; выходили листовки, газета «Тюменский рабочий», № 1 последнего вышел 10/IX-1908 г., в Екатеринбурге мы издали временную листовку – обращение к рекрутам не ходить в солдаты. У нас были гектограф и небольшая типография (наборная доска с валиком). В типографии работал и я Ермаков.

Кружковая работа была вновь налажена в Верх-Исетске у Ятес, на заводе Беринова. Работу в кружках вели Леонид и Елена Вайнер. Я был организатором этих кружков и начальник боевой дружины.

В этот период партийная работа была налажена хорошо. Между прочим мы имели специально созданный 3-х месячный кружок пропагандистов-организаторов. В нем было 16 человек; они проходили полит-экономия (в кратце), историю классовой борьбы, историю <неразб.>.

В конце марта комитетом было решено созвать в Екатеринбурге партийную конференцию. Командированный для проведения этой конференции товарищ «Семен» (Шварц) объехал весь Урал. Екатеринбургский комитет к этой конференции подготовился серьезно. В повестку дня были включены следующие вопросы: I Выборы областного комитета, II Налаживание партией единой работы на Урале, III/ Организационная форма парт-учебы, однако этой конференции провести не удалось хотя представители и съехались: произошел большой провал по всему

Уралу; 29 марта ночью были ВСЕ арестованы, все приехавшие представители и весь Екатеринбургский комитет вместе с Семеном Шварц. В числе арестованных были: я – Ермаков, Давыдов, Сергей, Кушнарера, Вайнер, Бахароев и посланные на съезд представители: из Перми Калинин, Златоуста – Галкин, Миньяра – Заикин, Тюмени – Ганденберг, Уфы – Козлов. Помимо этих товарищей в Екатеринбурге тогда-же арестовали еще целый ряд товарищей нашей партии и даже к нам напричастные ни в какой мере вслед за этим аресты прокатились по всему Уралу: Перми, Златоусту, Миньяру, Тюмени, Уфе. Екатеринбургская большевистская организация жандармами была на время разгромлена, но еще не уничтожена.

Оправившись после разгрома, большевистская организация на Урале... [206 - На этом месте текст рукописи обрывается.]

//-- Кашмарные воспоминания [207 - Эти воспоминания были написаны П.З. Ермаковым в преддверии 8-й годовщины РККА, т. е. в 1926 г.]. --//

Нельзя умолчать о том кашмарном моменте, когда весь русский рабочий класс и крестьянство, давило царское правительство жестоко оно угнетало рабочих и крестьян жестоко угнетало многочисленные народности под этим гнетом росло ширилось и крепло недовольство трудящихся с каждым годом все сильнее удоряла волна народного возмещения к поднимающим вершинам самодержавия. Дальше мы видим величайшее бедствие для всех трудящихся была мировая война, десятки миллионов крестьян и рабочих были оторваны от своего труда, от своей семьи и брошены в кровавую пасть войны, здесь мы уже видели тысячи коллег (калек. – Ю.Ж.) и сотни тысяч сирот, стон стоял по всей стране это было роскошью самодержавия и капитала, которые ради рынка захватов бросали крестьянство и рабочего [в] эту страшную войну, с каждым месяцем еще труднее приходилось трудящемуся и громадная масса крестьянства [и] рабочих были брошены в окопах и погибали в страшных боях.

Пятнадцать миллионов было взято в царскую армию лучших сынов, хозяйство со стороны нарушалось, рабочий, крестьянин изнемогал [от] непосильных налогов и разрушение хозяйство, все жестокие муки войны сплотили рабочих и крестьян воедино в борьбе за освобождение, и все сильнее революционная волна захватывала рабочие-крестьянские массы и наша партия Ленинская, которая была верна своему красному знамени борьбы за освобождение трудящихся смело подняла свой голос против грабительской войны и против самодержавия, под кличем нашей партии спыхнул революционный пожар рабочий восстал, изнемогающая армия в окопах помагла рабочему классу сбросить самодержавие это был момент революционной войны в 1917 г., эта армия была не та, которая слепо повиновалась своему офицерству в 1905 г., которая расстреливала рабочих и крестьян и повторима старая армия она действовала под присягой быть верной царю и отечеству. Царское правительство погибло, могучая волна народного возмущения легко снесла распавший[ся] прогнивший трон, против царя выступила вся трудовая страна, вот как оценивал наш учитель Ленин быструю [и] легкую победу Февральской

революции, против правительства Николая кровавого выступила не только трудящиеся, но и русская буржуазия, ибо им было также выгодно встать у руля правления после Февральской революции, соглашатели, меньшевики и эсеры, которые повели соглашательскую линию, на место захвата полной власти рабочих и крестьян они помогли взять власть в руки буржуазии и при поддержке изменчиков (изменников. – Ю.Ж.) рабочему классу, как меньшевиков и эсеров буржуазия Февральскую революцию использовала в своих интересах и ни чего не дала трудящимся.

И здесь наша руководимая партия большевиков вместе с Лениным сказала, что трудящимся ждать здесь нечего ему необходимо сопоставить свою силу против буржуазии это красную боевую дружину, которая может быть защитницей в интересах рабочего и мы уже видим постепенно стали организоваться красные отряды, как в Ленинграде, в Москве, на Урале появились мощные боевые красные отряды, по примеру прошлых годов, как 1905 г., который был авангард нашей партии и рабочего класса, здесь на красную гвардию выпала большая задача, как в Петрограде сразиться с офицерскими юнкерскими отрядами, которые во главе с Керинским и ударниками, которые заняли зимний дворец и здесь красная гвардия сумела выбить противника из зимнего дворца и здесь красная гвардия [смогла] занять все государственные учреждения, ибо дать возможность рабочему классу забрать власть в свои руки, это был день Октябрьской революции по всем крупным советским городам генералы и офицерство при поддержке буржуазии, меньшевиков и эсеров укрепляли свою силу, для того, что бы нанести новый удар Октябрьской революции и сломить рабочий класс, но наша партия и рабочая в этих боевых схватках выкавывали (выковывали. – Ю.Ж.) свою красную гвардию, по всей России хищные наши враги стали группировать контр революционные отряды, как на Урале атаман ДУТОВ с офицерством и казачеством заняли Оренбург, второй генерал Юденич делал попытку захвата Петрограда и Деникин наступал на Орел, со всех концов Советская власть угрожала опасностью, но здесь у Советской власти был мощный кулак, это красная гвардия, которая в неравных боях [с]умела стойко стоять на твердыне Советской Власти и белые генералы были разбиты, но в это время внутри Советского аппарата еще была старая армия, которая была еще пропитана царским духом, которая слепо выполняли и несознательно шли против рабочего класса, ибо эта армия была еще в окружении командного состава старых офицеров.

Здесь нашей партии была громадная задача влить струю нашего коммунистического воспитания в гущу старой армии, ибо разложить ее и разграничить офицера и солдата и доказать, что офицерство не является другом рабочего и крестьянина и клич нашей партии был долой войну, землю дать крестьянину, рабочим дать фабрики и в тот тут откликнулись широкие массы солдат и большевические ячейки росли в солдатской массе, ибо громадным большинством старой армии влезли в ряды наших стойких бойцов красногвардейцев играли большую роль завоевание Советов, но деятельность

военной организации большевиков неограничились работой с привлечением солдатской массы на сторону революции, но в то же время по всей стране кипела работа по организации боевых рабочих дружин, в первые же дни Октябрьского переворота молодой советской власти пришлось наперечь все силы для своей защиты. Керинскому, которому удалось бежать он собрал верную ему контр-революцию во главе офицеров и юнкеров под командой Краснова повел наступление на красный Петроград, в то время грозила серьезная опасность для революции, внутри Петрограда подняли головы контр-революционеры, но благодаря великому подъему рабочих, солдат и матросов влившемуся в красную гвардию весь Петроградский рабочий [класс] шел на защиту Советской Власти, Керинский был отбит, он бежал за Границу.

Сила революции была велика, благодаря революционному подъему рабочих и благодаря беднейшего крестьянства Советская власть закреплялась, вот здесь было видно, что началась классовая война, с одной стороны действовала красная гвардия, которая стояла на защите интересов трудящихся, с другой стороны белая армия, которая стояла на защите капитала, здесь можно было видеть две добровольческие гвардии, которые дрались не на живот, а на смерть, в это время немецкое командование повело наступление на Советскую власть, благодаря вмешательства иностранных стран и в то же время повела наступление Украинская буржуазия совместно с Петлюрой. Не имея силу Украинское правительство бороться с красной гвардией, они хотели с помощью немецкого штыка побороть советскую власть, ибо рабоче-советская власть она была сильна и Петлюровщина была разбита и здесь вопрос советской власти стал о необходимости заключение мира с немецкой армией для передышки и укрепления Советской Власти и мир был заключен в начале 18 года Брес[т] Литовский и в тоже время издан декрет об окончательной демобилизации старой армии, для того, чтобы иметь мощный кулак Советской Власти ибо международная буржуазия она подобрала русский генерал к себе под опеку и дала им возможность организовать контр-революционные полки, которые должны нанести жестокий удар рабоче-крестьянскому правительству и здесь [перед] рабоче-крестьянское правительство встал вопрос о реорганизации красной гвардии в красную армию на добровольческих началах, как членов партии и также членов профсоюза, под единым командованием и не распыление сил, ибо [в] это время уже на Урале появилась регулярная армия Чехо-Словаков под командой Колчака и при помощи иностранной буржуазии, которые заняли всю Сибирь и Урал. На Севере на Архангельском участке появились также враги Советской Власти Англичане [и] рабоче-крестьянское правительство [занялось] реорганизации красной армии (Красной Гвардии. – Ю.Ж.) был издан декрет 23 Февраля 1918 г. о создании рабоче-крестьянской красной армии. После победы над Колчаком на Урале и в Сибири снова появилась новая авантюра Польши на Западном Фронте, которые повели наступление на Советскую Власть, при помощи Антанты и в уелости всего буржуазных стран, но благодаря единому руководству командного состава из стойких бойцов Красной армии Польский Фронт был

покончен, но на голову Советской Власти в 20 году в Июне месяце появляется новая угрожающая волна белой гвардии шедшая с Крыма под командой Барона Врангеля и русского офицерства и буржуазии. Иностраный капитал помог укрепить ударный <неразб.> на перекопе, здесь рабоче-крестьянскому правительству и красной армии дорого достались захваты трофеев перекопа, которые были укреплены десятками линий проволочных ограждений и волчьих ям и танками и дальнобойными орудиями, но благодаря революционному подъему сознания Красной Армии Врангель был сбит. Здесь надо было отметить, что это была последняя попытка международной буржуазии и русских генералов нанести удары которые думали здесь нанести поражение рабоче-крестьянскому правительству, но Советская Власть была крепка и красная армия сильна и контр-революция потерпела поражения, хотя это время разбиты остатки генералов и буржуазии неостанавливались делали нападения с разных концов мелкими группами на Советскую Власть, уже к концу 21 года все те банды контрреволюционеров повеликвидированы, у рабоче-крестьянского правительства стал вопрос о создании нашей промышленности и сельского хозяйства, [ко]торое было так разрушено за долгие годы войны, но надо отметить, что лучшие молодые работники крестьянские сыны были в армии, здесь встал вопрос Рабоче-Крестьянской власти по сокращению армии, ибо дать возможность этим поднять нашу промышленность и наше сельское хозяйство, армия была сокращена из 7 миллионов на 800 000 тысяч штыков, но в тоже время Рабоче-Крестьянское правительство поставило своей задачей укомплектование командному составу, а также политически воспитательным на лучшую сторону, ибо из сокращенного штата армии улучшить качественно и материально и бое-способность армии и главной задачей был поставлен вопрос о военной техники, ибо иностранная буржуазия также пользуется главным моментом во время военных передышек комплектуется как технически, так и боеспособностью свою армию и Рабоче-Крестьянское Правительство должно быть готово к любому моменту к натиску международной буржуазии, ввиду поднятия страны, как [в] промышленном, так и [в] техническом отношении рабоче-крестьянским правительством сократилась армия еще на 200 000 штыков, т. е. кадровая армия осталась в 600 000 штыков на и на место сокращения для того, чтобы суметь в любой момент во время военных операций бросить на пополнение кадровой армии новой подготовленной силы, для этого Рабоче-Крестьянское Правительство при военном Совете решило создать для пополнения кадра территориальную подготовку военного обучения, ибо дать возможность в этой передышке крестьянину и рабочему неотрываясь от своего прямого хозяйства суметь научиться военному знанию, это с одной стороны, с другой стороны Правительство также мыслит проходить военную подготовку [в] военизации всего пролетарского населения, здесь можно будет видеть, что Рабоче-Крестьянское Правительство окрепло, как на промышленном фронте так и при мирной обстановке военного времени, что надо отметить, что при трудных условиях Советской Власти строить из кадра красной гвардии, та которая первыми вынесла всю тяжесть Октябрьских

завоеваний построить мощную Красную Армию, которая бы могла после Красной гвардии закреплять Октябрьские завоевания приходится констатировать, что Рабоче-Крестьянское Правительство и Красная Армия уже празднует 8-ю годовщину своей организации 23-го февраля, ибо на 9-м году нужно отметить Советская власть окрепла, но в тоже время она должна быть готова [к отражению] от любого натиска контр-революции изнутри буржуазных стран и [в] эту 8-ю годовщину мы должны [не] забыть первых павших бойцов за освобождение трудящихся и первых носителей Красного знамени, это та красная гвардия, которая первая была на страже первых завоеваний Октября в 1917 г. и нудно (нужно. – Ю.Ж.) отметить также подвиги той красной армии, которая на штыках вынесла все победы на всех фронтах, как на военном также на защите рабочего класса поднять его хозяйство, так будем же готовы к новой учебе по строению новой военной техники.

Ермаков.

История организации Красной Гвардии на Урале

С первых же дней октябрьской революции 1917 г., б. г. Екатеринбург, являясь центром пролетарского Урала, взял власть в руки Совета Рабочих и Крестьянских депутатов, которыми был издан приказ об образовании Красной Гвардии, которая должна была являться оплотом Советской власти и на случай реакции, не щадя своей жизни, встать на защиту таковой.

Но несмотря на то, что власть фактически была в руках рабочих и крестьян, все же много было и бывших людей, которые как скорпионы, вторгаясь в рабочую массу, всячески старались подорвать авторитет и доверие таковой, пророча ей скорую гибель, что отчасти в среде более отсталой массы им удалось как бы расстроить единую рабочую когорту, внося в некоторую ее часть, если не полную уверенность в нетвердости власти мозолистых рук, то все же удавалось из части рабочей среды создать как бы пассив, под предлогом того, что мы, мол, нейтральные.

Вот в это-то тяжелое переходное время, несмотря на происки врагов трудового народа и его власти, Совет Рабочих и Крестьянских депутатов в б. г. Екатеринбурге организовалась Красная Гвардия, в которую вступали сливки трудящихся, которые интересы мирового пролетариата ставили выше своей личной жизни, не считаясь ни с годами, ни с семейным положением, а всецело отдав свою жизнь в распоряжение Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Крестьянских депутатов.

Таким образом, были организованы при каждом более крупном рабочем центре, так называемые, районные отряды Красной Гвардии, а именно: при Монетном дворе, при станции «Екатеринбург I», при Ленинской фабрике и Верх-Исетском заводе, с районными штабами, которые подчинялись общегородскому главному штабу, причем сигналами для сбора районов являлись гудки на заводах.

Верх-Исетский отряд Красной Гвардии был самым крупным и боеспособным отрядом г. Екатеринбурга, во главе которого как командир и комиссар отряда был т. ЕРМАКОВ Петр Захарович.

25 декабря 1917 г. Екатеринбургским Советом было получено известие, что в г. Оренбурге, под руководством генерала Дутова произведено контрреволюционное восстание, поддержанное офицерами, юнкерами и контрреволюционным казачеством и что члены Совета частью расстреляны, частью разогнаны. Получив такое известие, Екатеринбургский Совет 25 же декабря в 9 час. вечера позвонил по телефону в общегородской штаб, приказав явиться всем начальникам районов в Исполнительный Комитет Совета (в б. дом Поклевского-Козелл).

На этом же совещании начальников районных штабов, после информации о положении дела в г. Оренбурге было постановлено, во что бы то ни стало подавить это контрреволюционное восстание и т. ЕРМАКОВУ с членом Исполнительного Комитета было поручено объехать все районы и выявить количество красногвардейцев, их вооружение, обмундирование и боеспособность, после объезда и полного обследования было установлено, что все красногвардейцы, как один, готовы выступить, куда бы ни потребовалось, на защиту Соввласти, но по случаю зимы и сильных холодов нет обмундирования, очень мало оружия и несмотря на революционный энтузиазм, при таком положении и от хорошего бойца может получиться очень мало пользы. Обо всем этом Исполнительному комитету было доложено, а районам во главе с их начальниками было приказано в 24 часа вверенные им отряды привести, поскольку это возможно, в боевую готовность и прибыть на станцию «Екатеринбург I».

26 декабря, по прибытии на станцию Екатеринбург, численностью из всех районов, примерно 550 человек, где получили часть обмундирования и вооружения, отряды были готовы к отправке. Представители Исполнительного Комитета ответственным руководителем всех отрядов назначили т. ЕРМАКОВА, сообщив последнему маршрут следования отрядов и задачи на них возложенные.

В это время были поданы эшелоны, как для людского состава, так [для конского].

По прибытии в г. Челябинск было созвано собрание начальников всех отрядов на котором было всем объявлено, что в г. Оренбург с частью ж-д станций по направлению к г. Бузулуку, – а именно станции «Платовка», «Переволоцкая», «Тоцкая», «14-й разъезд» и др. находятся в руках контрреволюционного казачества, а Бузулукский узел железной дороги – в наших руках.

На этом же собрании был избран единый штаб всех отрядов под командованием Ермакова, а комиссаром штаба был выбран матрос т. ШИБАНОВ, отряд этот был назван «1-й Сводный Революционный Отряд».

Сразу же по организации единого штаба был издан приказ по отряду, в котором было объявлено, что бывшие начальники районов назначаются или вернее, называются после организации штаба Начальниками сотен при своих старых единицах, которые раньше назывались отрядами.

На созванном совещании начальников сотен в штабе отряда всем начальникам было объявлено о целях и задачах отряда, во чтобы то ни стало разбить гидру контрреволюции в г. Оренбурге и связаться с Ташкентскими частями Красной Гвардии, наступающими на г. Оренбург со стороны г. Ташкента.

Продовольствием отряд снабжался по договоренности с местными властями, где отряду приходилось останавливаться.

По прибытии отряда в г. БУЗУЛУК штабом отряда был разработан план наступления и скомбинирован своеобразный бронепоезд таким образом: вагоны зашивались изнутри досками с шестивершковым пространством между стенкой вагоны и обшивкой и засыпались землей и устраивались бойницы, как для пулеметов, так и для винтовок. Таких вагонов было 8 штук, паровоз же был поставлен в середину их, причем впереди была еще поставлена вагонная площадка, на которую был установлен броневой автомобиль с двумя легкими орудиями и пулеметами, с этим-то примитивным бронепоездом и повели наступление на Дутова генерала с его прихвостнями первые пролетарские бойцы за дело социализма.

Наступление велось таким порядком: один из отрядов под прикрытием броневика вел наступление в лоб противника по линии железной дороги, а остальные отряды были в резерве и по мере хода боя наступающая колонна или получала подкрепление, или после занятия того или иного стратегического пункта сменялась и дальнейшее наступление вела следующая единица и т. д. по очереди. Всех же таких единиц было 4. Численность – около 2000 человек при 16 пулеметах, двух легких горных 37 мм орудиях, ручных гранатах и винтовках.

Первая из станций под названием «Гамалеевка», находящаяся в руках противника, была взята таким образом: 6 января в 8 час. утра в сторону противника был сформирован поезд с вольной публикой и демобилизованными солдатами старой армии, когда производилась посадка вольных пассажиров и демобилизованных солдат, в это время команда из 50 человек красногвардейцев во главе с т. ЕРМАКОВЫМ в тупике на путях, разместившись в двух товарных вагонах и вооруженных, что называется, до зубов, т. е. винтовками, гранатами и др. почти перед самым отходом поезда эти два вагона под видом того, что они гружены товаром и двери, которые приходились в сторону станции, были запломбированы, а двери с противоположной от станции стороны с петель были сняты и только приставлены на случай того, чтобы их можно было в один момент сбросить и находящимся в вагонах красногвардейцам была возможность быстро выскакать и по указанию т. ЕРМАКОВА занять и исполнить то, что заставят обстоятельства. Цель всего этого предприятия была такова, были получены сведения, что на указанной станции противника, т. е. белогвардейцев немного – примерно, 200–250 человек, было решено так, как указано выше под благовидным предлогом пробраться на станцию, случай как раз был хорош и ни пассажиры и не демобилизованные солдаты ничего не подозревали, а машинист ведущий поезд, был надежный, вдобавок – партиец и ему было поручено, чтобы он по приходе на станцию быстро проехал бы перрон станции и остановил бы поезд уже на исходных стрелках, и в этот момент находившиеся в двух передних вагонах красногвардейцы могли бы выскакать из вагонов и оцепив станцию как бы с тылу противника, а со стороны фронта, т. е. в лоб противнику, тоже поскольку это было можно, красные тоже сперва в поезде, а затем, выйдя из поезда и рассыпавшись в цепь, повели

наступление, и вот когда завязалась перестрелка по фронту, в это время руководимые т. ЕРМАКОВЫМ красногвардейцы, приехавшие в двух вагонах на станцию, ударили в тыл противнику; противник, хорошо и хорошо вымуштрованный в юнкерских школах, растерялся, получилась у них паника и мы станцию заняли безо всяких жертв с нашей стороны и мы захватили и пленных при... [208 - На этом месте текст документа обрывается.]

//-- Воспоминания --//

(текст заготовленного выступления для П.З. Ермакова) [209 - Название дано условно, так как таковые являются текстовой заготовкой одного из многочисленных выступлений П.З. Ермакова перед зрительской аудиторией.]

Рабочий класс, руководимый партией большевиков, наученный горьким опытом в 1905 г. был уже готов и знал [суще]ствовать. Передовое большевистское ядро, по примеру и опыту прошлых лет создало боевую дружину, зная хорошо о неизбежности в дальнейшем вооруженно-классовой борьбы.

И четыре таких боевых дружины были созданы в июне 1917 г. в Свердловске: на Верх-Исетском заводе, железнодорожном узле, Злоказовском заводе и на Монетном дворе.

Каждая из этих дружин имела свыше двухсот бойцов из надежных и вполне преданных рабочему классу рабочих – добровольцев, которые возглавлялись – большевиками.

Помимо обслуживания караульной и сторожевой службы на заводах на объединенный штаб возлагались организация укрепления отрядов и подготовка боеспособности их.

И когда Екатеринбургский Совет получил из Челябинска тревожные вести о том, что атаман Дутов угрожает Уралу, тогда на Верх-Исетском заводе в течении суток 25 декабря 1917 г. был создан под моим командованием отряд из 500 рабочих-визовцев.

Возглавлявший казачьи войска и проживающий в то время в Троице, генерал Дутов повел атаку на Челябинск и другие города Урала, в которых уже существовала Советская власть.

Рабочие Челябинска, красная гвардия тотчас же выступили против Дутовщины и защищая пролетарские интересы от царских наймитов героически отражали атаки казацких банд.

Не выдержал генерал Дутов оставил Троицк и бежал со своей бандой на Оренбург.

В Оренбурге с помощью офицерства, помещиков, буржуазии создал большую казацкую армию и в декабре 1917 г. снова повел наступление на Советский Челябинск...

25 декабря 1917 г. в 9 часов вечера на заседании начальников боевых отрядов было решено выступить на защиту челябинцев и Оренбургцев от озверелых

бандитов и через 24 часа это решение частями Красной Гвардии было выполнено.

На Верх-Исетском заводе, на тревогу, устроенную для красногвардейцев явились почти все рабочие завода, потребовали оружие и все высказались идти на фронт.

В 7 часов вечера 26 декабря получив на вокзале необходимое снаряжение, после прощальной напутственной речи, с криками «Мы буржуазную свору разгромим».

Под громкое «ура» с песнями эшalon красно-гвардейцев отправился на фронт.

Помнится первое наступление на станцию Гамальевку в 20 верстах от Бузулука.

Отобрали лучших добровольцев и посадили в товарный вагон, запломбировали его и на вагоне сделали надпись «Дрова» и прицепили к пассажирскому поезду.

С прибытием на станцию мы открыли пулеметный и оружейный огонь по белогвардейцам. Противник растерялся и бросился в бегство.

Это был наш первый маневр, первая боевая удача – 4 Января утром 1918 г.

И с этого боевого крещения мой отряд рабочих-визовцев храбро дрался с контрреволюционными регулярными войсками.

Мы прошли не одну сотню верст в Оренбургских степях, голодные и босые в 40 градусный мороз, усталые, обмороженные, перестраиваясь на ходу, в походах обучались стрельбе, но мы победили. Оренбург был взят нами 21 января в 2 часа ночи. Мы возглавили Советскую власть в Оренбургских степях, в Оренбурге подняли красное знамя Советов.

//-- У Черной речки [210 - Документ печатается с сохранением орфографии подлинника.] --//

Помню, около Троицка у Черной речки нас окружили казаки и офицерство, собрали большие силы и решили нас раздавить окончательно.

Но рабочие отряды умеют давать отпор. Моя вторая Уральская дружина пошла в лоб противнику.

Противник занял хорошую позицию, построил бойницы с левого фланга, подготовили для удара конницу.

Наши бойцы не растерялись, пошли в наступление открыто. Кругом степь, укрыться нельзя, да мы и не думали укрываться с криком «Ура-аа» бросились вперед.

Бой начался 29 марта в 10 ч. утра, кончился в 7 час. вечера.

Противника сбили, он бежал, в схватке пало много товарищей. Командира Колмогорова изрешетил пулемет и когда к нему для перевязки подбежала сестра враг сразил и ее.

Егоров – кавалерист был изрублен на куски. Ранены Ливадных, Орешкин. Здесь во время сильной схватки меня ранило в живот, я остался лежать в лазарете, а мой отряд во главе с тов. Малышевым, погнав врагов дальше. Вскоре в боях погиб славный герой и любимец Верх-Исетских рабочих т. Малышева.

Покатались дни боев, борьбы. Наш отряд скоро переименовался в отряд любимого тов. Малышева.

В этих повседневных боях Верх-Исетский завод потерял лучших сынов. Погибли

т. т. Синяев, Макаров, Романов, Вайнер, Фролов и другие, героически защищая Советскую Власть.

Верх-Исетские рабочие с винтовкой в руках обливаясь кровью храбро боролись с врагом пролетарской революции.

П.З. Ермаков

Комитет инвалидов – гнездо Екатеринбургской контр-революции [211 - Текст печатается с сохранением орфографии документа.]

(Воспоминание П.З. Ермакова).

Было тревожное время. Чехи двигались по направлению на Челябинск, я только что оправился от ранения, приехал с Дутовского фронта в Екатеринбург. Исполнительный Комитет назначил меня военным комиссаром; рабочие с большей радостью встретили меня.

В это время в городе было неспокойно, стали появляться всякие темные личности, терлись в комитете инвалидов, где собирались офицеры и вскоре на фоне комитета инвалидов [212 - Комитеты инвалидов – многочисленные общественные организации, появившиеся на территории Российской империи с началом Первой мировой войны. Членами таковых являлись увечные воины. Финансировались и содержались исключительно на добровольные пожертвования населения.] махровым цветом распустился цветок контр-революционеров.

Был прекрасный июньский день, у школы собралась большая толпа народу, – большинство инвалидов. Орудовали темные личности. Настраивали против Советской Власти, говорили, что она ничего не даст, но в то же время просили дать оружие для защиты Советской Власти; цель же была такая:

Достать оружие, разоружить Верх-Исетский отряд и Исполнительный Комитет и этим помочь наступающим с Челябинска белым.

Агитаторы сильно сбудоражили [213 - Так в тексте.] массу, были выбраны представители, которые предъявили требование Совету сдать оружие.

Совет отказал. Они стали настаивать.

Я, как комиссар и начальник отряда, отдал своим бойцам приказ быть готовым для дачи отпора и сейчас же привел отряд в готовность. Во всех местах, откуда можно было бы ожидать нападение, были поставлены пулеметы, у штаба, у Совета поставлены пулеметы у клуба Ленина; на отряд я надеялся, были все свои ребята: Синяев, Левадных [214 - Правильно – Ливадных.], Костоусов, Елизаров, Орешков, Гребенщиков, Десятов, Денисов, Партин, Калугин и много других товарищей рабочих. Когда все было готово к отпору, я верхом поехал к восставшей толпе, руководителями которой встретил офицеров, буржуйских сынков и прочую сволочь, которой ненавистны Советы.

Спросил: в чем дело?

Ответ был: «Дайте оружие» —

Я спросил: «Для чего?» —

Ответа не было.

Тогда я сказал:

– Кому дорога революция – расходишь по домам.

Часть честных рабочих, обманутых контр-революцией, отошли, остались те, кому Советская Власть противна.

Вскоре главарей взяли и восстание было ликвидировано.

//-- Из воспоминаний о Невьянском восстании --//

В 1918 г. в первой середине Июня м-ца не помню какого числа Лысьвенский исполком передал по телефону извещение что в Невьянске восстание против советской власти и для подавления его необходимо срочно сгнрнизовать добровольческий отряд из рабочих.

Извещение было получено в 4 часа дня. Тотчас же была оповещена вся партийная организация в 6 часов вечера был сформирован отряд в 20 человек. Добровольцев оказалось значительно больше, но в силу проявляемой активности со стороны местных белогвардейцев, часть добровольцев была оставлена на месте для охраны завода. Обмундированный и вооруженный отряд под командой в 8 часов вечера выступил в поход на ст. Бисертъ, где было обусловлено дожждаться отрядов из Чусовой и Лысьвы.

В 2 часа ночи не дождавшись ожидаемых отрядов, Бисертский отряд, погрузившись в вагоны и приняв все предосторожности военной охраны в пути, отправился на вновь открывшийся участок фронта гражданской войны. Часам к 4 дня прибыл на отряд, был на разъезде в 8 верстах от Невьянска.

К моменту прибытия Бисертского отряда на разъезде занимали позицию отряд в 50 человек Алапаевских рабочих, Вологодский отряд человек в 50–60, отряд мадьяр человек в 40. Таким образом вооруженные силы на разъезде составились около 160 человек.

Для руководства боевыми операциями был выделен штаб, кто входил в руководство штаба не помню.

Вооружены были только винтовками и один имеющийся пулемет стоял на паровозе. В первый день по прибытии восставшие банды особой активности не проявляли. Только паровоз бело-банд время от времени подъезжал на более или менее близкое расстояние и обстреливал из пулемета, не причиняя ни какого вреда.

В ночь отряда заступил на позицию, сменив Алапаевский отряд, пробывший на позиции сутки.

За ночь отряд окопался, разбил правильный фронтовой правый участок для обороны, утром отряд сменился с позиции и снова заступили Алапаевцы.

Бисертский отряд расположился в вагонах занявшись бронировкой простых товарных вагонов. Бронировка состояла в обкладывании стенок вагонов дерном, но и эта бронировка сослужила большую службу. Часов в 9 или 10 утра верстах в 2-х от разъезда в тылу отрядов послышался взрыв оказывается быле (белые. – Ю.Ж.) пробрались в тыл и взорвали полотно с целью оттянуть красные силы разъезда в тыл.

На место взрыва выехал с одним паровозом и несколькими вагонами Вологодский отряд. Через час случился второй взрыв там же только в версте от разъезда. Отправились к месту взрыва на паровозе часть Алапаевского отряда и остатки Вологодского отряда. На разъезде остался один паровоз с пулеметом стоящий на выходной стрелке и три состава вагонов.

Вооруженные силы отряд мадьяр занимающий позицию (позицию. – Ю.Ж.) влево от ж/[д] полотна. Часть Алапаевского отряда человек в 30 занимающего позицию вправо от полотна и в резерве вагонов Бисертский отряд в 20 человек. всего человек 90 Через полчаса после второго взрыва бело-банды повели энергичное наступление по обоим сторонам ж.д. полотна.

На фронте завязалась жаркая перестрелка особенно сильно нажимал паровоз белобандитов вооруженный пулеметом отесняя наш паровоз, почти вплотную подошел к Алапаевскому отряду обстреливая его с фланга.

Слева от полотна бандиты подошли уже шагов на 100 к мадьярам вот, вот ожидалась атака со стороны бело-бандитов и только меткий огонь мадьяр не давал им возможности произвести атаку.

Алапаевский отряд при создавшейся неблагоприятной обстановке флангового огня противника, к его чести нужно сказать, все же оставался на месте и отстреливался от нападавших с фронта в лоб белобандитов.

Бисертский отряд отсиживался в вагонах и выжидал момента когда нужно ввязаться в бой.

Выждать пришлось не долго. Бело-бандиты обошли справа фронт Алапаевского отряда и почти вплотную вынырнули из леса к вагонам Бисертского отряда.

Заметив бело-бандитов отряд из вагонов кинулся с криком ура в контр атаку и опрокинул бело-бандитов обратно в лес, повел встречное наступление бело-бандиты на правом фланге обратились в бегство отстреливаясь.

Достигнув позиции Алапаевского отряда Бисертский отряд совместно с Алапаевцами стал продолжать преследование и одновременно обходить бело-бандитский паровоз который заметив наш обход также стал отходить отстреливаясь, что дало возможность и отряду мадьяр перейти успешно в контр-наступление.

Преследование продолжалось на протяжении трех верст.

По незнанию местности Бисертский отряд попал в болото, что заставило его прекратить преследование.

Нападение было отбито, положение восстановлено. С нашей стороны было несколько человек только раненых, убитых ни одного.

Со стороны бело-бандитов осталось на месте боя около 10 человек убитых, раненных неизвестно.

К вечеру положение было восстановлено. Занято исходное положение, путь, взорванный в 2-х местах в тылу, исправлен. Все отряды собрались обратно на разъезд. Часа через четыре после боя со стороны Невьянска на дрезине показались парламенты со стороны белых с белым флагом, которые были допущены на разъезд.

Парламентеры заявили, что они прибыли с просьбой разрешить им собрать

убитых и раненых. Без дальнейших разговоров парламентары в числе 5-ти человек были арестованы и отправлены в г. Н-Тагил так как среди парламентаров были опознаны матерые контр-революционеры г. Н-Тагил. Это указывало на связь Невьянских повстанцев, с контр-революционерами г. Тагила, которые в это время проявляли подозрительную активность и Тагил был объявлен на военном положении. Вечером этого памятного дня боя прибыл Пермский отряд железнодорожников, на половину состоящий из бывших матросов.

Настроение всех находящихся на разъезде отрядов приподнялось, дождались подкрепления.

Ночью нам [на] совещании начальников отрядов было решено с утра перейти в наступление на Невьянск. Тщательно был проработан план концентрического наступления.

На следующий день часов около 6 утра отряды двинулись в наступление. Головным отрядом по линии железной дороги двинулись Пермский железнодорожники с хорошо оборудованным паровозом с американскими коробкам вагонами в числе 80 чел. Бисертский отряд был разделен на две части, 10 человек были посажены в вагон с пулеметом, 10 человек двинулись влево от линии железной дороги лесом для прикрытия левого фланга ж. дорожников. Отряд мадьяр был послан во фланговый обход, с заданием занять знаменитую Невьянскую сосновую рощу почти в тылу противника. Вологодский отряд назначен был итти в резерве за головным отрядом, Алапаевцы остались для охраны разъезда и находящихся там составов.

Верстах в 4-х от Невьянска встретили бело-бандитов засевших в хорошо укрепленных окопах, сделанных по всем правилам военной фортификации.

Видно, было, что тут руководила опытная военная рука. Завязался жаркий бой, продолжавшийся не более получаса. Железнодорожный отряд настолько стремительно наступал при поддержке стрельбы с паровоза и вагонов, что белобандиты не успели взорвать минированный ж.д., мостик находящийся в 10-ти шагах от окопов.

Бело-бандиты были выбиты из окопов и Пермский отряд пошел далее занимать ст. Невьянск.

Дальше сопротивлялись бело-бандиты влево от линии ж.д. в лесу, где Бисертскому отряду в 10 человек около 2-х часов пришлось наступать и выбивать из окопов и бело-бандиты отступили только тогда, когда была занята ст. Невьянск Пермским отрядом железнодорожников и сосновая роща мадьярами.

Повстанцы после поражения в окопах рассыпались по Невьянскому заводу и упорно сопротивляясь медленно отступали. Часть из них осталась в заводе и в течении суток делала неожиданные вылазки, обстреливала нападала на отдельные группы и одиночных красногвардейцев занимавшие завод. В результате чего было несколько человек убитых и раненных с нашей стороны.

Нам было известно, что Невьянский ревком и активные местные коммунисты, арестованы были в момент белогвардейского возстания и сидят в арестном

помещении волостного правления.

В момент занятия завода, с нашей стороны были направлены усилия скорее занять здание волостного правления и освободить арестованных.

Опасались, что во время отступления бело-бандиты расправятся с арестованными. Наши опасения к сожалению оправдались. Почти на глазах подбегавших к зданию волостного правления несколько белогвардейцев через окошко дверей арестного помещения бросили несколько разных бомб.

Из арестованных устроили кровавую кашу, из 30 человек сидевших в камере остались живы несколько человек и те искалеченных.

Помню встретил уже в вагоне на ст. Невьянск изрезанного секретаря Невьянского ревкома по фамилии Васильев, который без содрогания не мог рассказывать картины жестокой расправы.

Выбытые из Невьянска бело-бандиты, ничуть еще не думали складывать оружие.

Расположившись в окрестностях ст. Невьянск и завода белобандиты вели все время перестрелку с нашими отрядами поддерживаемые оставшимися отдельными группами бандитов в самом заводе.

Бисертский отряд охраняя заречную часть завода за ночь несколько раз подвергался обстрелу с разных сторон, приходилось в ответ обстреливать целые участки домов, откуда производился обстрел, не взирая на то, что там может находиться мирные жители и только такими мерами к утру удалось парализовать обстрел со стороны банд. В тот же вечер когда был занят Невьянск прибыл Лысьвенский отряд человек в 10. На третий день утром банды на полверсты подошли к ст. Невьянск плотным кольцом ее обложили и видно было по всему, что они намерены были перейти в контр-наступление с фронта по линии с паровоза банд все время из пулеметов производился обстрел станции.

Решено было предупредить контр-наступление и самим перейти в наступление. Пермский и Бисертский отряды направились наступать по ж.д. ветке по направлению на цементный завод, фланговым обходом обложивших станцию банд.

С фронта в лоб позиции противника пошли мадьяры и другие отряды.

После короткого боя бело-бандиты были сбиты со своих позиций и обращены в бегство.

Заняв цементный завод экспедиция окончилась и отряды возвратились на ст. Невьянск.

Переночевав ночь на следующее утро, получив еще подкрепление прибывшего только что отряда Петроградцев с двумя орудиями, перешли в наступление по линии ж.д. по направлению на ст. Рудянка, а Петроградский отряд походным порядком ушел в Верх-Тагильский завод.

За станцией Рудянка наши отряды встретились с наступающим отрядом со стороны Свердловска.

На этом и закончилась кампания по подавлению Невьянского восстания.

Пермский отряд железнодорожников игравший главную роль руководящую в подавлении восстания, потерял убитыми командира отряда (фамилию забыл)

убитого при первом наступлении и несколько человек раненых.

Бисертский отряд имел одного раненого. Про остальные отряды не знаю какие они понесли жертвы.

Из всех отрядов не считывалось до 10 убитых и до 20–30 раненых.

Главное ядро Невьянских повстанцев составляли рабочие авторемонтных мастерских руководимые эсерами и меньшевиками к ним присоединилось местное кулачество завода и окрестных деревень.

Военное руководство находилось в руках офицеров, что можно заключить из того организованного отпора, которое оказывали бело-бандиты в течении нескольких дней после того как будучи основательно побиты и выбиты из Невьянского завода. На наше счастье бандиты не были достаточно вооружены, хотя имели в своем распоряжении несколько пулеметов, сотни две винтовок, основную массу оружия составляло охотничья ружья и наспех скованные железные копыя, насаженные на деревянные пики.

Восставших по агентурным сведениям насчитывалось от 1500 до 2000 чел.

Занимая солидный участок фронта в несколько верст, [они] не были достаточно сильны из-за недостатка основного оружия пулеметов и винтовок.

От подавления Невьянского восстания всецело зависела участь и Свердловска.

Тем большую опасность представляло расширение Невьянского восстания находящийся по близости от района Н-Тагил, кишел контр-революционерами и Н-Тагил из соображения собственной безопасности не мог выделить ни одного красногвардейца для подавления Невьянского восстания.

Некоторые участники подавления Невьянского восстания из Бисертского отряда, в последствии пострадали за это участие.

В Декабре м-це 1918 г. когда Бисертский завод был занят белыми, из Невьянска приехала специальная карательная экспедиция белых во главе с неким служащим В-Туринского лесничества Нагибиным розыскала двух участников отряда Могилевских М[а]ксима, Субботина Ивана и расстреляла.

//-- Молодежь мужественно защищала советскую власть [215 - Текст печатается с сохранением орфографии документа.] --//

(из выступления П.З. Ермакова)

Наша молодежь в годы гражданской войны играла исключительную роль. Приведу один пример: в окрестности бывшего Екатеринбурга, под моим командованием 200 с лишним комсомольцев несли большую ответственную работу, несмотря на то, что они молодые, но они мужественно защищали советскую власть, г р о м и л и дутовские белогвардейские армии.

Комсомольцы вместе с красногвардейцами д р а л и с ь за власть советов в степях, при сорокаградусных морозах. Это была их первая з а к а л к а в борьбе с врагами.

Комсомольцы проявили героизм и против регулярных войск адмирала Колчака. Если мы дрались на фронте и сумели в трудных условиях организовать Рабоче-

Крестьянскую Красную Армию, завоевать советскую власть, то сейчас перед молодежью стоит задача укреплять повседневно м о щ ь Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Вы скоро пойдете в ряды Красной Армии и в случае, если враг попытается напасть на наши границы, вы должны его уничтожить так же, как ваши отцы и братья уничтожали врага в годы гражданской войны.

Приложение № 4

Воспоминания П. З. Ермакова о событиях, связанных с царской семьей

В фондах Муниципального музея истории Екатеринбурга (бывшем Государственном мемориальном музее им. Я.М. Свердлова) хранятся два документа, по своему содержанию представляющие собой пересказ П.З. Ермаковым событий, связанных с Царской семьей накануне революции, а также историю Их заточения в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге. Как и в случае с «литературным наследием», «Воспоминания» (так назвал их сам П.З. Ермаков) были переданы в Государственный мемориальный музей Я.М. Свердлова его вдовой – Т.А. Ермаковой. Первый документ – это черновик рукописи «Воспоминаний», написанных П.З. Ермаковым в 30–40-е годы. Сама же по себе рукопись представляет автограф, написанный на лицевой и оборотной стороне половинки стандартного листа, то есть форматом А 5.

Нельзя также не отметить, что упомянутая рукопись написана с колоссальным количеством орфографических и стилистических ошибок ввиду полнейшей безграмотности ее автора.

Говоря же о ее документально-исторической ценности, то таковая здесь отсутствует фактически полностью, так как данное, с позволения сказать, произведение является полнейшим плагиатом. (П.З. Ермаков, насколько смог, скопировал в своем изложении работу П.М. Быкова «Последние дни последнего царя», опубликованную в выпущенном в 1921 г. в Екатеринбурге сборнике статей «Рабочая революция на Урале», и его же книгу «Последние дни Романовых», впервые увидевшую свет в 1926 г.)

Второй документ, имеющий заголовок «Расстрел бывшего царя», в своем оригинальном виде представляет собой машинописную копию воспоминаний П.З. Ермакова (Ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 162–163 об.), которые он еще при жизни передал в Уральский истпарт. (Этот документ попал в так называемое «романовское дело», подбор документов в которое начался в ходе подготовки сборника, посвященного 10-летней годовщине расстрела Романовых.)

Не подлежит сомнению и тот факт, что, сдав означенные воспоминания, П.З. Ермаков получил их копию, которая после смерти последнего была передана его вдовой в Центральный музей революции СССР (ЦМР СССР), где таковую

скопировали, после чего переправили в Партийный архив Свердловского обкома ВКП(б). В настоящий момент упомянутая копия с помеченной на ней датой – 21. 11. 1952 г. и оттиском круглой печати ЦМР СССР – находится в деле личного фонда П.З. Ермакова, в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО. Ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 7–12).

//-- ВОСПОМИНАНИЯ --//

(Литературная расшифровка Ю.А. Жука. 28 марта 1999 г.)

Приведенные мною эпизоды из жизни последних Романовых можно было [бы] поставить под сомнение если бы в настоящее время не были опубликованы 1914 г. дневник Николая II [216 - В оригинале рукописи имеется пометка автора: «1914. при обыске найд... когда нас сверг...».] и особенно его переписка с женой, как сумасшедших. Надо [было бы] привести ряд писем [и] прежде всего самой Александры Федоровны, по сравнению с которой даже Николай казался совсем нормальным человеком. Даже приближенные втихомолку говорили [об Александре Федоровне] как о сумасшедшей... Ее психическая ненормальность прежде всего принимала формы религиозного помешательства и истерии доходящей до грубого идолопоклонства и фетишизма.

Вот одна картина из характерных мест. Она пишет Николаю, когда он отсутствовал, письмо [в котором говорит, что] наш первый друг Григорий дал мне икону с колокольчиком, которая предостерегает меня от злых людей и будет препятствовать им приближать[ся] ко мне, я это чувствую. И тебя может и обережет. Далее пишет она [следующее]. Это не по моей воле, а бог желает, чтобы твоя бедная жена была твоей помощницей. Григорий всегда это говорил. Интересно [еще и то, что теперь я] даже узнаю намерения злостные Орлова, джунковских, Дрентельнам, которые имеют этот странный страх передо мною [217 - Речь идет о письме Государыни Императрицы Александры Федоровны к Государю Императору Николаю II от 4 декабря 1916 г., в котором Она пишет: «Вспомни слова т-г Филиппа, когда он подарил мне икону с колокольчиком. Так как ты очень снисходителен, доверчив и мягок, то мне надлежит исполнять роль твоего колокола, чтобы люди с дурными намерениями не могли ко мне приблизиться, а я предостерегала бы тебя. Кто боится меня, не глядит мне в глаза, и кто замышляет недоброе, те не любят меня. Вспомни о черных (под словом «черные» подразумеваются Великие Княгини Анастасия Николаевна и Милица Николаевна, урожденные принцессы Черногорские.), затем об Орлове и Дрентельне-Витте-Коковцеве (я это тоже чувствую) – Макарове – Кауфмане – Софье Ивановне – Мари – Сандре Оболенской и т. д.»(Государыня Императрица Александра Федоровна перечисляет лиц, активно интриговавших против Государя и Г.Е. Распутина. К числу таковых относились в первую очередь лица из ближайшего окружения Великого Князя Николая Николаевича (младшего): князь В.Н. Орлов, А.А. фон Дрентельна, а также др. видные государственные сановники и царедворцы.) (Платонов О.А. Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 621).].

Все эти письма дают целый бекет (букет. – Ю.Ж.) о самой царице. Икона с колокольчиком к которой она питала особое пристрастие. Хранили палку или посох, которую носил Серафим Саровский, который хранился у ней. Или дал [им] Григорий гребешок о котором Александра говорила Никалаю [что] это святыня [т. к. этим гребешком] только стоит расчесать волосы при разрешении трудных вопрос[ов]. Память делается светлее.

Да и сам Никалай был не меньше ее проникнут этой узкой суеверной религиозностью.

Такая печальная суеверная картина другая [которую] следует привести. В одном из своих писем Александра Федоровна сообщила мужу [что] она посетила Новгород [и] встретила там 100 [-летнюю] старицу-монашенку ходившую [в] веригах. Она тебе посылает яблоко. Пожалуста с[ъ]еш его [218 - Речь идет о письме Государыни Императрицы Александры Федоровны к Государю Императору от 12 декабря 1916 г., в котором Она рассказывает о Своей поездке в Новгород Великий и посещении Десятинного монастыря, в котором находилась старица Мария Михайловна, возраст которой исчислялся 107-ю годами.]. [В]последствии через некоторое время она спрашивает в письме Никалая исполнил [ли] он ее просьбу [219 - Этот вопрос был задан Государыней Императрицей Александрой Федоровной в письме к Государю Императору Николаю II от 15 декабря 1916 г.]. [В] ответном письме [Николай II] писал успокойся мы с сыном с[ъ]ели яблоко старицы и оба нашли его превосходным [220 - Речь идет о письме Государя Императора Николая II к Государыне Императрице Александре Федоровне от 16 декабря 1916 г.]. Ясно что яблоко не носило [характер] лакомство, а [являло собой] как [бы] некоторого рода наколдованный святой предмет. В этом же письме Никалай сообщал жене я видел чудо [и] оно справедливо. Скажи ей – Вырубовой А.Т. [221 - Фрейлина Двора Ее Величества Вырубовой звалась не «А.Т.», а Анна Александровна.] [что я] видел во сне ее брош[ъ] приколотую к иконе и касался ее носом когда прикладывался [222 - Данный случай был описан Государем Императором Николаем II не в вышеупомянутом письме, а в Его письме к Государыне Императрице Александре Федоровне от 26 февраля 1917 г., где он писал: «Я был вчера у образа Преч. Девы и усердно молился за тебя, любовь моя, за милых детей и за нашу страну, а также за Аню. Скажи ей, что вчера я видел ее брошь, приколотую к иконе и касался ее носом, когда прикладывался» (Платонов О.А. Указ. соч. С. 656).]. Как [это] все бывает из писем известно [и] какое действие приписывалось [данному факту]. Этому символическому прикосновению носа к брошке Никалай придавал какое-то важное колдовское значение. [Об] этом можно судить уже по одному [тому] что оно писалось когда Петроград был охвачен революцией. Никалай в том же письме сообщал жене о принятых мерах по подавлению беспорядков [223 - В данном письме Государя Императора Николая II выражается лишь надежда на то, что начальник Петроградского военного округа генерал-лейтенант С.С. Хабалов «...сумеет быстро остановить эти уличные беспорядки».].

Надо думать что он был недалек от истины и [в] области политической обстановки.

Ему никак в его мышлении не думалось, что может быть переворот в России.

Не удивительно поэтому что в области политической они (Николай II и Александра Федоровна. – Ю.Ж.) являлись редким примером примитивности мышления, [а] Александра Федоровна и в этом кажется превзошла своего мужа. Будучи более темпераментной, чем сам Николая, она подчиняла его своему влиянию в этой области. Ее религиозное помешательство... Она страдала истерией. Она верила сновидениям, гаданиям и даже верила [в] разного рода кликуш и юродивых, и старцы одни играли для нее при решении политических вопрос[ов] не меньшую роль и значение, чем в житейских вопросах. Надо отметить [что] она даже писала Николаю [в] письме, что один из божьих старцев говорит что страна, где божий человек помо[гает] повелителю, никогда не погибает. Она далее пишет [в] письме: [«] Это верно, только нужно слушаться, доверять и спрашивать его совета. Не думать, что он чего-нибудь не знает. Бог ему все открывает. Когда Григорий благославляет на какое-нибудь начинание оно удаётся. Верь, бог ему поможет. Если он рекомендует людей, то можно быть уверенным [что] они хорошие люди. Он меньше ошибается в людях нежели мы. У него жизненный опыт. Он благославленный богом[«]» [224 - Речь идет о письме Государыни Императрицы Александры Федоровны к Государю Императору Николаю II от 5 декабря 1916 г.: «Милый, верь мне, тебе следует слушаться нашего Друга. Он так горячо денно и ночно молится за тебя. Он сохранил тебя там, где ты был, только Он, – как я в этом глубоко убеждена и в чем мне удалось убедить Эллу, – и так будет и впредь – и тогда все будет хорошо. В «Les Amis de Dieux» один из Божьих старцев говорит, что страна, где Божий человек помогает государю, никогда не погибнет. Это верно – только нужно слушаться, доверять и спрашивать совета – не думать, что Он чего-нибудь не знает. Бог все Ему открывает. Вот почему люди, которые не постигают его души, так восхищаются Его удивительным умом, способным все понять. И когда Он благословляет какое-нибудь начинание, оно удаётся, и если Он рекомендует людей, то можно быть уверенным, что они хорошие люди. Если же они впоследствии меняются, то это уж не Его вина – но Он меньше ошибается в людях, нежели мы – у него жизн. опыт, благословенный Богом». (Платонов О.А. Указ. соч. С. 623).].

Последняя царица далеко опередила колдунов первобытного народа, по разнообразию ассортиментов [и] предметов служивших для колдования. Когда читаешь[ь] эти письма в этом направлении ее письма дают целый букет о ненормальном человеке. Все эта икона (...) [225 - Часть данного предложения, написанная автором в виде надстрочного текста, неразборчива.] присылались гребешки, которыми надо чесать голову. [Как будто от этого] будет больше ума [226 - Речь идет о письме Государыни Императрицы Александры Федоровны к Государю Императору Николаю II от 15 сентября 1915 г., в котором Она упоминает о вещах, переданных Царской семье Г.Е. Распутиным и которые, по Ее мнению, являются своего рода святынями. В этом письме Она пишет: «Не забудь опять подержать образок в твоей руке и несколько раз причесать волосы Его гребенкой

перед заседанием министров». (Письма Императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю II. Т. 1. Берлин, 1922. С. 235.). Как она [–] Александра верила этим наколдованным предметам. Александра Ф. посылая эти предметы мужу [в] Могилев [в] 1914 г. с подробным описанием способа их употребления ибо она знала что сам Николая был не меньше ее проникнут этой узкой соевверной религиозностью [следуя ее] примеру. Вот одно письмо [которое] она пишет Николаю во время войны 1914 г.

Должна тебе передать пишет она в одном из писем, следующую проз[ь]бу от нашего друга Григория внушенную ему ночным видением. Он просит тебя приказать чтобы начали наступать возле Риги. Он говорит что это необходимо [227 - Речь идет о письме Государыни Императрицы Александры Федоровны к Государю Императору Николаю II от 15 ноября 1915 г.: «Теперь, чтоб не забыть, я должна передать тебе поручение нашего Друга, вызванное Его ночным видением. Он просит тебя приказать начать наступление возле Риги (Государь Император Николай II не прислушался к совету Г.Е. Распутина и не предпринял каких-либо наступательных действий в указанном районе.), говорит, что это необходимо, а то германцы там твердо засядут на всю зиму, что будет стоить много крови, и трудно будет заставить их уйти. Теперь же мы застигнем их врасплох и добьемся того, что они отступят. Он говорит, что именно теперь это самое важное, и настоятельно просит тебя, чтобы ты приказал нашим наступать. Он говорит, что мы можем и должны это сделать, и просил меня немедленно тебе об этом написать» (Платонов О.А. Указ. соч. С. 296).]. И такого рода видениями и предсказаниями Распутина заполнены почти письма Александры Федоровны. Это говорит за то что Распутин (...) [228 - Зачеркнутое автором слово написано неразборчиво.] всех делах и лучше разбирался в окружающем.

Неграмотный человек Распутин вмешивался [в] государственные дела. Николая и Александра не являлись в малейшей мере и не были государственными людьми. Интересы личного благополучия и безопасности неизменно брали верх над общим делом. Николая – он всегда говорил [что] у нас есть генералы [а] с ними армия. [Да и] бог не допустит смуты. Он [не] верил или вернее не понимал революционного движения и волнений в стране.

Все приведенное еще неполно характеризует последних Романовых и в первую очередь [ь] Николая II. Царствование последнего из русских царей было не только чудовищным смешением неудач морального разложения и умственного ограничения – формального сумашествия, но и [проявлением] удивительной жестокости и зверства в борьбе с рабочим и революционным движением. Он буквально злобный и до жестокости благословенно относился к погромам. Когда ему доклады[вали] что произошли рас[с]стрелы рабочих он восхищался этим [и] писал резолюции на донесениях, [«]ай-да молодцы[!»] [229 - Вероятнее всего, имеется в виду Высочайшая резолюция, начертанная на докладе Прибалтийского Генерал-губернатора Г.П. Сологуба, в котором сообщалось о «переизбытке усердия» со стороны начальника карательного отряда – капитана 1-го Ранга О.О.

Рихтера, усмирявшего беспорядки в Прибалтийском крае. Ознакомившись с этим документом, Государь по достоинству оценил действия Своего Флигель-Адъютанта и, не сочтя предпринятые им меры за чрезмерное усердие, Высочайше соизволил начертать на подлинном: «Ай, да молодец!»], [«]неужели не повесили некого[?]»] [230 - Вероятнее всего, имеется в виду одна из Высочайших резолюций Государя, начертанная Им на одном из докладов в отношении репрессивных мер, по отношению к бунтовщикам: «Надеюсь, повешены?»]. Во всем деспотизм[е] и зверствах Николая проявлял большой размах [и] жестокости. Взят[ь] [хотя бы] несколько [фактов] судебных приговоров. По приблизительным данным только за 1906 – [190]9 гг. приговорено было к повешанию 6268 человек. Из них по указу «Его величества» военно-окружными судами было вынесено 3319 чел. смертных приговоров. В течение 1908 г. не прошло ни одной недели менее чем без 7 казней и в некоторых случаях достигали 36 в неделю. В России превышало число казненных 32 государства и колонии Европы, Азии Африки Австралии и Америки. Это говорит за то что в России царское самодержавие беспощадно расправлялось [с] рабочим движением [231 - Приведенные автором цифры и факты не соответствуют действительности и явно завышены. С 1832 по 1917 г. Свод Законов Российской империи допускал смертную казнь лишь за тяжкие виды государственных преступлений. И приговаривать к ней мог исключительно Верховный уголовный суд. Обычные же суды ограничивались гражданской смертью и каторжными работами. Исключение в данном случае составляли военно-полевые и военно-окружные суды, находящиеся в ведении Главного Военно-Судебного Управления, подведомственного Военному Министерству, которые на основании постановления Совета Министров от 20 августа 1906 г. наделялись правом разбирательства и исполнения казни в течение 48 часов (Военно-Окружные Суды) и разбирательства и исполнения казни на месте (Военно-Полевые Суды). С 1826 по 1890 г. в Российской империи было казнено 66 человек (без учета 1500 польских повстанцев). С 1901 по 1905 г. за воинские преступления было казнено 20 человек, за преступления общие – 73 человека. В 1906 г. – 245 человек. В 1907 г. – 624 человека. В 1908 г. – 1340 человек. В 1909 г. – 540 человек. Таким образом, за период с 1906 по 1909 г. было казнено 2749 человек, а не 6268 человек, как пишет П.З. Ермаков. Не следует также забывать и о том, что к концу 1913 г. в Российской империи числилось всего 32 750 заключенных, в том числе политических – 3700 человек. В этом же году на 100 000 жителей Российской империи в среднем приходилось 53 осужденных общими судебными установлениями. Таким образом, приведенные выше данные о смертных приговорах, вынесенных Военно-Окружными и Военно-Полевыми Судами в годы реакции, ни в коем случае не являются среднестатистическими, так как карательная деятельность вышеупомянутых судебных органов была в то время направлена исключительно против погромщиков, убийц и террористов.]].

Члены государственной думы закулисно вели разговор о патреотически настроенн[ой] буржуази[и] [которую] не меньше их волновал[и] неудачи на фронте и безхозяйственность в тылу. Тем не менее все это видя она не решилас[ь] [встать]

на путь активной борьбы с царским правительством. [Она] боялась этим вызвать движение масс, котор[о]е в ее глазах было более опасным.

Движение приняло такие широкие размеры [что] буржуазия в лице государственной думы и отдельные представители старого режима стали прилагать все усилия к тому, чтобы спасти положение в Росс[ии]. Страх [перед нарастающим революционным движением, видящийся им] их глазами был ужасен. [Однако] революционное движение разрастается.

Императора в это время [в] Петрограде не было. Он находился в ставке военной [в] Могилеве у Алексеева.

[В считанные дни] революционное движение приняло такие широкие размеры [что] буржуазия в лице государственной думы перепугал[а]сь [что] государственное положение (положение в государстве. – Ю.Ж.) им не спасти.

Член думы Родзянко и великий князь Михаил Александрович [а также] председатель совета министров Галицын [232 - Князь Н.Д. Голицын.] посылают Николаю одн[у] телеграмму за другой [в которых говорится] о серьезности положения в стране и о необходимости во имя спасения царизма, пойти на уступки [в виде] обр[о]зования ответственного Министерства [233 - Великий князь Михаил Александрович во время событий Февральской смуты не посылал никаких телеграмм на Высочайшее Имя и, по имеющимся данным, не отсылал Николаю II какую-либо корреспонденцию. (В отличие от М.В. Родзянко, буквально забрасывавшего Государя своими телеграфными сообщениями о происходивших в Петрограде событиях.) Именно М.В. Родзянко, являвшийся своеобразным связующим звеном между Государственной думой, штабами фронтов и великим князем Михаилом Александровичем вызвал такового из Гатчины в Петроград 25 февраля 1917 г. Упомянутые выше лица, вместе с председателем Совета министров князем Н.Д. Голицыным и военным министром М.А. Беляевым, находясь в кабинете последнего в 9 час. утра 27 февраля 1917 г., обсуждали вопрос о передаче сообщения Государю Императору, которое впоследствии приняло форму переговоров по прямому проводу, осуществленных от лица великого князя Михаила Александровича.]. [Вместо того] чтобы положить конец начавшемуся [революционному] движению, Николаю никак не мог понять или не хотел понимать что [при подобной ситуации] может случиться в стране государственный переворот. Он пишет брату Михаилу ответ, что благодарит его за совет но здесь же самоуверенно заявляет что он сам знает как ему следует поступить [234 - Государь Император Николай II никогда не писал подобного сообщения на имя великого князя Михаила Александровича, а Свой ответ последнему передал через генерала М.В. Алексева, что наглядно видно из текста их переговоров по прямому проводу от 27 февраля 1917 г., состоявшихся около 22 ½ час. (РГВИА. Ф. 2003, оп.1, д.1750, л. 63б–63е.; опубл. Журнал «Красный Архив». 1927. № 2 (21). С. 11–12).]. [В] собственноручно написанной телеграмме на имя князя Голицына он сообщает, что при создавшийся обстановке он не находит возможным производить какие либо перемены в составе Совета Министров [и] требует подавления революционного

движения и бунтов среди войск и рабочих [235 - Речь идет о телеграмме Государя Императора Николая II от 27 февраля 1917 г., переданной на имя председателя Совета министров князя Н.Д. Голицына в 23 час. 25 мин: «О главном военном начальнике (Имеется в виду Генерал-Адъютант Н.И. Иванов.) для Петрограда МНОЮ дано повеление Начальнику МОЕГО штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично Вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми. НИКОЛАЙ» (РГВИА. Ф. 2003, оп. 1, д. 1750, л. 65.; опубли. в журнале «Красный Архив», 1927, № 2 (21). С. 13).].

Но жизнь опережает события. Революционное движение разросло[сь], 14 февр[аля] 1917[г.] [236 - Указанная автором дата по н. ст. неверна.] происходит тайное совещание членов образовавшегося временного комитета государственной думы [237 - «Тайное совещание», о котором упоминает П.З. Ермаков, есть не что иное, как так называемое Частное совещание членов Государственной думы, происходившее 27 февраля 1917 г. в Полуциркулярном зале Таврического дворца. В ходе этого совещания было внесено четыре предложения по организации временного управления государственной властью в условиях политического кризиса в стране. После недолгих прений М.В. Родзянко утвердил одно из вынесенных на обсуждение предложений по образованию так называемого Особого Комитета, который немедленно должен был взять в свои руки политическую и административную власть в России.]. Они все оказываются единодушными в своих заявления[х] о том, что монархия должна быть сохранена и только Николая II должен быть принесен в жертву для спасения России. Даже лидер октябристов Гучков так развивал это мнение. [Он] говорит (говорил. – Ю.Ж.) [что] чрезвычайно важно, чтобы Николай II не был свергнут насильственно. Нада чтобы он добровольно заявил [про] отречение в пользу сына или брата Михаила, чем может обеспечить без больших потрясений прочное установление нового порядка. Добровольный отказ от престола Николая II-го – единственное средство спасти родину, императорский режим и династию Романовых [238 - Весьма вольная трактовка цитаты из выступления А.И. Гучкова перед лидерами либеральных партий, которая была позаимствована автором из книги П.М. Быкова «Последние дни Романовых» (Свердловск, 1926), в которой таковая была приведена в первоизданном виде, вместе со ссылкой на первоисточник – книгу воспоминаний французского дипломата М. Палеолога: «Чрезвычайно важно, чтобы Николай II не был свергнут насильственно. Только его добровольное отречение в пользу сына или брата могло бы обеспечить без больших потрясений прочное установление нового порядка. Добровольный отказ от престола Николая II – единственное средство спасти императорский режим и династию Романовых» (Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.—Л., 1923. С. 355). Упомянутая книга Палеолога является составной частью его дневников, изданных в 1921–1922 гг. французским издательством «Плон» под названием «Царская Россия во время великой войны» (La Russie des Tsars pendant la

Grande Guerre). Русский сокращенный перевод дневников М. Палеолога был осуществлен в 1923 г.; 1-й том почти полностью сохранил название оригинала – «Царская Россия во время мировой войны», а второй получил свое собственное – «Царская Россия накануне революции».]. Этим капиталисты хотели сохранить себе....

Представители буржуазии засыпали царя телеграммами с просьбами отречься от престола и передать его наследнику Алексею [но] с регентством Михаила Александрович[a].

С получением телеграммы он (Николай II. – Ю.Ж.) понел [создавшееся] положение. Теперь Никалай уже не проявлял прежнего упорства, так [как] для него, наконец, стало ясно, что власть не находится больше в его руках.

1917 го[да] 13 марта [239 - Дата указана по н. ст. (28.2./13.3.1917).] [240 - Указанная дата и год обведены замкнутой овальной линией.] он решил выехать из Ставки [241 - Со слов «выехать из Ставки» и далее до конца предложения текст подлинника перечеркнут автором.] в царское село к своей семье, но его поезд, по распоряжению Петрограда не был пропущен и ему ничего не оставалось делать, как направиться в Псков, куда путь был открыт.

Так последнему из Романовых пришлось убедиться лично, еще до своего отречения, что власть им потеряна [и] нечто [ее] спасти не может.

Надо отметить [что] 14 марта [242 - Дата указана по н. ст. (1/14.3.1917).] Никалай приехал в Псков и в тот же ден[ь] он подписал акт об отречении в пользу своего сына. [Однако] это решение он передумал [243 - Этот абзац подлинника выделен автором из основного текста двумя горизонтальными линиями и полностью перечеркнут.].

Немаловажную роль играли члены государственной думы Милюков, Гучков и ряд других. Из матерьяла видно, что эти деятели государственной думы [заранее] предрешали какую роль должна [будет] сыграть после переворота Государственная Дума.

Лидеры государственной думы Гучков, Шульгин, Родзянко [и] Шидловский с разрешения временного комитет[a] были командированы в ставку к царю взять от него, чтоб[ы] он подписал акт отречения в пользу Алексея с назначением при нем Михаила Александровича. Но здес[ь] происходит борьба между [Петроградским Советом] и членами [Временного Комитета Государственной Думы] Чхеидзе, Родзянко и ряд[ом] других. Акт отречения не был опубликован. Петроградский Совет отверг форму передачи власти новому самодержцу и потребовал объявления республики. Но члены Гучков и друг[ие] все ж таки выехали в ставку [в] Могилев [с] написанным текстом акта отречения. Никалай пришел, их выслушал [и] взял текс[t] акта отречения. Никалай понял, что все кончено [и] он [уже] не самодержец. Его ответ членам [Временного Комитета Государственной Думы был следующим:] [«] Я принял решение отречься от престола. Я долго об этом думал, но решил только в пользу сына Алексея, но [в дальнейшем] передумал. Я переменял решение в пользу брата Михаила [»].

При обсуждении вопроса как дальше закрепить власть [в]стал п[е]ред ними один вопрос. Николая должен [был] подписать документ отречения от престола [в] пользу брата Михаила Александрович[а]. [На этом и остановились] как на лучшем способе осуществить в России Конституционную Монархию. Из матерьяла видно, что значительная часть членов думы принимала участие [в] подготовки на престол выдвинут фигуру Михаила [244 - Со слов «...и на этом успокоить массы...» и далее до конца абзаца текст подлинника перечеркнут автором.] и на этом успокоит[ь] массы [надеясь, что] дальше [поддержки этого политического акта] рабочий класс не пойдет. Это была [конечно] фантазия.

Такова была [в] общих чертах политическая программа участников готовившегося переворота.

В то время, как буржуазия готовилась к дворцовому перевороту [245 - Слова «...во имя продолжения войны до полной победы рабочие и солдатские» вычеркнуты автором из текста подлинника.] во имя продолжения войны до полной победы, рабочие и солдатские массы, чу[в]ствуя на себе всю тяжесть последней войны поднимались под руководством партии Ленина для борьбы с самодержавием. Но требования рабочих шли гораздо дальше умеренных реформ, выдвинутых в программе прогрессивного блока. Буржуазия не без основания видела в этом призраке (признак. – Ю.Ж.) скорого наступления революции с которой у ней связывалас[ь] мысль о поражени[и] [в] войне и гибели династии...

Все эти члены думы запоздали со своими актами отречения от престола Николая [так как] революционное движение рабочих опережает 11 и 12 марта [246 - Даты указаны по н. ст. (26.2/11.3.1917 и 27.2/12.3.1917).]. Вес[ь] рабочий Петроград был уже на улицах, к движению присоединилась и армия [и, кроме того] ряд государственных учреждений [был] уже в руках восставших. [Однако] царь по прежнему не разбирается в развернувшихся событиях [247 - Трактовка данного и последующих эпизодов событий февраля 1917 г. приведены П.З. Ермаковым на основании вышеупомянутой книги П.М. Быкова «Последние дни Романовых». Однако и указанный источник в значительной мере искажает подлинность фактов, имевших место в реальной действительности. Сознвая невозможность полемики по каждому из таковых (вследствие непомерно большого количества информации, которая может потребоваться для их более детального рассмотрения или опровержения), автор данного издания позволяет себе далее не акцентировать свое внимание на некоторых из них (относящихся к так называемым «узловым» эпизодам февраля 1917 г.) ввиду их неоднократного изложения в самой разнообразной литературе, посвященной этим событиям.].

Не имея возможности спасти монархию, все эти представители временной власти устраивают новую авантюру, делают [так, чтобы была] устроена новая комедия. Ко власти готовят Михаила [–] брата [Николая II]. На этом совещании присутствовали члены временного правительства [:] князь[ь] Львов, Милюков, Керенский, Терещенко, Гучков, а также члены Временного Думского комитета [–] Родзянко, Шульгин, Ефремов и тому подобные. Совещание происходило вес[ь]ма [в]

конспиративной (конспиративной. – Ю.Ж.) обстановке, зная недовольство рабочих и солдатских масс. Недоверие [к] Временному правительству стало принимать угрожающие [размеры]. Обстановка стала [критической]. Требования рабочих к Временному правительству [носили вполне определенный характер, т. к. трудящиеся массы желали знать] когда кончится вся эта чехарда [и] когда царская династия будет арестована и будет [о]суждена за все то, что он [–] Николая и все [вместе] взятые [члены] романовской династии причинили рабочему классу [:] [горечь] тяжелых утрат, судили [,] рас[с]треливали.

И здесь [у] Временного правительства получились разногласия на совещани[и] [т. е.] разные точки зрения. Они настаивали чтоб[ы] Михаил принял престол вместо Николая. Керенский и Родзянко были другой точки зрения об [этом вопросе]. Они заявили, что объявление нового царя вызовет еще большее возмущение и недовольство в массах и неизбежно приве[де]т к гражданской войне внутри страны. При этом они указали, что при таких условиях принятие [Михаилом] престола создало бы [также] опасность и для жизни самого великого князя. Керенский [даже] высказал опасность (опасение. – Ю.Ж.) [в] своем обращении к Михаилу, каким опасностям Вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол [и] здесь же высказал [что] во всяком случае я (А.Ф. Керенский. – Ю.Ж.) не ручаюсь за жизнь вашего высочества [248 - Весьма вольная трактовка цитаты из книги воспоминаний В.В. Шульгина, в которой он приводит слова А.Ф. Керенского, обращенные к великому князю Михаилу Александровичу (фактически уже Императору Михаилу II) во время их встречи 3 марта 1917 г.: «Я не вправе скрыть здесь, – говорил Керенский в заключение своей речи, обращаясь к Михаилу, – каким опасностям Вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол... Во всяком случае... я не ручаюсь за жизнь вашего высочества...» (Шульгин В.В. «Дни». Л., 1925. С. 86).].

У Временного правительства получается (случилось. – Ю.Ж.) замешательство. Как бышь, член Временного правительства Миллюков ставил (отстаивал. – Ю.Ж.) другую точку зрения [и] возражал против [этого] отречения [утверждая], [что] принятие власти [хоть и] грозит риском для личной безопасности великого князя и самих министров, но на риск этот надо идти в интересах родины, так как по его мнению, Временное правительство одно, без монарха, может потонуть в океане народных волнений. Стране может при этих условиях грозить полная анархия.

Принятие престола Михаилом убедительно поддерживали Миллюков П.Н. и Гучков. Большинство же склонялось к необходимости отречения Михаила от престола. Разрешили (решили. – Ю.Ж.) что [этот] вопрос должен [будет] решит[ь]ся [на] Учредительном собрании, которое и должно было по их мнению самостоятельно решить его.

Но Гучков предпринимает все усилия, обращаясь [у] лично [к] Михаилу, взывая к его патриотизму и мужеству и доказывал [ему] необходимость взятия [верховой] власти [являя собой] как [бы] образ народного вождя. Далее он обращается [к нему:] [«] Если Вы боитесь, Ваше высочество, немедленно возложить на себя императорскую корону, то примите, по крайней мере, Верховную власть в качестве

регента империи на время, пока не занят трон или... [Однако с], еще более прекрасным титулом в качестве Протектора народа Вы могли бы дать торжественное обязательств[о] здать власть Учредительному собранию, как только кончится война[»] [249 - Весьма вольная трактовка цитаты из книги воспоминаний М. Палеолога «Царская Россия накануне революции», в которой он приводит слова А.И. Гучкова, обращенные к Императору Михаилу II во время их встречи 3 марта 1917 г.: «Если Вы боитесь, Ваше Высочество, немедленно возложить на себя бремя императорской короны, примите, по крайней мере, верховную власть в качестве “Регента империи на время, пока не занят трон”, или, что было бы еще более прекрасным титулом в качестве “Протектора народа”, как называл Кромвель. В то же время Вы могли бы дать народу торжественное обязательство сдать власть Учредительному собранию, как только кончится война» (Палеолог М. Указ. соч. С. 364).].

Михаил все это понимал что все это бесполезно [и что] монархию [уже] не вернут[ь]. Он [все это хорошо] понимал и [поэтому] не решился надевать корону, боясь за свою голову. Михаил чувствовал, что нечего не выйдет; он подписал акт отречения в том духе, как это[го] хотело большинство участников совещания. Составляя его (Манифест ИМПЕРАТОРА МИХАИЛА II АЛЕКСАНДРОВИЧА о не восприятии ИМ Верховной власти. – Ю.Ж.) они (члены Временного Комитета Государственной Думы. – Ю.Ж.), главным образом, старались оставить открытой дорогу к престолу [Дома] Романовых, но юридические тонкости им не помогли. Романовым так и не удалось вернуть потерянного престола. Даже представители буржуазии сомневаются, правильно ли ими был решон этот важный вопрос [о] прекращении [власти Династии] Романовых. Во всяком случае, ими было сделано все возможное, чтобы поддержать падающую династию. И если это им не удалось, то, конечно, не их в том вина. Даже из письма которое писал Никалай в своем прощальном обращении к армии [и] из документов датирован[ных] им 21 марта 1917 г. [250 - Дата указана по н. ст. (6/21.3.1917).] он нечего кроме благодарности не мог высказать буржуазии за ее старания. Он ведел (видел. – Ю.Ж.) [что] все это не помогает. Но он написал (в Своем Прощальном Обращении к Русской Армии. – Ю.Ж.) одно, что: [«]Повинуйтесь Временному правительству, слушайте ваших начальников. Да поможет ему /Временному правительству/ [251 - Заключенные в скобках слова «Временному Правительству» вычеркнуты автором из текста подлинника.] бог вести Россию по пути славы и благоденствия[»] [252 - При работе над рукописью П.З. Ермаков с абсолютной достоверностью скопировал данный отрывок из текста книги П.М. Быкова «Последние дни Романовых», который, в свою очередь, приводит таковой со ссылкой на книгу Н.А. Соколова «Убийство Царской Семьи» (Берлин, 1925), в которой на с. 7 приводится якобы следующий текст: «Повинуйтесь Временному правительству, слушайте Ваших начальников и да поможет ему (Временному правительству) бог вести Россию по пути славы и благоденствия». Однако, в подлинных текстах как самого Прощального обращения к Русской армии (составленного лично Государем 7/20.3.1917 и собственноручно

подписан Им в Ставке 8/21.3.1917), так и книги Соколова данная цитата выглядит в несколько другом виде: «...повинуйтесь Временному Правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий». Приведенный выше отрывок подлинного текста Обращения наглядно свидетельствует о том, что Быков подвергнул таковой значительному «редактированию». Не возникает сомнений в том, что истинные слова Государя, выразившие патриотизм и непоколебимую веру в Свою армию, были умышленно опущены Быковым и впоследствии заменены на другие, взятые также из оригинала. Использованный же Быковым фрагмент данного Обращения на самом деле выглядит следующим образом: «После отречения МОЕГО за СЕБЯ и за Сына МОЕГО от Престола Российского власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия». Используя только часть этого предложения со слова «ему», Быков не мог уже обойтись без заключенных в скобки пояснительных слов – «Временное правительство», ставших необходимыми для его логического завершения.]. Все старания Временного правительства спасти династию не удались. Народ им не [по]верил.

Мольбы Гучкова и Милюкова на коленях упрашивающих Михаила воспринять верховную власть не увенчались [успехом]. Исполнительный Комитет Петроградского Совета на своем заседании 16 марта [1917 г.] [253 - Дата указана по н. ст. (3/16.3.1917).] постановил предложить Временному правительству совместно с Советом рабочих депутатов арестовать династию Романовых [254 - Протокол заседания Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 3 марта 1917 г. «Об аресте Николая и прочих членов династии Романовых». Оpubл.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.: Протоколы и материалы. М.—Л., 1925. С. 287, 288.]. Но Временное правительство отмалчивалось [и] не решалось дать ответа [и] медлило [с] этим [вопросом]. Всякое (длительное. – Ю.Ж.) терпение и ожидание [того] что же предпримет Временное правительство, которое медлило об аресте (с арестом Николая II. – Ю.Ж.) [вынудило Петроградский] Исполнительный комитет резко постави[ть] вопрос об аресте [бывшего Императора и др. членов Дома Романовых. – Ю.Ж.] 19 марта 1917 г. [255 - Указанная автором дата по н. ст. неверна, так как в этот день исполком Петроградского совета лишь заслушал заявление своего председателя Н.С. Чхеидзе об итогах его переговоров с Временным правительством о дальнейшей судьбе Государя.] [256 - Решение об аресте отрекшегося Императора было принято Исполкомом Петроградского Совета 9/22 марта 1917 г. Протоколы заседания Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 6 и 9 марта 1917 г. Оpubл.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседания Исполнительного Комитета и Бюро И.К. за 1917 г. с речами Ленина. М.—Л., 1925. С. 17, 29–30, 32–34.]. Эт[и] резкие требования

подействовали на Временное правительство [которое] опасаясь самостоятельных шагов [Петроградского] Совета, на другой [же] день – 20 марта 1917[г.] [257 - Дата указана по н. ст. (7/20.3.1917).] постановляет (постановило. – Ю.Ж.) лишить свободы Николая и Его супругу [258 - Речь идет о Постановлении Временного правительства: «О лишении свободы отрекшегося императора Николая II и его супруги» от 7/20 марта 1917 г. Журнал заседания Временного правительства № 10 (ГАРФ. Ф. 1779, оп. 2, д. 1, ч. 1, л. 15).]. Такой шаг со стороны Вр. Правительства был вызван все же не сколько давлением Совета, сколько желанием сохранить голову Николая и Его приближенных. Ибо Временное правительство боялос[ь] рабочих [которые] требовали казни [Николая II]. Временное правительство стало предпринимать все меры [для] спасения всей царской семьи, хотя самого Николая [и] не было [в то время в] Петрограде [т. к.] он находился [в] Ставке, [в] Могилеве.

Но Временное правительство постаралось всех членов семьи Романовых [и] их родственников направить [в] Царское Село и там их содержать. И одновременно, чтоб[ы] сохранить жизнь Николаю который находился [в] Могилеве [до] 8/21 марта 1917 г. [259 - Дата указана по н. ст. (8/21. 3.1917).]

Временное правительство и члены Государственной Думы[–] Бубликов, Вершинин, Грибунин выехали [в] Могилев [в] ставку Алексеева [260 - В Могилев выехало не Временное правительство, а лишь четверо членов Государственной Думы (А.А. Бубликов, В.М. Вершинин, С.Ф. Грибунин и С.А. Калинин) (См. п. 41 наст. прим.)]. Они объявили Николаю через генерала Алексеева что он арестован и должен выехать в Царское Село, где жила в то время царская семья.

Будучи уже арестованной она – Александра и он (Николай II. – Ю.Ж.) никак не могли поверить как [Они] могли расстаться с короной. Как и Николай, [так] и она (Александра Федоровна. – Ю.Ж.) до самого последнего момента плохо разбиралис[ь] в [происходящих] событиях.

Когда [Государыне] говорили, что начавше[е]ся движение грозит существованию самодержавия, она неизменно отклоняла [какие-либо разговоры на эту тему], как вздорные слухи. Даже п[е]ред лицом фактов она упорно не хотела верить в возможность революции. Она верила, что в России революции быть не может [т. к.] казаки не изменят [261 - Весьма вольная трактовка цитаты из книги Н.А. Соколова «Убийство Царской Семьи» в которой, со слов камердинера А.А. Волкова, приводятся слова бывшей Императрицы: «Благодаря Протопопову Императрица не имела правильного представления о характере движения. Когда даже камердинер Волков, передавая очередной доклад Протопопова, усомнился и указал Императрице, что он не соответствует действительности, что даже казаки в Петрограде ненадежны, Она спокойно ответила: «Нет, это не так. В России революции быть не может. Казаки не изменят» (Соколов Н.А. Указ. соч. С. 11–12).]. Так, [например] она не верила сообщениям об отречении Николая. У ней никак не укладывалось в голове, что престола [уже] нет.

Содержание Романовых под арестом в Царском Селе еще ни в какой мере, понятно, не устраняло опасность для жизни помазанника и его семьи. Это очень

хорошо понимало и само Временное правительство. Сколько было нерешительности со сторон[ы] Вр[еменного] Правительства о лишении свободы Романовых! Еще до принятия [решения об] арест[е] всей царской семьи, Милюков по поручению Временного правительства ведет переговоры с английским послом Бьюкененом о возможности вывоза бывшего царя в Англию [262 - Здесь и далее о попытках Временного правительства вывезти Царскую Семью см. п. 48 наст. прим.] [263 - Первичную информацию о желании Временного правительства вывезти Государя и Его Семью в Великобританию Исполнительный Комитет Петроградского Совдепа узнал, вероятнее всего, от самого А.Ф. Керенского, который 7/20 марта 1917 г., выступая в Москве перед Московским Советом рабочих депутатов, на доносившиеся злобные выкрики с мест с требованием казни Николая II твердо заявил: «Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу, в Англию. Я сам доведу его до Мурманска» (Керенский А.Ф. Отъезд Николая II в Тобольск // Воля России. Прага. 28.8.1921). На основании этого заявления Керенского Исполком Петроградского Совдепа принимает решение о недопущении «отъезда в Англию Николая Романова».]. После соответствующего запроса Лондона, было сообщено, что [английское] правительство согласно принять бывшую царскую семью в Англии и что для перевозки ее будет послан английский крейсер. В специальной почте, посланной Бьюкененом министру иностранных дел, между прочим, говорилось, что король и правительство Его величества будут счастливы предоставить [бывшему] императору России убежище [в] Англии. Переправить через границу Романовых, было поручено Керенскому, который охотно согласился взять на себя роль спасителя последнего царя. Вся эта подготовка к увозу Романовых за границу велась в строгой тайне [и] о ней знали лишь очень немногие. Актом же об аресте [бывшего Императора] Временное правительство хотело [на время] усыпить бдительность масс [чтобы потом] поставить их перед свершившимся фактом. В тот день, когда выносилось постановление [Временного правительства] о лишении свободы бывшего царя и всех остальных [членов] их (Его. – Ю.Ж.) семьи-родственников, Великих князей и так далее, князь Львов [как] глава [нового] правительства послал в ставку генералу Алексееву следующую телеграмму:

«Временное правительство постановило предоставить бывшему императору беспрепятственный проезд[д] для пребывания в Царском Селе и для дальнейшего следования на Мурманск».

Неизвестно, ожидал ли обещанный крейсер в мурманском порту коронованных беглецов, но последним так и не удалось[ь] воспользоват[ь]ся услугами английских благожелател[ей] бывшего царя.

В ночь на 22 марта н. ст. 1917[г.] Исполком Петроградского Совета получил сведения, что [Временное] правительство намеревается тайно эвакуировать Николая с семьей в Англию. [Он] решает во что бы [то] ни стало арестовать последних, хотя

бы это [и] грозило разрывом сношений с Временным правительством. [Петроградским] Исполкомом немедленно во все города были разсланы радиogramмы с предписанием задержать Николая Романова [при Его попытке покинуть Царское Село]. Кроме того, [Петроградским Советом] было издано распоряжение о занятии войсками, верными Совету, всех [городских] вокзалов, а на станции «Царское Село», «Госно» и «Званка» были командированы комиссары с чрезвычайными полномочиями, чтобы в дальнейшем предохранить страну от подобных попыток увоза Романовых за границу. Петроградский Совет наметил место[м] содержания Николая [со] своей семь[ей] и великих князей и приближенных [к] [н]им [лиц] – Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Но Временное правительство не могло пойти на такой шаг [т. к.] оно всеми силами старалось [оберегать] Романовых [и] не лишать их благополучия [и] спокойствия.

Меньшевики и соц. Революционеры роководившие в то время Петроградским Советом, как всегда оказались верными сами[м] себе. Их громкие слова о водворении Николая [в] Петропавловскую крепость только...

Временное правительство [же] медлило [и всячески противилось] их заключению, надеясь, что [прежний] зговор будет [выполнен] Англией [и что она] их (Царскую Семью. – Ю.Ж.) примет под свое крылышко.

Но, увы! Развернулас[ь] новая картина. Лондонски[й] кабинет официально уведомил Временное правительство Керенского – Милюкова, что до окончания войны въезд бывшего царя и Его семьи в пределы Британской империи невозможен [264 - Город-порт Романов-на-Мурмане (ныне Мурманск) считался воротами в Великобританию, куда сторонники А.Ф. Керенского, во избежание возможного убийства отрешенного Государя и Его Семьи, предполагали Их отправить, что называется, до лучших времен. 6/19 марта 1917 г. новый Министр иностранных дел П.Н. Милюков просил британского посла Дж. Бьюкенена срочно выяснить, сможет ли бывший Император выехать в Великобританию вместе с семьей. Бьюкенен в тот же день послал запрос, на который не получил ответа. 8/21 марта П.Н. Милюков официально уведомил послов союзнических держав – Дж. Бьюкенена и М. Палеолога об аресте Государя в Могилеве, заверяя последних, что Он просто «ограничен в свободе передвижения» для собственной безопасности. Бьюкенен также напомнил главе МИДа о том, что бывший Император Всероссийский Николай II находится в ближайшем родстве с Королем Великобритании Георгом V, который проявляет большой интерес к судьбе своего кузена. Речь идет о телеграмме Короля Георга V, отправленной находящемуся в Могилеве Государю 6/19 марта 1917 г.: «События последней недели меня глубоко взволновали. Я думаю постоянно о тебе и остаюсь всегда верным и преданным другом, каким, как ты знаешь, я был и раньше». Следует также отметить, что это послание Георга V так и не было вручено Государю по причине задержки его П.Н. Милюковым, который, в свою очередь, информировал о ней Дж. Бьюкенена лишь 12/25 марта 1917 г., предоставив последнему по этому поводу следующие объяснения: «Телеграмма была адресована

Императору, а так как Государь больше не был Императором, то я отдал ее английскому послу». Когда же Дж. Бьюкенен стал убеждать Милюкова, что эта телеграмма не содержит в себе каких-либо политических мотивов, тот ответил, что он это хорошо понимает, однако опасается, что, в отличие от него, другие могут воспринять ее смысл более условно и расценить его как часть некоего заговора, предпринимаемого Английским Королевским Домом с целью побега низложенной Царской Семьи. В дальнейшем, находясь уже в эмиграции и пытаясь оправдать себя в глазах общественности, Милюков вспоминал об этом факте уже несколько в другом ключе, разделяя свою ответственность за содеянное с Дж. Бьюкененом на страницах «Последних Новостей»: «Недоставление Николаю II телеграммы английского короля от 19 марта, посланной адресату еще как царствующему императору, произошло по согласованию между мною и сэром Джорджем (Бьюкененом. – Ю.Ж.) и явилось одним из доказательств внимания английского правительства к совершившемуся в России перевороту» (Последние Новости. Париж. 8.9.1921). Используя это родство, П.Н. Милюков стал настойчиво просить Дж. Бьюкенена немедленно телеграфировать еще раз в Лондон и просить убежища для Царской Семьи, поясняя, что: «Это последний шанс, гарантирующий этим беднягам свободу и, возможно, жизнь» (Мэсси Р. Николай и Александра. М., 1990. С. 338). Получив повторную телеграмму Дж. Бьюкенена на следующий день и рассмотрев ее на совещании британского Военного кабинета, заседавшего под председательством премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа, министры согласились с тем, что коль скоро просьба о предоставлении убежища Царской Семье исходит непосредственно не от отрекшегося Императора, а от нового союзника Великобритании – Временного правительства, в ней не следует отказывать. 9/22 марта 1917 г. Министр иностранных дел Великобритании сэр А. Бальфур телеграфировал Дж. Бьюкенену, что: «Король и Британское правительство рады пригласить царя и царицу поселиться в Англию и остаться здесь на все время войны. Передавая это сообщение русскому правительству, Вы должны разъяснить, что русское правительство должно нести ответственность за предоставление Их Величествам необходимых средств к жизни, соответственно положению Их Величеств» (Буранов Ю.А., Хрусталева В.М. Убийцы царя. Уничтожение династии. М., 1997. С. 78). 10/23 марта Дж. Бьюкенен имел встречу с П.Н. Милюковым, во время которой передал последнему официальную ноту своего правительства по этому вопросу и от себя лично уведомил последнего, что: «...Король Георг, с согласия министров, предлагает Царю и Царице гостеприимство на британской территории, ограничиваясь лишь уверенностью, что Николай II останется в Англии до конца войны» (Боханов А.Н. Император Николай II. М., 1998. С. 439, 440). 11/24 марта Дж. Бьюкенен телеграфировал в Лондон: «Вчера я уведомил Министра иностранных дел о содержании Вашего послания... Милюков чрезвычайно заинтересован в том, чтобы это дело не было предано гласности, так как крайне левые возбуждают общественное мнение против отъезда Царя из России. Хотя Министр иностранных дел надеется, что правительству удастся преодолеть это

сопротивление, само правительство еще не пришло к окончательному решению... Когда я поднял вопрос о средствах Царя, меня уведомили, что по имеющимся у Министра иностранных дел сведениям, Царь обладает значительным личным состоянием. Во всяком случае, финансовый вопрос будет разрешен Правительством с полным великодушием» (Буранов Ю.А., Хрусталеv В.М. Указ. соч. С. 78). (По сведениям Временного Правительства, вклады Царской Семьи, размещенные в зарубежных банках, были Ей большей частью израсходованы в годы мировой войны на различные общественно-политические нужды и благотворительную деятельность. Однако и остававшихся денежных сумм вполне хватило бы на Ее временное пребывание в Англии. Так, например, А.Ф. Керенский, давая показания следователю Н.А. Соколову в августе 1920 г. в Париже, показал, что «Их личные средства, по сравнению с тем, как говорили, оказались невелики. У них оказалось всего в Англии и Германии не свыше 14 миллионов рублей» – Протокол допроса А.Ф. Керенского следователем Н.А. Соколовым от 14–20 августа 1920 г. // Российский Архив. Т. VIII. М., 1998. С. 244. Следуя курсу политических реформ, Временное правительство 12/25 марта 1917 г. выступило с заявлением о передаче в казну земель и доходов Кабинета отрекшегося Императора. При проведенной проверке дел Петроградской конторы Государственного Банка были выявлены вклады Царской Семьи и других Членов Дома Романовых на общую сумму 42 402 322 руб. 71 коп. Причем денежные средства Царской Семьи, на фоне общей суммы вкладов Членов Дома Романовых, распределялись между собой следующим образом:– на счету Государыни Императрицы Александры Федоровны: 2 518 293 рубля;– на счету Наследника Цесаревича Алексея Николаевича: 1 425 700 рублей;– на счету Великой Княжны Ольги Николаевны: 3 169 000 рублей;– на счету Великой Княжны Татьяны Николаевны: 2 118 500 рублей и т. д. Таким образом, тайна личных вкладов Царской Семьи была раскрыта, что само по себе явилось не только аморальным, но и противозаконным действием со стороны Временного Правительства. На протяжении многих лет, прошедших со дня Февральского переворота, вопрос о так называемом «царском золоте» неоднократно затрагивался в самой различной литературе, издаваемой за рубежом, и всегда являлся самым вожделенным поводом для всякого рода авантюристов. Среди научных работ на эту тему наиболее известной стала книга американского исследователя В. Кларка «Потерянные сокровища царей». До недавнего времени в отношении «царского золота» строились многочисленные догадки, однако исследования доктора исторических наук В.Г. Сироткина заставили российскую общественность обратить более пристальное внимание на эту историческую гипотезу. В.Г. Сироткин утверждал, что Николай II в январе 1917 г., вместе с так называемым «залоговым золотом», вывез в Великобританию и принадлежавшие Ему золотые слитки в количестве 5,5 тонны, которые были размещены в доверенном банке Царской семьи, именовавшемся «Брадерс Беринг Бэнк». См.: Сироткин В.Г. Золото и недвижимость России за рубежом. М., 1997; Кашиц В.А. Кровь и золото царя. Киев, 1998.) Текст приведенной выше телеграммы как нельзя лучше отражает смысл

закулисной дипломатии Временного правительства, суть которой сводилась к поиску бесконечных компромиссов с различными политическими организациями (в основном крайне левого толка), стремящимися, при каждом удобном случае, обвинить новый Кабинет Министров в предательстве интересов «дела революции», перед лицом мировой и российской общественности. А чтобы не быть голословным, попробуем еще раз проследить за ходом встречи Дж. Бьюкенена и П.Н. Милюкова, состоявшейся днем ранее. Выслушав сообщение английского посла и выразив свою личную благодарность британскому правительству, П.Н. Милюков, в свою очередь, попросил Дж. Бьюкенена не придавать гласности тот факт, что именно Временное правительство является инициатором отъезда Царской Семьи в Лондон. При этом П.Н. Милюков пояснил, что стоит Исполкому Петроградского Совдепа узнать о намерениях Временного Правительства, как весь этот план будет, безусловно, таковым сорван. Однако Исполком Петроградского Совдепа, благодаря А.Ф. Керенскому и полученным из Ставки телеграммам (посланные по просьбе Государя Генерал-Адъютантом М.В. Алексеевым в адрес Временного правительства в связи требованием определенных гарантий, которые последнее должно было предоставить отрекшемуся Государю) уже знал об этих планах Временного правительства, и его ответные действия не заставили себя ждать. На основании решения «Об аресте Николая Романова», принятого Исполкомом Петроградского совдепа от 9/22 марта 1917 г. таковым, за подписью его председателя – Н.С. Чхеидзе, были разосланы во все города России (связанные железнодорожным сообщением с Царским Селом) телеграммы следующего содержания: «Срочное сообщение всем: от Исполнительного Комитета Рабочих и Солдатских Депутатов. По всем железным дорогам и другим путям сообщения, комиссарам, местным комитетам, воинским частям. Всем сообщается вам, что предполагается побег Николая Второго за границу. Дайте знать по всей дороге вашим агентам и комитетам, что Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов приказывает задержать бывшего царя и немедленно сообщить Исполнительному Комитету – Петроград, Таврический дворец – для дальнейшего распоряжения» (Буранов Ю.А., Хрусталёв В.М. Указ. соч. С. 82). Эти разосланные телеграммы не могли не усилить и без того бурные политические страсти, кипевшие вокруг Царской Семьи. Именно с этого момента вопрос о судьбе бывшего Императора и его Семьи стал основным камнем преткновения для Петроградского совдепа и Временного правительства. Петроградскому Совдепу явно не хватало сил проникнуть в Александровский дворец и насильно вывезти из него Николая II и Его Семью, с целью Их дальнейшего помещения в Петропавловскую крепость, где Августейшие Узники должны были бы ожидать суда над Ними. (Для этого достаточно вспомнить неудачную «экспедицию» его эмиссаров – М.Д. Мстиславского и А.И. Тарасова-Родионова). В свою очередь, Временное правительство не чувствовало себя полновластным хозяином в стране и в особенности на железных дорогах, чтобы осуществить такое ответственное мероприятие, как беспрепятственная перевозка Семьи Романовых из Царского Села

в Романов на Мурмане. Сложность этой задачи усложнялась еще и тем, что путь на Мурман лежал через Петроград, где Царский поезд имел весьма реальный риск быть остановленным и оказаться во власти непредсказуемых революционных стихий. Опасаясь за свою репутацию в глазах революционных масс, а также осознавая всю ответственность за этот шаг в глазах мировой общественности, Временное правительство решило отложить намечавшуюся было поездку Царской Семьи в Великобританию, что называется, до лучших времен, в надежде на дальнейшее улучшение общественно-политической атмосферы. Между тем позиция Короля Георга V в отношении своего кузена стала более неустойчивой. Сначала он хотел помочь своим родственникам, но уже 30 марта / 12 апреля 1917 г. его личный секретарь короля Георга V лорд А. Стенфорд писал в Министерство иностранных дел: «Его Величество питает сомнения, не только беспокоясь об опасностях путешествия, но и колеблясь относительно целесообразности самого предприятия, а именно насколько целесообразна рекомендация проживания Царской семьи в нашей стране» (Мэсси Р. Указ. соч. С. 391). 2/15 апреля 1917 г. Бьюкенен писал очередное сообщение в Министерство иностранных дел, в котором, в частности, указывал: «До сих пор ничего не решено об отъезде Императора в Англию» (Там же. С. 390). 9/22 апреля 1917 г. Дж. Бьюкенен имел разговор с А.Ф. Керенским, который заявил ему, что отъезд Царской Семьи в Великобританию откладывается на несколько недель в связи с тем, что должны будут быть рассмотрены изъятые у Николая II личные бумаги, а сам Он вместе с Александрой Федоровной будет допрошен специальной комиссией – Чрезвычайной Следственной Комиссией для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, как гражданских, так и военных, и морских ведомств (ЧСК), созданной Временным правительством 4/17 марта 1917 г. под председательством Н.К. Муравьева. К 10/23 апреля 1917 г. Король Георг V был весьма обеспокоен широко распространившимися настроениями своих подданных, среди которых было немало членов лейбористской партии и либералов. Эти люди, никогда не питавшие симпатий к Русскому Самодержавию, весьма холодно встретили известие о приезде Их Величеств в Великобританию. Кроме того, в правящих кругах Великобритании прекрасно понимали, что политическая ситуация в России в любой момент может измениться и в значительной мере поколебать и без того шаткое положение Временного Правительства. Содействие же его укреплению было одной из важнейших политических задач Великобритании и стран – союзниц России, которые посредством своих многочисленных миссий и дипломатических представительств как могли способствовали таковому. В составе этих миссий были и социалисты, при помощи которых правящие круги Запада пытались добиться от Исполкома Петроградского Совета, а затем и ВЦИКа созыва всемирной поддержки политики Временного правительства. Однако предоставление политического убежища для Царской Семьи в Великобритании вносило некоторый диссонанс в проводимую ей политику поддержки «обновленной России» и единства с ее новым, демократическим курсом. 12 июня 1932 г. парижская газета русской эмиграции

«Последние новости» (ведя на своих страницах полемику о причинах невыезда Царской Семьи в Великобританию) опубликовала выдержку из лондонской «Дейли телеграф», которая в немалой степени проливала свет на позицию некоторых представителей британских «верхов» в этом вопросе: «Мы искренне надеемся, что у британского правительства нет никакого намерения дать убежище в Англии Царю и его жене. Во всяком случае, такое намерение, если оно действительно возникло, будет остановлено. Необходимо говорить совершенно откровенно об этом. Если Англия теперь даст убежище Императорской семье, то это глубоко и совершенно справедливо заденет всех русских, которые вынуждены были устроить большую революцию, потому что их беспрестанно предавали нынешним врагам нашим и их. Мы жалеем, что нам приходится говорить это об экзальтированной даме, стоящей в столь близких родственных отношениях к королю, но нельзя забывать теперь про один факт: Царица стала в центре и даже была вдохновительницей прогерманских интриг, имевших крайне бедственные последствия для нас и едва не породивших бесславный мир. Супруга русского Царя никогда не могла забыть, что она немецкая принцесса. Она погубила династию Романовых, покушаясь изменить стране, ставшей ей родной после замужества. Английский народ не потерпит, чтобы этой даме дали убежище в Великобритании. Царица превратит Англию в место новых интриг. Вот почему у англичан ныне не может быть никакой жалости к павшей Императрице, ибо она может предпринять шаг, который будет иметь гибельные для Англии последствия. Мы говорим теперь совершенно откровенно и прямо: об убежище не может быть речи, так как для нас опасность слишком велика. Если наше предостережение не будет услышано и если царская семья прибудет в Англию, возникнет страшная опасность для королевского дома» (Цит. по: Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. Париж, 1951. С. 163). Но, несмотря на полную абсурдность обвинений, выдвигаемых английскими газетчиками против бывшей Императрицы, они все же возымели свое действие в глазах общественного мнения. Король Георг V также отдавал себе отчет в том, что если его кузен приедет в Великобританию, он будет обязан устроить Ему официальный прием, который в значительной степени снизит его популярность в глазах левой общественности. В соответствии с этим Георг V посоветовал Д. Ллойд-Джорджу, во избежание взрыва общественного мнения, проинформировать Временное правительство о том, что он и его правительство, не желая допустить таковое, будут вынуждены отозвать обратно ранее отправленное ими приглашение. В свою очередь, Ллойд-Джордж, также никогда не питавший симпатий к русскому самодержавию и с самого начала не желавший в душе приезда в Великобританию Семьи отрекшегося Императора, в этот же день (10/23 апреля 1917 г.) уведомил об этом Дж. Бьюкенена, передав ему полуофициальное заявление Министерства иностранных дел следующего содержания: «Правительство Его Величества не настаивает на прежнем приглашении Царской семьи» (Мэсси Р. Указ. соч. С. 390). Кроме того, Бьюкенену было предложено сообщить Временному правительству о предпочтительности отправки Царской Семьи в другую страну,

например во Францию. Соответствующие указания об этом получил и британский посол в Париже – лорд Ф. Берти, который в ответ на это сообщение послал едкое личное письмо в адрес секретариата Министерства иностранных дел Великобритании, в котором не стесняясь использовал самую злобную дезинформацию о бывшем Государе и Императрице Александре Федоровне: «Я не верю, что бывшего царя и его семью ожидает здесь теплый прием... царицу они (французы. – Ю.Ж.) не только по рождению, но и по сути относят к проклятым бошам. Она, как вам известно, сделала все для соглашения с Германией. Ее считают преступницей или душевнобольной, а бывшего царя – преступником, в то же время полностью находящимся у нее под каблуком и делающим то, что она внушает» (*censored*еш Э. Николай II. Ростов н/Д, 1998. С. 325). 15/28 апреля 1917 г. даже Дж. Бьюкенен оставил свою поддержку плану предоставления убежища Царской Семье в Великобритании, в свою очередь, объясняя официальному Лондону, что присутствие в Великобритании бывшего Императора может быть использовано крайне левыми в России и воспринять «...как оправдание восстановления против нас общественного мнения». В довершение ко всему, в начале мая 1917 г. Бьюкенен заявил Временному Правительству, что до конца войны приезд Царской Семьи в Великобританию нежелателен: текст этого сообщения, близкий к первоисточнику, был сообщен А.Ф. Керенским следователю Н.А. Соколову во время его допроса в Париже 14–20 августа 1920 г. – «Правительство Англии, пока не окончена война, не считает возможным оказать гостеприимство бывшему Царю» (Цит. по: Российский архив. Т. VIII. С. 235). Однако, несмотря на вышеперечисленные обстоятельства, план вывоза Царской Семьи в Великобританию хотя и был приостановлен, но все же продолжал существовать вплоть до июля 1917 г. А.Ф. Керенский впоследствии признавал, что такая приостановка определялась в первую очередь политической ситуацией внутри России, а не зависела от взглядов английских либералов и лейбористов. К началу лета 1917 г. политическая обстановка в России стала более стабилизированной и, казалось, настал благоприятный момент для того, чтобы переместить Царскую Семью в Мурманск и вновь вернуться к переговорам с британским правительством по вопросу предоставления убежища Царской семье. Ход последующих событий довольно подробно изложен в воспоминаниях А.Ф. Керенского, которые он написал, находясь уже в эмиграции: «Мы наводили справки у сэра Джорджа Бьюкенена, когда может быть послан крейсер, чтобы принять на борт низложенного правителя и его семью. Одновременно было получено обещание германского правительства, через посредство датского министра Скавениуса, что немецкие подводные лодки не будут нападать на этот специальный корабль, который вывезет августейших изгнанников. Сэр Джордж Бьюкенен, как и мы сами, с нетерпением ожидал ответа из Лондона. Я не помню точно, когда это было, в конце июня или в начале июля, когда британский посол пришел очень расстроенный... Со слезами на глазах, не в силах сдержать свои чувства, сэр Джордж информировал нас об окончательном отказе британского правительства предоставить убежище бывшему императору России. Я не могу процитировать

точный текст письма, но могу сказать определенно, что этот отказ был сделан исключительно из соображений внутренней британской политики». Вероятнее всего, письмо Ф. Берти из Парижа все же сделало свое «черное» дело, поскольку сам А.Ф. Керенский упоминает в своих воспоминаниях о письме, объясняющем, что «премьер-министр (Ллойд – Джордж. – Ю.Ж.) не в состоянии предложить убежище людям, чьи прогерманские настроения столь хорошо известны».]

Когда они (Царская семья. – Ю.Ж.) содержались в Царском Селе, Керенский был [там] частым гостем, под видом проверки постов охраны [265 - Давая показания следователю Н.А. Соколову в августе 1920 г. в Париже, А.Ф. Керенский пояснил, что «во время пребывания Семьи в Царском, я был там приблизительно 8–10 раз, выполняя мои обязанности, возложенные на меня Временным правительством» (Цит. по: Российский архив. Т. VIII. С. 235). Поскольку в настоящее время имеются более точные сведения о характере и времени посещения А.Ф. Керенским Царского Села в 1917 г., попробуем воспроизвести их ниже в хронологической последовательности. Первый раз Керенский посетил Царское Село 21 марта 1917 г. Целью его визита была проверка несения службы внешней и внутренней охраной, а также ознакомление с порядком содержания находящейся под арестом Царской семьи и др. лиц, пожелавших разделить с Ней свое добровольное заточение. Вместе с А.Ф. Керенским в Царское Село прибыл новый комендант Александровского Царскосельского Дворца – подполковник П.А. Коровиченко, назначенный на эту должность вместо Штабс-Ротмистра П.П. Коцебу, отстраненного от должности распоряжением главнокомандующего Петроградским военным Округом Генерал-Лейтенантом Л.Г. Корниловым. В этот день А.Ф. Керенский смог увидеть только Их Величества, Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, а также старших дочерей – Великих Княжон Ольгу Николаевну и Татьяну Николаевну, так как младшие дочери были больны. 23 февраля / 8 марта 1917 г. Наследник Цесаревич Алексей Николаевич и Великая Княжна Ольга Николаевна внезапно заболели корью, которой Они, вероятнее всего, заразились при общении с приятелями Алексея Николаевича – кадетами Евгением Макаровым и Василием Агеевым, один из которых продолжал навещать Наследника в Царском Селе, несмотря на объявленный в Корпусе карантин. На следующий день заболевание этой болезнью распространилось на ближайшую подругу Государыни – А.А. Вырубову, которая вплоть до ее увоза из Царского Села продолжала оставаться в постели. В этот же день подобное заболевание проявилось у Великой Княжны Татьяны Николаевны, а также у Великих Княжон – Марии Николаевны и Анастасии Николаевны, при врачебном осмотре которых были обнаружены первые признаки этой болезни. Ночью 1/14 марта Великая Княжна Анастасия Николаевна почувствовала сильное недомогание, явившееся как результат приобретенного накануне заболевания. Несколько позже остальных окончательно заболела Великая Княжна Мария Николаевна, у которой, наряду с корью, обнаружилось еще и воспаление легких. Именно поэтому младшие дочери Их Величеств были еще не совсем здоровы и не

могли быть представлены А.Ф. Керенскому во время его первого посещения Царского Села. Эта первая встреча происходила в классной комнате и, со слов А.Ф. Керенского, носила быстротечный порядок, заключааясь лишь в ответах на предложенные им вопросы самого общего характера. Однако, со слов свидетелей этой встречи – П.А. Жильяра (рассказывающего со слов Наследника Цесаревича), А.А. Теглевой и др., А.Ф. Керенский сообщил Царской Семье об интересе, который проявляет Королева Великобритании Мария Текская в отношении здоровья Императрицы Александры Федоровны (намекая на телеграмму Короля Георга V от 6/19 марта 1917 г., которая была задержана по инициативе П.М. Милюкова), а также о том, что впоследствии, уединившись с Государем, новый министр юстиции сказал ему: «Вы знаете, что я добился отмены смертной казни, как наказания?.. Я это сделал, несмотря на то, что многие мои товарищи погибли жертвами своих убеждений» (Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921. С. 210). Однако события этого дня не окончились встречей с Царской Семьей и проверкой караула. Уезжая из Царского Села, А.Ф. Керенский забрал с собой А.А. Вырубову и находившуюся при ней Ю.А. фон Ден (Лили Ден), которых увез в Петроград. А.А. Вырубова и Ю.А. фон Ден поначалу были доставлены в здание Министерства Юстиции, откуда последняя была через день отпущена домой, А.А. Вырубова, под конвоем юнкеров, доставлена в здание Государственной Думы (Таврический дворец), а оттуда в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Находясь в заточении, А.А. Вырубова числилась за ЧСК и проходила по особой группе арестованных – «Проходимцы», в состав которой входили следующие лица: Князь М.М. Андронников, Генерал-Майор Д.Н. Дубенский, Генерал-Адъютант В.Н. Воейков, И.Ф. Манасевич-Мануйлов и др. Подвергалась многочисленным допросам и медицинскому освидетельствованию. Во второй раз А.Ф. Керенский прибыл в Царское Село 26 марта / 8 апреля 1917 г. Посетив Александровский Дворец, он объявил Государю, что принужден разлучить его с Александрой Федоровной, с которой Ему предстоит теперь проживать раздельно и видеться только за столом, при условии, что любое общение между Ними должно будет происходить исключительно на русском языке. Давая показания следователю Соколову в августе 1920 г. в Париже, А.Ф. Керенский пояснил, что «отобрание переписки, как мне помнится, имело место в первые числа марта месяца. Кроме этой меры, была принята еще вторая мера: лишение на некоторое время общения Николая II и Александры Федоровны, разделение Их. Эта мера была принята лично мной, по моей инициативе, после одного из докладов, сделанного мне по Их делу Следственной комиссией (ЧСК. – Ю.Ж.). Имелся в виду возможный допрос Их Комиссией. В целях беспристрастного расследования я признал необходимым произвести это отделение. Николаю II об этом я объявил сам лично. Александре Федоровне объявлено было об этой мере Коровиченко по моему приказанию. Наблюдение за выполнением этой меры было поручено Коровиченко, причем о ней были предупреждены и другие лица, жившие с Ними в Царском: Бенкендорф, статс-дама Нарышкина. Разделение Их не было абсолютным. Они сходились за столом, но

при этом присутствовал Коровиченко, и Они обязались вести только общие разговоры, что в действительности и выполнялось Ими. Такой порядок был установлен мною, кажется, в первых числах июня и существовал приблизительно с месяц. Затем надобность в нем исчезла и он был отменен» (Цит. по: Российский архив. Т. VIII. С. 234). Третий визит А.Ф. Керенского в Царское Село пришелся на 12/25 апреля 1917 г. Застав во дворце Александру Федоровну (Государь в это время находился на прогулке), А.Ф. Керенский попросил передать Государыне, что ему необходимо поговорить с Ней наедине и что он ждет Ее в кабинете Николая II. Занятая своим туалетом, Александра Федоровна попросила передать А.Ф. Керенскому, что примет его несколько позднее в гостиной. Воспользовавшись ожиданием Министра юстиции, Лейб-Медик Е.С. Боткин спросил его о возможности отправки Царской Семьи в Ливадию, ради здоровья детей. А.Ф. Керенский ответил, что в настоящее время это не представляется возможным, однако вполне согласился с этими соображениями, дав понять, что вскоре эта поездка может быть устроена. Пригласив А.Ф. Керенского в свои апартаменты, Александра Федоровна приняла его в присутствии Гофмейстерины Княгини Е.А. Нарышкиной. Во время аудиенции у Государыни А.Ф. Керенский задавал ей многочисленные вопросы, касающиеся Ее роли в политической жизни России, а также расспрашивал о непосредственном участии бывшей Императрицы в случаях выборов определенных кандидатов на то или иное министерское кресло. После аудиенции у Государыни А.Ф. Керенский был принят Государем, с которым он беседовал о работе ЧСК и о показаниях бывших министров, мотивирующих, как правило, вменяемые им в вину действия Высочайшими повелениями. В конце этого разговора Государь позволил А.Ф. Керенскому взять из шкафов Его кабинета те бумаги, которые могли бы заинтересовать вышеупомянутую комиссию. Четвертый раз А.Ф. Керенский посетил Александровский Дворец 3/16 июня 1917 г. В этот раз он оставался у Государя совсем недолго, так как уезжал на фронт для поддержки наступления. А.Ф. Керенский обратился к Нему с одной лишь просьбой: отобрать для ЧСК бумаги, имевшие какое-либо отношение к внутренней политике России. Пятый приезд А.Ф. Керенского в Царское Село пришелся на 6/19 июня 1917 г. Этим днем он не посещал Августейших Узников, а сделал смотр всем расквартированным в городе Запасным Гвардейским Стрелковым батальонам, входившим в состав Царкосельского гарнизона. Шестое посещение А.Ф. Керенским Царского Села произошло 11/24 июля 1917 г. Во время этого визита он заявил Их Величествам, что находиться в Царском Селе становится небезопасно, и предложил уехать куда-нибудь в глубь России, подалее от фабрик и гарнизонов. «Большевики нападают теперь на меня, потом будет Ваш черед», – сказал он. Государь попросил отправить Его вместе с Семьей в Ливадию. А.Ф. Керенский не возражал, однако, в свою очередь, предложил в качестве места их дальнейшего пребывания имение Великого Князя Михаила Александровича Брасово, расположенное в Орловской губернии, предпочитая его, по-видимому, Ливадии. В заключение А.Ф. Керенский посоветовал Государю начать уже сейчас же собираться в дорогу, держа свои

приготовления втайне от солдат караула. Седьмой визит А.Ф. Керенского в Царское Село случился 21 июля / 3 августа 1917 г. В этот день он внезапно приехал из Петрограда и остановился в Царскосельском Лицее. Об этом и его приезде Царская Семья узнала лишь на следующий день. Ставший 7/20 июля 1917 г. министром-председателем, Керенский 21 июля / 3 августа в ходе напряженных политических дискуссий с представителями различных революционных партий (кадетов, эсеров, меньшевиков и пр. социалистов), демонстративно заявил, что подает в отставку и, покинув собрание, уехал в Царское Село. Именно об этих событиях Государь упоминает в Своем дневнике на следующий день: «22 июля. Суббота... Вчера вечером Керенский внезапно приехал из города и остановился в Лицее. Оказывается, все правительство развалилось, он сам подал в отставку и ожидает решения, к кот. должно прийти совещание разных партий, заседающее в Зимнем дв.» (Дневники Императора Николая II. М., 1991. С. 644–645). Дата восьмого по счету приезда А.Ф. Керенского в Царское Село до сих пор точно не установлена – по неуточненным данным, это могло быть 25 июля / 7 августа. Однако, со слов свидетеля такового – коменданта Александровского Дворца Полковника Е.С. Кобылинского, стало доподлинно известно, что оный происходил приблизительно за неделю до отъезда Царской Семьи в Тобольск. (Об этом же самом факте свидетельствует и бывший Фельдфебель Сборной роты 1-го Гвардейского Царскосельского Стрелкового полка П.М. Матвеев, который, вспоминая о событиях тех дней, указывает более конкретную дату – 25 июля. См.: Царское Село – Тобольск – Екатеринбург. Записки и воспоминания о Николае Романове П. Матвеева // Последние дни Романовых. Свердловск, 1991. С. 237–249.) Будучи допрошенным следователем Н.А. Соколовым 6–10 апреля 1919 г., Полковник Кобылинский показал: «Приблизительно за неделю до отъезда из Царского, к нам приехал Керенский, вызвал меня, председателя Совдепа (царскосельского) и председателя Военной секции царскосельского гарнизона – прапорщика Ефимова. Керенский сказал нам следующее: “Прежде чем говорить вам что-либо, беру с вас слово, что все это останется под секретом”. Мы дали слово. Тогда Керенский объявил нам, что, по постановлению Совета Министров, вся Царская семья будет переведена из Царского; что Правительство не считает это секретом от демократических учреждений» (Соколов Н.А. Указ. соч. С. 38–39). После этого А.Ф. Керенский посвятил присутствующих в свой план. На подготовку к отъезду отводилось всего несколько дней, включая и текущий. За это время нужно будет подготовить два поезда в одном из Петроградских депо: один – для Царской Семьи, другой – для всех остальных, включая охрану. Численность таковой предполагалась в 350 человек, сформированных из числа нижних чинов и унтер-офицеров-добровольцев, пробывших на театре военных действий не менее 3 лет и отмеченных за службу Знаками отличия Военного ордена Св. Георгия (Георгиевскими Крестами) или медалями «За храбрость» на Георгиевской ленте (Георгиевскими Медалями) из числа 1-го, 2-го и 4-го гвардейских стрелковых полков, расквартированных в Царском Селе. Данное воинское подразделение, которое по

своей численности приравнивалось к батальону, должно будет состоять из 3 сборных рот вышеперечисленных полков и именоваться впредь (до особого распоряжения) «Отрядом особого назначения по охране бывшего царя и его семьи». В окончательном виде готовый к отправке в Тобольск отряд состоял из 337 человек рядового и унтер-офицерского состава, при 7 офицерах. Командиром отряда был назначен Полковник Е.С. Кобылинский. Наряду с этим, Керенский распорядился обеспечить весь личный состав этого подразделения новым обмундированием, вооружением и особым финансовым довольствием, из расчета 50 коп. в сутки. Дата девятого визита А.Ф. Керенского в Царское Село также до сих пор точно не установлена. Однако в вышеупомянутых показаниях Соколову А.Ф. Керенский упоминает о том, что «Дня за 3–4 я предупредил Их, что надо с собой взять побольше теплых вещей» (Цит. по: Российский архив. Т. VIII. С. 236). Тот же самый факт косвенно подтверждает и П.А. Жильяр, делая 29 июля / 11 августа следующую запись в дневнике: «Нам дали знать, что мы должны захватить теплую одежду. Значит, нас направляют не на Юг. Крупное разочарование» (Жильяр П. Указ. соч. С. 221). Десятый – заключительный визит А.Ф. Керенского в Царское Село пришелся на 31 июля / 13 августа. В этот раз он приезжал в Александровский дворец дважды. В первый раз – утром, чтобы объявить Царской Семье о том, что поезд будет подан поздно вечером; второй раз – около 12 часов ночи, чтобы сообщить о скором прибытии Великого Князя Михаила Александровича и лично проследить за отправкой Царской Семьи к месту изгнания. Великий Князь Михаил Александрович находился в то время в доме Великого Князя Бориса Владимировича и был доставлен в Александровский Дворец Полковником Е.С. Кобылинским по распоряжению А.Ф. Керенского. Вот что пишет по этому поводу генерал М.К. Дитерихс в своей книге «Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале»: «Керенский, придя во дворец и узнав, что вся Царская семья уже готова и в сборе, позвал Кобылинского и сказал ему: “Ну, теперь поезжайте за Михаилом Александровичем. Он у Бориса Владимировича”. Это была просьба Государя, хотевшего проститься с Братом, которую Керенский нашел возможным исполнить. Но вместе с тем он не считал возможным разрешить Императрице проститься с Великим Князем Михаилом Александровичем. Трудно понять, чем руководствовался в данном случае Керенский, тем более что все его отношение к Государыне в этот прощальный вечер совершенно не гармонировало с этим отказом. Я поехал, рассказывает Кобылинский, в автомобиле. Там я застал Бориса Владимировича, какую-то даму, Михаила Александровича с супругой и Его секретаря, англичанина Джонсона. Втроем (кроме шофера), т. е. Михаил Александрович, Джонсон и я, поехали в Александровский дворец. Джонсон остался ждать в автомобиле. Михаил Александрович прошел в приемную комнату, где были Керенский и дежурный офицер. Втроем они вошли в кабинет, где был Государь. Я остался в приемной. В это время вбежал Алексей Николаевич и спросил меня: “Это дядя Мими приехал?” Я сказал, что приехал Он. Тогда Алексей Николаевич попросил позволения спрятаться за дверь: “Я хочу Его посмотреть,

когда Он будет выходить”. Он спрятался за дверь и в щель глядел на Михаила Александровича, смеясь, как ребенок, своей затее. Свидание Михаила Александровича с Государем продолжалось всего минут 10. Затем Он уехал». После того как А.Ф. Керенский проинформировал всех отъезжающих лиц быть в любую минуту готовыми к отправлению, он пожелал сказать напутственное слово солдатам Отряда особого назначения, для чего посетил казармы бывшего 1-го и 2-го Лейб-Гвардии Стрелковых батальонов. Об этом эпизоде также имеются довольно подробные пояснения Полковника Е.С. Кобылинского, данные им следователю Н.А. Соколову в 1919 г.: «31 июля весь день прошел у меня в беготне, приготовлениях к отъезду. Память мне не сохранила ничего выдающегося за этот день, да ничего особого, кажется, и не случилось в этот день. В 12 часов ночи приехал Керенский. Отряд был готов. Поехали мы с ним в 1-й батальон. Керенский держал к солдатам такую речь: “Вы несли охрану Царской семьи здесь. Вы же должны нести охрану в Тобольске, куда переводится Царская семья по постановлению Совета Министров. Помните: лежачего не бьют. Держите себя вежливо, а не по-хамски. Довольствие будет выдаваться по Петроградскому округу. Табачное и мыльное довольствие – натурой. Будете получать суточные деньги”. То же самое Керенский говорил и в 4-м батальоне. Когда же нужно было ехать во 2-й батальон и я сказал об этом Керенскому, он ответил мне: “Ну, их к черту!” Так во второй батальон он и не поехал» (Гибель Царской семьи. Франкфурт-на-Майне, 1987. С. 294). Вскоре после возвращения Керенского к Царской Семье прибыл Великий Князь Михаил Александрович. Это была последняя встреча Государя с братом, продолжавшаяся не более 10 минут. Она происходила в кабинете Государя, в присутствии А.Ф. Керенского и находившегося при нем ординарца. Около 12 час. 30 мин. А.Ф. Керенский попросил Графа П.К. Бенкендорфа передать Их Величествам, что пришло время ехать, так как поезд отходит через час. Однако вскоре выяснилось, что до сих пор еще не прибыли автомобили и грузовик для перевозки багажа. А.Ф. Керенскому пришлось на время покинуть Царскую Семью, чтобы уладить дело с транспортом, который прибыл только после 1 часа ночи 1/14 августа 1917 г. Перенос багажа на грузовики продолжался до 4-х часов утра, после чего выяснилось, что отъезд Царской Семьи, никак не может состояться ранее 6 часов утра, так как поезда, заказанные еще к полуночи, не прибыли к указанному времени. Задержка поездов была вызвана отказом рабочих Петроградского паровозного депо предоставить паровозы для вывоза Царской Семьи из Царского Села, вследствие чего А.Ф. Керенскому, П.М. Макарову, В.А. Вершинину и Эртелю пришлось до 5 часов утра убеждать рабочих подчиниться требованию Временного Правительства и выпустить, наконец, локомотивы на линию. Поэтому только около 5 час. 15 мин. с улицы раздались многочисленные гудки автомобилей, подъехавших к Александровскому Дворцу, извещавшие о своей готовности. Из первого автомобиля вышел А.Ф. Керенский и, приблизившись к Государю, сообщил, что поезд готов. Затем он, сев в автомобиль и проводив Царскую Семью до поезда, зашел в вагон Их Величеств и, попрощавшись с ними, дал, наконец, команду к отправке.]. Но [в]

основном, это [конечно же была] забота о бывшем царе и его жене. Он (А.Ф.Керенский. – Ю.Ж.) заботился [об] их здоровье и прежде всего он беспокоился [о том] чтоб[ы] охрана не стесняла [бы их] и не нанесла [бы им] оскорбления.

[В] своем дневнике Александра Федор[овна] записала так про Керенского: «Он нечего. Он славный человек. С ним можно говорить» [266 - Данное высказывание Государыни Императрицы о А.Ф. Керенском не является записью в ее дневнике. Эта характеристика Министра-Председателя была позаимствована автором из книги П.М. Быкова «Последние дни Романовых», в которой таковая была использована со ссылкой на источник – книгу Н.А. Соколова «Убийство Царской Семьи» (Берлин, 1925). Именно в ней, на с. 25, это высказывание Императрицы приводится со слов Ее Камердинера А.А. Волкова и выглядит в виде некупированной цитаты следующим образом: «Под конец Царская семья, как надо думать, привыкла к Керенскому. Я по совести могу удостоверить, что Государыня как-то говорила про Керенского мне лично: “Он ничего. Он славный человек. С ним можно говорить”»]. Но скоро наступило окончание дружеской идилии, установившейся между царственными узниками и первым Министром-социалистом Керенским.

Наступили события начала июля. Они непосредственно не отразились на жизни [Александровского] дворца. Она по-прежнему текла тихо и мирно. Но несмотря на подавление июльского выступления (генерала Л.Г. Корнилова. – Ю.Ж.) общеполитическое положение в стране все более и более принимала угрожающий характер для Временного правительства, а вместе с тем и для жизни Романовых. В первой половине июля [Временное] правительство пришло к убеждению, что нахождение царской семьи около Петрограда стало абсолютно невозможным. Страна явно шла под уклон. Озобоченное сохранением царской семьи Временное правительство решает вывезти Ее из Царского Села [в] более укромное место [находящееся] подальше от большевиков Питера и Кроншта[д]та. Необходимость принятия такой меры приобретала в глазах Временного правительства [все] большую [и большую] настоятельность [потому] что начавшееся разложение армии коснулось[ь] и царско-сельского гарнизона.

«Царское было для нас, для Временного правительства, – пишет Керенский, – самым больным местом. Они /большевики/ усерднейшим образом вели пропаганду среди солдат несших охрану в Царском и разлагали их» [267 - Весьма вольная трактовка показаний А.Ф. Керенского, приведенных на с. 24 и 25 книги Н.А. Соколова «Убийство Царской Семьи» (Берлин, 1925). Фрагмент этих показаний был использован П.М. Быковым в своей книге «Последние дни Романовых» со значительными сокращениями (без указания таковых), откуда таковой и был позаимствован П.З. Ермаковым для своих «воспоминаний». В первоисточнике таковые выглядят следующим образом: «Причиной, побудившей Временное Правительство перевезти Царскую семью из Царского в Тобольск, была все более обострявшаяся борьба с большевиками. Сначала проявлялось большое возбуждение в этом вопросе со стороны солдатско-рабочих масс. Мое упоминание 20 марта в Москве про возможный отъезд Царской семьи из Царского (в Англию) вызвал налет

на Царское со стороны Петроградского Совета. Совет тут же отдал распоряжение по линиям не выпускать никаких поездов из Царского, а потом в Царское явился с броневыми машинами член Военной секции Совета Масловский (левый эсэр, библиотекарь Академии Генерального штаба) и пытался взять Царя. Он не исполнил этого только потому, что в последнюю минуту он растерялся. Царское было для нас, для Временного правительства, самым больным местом. Для большевиков это было бельмом на глазу. Кронштадт и Царское: два полюса. Они вели сильнейшую агитацию против Временного правительства и лично против меня, обвиняя нас в контрреволюционности. Они усерднейшим образом вели пропаганду среди солдат, несших охрану в Царском, и разлагали их. Бывая в Царском и узнавая там о разных беспорядках, я должен был реагировать на это, иногда прибегая к резким выражениям. Настроение солдат было напряженно-недоверчивое. Из-за того что дежурный офицер, по старой традиции дворца, получал из царского погреба полбутылки вина, о чем узнали солдаты, вышел большой скандал. Неосторожная езда какого-то шофера, повредившего ограду парка автомобилем, также вызвала среди солдат подозрения и толки, что Царя хотели увезти. Все это создавало дурную атмосферу; мешало Временному правительству работать и отнимало у нас реальную силу: царскосельский гарнизон, настроенный до этого лояльно по отношению к Временному правительству, гарнизон в котором мы видели опору против разложившегося уже Петрограда».]

Отличалось [также], что [общее] настроение солдат [царскосельского гарнизона] было напряженное и недоверчивое.

Но главным моментом увоза Романовых из Царского Села...

[В конце августа 1917 г.] Керенский об[ъ]явил Николаю о [принятом] решении Временного правительства, [которое считает], что необходимость переезда [Царской Семьи] вызывает[ся] [в первую очередь] тем, что Правительство решило принять самые энергичные меры против большевиков, в результате [чего], по его словам, неминуемо должны будут произойти вооруженные столкновения, в которых первой жертвой могла бы оказаться царская семья: а потому он – Керенский, считал своим долгом обезопасить Ее от всех возможных случайностей. [Эти слова А.Ф. Керенского наглядно свидетельствуют о том, какую Временное] правительство проявило большую заботу [и расположение к] Кровавому Императору.

Местом с[о]крытия [Царской Семьи] от центра [и] Петрограда Временное правительство избирает Тобольск. Удаленность его от главных центров политической борьбы делало его наиболее удобным местом, где Романовы могли бы спокойно жить в надежде на лучшие времена. [Однако] как бы Романовы не мечтали пожить на Юге или [в] других местах, им [этого так и] не удалось. Да и рабочие [Петрограда] этого не допустили бы. Тобольск, куда в течение многих лет сами Романовы ссылали на верную смерт[ь] революционеров... [Теперь же] им пришлось самим направит[ь]ся [в ссылку, проделав] далекий путь [в] Тобольск.

[В] первых числах августа 1917 [г.] в Царское [Село] приехал Керенский им устроил совещание с представителями охраны по вопросу о вывозе [Царской]

семьи. [Это] совещание было обставлено вес[ь]ма консперативно. Охрана была исключительно из младшего командного состава [бывших] фронтовиков и георгиевских кавалеров.

Охрана была [в] составе трех рот [располагавшихся] в Царском Селе. Керенский осмотрел [эту] команду. [Весь личный состав этого подразделения] о[б]мундировали заново, выдали все новенькое, [в]плот[ь] до винтовок [268 - См. примечание 50.]. Начальником команды был выделен полковник Кобылинский, который служил (слыл. – Ю.Ж.) всегда верноподдан[н]ым государю, служа [Ему] верой и правдой. Кобылинский скоро завоевал расположение к себе царской семьи. Характерно, написано [в] дневнике Никалая [о] Кобылинском: «Кобылинский теперь мой лучший друг» [269 - Приведенная характеристика Полковника Е.С. Кобылинского была позаимствована П.З. Ермаковым из книги П.М. Быкова «Последние дни Романовых», автор которой приводит ее со ссылкой на дневник Государя. Однако в указанном источнике таковая полностью отсутствует.].

12 августа 1917 г. [270 - Указанная автором дата по н. ст. неверна. День отъезда Царской семьи был официально объявлен 31 июля / 13 августа 1917 г. (см. примечание 48).] царской семье было объявлено об от[ъ]езде. Ночью [в Царское Село] приезжал Керенский и [Великий Князь] Михаил Александрович для прощания. Керенский напутствовал солдат конвоя взывающей речью: «Помните, между прочим, – сказал он, – лежачего не бьют, держите себя вежливо, а не хамами. Не забывайте, что это бывший Император. Ни он, ни [Его] семья ни в чем не должны испытывать лишений» [271 - См. примечание 50.].

[Этот пример] еще раз показывает приклонение перед царем мнимых революционеров.

Утром 14 августа 1917[г.] [272 - Дата указана по н. ст.: 1/14.8.1917.] царская семья была перевезена на автомобилях под конвоем драгун 3[-го] Прибалтийского полка [273 - Сведения о «драгунах 3-го Прибалтийского полка» почерпнуты автором из книги П.М. Быкова «Последние дни Романовых», который, в свою очередь, позаимствовал таковые из книги Н.А. Соколова «Убийство Царской семьи», в которой последний прямо указывал на то, что: «14 августа Царская семья выбыла из Александровского дворца на нескольких автомобилях, под охраной драгун 3-го Прибалтийского полка» (Соколов Н.А. Указ. соч. С. 41). Информация об этом подразделении, вероятнее всего, поступила к следователю Н.А. Соколову от бывшего Адъютанта «Отряда Особого назначения по охране царя и его семьи» прапорщика Н.А. Мунделя, который, будучи допрошенным 6 августа 1919 г., показал, что «на вокзал Августейшая Семья была доставлена в автомобилях, под эскортом драгун 3-го Прибалтийского полка» (Гибель Царской семьи. Франкфурт-на-Майне, 1987. С. 434). Однако в наименовании этого подразделения, по всей видимости, произошла какая-то путаница, так как упоминаемый Н.А. Мунделем «3-й Прибалтийский полк», вероятнее всего, является 3-м Прибалтийским Конным полком, сформированным весной 1915 г., в числе так называемых полков 3-й очереди.] на ст. «Александровская».

В тот же день два поезда под японским флагом повезли царя и охрану в Сибирь. «Японская миссия Красного Креста» – так значилось на роскошных международных вагонах поезда, мчавшегося к Уралу. Вместе с царской семьей поехали: князь[ь] Долгоруков, Татищев, доктор Боткин, преподаватель Жильяр и графиня Гендрикова. [Все] эти люди все время были при дворце. Кроме того, Романовыми был[а] взят[а] с собой многочисленная прислуга, начиная от камердинера, всего [в] количестве 35[-ти] челов[ек] [274 - Цифра указана неверно. Н.А. Соколов в своей книге «Убийство Царской Семьи» приводит список из 39 человек, которые с самого начала отправились в добровольную ссылку вместе с Царской Семьей, а также еще один – дополнительный, состоящий из 5 человек, прибывших в Тобольск несколько позднее. Тем не менее и эта цифра оказалась не совсем точной, что видно из приведенного ниже поименного списка, составленного на основании более уточненных данных. Таковым в данном случае является «Список лиц, живущих в доме № 1 (“Свободы”)», составленный по распоряжению Чрезвычайного комиссара ВЦИК В.В. Яковлева после посещения им бывшего Губернаторского дома 10 / 23 апреля 1918 г. (Буранов Ю.А., Хрусталева В.М. Указ. соч. С. 156–157).1. Генерал-Адъютант, Генерал-Лейтенант Граф Илья Леонидович ТАТИЩЕВ.2. Гофмаршал Двора Его Императорского Величества, Свиты Е.В. Генерал-Майор Князь Василий Александрович ДОЛГОРУКОВ 1-й.3. Почетный Лейб-Медик, доктор медицины Евгений Сергеевич БОТКИН.4. Преподаватель французского языка Августейших Детей Их Императорских Величеств и наставник Наследника Цесаревича Пьер (Петр Андреевич) ЖИЛЬЯР.5. Личная Фрейлина Государыни Императрицы Графиня Анастасия Васильевна ГЕНДРИКОВА.6. Гоф-Лектриса Государыни Императрицы, преподаватель математики и русской грамматики Наследника Цесаревича и младших Великих Княжон Екатерина Адольфовна ШНЕЙДЕР.7. Няня Августейших Детей Их Императорских Величеств Александра Александровна ТЕГЛЕВА.8. Камер-Юнгфера (комнатная девушка) Великих Княжон Елизавета Николаевна ЭРСБЕРГ.9. Камер-Юнгфера Великих Княжон Александра ЩЕГЛОВА.10. Камер-Юнгфера Государыни Императрицы Мария Густавовна ТУТТЕЛЬБЕРГ.11. Камер-Юнгфера Государыни Императрицы Анна Степановна ДЕМИДОВА.12. Камердинер при комнатах Государя Императора Терентий Иванович ЧЕМАДУРОВ.13. ЧЕМАДУРОВА Н.С. – супруга Т.И. Чемадурова.14. Помощник Камердинера – Степан Петрович МАКАРОВ.15. Камердинер при комнатах Государыни Императрицы Алексей Андреевич ВОЛКОВ.16. Лакей Наследника Цесаревича – Сергей Иванович ИВАНОВ. (По приезде в Тобольск С. Гиббса Иванов стал исполнять обязанности слуги Наследника.)17. Лакей 2-го разряда при комнатах Августейших Детей Их Императорских Величеств Иван Дмитриевич СЕДНЕВ.18. «Дядька» Наследника Цесаревича – Отставной Квартирмейстер Клементий Григорьевич НАГОРНЫЙ.19. Лакей 1-го разряда при комнатах Государыни Императрицы Алексей Егорович ТРУПП.20. Лакей Графа И.Л. Татищева и Князя В.А. Долгорукова – Петр ТЮНИН.21. Прислуга С.И. Гиббса – Анфиса ИВАНОВА.22. Прислуга Графини А.В. Гендриковой – Паулина

Касперовна МЕЖАНЦ.23. Прислуга Е.А. Шнейдер – Екатерина ЖИВАЯ.24. Прислуга Е.А. Шнейдер – Мария КУЛАКОВА.25. Кухонный чернорабочий – Ермолай КИСЕЛЕВ.26. Лакей Ермолай Дмитриевич ГУСЕВ.27. Лакей 1-го разряда Франц Антонович ЖУРАВСКИЙ.28. Лакей 2-го разряда Григорий Иванович СОЛОДУХИН.29. Лакей 3-го разряда Прокопий ДОРМИДОНТОВ.30. Старший повар – Иван Михайлович ХАРИТОНОВ; (Он прибыл в Тобольск вместе с женой и дочерью.)31. Старший повар Дмитрий Михайлович ВЕРЕЩАГИН.32. Повар 1-го разряда Владимир Никитович КОКИЧЕВ.33. Младший Поваренный ученик Леонид Иванович СЕДНЕВ.34. Кухонный служитель Сергей МИХАЙЛОВ.35. Кухонный рабочий Василий ТЕРЕХОВ.36. Кухонный рабочий Франц ТЕРЕХОВ.37. Кухонный рабочий Франц Станиславович ПЮРКОВСКИЙ.38. Кухонная прислуга Евдокия ПОУМЯНОВА.39. Кухонная прислуга Евдокия КЛЮСОВА.40. Кухонная прислуга Анна КОСКИНА.41. Кухонная прислуга Мария СОБОЛЕВА.42. Кухонная прислуга Людмила ВАКУЛИНА.43. Рабочий при винной кладовой Василий Семенович РОЖКОВ.44. Буфетный служитель Яков СЕЛИНОВ.45. Гардеробщик Яков СТУПЕЛЬ.46. Служитель Михаил КАРПОВ.47. Рабочий при пекарной должности Василий Кузьмич СМИРНОВ.48. Дворник Александр Петрович КИРПИЧНИКОВ. (Он прибыл в Тобольск в качестве личного писца Государыни Императрицы, однако наряду со своей основной должностью исполнял обязанности дворника и помощника по хозяйству.)Несколько позднее в Тобольск прибыли следующие лица:1. Личная Фрейлина Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны Маргарита Сергеевна ХИТРОВО (17/30.8.1917).2. Лейб-Хирург и Личный Врач Наследника Цесаревича, Доктор Медицины Владимир Николаевич ДЕРЕВЕНКО (24.8/6.9.1917); (Он прибыл в Тобольск вместе с женой – М.С. Деревенко, сыном Николаем и тещей.)3. Преподаватель Царскосельской Мариинской женской гимназии, Сестра милосердия военного времени Клавдия Михайловна БИТНЕР. (Приезжала в Тобольск дважды. В первый раз она заехала в Тобольск 1/14.9.1917 из Перми, где тогда проживала ее мать. Навестив в Тобольске своего жениха – Полковника Е.С. Кобылинского, она решила перебраться в этот город для постоянного проживания. Решившись на этот шаг, она подает прошение в Тобольскую гимназию, в которой просит предоставить ей свободную вакансию преподавательницы французского языка. Узнав об этом со слов доктора Е.С. Боткина, Августейшие Дети изъявили желание заниматься с К.М. Битнер, которую знали еще по Царскому Селу. Не имея ничего против, она, при деятельном участии доктора Е.С. Боткина, легко получает на это согласие комиссара В.С. Панкратова, после чего возвращается в Царское Село, чтобы уладить необходимые формальности. Покончив с делами, К.М. Битнер 20 сентября / 3 октября 1917 г. покидает Царское Село и прибывает в Тобольск во второй раз 5 / 18 октября 1917 г.)4. Татьяна Евгеньевна БОТКИНА – дочь Е.С. Боткина (14/27.9.1917).5. Преподаватель английского языка и гувернер Наследника Цесаревича Сидней ГИББС (5/18.10.1917).6. Бывшая воспитательница Графини А.В. Гендриковой – Викторина Владимировна Николаева (14/27.9.1917).7. Лейб-Стоматолог Сергей

Сергеевич КОСТРИЦКИЙ (17/30.10.1917). (Проживавший в Ялте С.С. Кострицкий был вызван в Тобольск по личной просьбе Государыни. Проводил курс лечения Царской Семьи и приближенных к Ней лиц. Не завершив таковой, отбыл в Ялту по семейным обстоятельствам 26 октября / 8 ноября 1917 г.)8. Камер-Юнгфера Магдалина Францевна ЗАНОТТИ.9. Камер-Юнгфера Анна Яковлевна УТКИНА.10. Камер-Юнгфера Анна Павловна РОМАНОВА. (Последние три женщины прибыли в Тобольск, несколько позднее остальных слуг, посему и не были допущены в дом «Свободы». Но, несмотря на это, остались проживать в городе, сняв комнаты у частных лиц. Поддерживали постоянную связь с Царской семьей.)11. Личная Фрейлина Государыни Императрицы Баронесса София Карловна БУКСГЕВДЕН (23.12.1917 / 5.1.1918). (Баронесса С.К. Буксгевден не смогла отправиться в Тобольск вместе с Царской Семьей из-за операции аппендицита. Посему прибыла туда немногим позднее, вместе с сопровождавшей ее госпожой А.И. Мевер. [МЕВЕР Анна Ивановна – (Miss A.D. Mather – Анни Данзайр Матер) (23.12.1917 / 5.1.1918) – подруга и компаньонка покойной матери Баронессы С.К. Буксгевден, находившая при ней с детства в качестве гувернантки. По дороге в Тобольск заразилась в Тюмени тифом и умерла в октябре 1918 года.]) Таким образом, количество верных слуг, отправившихся вместе с Царской Семьей в Тобольск (не считая членов семей некоторых из них, разделивших со своими близкими участь добровольного изгнания), исчисляется 48-ю человеками, а количество таковых, прибывших для постоянного проживания, несколько позднее, составляет 11 человек. В конце февраля 1917 г. в жизни Царской Семьи наступают серьезные перемены, касающиеся Ее материального положения и дальнейшего содержания. В это время на имя Полковника Е.С. Кобылинского поступает телеграмма из Москвы, дословный текст которой до сих пор не выявлен исследователями, однако суть которого довольно подробно отражена на одной из страниц дневника Графини А.В. Гендриковой, приобщенного к следствию в качестве вещественного доказательства: «Февраль 10-го. Комендант получил телеграмму от комиссара над имуществом Карелина, что из учреждений Министерства Двора больше никаких сумм на жизнь Царской семьи выдаваться не будет, и постановлено из числа Их личных сумм выдавать Им (по установленному для всех положению) по 150 р. в неделю или 600 р. в месяц на человека. Государство дает только квартиру (Губернаторский и Корниловский дома), освещение, отопление и солдатский паек» (Росс Н.Г. Указ. соч. С. 224–225). В силу этих обстоятельств Царская Семья была вынуждена перейти на более жесткий режим экономии, вследствие чего к началу марта 1917 г. Ей пришлось расстаться со многими из слуг: 1. С. Макаровым. 2. Е. Киселевым. 3. Е.Д. Гусевым. 4. Г.И. Солодухиным. 5. Д.М. Верещагиным. 6. В.Н. Кокичевым. 7. С. Михайловым. 8. П. Дормидонтовым. 9. В.В. Рожковым. 10. Я. Ступелем. 11. В.К. Смирновым. По прибытии в Тобольск Царской Семьи туда сразу же ринулись различные Ее почитатели. В числе самой первой из таковых оказалась М.С. Хитрово – одна из ближайших подруг Великой Княжны Ольги Николаевны, которая по собственной инициативе и без какого-либо на то разрешения приехала в

Тобольск в 11 часов вечера 17/30 августа 1917 г. Едва появившись в городе, она была почти сразу же арестована, так как ее поездка с самого начала не представляла какого-либо секрета для властей, которые в лице Министра-Председателя А.Ф. Керенского уже 18/31 августа отправили в Тобольск телеграмму, предписывающую ее арест и самый тщательный обыск. Однако телеграмма запоздала, и тобольские власти не смогли арестовать Хитрово в день ее приезда, вследствие чего последняя, уже утром следующего дня успела повидаться с Графиней Гендриковой, доктором Е.С. Боткиным, а также с другими лицами и передать им письма, адресованные Царской Семье. Вся эта корреспонденция, состоявшая из 15 писем, была спрятана в привезенных ею вещах, предназначавшихся к передаче. Говоря о М.С. Хитрово, нельзя не сказать о некоторых обстоятельствах ее ареста. Так, согласно официальным газетным версиям того времени, причиной ареста М.С. Хитрово послужила исключительно ее собственная неопытность как конспиратора. Это же самое подтверждает и дочь Е.С. Боткина – Татьяна, которая, находясь в эмиграции, так упоминает об этом в своих воспоминаниях: «Бедная Хитрово была очень поражена всем случившимся, не представляя себе, что исключительно ее странное поведение повело к ее аресту. (...) Но, действительно, она вела себя так, точно хотела довести до этого. Уезжая, она вся закуталась в пакеты со всевозможной корреспонденцией, а с пути писала открытки родственникам следующего содержания: “Я теперь похудела, так как переложила все в подушку” или “Население относится отлично, все подготавливается с успехом” и т. д.» (Мельник Т.Е., рожденная Боткина. Воспоминания о Царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 68). Упоминала об этом и пресса, которая в августе – сентябре 1917 г. также сообщала о письмах Хитрово, которые она посылала своей матери по дороге в Тобольск. По сведениям газетных источников, в них также упоминалось о сочувственном отношении населения Сибири к бывшему Императору и об оказании помощи Царской Семье. В свою очередь, Л.В. Хитрово-старшая, вместо того чтобы хранить молчание, поведала «по секрету» об этих новостях своему старому знакомому – Члену Нижегородского Окружного Суда. В этом «весьма доверительном» разговоре Л.В. Хитрово, уже от себя лично, упомянула о некой казачьей организации, поставившей своей целью освобождение Царской Семьи, добавив при этом, что именно по поручению таковой ее дочь выехала в Тобольск, где должна будет передать соответствующую корреспонденцию для Государя. Неудивительно, что эти сведения под таким же «секретом» стали распространяться дальше и очень скоро достигли прокурора Московской Судебной Палаты А.Ф. Стааля, от которого таковые поступили к А.Ф. Керенскому, с которым первый поддерживал непосредственную связь по работе. Узнав о «готовящемся заговоре», А.Ф. Керенский немедленно снесся с Тобольском, направив туда срочную телеграмму, о которой упоминалось выше. Получив телеграмму Министра-Председателя, Прокурор Тобольского Окружного Суда Корякин распорядился немедленно арестовать М.С. Хитрово, после чего отослал в Петроград подробное сообщение об обстоятельствах этого

ареста и ее допроса. Сама же М.С. Хитрово, некоторое время спустя, указывала на другие причины, послужившие поводом для ее ареста. О них она, в частности, упоминала в своих воспоминаниях, опубликованных в эмиграции в 1922 г. В этих воспоминаниях М.С. Хитрово утверждает, что после раскрытия некой подпольной организации, распространявшей воззвания о сборе средств для Романовых в Петрограде и Москве, были проведены обыски и аресты. «Обыск в родственном мне доме, – писала М.С. Хитрово, – обнаружил мою поездку и, поставивши ее в связь с заговором, послали телеграмму о моем аресте» (Эрдели М.С., рожд. Хитрово. Разъяснение о моей поездке в Тобольск // Двуглавый Орел, 1922. Вып. 30. С. 10). В это же самое время в Москве закончилось Государственное совещание, на котором крайне правые открыто предъявили Временному Правительству требования установления контрреволюционной диктатуры. Наряду с ними, левая (меньшевикско-эсеровская) часть этого собрания отстаивала завоевания Февральской революции и созданные ею революционно-демократические структуры (Совдепы и пр.), выдвигая, в свою очередь, собственную социально-экономическую программу (так называемую «Программу 14 Августа»). В свою очередь, «линия» правительства Керенского на этом совещании заключалась в том, чтобы по-прежнему вести свой курс «посередине», балансируя между правыми и левыми с целью уменьшения их взаимной конфронтации. Результатом этой «центристской политики» явилась практически полная потеря доверия, как правого, так и левого направления. Однако при подобной ситуации так называемое «дело Хитрово» оказалось как бы на руку А.Ф. Керенскому, так как давало ему возможность продемонстрировать всем свое полное отмежевание от крайних сил и, таким образом, снять с себя и со своего правительства какие-либо подозрения в потакании таковым, лишняя раз подчеркивая при этом свою государственную, а не партийную позицию. Исходя из этих соображений, «дело Хитрово» было выдано за разоблачение «монархического заговора», противодействуя которому Временное Правительство как бы лишняя раз демонстрировало свою решимость в борьбе не только с правой, но и с левой опасностью. Таким образом, частная поездка бывшей фрейлины М.С. Хитрово стала рассматриваться как часть «монархического заговора» и явилась, своего рода, предтечей дальнейших событий. 20 августа 1917 г. Временное Правительство постановило «заключить под стражу» Великого Князя Михаила Александровича, его супругу – Графиню Н.С. Брасову, Великого Князя Павла Александровича, его супругу – Княгиню О.В. Палей и их сына – Князя В.П. Палая. При этом в документе об их аресте особо подчеркивалось, что указанные лица представляют угрозу «обороне государства, внутренней безопасности и завоеванной Революцией Свободе». Одновременно подлежали высылке за границу следующие лица: отставной генерал В.О. Гурко, бывшая фрейлина А.А. Вырубова, доктор П.А. Бадмаев, И.Ф. Манасевич-Мануйлов, редактор «Земщины» – С. Глинка-Янчевский, В. Диц и Штаб-Ротмистр Г. Эльвенгрен. После того как М.С. Хитрово была арестована, она была отправлена в Москву и там заключена под стражу в здании Судебных Установлений Московского Кремля. А вскоре в Елабуге была

арестована и ее мать, которая также была доставлена в Москву. 22 августа / 4 сентября 1917 г. большинство российских газет объявили «О раскрытии контрреволюционного заговора против Республиканской власти в России». На следующий день А.Ф. Стааль дал заведомо лживое интервью корреспонденту газеты «Известия», в беседе с которым пояснил следующее: «На наш вопрос основательны ли слухи, по которым целью заговора было простое желание освободить бывшего императора в Тобольске, А.Ф. Стааль заявил: «Это абсолютно неверно. Цель заговора – чисто политическая. Заговор возник до отъезда бывшего государя в Тобольск и имел целью ниспровержение существующего и восстановление старого строя». 25 августа / 7 сентября 1917 г. А.Ф. Стааль написал А.Ф. Керенскому докладную записку по результатам предварительного дознания по «делу Хитрово», в которой, в частности, указывал на то, что последняя дважды виделась с Полковником Е.С. Кобылинским и Графиней Гендриковой, а также и то, что последней было передано около 15 писем, адресованных ей и Великим Княжнам. Наряду с этим, он также отмечал, что со слов допрошенного им Председателя Тобольского Совета крестьянских депутатов Экземплярского, отношение населения Тобольска к Царской Семье, скорее сочувственное, а перед домом, где проживают Августейшие Узники, всегда стоят группки людей, ожидающие, пока кто-нибудь из них не выйдет на балкон. А, кроме того, Экземплярский выразил мнение, что «...опубликование документов, говорящих о деятельности бывшего государя и в особенности государыни, более чем желательно, ибо монархическое настроение, охватывающее широкие круги тобольского населения объясняется в значительной степени отсутствием надлежащей осведомленности». В этот же день, в разделе хроники, под заголовком «Контрреволюционный заговор», газета «Известия ЦИК» опубликовала заметки, рассказывающие про «дело о контрреволюционном заговоре», а также о допросе матери М.С. Хитрово – Л.В. Хитрово, который дал много обличающего материала. С самого начала следствия стало очевидным, что так называемые «неопровержимые доказательства» вряд ли смогут быть доказанными в судебном порядке. Так, например, изъятые у М.С. Хитрово письма на деле оказались не имеющей ничего общего с «заговором» корреспонденцией чисто личного характера, предназначенной для передачи великой княжне Ольге Николаевне от имени некоторых Сестер милосердия бывшего Царскосельского частного лазарета Лианозовой, находившегося под Высочайшим Покровительством, а также подобная корреспонденция, предназначавшаяся для Графини А.В. Гендриковой, Баронессы С.К. Буксгевден, В.В. Николаевой и др., переданная их ближайшими родственниками. Некая же «казачья организация» в действительности оказалась вполне легальным «Союзом казачьих войск», один из членов которого – подхорунжий Б. Скакун (указанный Л.В. Хитрово, как душа этой организации) был всего лишь должником М.С. Хитрово, которого мать последней, после первых же допросов стала представлять уже не как «политического заговорщика», а как обыкновенного вымогателя. На протяжении всего времени, занятого следствием (его

вел Следователь по особо важным делам при Петроградском Окружном Суде П.А. Александров), в печати периодически появлялись «сенсационные сведения» о том, что нити «монархического заговора» уже успели опутать многие города России, втянув в таковой большое количество людей, руководимых приближенными Государя и некоторыми из Великих Князей. Газетная шумиха, раздуваемая вокруг имени М.С. Хитрово и связанных с ней «монархических заговоров», окончательно убедила общественное мнение в реальном обилии таковых, чему не в малой степени продолжало способствовать следствие. 13/26 сентября 1917 г. газета «Известия» опубликовала сообщения прокурора А.Ф. Стаала о «деле Хитрово», в котором он, в весьма путаной форме, информировал общественность о результатах расследования, в ходе которого ему удалось «напасть на следы гораздо крупного предприятия». Однако при более внимательном изучении «новых обстоятельств» этого дела таковые, подобно прежним, оказались несостоятельными, вследствие чего к концу сентября 1917 г. «дело Хитрово» стало сходить со страниц периодической печати. Потеря общественного интереса незамедлительно сказалась на действиях Временного Правительства, которое, понимая всю дальнейшую бесполезность «дела Хитрово», поспешило вскоре закрыть таковое за недоказанностью. И, тем не менее, «дело Хитрово», что называется, сделало свое «черное дело», благодаря которому в общественном сознании российской общественности окончательно укоренилось мнение о возможности реванша со стороны монархической контрреволюции. К сказанному остается добавить, что непосредственно сама М.С. Хитрово все же упоминает в своих воспоминаниях о некой организации, хотя сообщенные ей сведения являются более чем противоречивыми. С одной стороны, М.С. Хитрово утверждает, что поехала в Тобольск: «...не по поручению какой-либо организации, а по собственной инициативе и исключительно из желания быть ближе к арестованной Царской семье», а с другой, – указывает на то, что во время своего допроса в Кремле окончательно поняла, что: «...власти напали на следы действительно существующей организации, имевшей целью освобождение Царской семьи в Александровском дворце» (Эрдели М.С. Указ. соч. С. 6). Однако наряду с вышесказанным, Хитрово утверждает: «Я знала и раньше об этой организации, но вследствие моих отношений с дворцом, а впоследствии намерения поехать в Тобольск, я, боясь навлечь подозрения на Царскую семью, не принимала в ней активного участия, полагая, что находясь вблизи Царской семьи, я всегда смогу ориентироваться, сообщать нужные сведения и вообще в решительную минуту оказать действенную помощь» (Там же. С. 10). Столь противоречивые высказывания М.С. Хитрово, из которых последнее является наиболее претенциозным, вероятнее всего, не следует принимать за истину, а относиться к нему как проявлению осознания собственной вины за содеянную глупость и попытку частичной реабилитации таковой в глазах русской эмиграции.] [которых] по рангам приведем и по профессиям.

Комердинера – 3
Лакеев – 8
поваров – 3
поваренок – 1
заведующ[ий] погребом – 1
куханных служителей – 3
официант – 1
прислуги – 3
комнатных девушек – 2
няни – 2
священников – 2
писец – 1
парикма*censored* – 1<

> гардеробщик – 1 [275 - Штат слуг, согласно занимаемым ими должностям, был позаимствован автором из книги П.М. Быкова «Последние дни Романовых», правда в несколько измененном виде. Так, например, указанные в нем двое священников были, по всей видимости, превращены в таковые из двух кухонных служителей, которые в списке П.М. Быкова упоминались как «2 служителя», а посему и были восприняты П.З. Ермаковым как служители культа.]

[и] ряд других.

Таким громадным штатом прислуги, какой был предоставлен Николаю с личного согласия Керенского и всех вместе взятых [членов] Временного правительства...

Все это делалось с такой уни[зи]тельностью мелкобуржуазными..., революционер именуемый себя...

Временное правительство соблагоизволил[о] выделить представителей из членов правительства – Макарова [и] Вершинина [276 - В.А. Вершинин и П.М. Макаров никогда не были членами Временного Правительства: В.А. Вершинин был членом Государственной Думы, а П.М. Макаров – Помощником комиссара Временного Правительства по бывшему Министерству Императорского Двора и Уделов. Помимо них, поезд с арестованной Царской Семьей сопровождал еще и член Царскосельского Совдепа, Председатель Солдатского Комитета Царскосельского гарнизона Прапорщик Ефимов. Все вышеупомянутые лица были наделены Временным Правительством чрезвычайными полномочиями, действующими на момент переезда Царской Семьи в Тобольск, но в отличие от своих коллег, П.М. Макаров совмещал с таковыми еще и обязанностями Комиссара по гражданской части (сначала на этот пост предполагался член ЦИК и ЦК партии социал-революционеров В.А. Чайкин, но он отказался). Еще одним сопровождающим был чиновник Министерства Путей Сообщения инженер Эртель, проследовавший далее в этом же поезде до Владивостока. Впоследствии это обстоятельство (следование поезда в сторону Дальнего Востока) явилось причиной для серьезного беспокойства у Екатеринбургского Совдепа, направившего во ВЦИК телеграмму. В дополнение к перечисленным лицам, на каждом из участков

движения, поезд сопровождали начальники этих участков.]. Были приняты все меры к тому, чтобы путешествие [Царского поезда] закончилось [бы] без [каких-либо] инцидентов. По [мере] следовани[я] [и] [про]движения по железной дорог[е]...

При стоянках, на станциях поезд оцеплялся охраной [и] доступа [для посторонних лиц] не было. [И хотя] даже кое-где [и] знали, что провозят Никалая [это не вызывало никаких подозрений т. к. сопроводительный] документ [был] подписан [самим] Керенским [277 - Имеются в виду сопроводительные документы за подписью А.Ф. Керенского, в числе которых находилась и составленная им лично Инструкция, состоящая из 16 пунктов, устанавливающих правила перевозки арестованных, а также порядок их охраны.], [а посему] все этому [факту] не придавали особого значения.

17августа [278 - Дата указана по н. ст. (4/17.8.1917).] вечером поезд прибыл в Тюмень и Романовы сразу [же] были переведены на пристань рек[и] Тобола, где прихода эшелона [уже] ждали 3 парохода – «Русь», «Кормилец» и один буксирный [279 - Этим судном был буксирный пароход «Тюмень»].]

Офицеры местного гарнизона, во главе с начальником гарнизона, устроили для прибывших целый парад, выстроившись у входа на пристань, [где] они при выходе из вагона бывшего царя и Его Семьи приветствовали их отданием [воинской] чести.

Царская семья и часть охраны были размещены на пароходе «Русь», [а] остальная охрана на «Кормильце». Буксирный [же пароход] служил для поддержания связи. К утру был выгружен на пароход багаж семьи и [в] 5 часов утра [280 - Время отплытия указано неверно. Пароходы «Тюмень», «Русь» и «Кормилец» отошли от Тюмени около 6 часов утра 5/18 августа 1917 г., что подтверждается записью в дневнике Государя за 4/17 августа 1917 г.] 18 ав[густа] 1917 [г.] [281 - Дата указана по н. ст. (5/18.8.1917).] пароходы отправились в Тобольск, вниз по реке Тоболу [282 - Ошибка, допущенная П.М. Быковым при написании книги «Последние дни Романовых», была в точности повторена П.З. Ермаковым во время работы над своей рукописью. Караван судов, перевозивший Царскую семью, отправился в путь не «по реке Тоболу», а по реке Туре, по которой он шел весь день 5/18 августа 1917 г. Только к ночи следующего дня, достигнув места впадения реки Туры в реку Тобол, пароходы смогли оказаться в таковой и продолжить путь, согласно маршруту следования.]. На пути [их следования] стояло село Покровское – родина друга царской семьи Григория Распутина. Дом старца и по величине и по отделке – городской, выделялся из обыкновенных изб села и хорошо был виден с реки. Царская семья проезжая мимо [села Покровского] собралась на борту парохода и оживленно делилась воспоминаниями о [своем] покойном Друге. По сведениям [и] из разговоров охраны [бывш. Императора стало известно, что] дворцовое духовенство, которое следовало с ним на пароходе отслужило молебен за упокой Григория и сама царица плакала [283 - Выше уже говорилось, что при переезде Царской Семьи в Тобольск, в Ее ближайшем окружении полностью отсутствовали лица духовного звания, а посему какой-либо молебен, попросту не мог быть отслужен по пути следования в означенный город. Сведения же о том, что «сама

царица плакала», полностью подтверждаются словами А.А. Волкова, который упоминает об этом случае в своих воспоминаниях: «Когда пароход проходил мимо села Покровского – родины Распутина, Императрица, указав мне на село, сказала:– Здесь жил Григорий Ефимович. В этой реке он ловил рыбу и привозил ее нам в Царское Село. На глазах Императрицы стояли слезы» (Волков А.А. Около Царской семьи. М., 1993. С. 76).].

К Тобольску пароход прибыл вечером 19 августа [284 - Дата указана по н. ст. (6/19.8.1917).] [но] помещение [для проживания Царской Семьи] не было подготовлено [285 - Бывший Губернаторский дом, где предстояло жить Царской Семье, считался одним из лучших домов в городе, так как возводился в конце XIX века непосредственно как резиденция Губернатора Тобольского уезда. Построенный на одной из центральных улиц Тобольска, он представлял собой добротное двухэтажное каменное здание белого цвета (с полуподвальным цокольным этажом), имевшее деревянный балкон на торцевом фасаде и палисадник за железной изгородью. Внутренняя планировка этого дома представляла собой коридорную систему, насчитывающую 15 комнат, расположенных на его 2-х этажах. Все помещения этого строения были добротно обустроены, снабжены электричеством и водяным отоплением, которое наряду с водопроводом давало в дом горячую воду. Однако к моменту принятого Временным Правительством решения о переводе Царской Семьи в Тобольск дом был заметно запущен и к августу 1917 г. представлял довольно жалкое зрелище. В первую очередь это касалось его оснащения и внутреннего убранства, которое менее чем за год революции подверглось значительному разграблению. Так, например, в некоторых комнатах дома была снята электропроводка, частично демонтированы водопроводные трубы и части системы парового отопления. Помимо этого, ввиду полной загаженности выгребной ямы, не работала канализация, не говоря уже о том, что имевшаяся в доме мебель сохранилась частично и в большинстве своем требовала ремонта. Посетив Тобольск незадолго до перевода в него Царской Семьи, уполномоченные Временного Правительства В.А. Вершинин и П.М. Макаров побывали в Губернаторском доме и, утвердив таковой как будущую резиденцию бывшего Государя, отдали распоряжение приступить к ремонту такового в самом срочном порядке. На момент прибытия Царской Семьи в Тобольск эти ремонтные работы находились на самой начальной стадии. Разворачивающиеся вслед за этим события довольно подробно описаны в воспоминаниях Т.Е. Мельник-Боткиной: «По приезде в Тобольск в город выехали полковник Кобылинский и комиссар Макаров и вернулись с известием, что помещение не готово, так что Их Величествам пришлось жить на пароходе около двух недель. В это время шел спешно ремонт губернаторского дома, в котором предполагалось поместить Царскую семью, и дома купца Корнилова напротив – для свиты и части охраны. Кроме того, небольшой кусочек площадки перед губернаторским домом окружался высоким сплошным забором. Это место предназначалось для прогулки арестованных. За время жизни на

пароходе часть арестованных два раза съезжала на берег для осмотра помещений. Первый раз для этого был отправлен мой отец с Кобылинским и Макаровым, второй раз – камердинер Ея Величества Волков и камер-фрау Тутельберг, Кобылинский и Макаров делали все, чтобы улучшить помещение. Часть мебели в губернаторском доме сохранилась еще от старого времени, недостававшие же вещи покупались в лучших домах Тобольска. Макаров настоял на покупке для великих княжон рояля [Кабинетный рояль «Беккер» был куплен П.М. Макаровым у г-на Гаврилова, бывшего Вице-губернатора Тобольской губернии. – Ю.Ж.]. Упорно искали для Их Величеств пружинные кровати, так как не хотели давать Им походных, предназначенных для Их Высочеств и лиц свиты. В конце концов и кровати были куплены в какой-то семье, поступившейся своими удобствами. Для ремонта были приглашены обойщики, маляры и электротехники, – пленные и военнообязанные немцы, – единственные хорошие работники в городе. В особенно плачевном состоянии были водопроводы, очень долго не чищенные, так что первое время вся грязь подымалась кверху и наводняла весь дом невероятным запахом, но это скоро было исправлено, и в обоих домах были поставлены ванны» (Мельник Т.Е. Указ. соч. С. 67–68). Данный факт был упомянут в Дневнике Государя за 6/19.8.1917: «Валя (Князь В.А. Долгоруков. – Ю.Ж.), комиссар и комендант отправились осматривать дома, назначенные для нас и свиты. По возвращении первого узнали, что помещения пустые, без всякой мебели, грязные и переезжать в них нельзя. Поэтому [остались] на пароходе и стали ожидать обратного привоза необходимого багажа для спанья. Поужинали, пошутили насчет удивительной неспособности людей устраивать даже помещение и легли спать рано». Несколько по-другому трактует этот эпизод А.А. Волков: «Остановились у пристани и стали собираться к переезду в губернаторский дом. Макаров и Вершинин сказали мне, что надо осмотреть прежде самый дом. После осмотра я предложил повременить с переездом и прежде отремонтировать дом, который оказался довольно грязен. Макаров со мной согласился. Когда мы вернулись на пароход, я рассказал о результатах осмотра Государю и Государыне. Они согласились остаться на пароходе до окончания ремонта» (Волков А.А. Указ. соч., с. 77).] и им пришлось несколько дней пробыть (прожить. – Ю.Ж.) на пароходе. Пользуясь неожиданной остановкой (вынужденной задержкой. – Ю.Ж.) вежливые и услужливые уполномоченные Временного правительства устроили [для Царской Семьи] увеселительную прогулку в Абалакский монастырь [286 - Описывая «увеселительную прогулку» в Абалакский монастырь и совершенное в нем «специальное богослужение», П.З. Ермаков практически дословно приводит выдержку из книги П.М. Быкова «Последние дни Романовых», в которой приведен данный эпизод. Однако это якобы имевшее место событие является не фантазией автора вышеупомянутой книги, а не чем иным, как выдумкой бывшего члена Президиума Тобольского совдепа И.Я. Коганицкого, который упоминает о нем в своих воспоминаниях, опубликованных на страницах журнала «Пролетарская Революция» еще в 1922 г. (весьма примечательно то обстоятельство, что как в этом,

так и во всех последующих случаях использования П.М. Быковым воспоминаний И.Я. Коганицкого, он никогда не делал каких-либо ссылок на использовавшийся им источник): «Наступил долгожданный день, – на рейде остановились пароходы с прибывшими. Не подходя к пристани, они постояли около суток и удалились. Стало известно, что “они соблаговолили поехать в Абалакский монастырь, в 25 верстах от Тобольска, чтобы отслужить молебен и приложиться к чудотворной Абалакской иконе”» (Коганицкий И.Я. 1917–1918 гг. в Тобольске – Николай Романов – Гермогеновщина // Пролетарская Революция. 1922. № 4. С. 12. Используя воспоминания И.Я. Коганицкого, П.М. Быков заимствует из них «прогулочный» эпизод, который после его «художественной» обработки приобретает несколько другой вид и обрастает некоторыми дополнительными «подробностями». Вероятнее всего, поводом для подобных инсинуаций большевистских «историков» И.Я. Коганицкого и П.М. Быкова послужили дневные прогулки Царской Семьи, совершаемые ими вдоль берегов Иртыша 8/21, 9/22, 11/24 и 12/25 августа 1917 г. В дополнение к сказанному не лишним было бы подчеркнуть максимальную удаленность прогулочных маршрутов Царской Семьи от городской черты. Согласно установленным фактам, таковая не превышала 10 верст, в то время как Абалакский мужской монастырь находился приблизительно в 30 верстах от Тобольска.), находящийся вверх по реке, немного выше Тобольска. Здесь для [Царской] семьи служили специальное богослужение на котором она присутствовала, окруженная плачущими и вздыхающими богомольцами.

Только 26 августа [287 - Дата указана по н. ст. (13/26.8.1917).] началась выгрузка на берег [288 - В оригинале рукописи на этой фразе заканчивается страница 56, дублирующая своей нумерацией предыдущую, ввиду ошибки П.З. Ермакова. Для того чтобы в дальнейшем не создавать путаницы, автор настоящего издания считает возможным обозначить ее как страницу 56 (1).].

(...) [289 - В оригинале рукописи нумерация двух последних страниц не нарушена и представлена в соответствующем виде. Однако страница 57 практически повторяет по смыслу страницу 56 (1) и выглядит в оригинале следующим образом: «К Тобольску пароходы прибыли вечером 19 августа 1917 г. Помещение для бывшего царя [и] их приближенных было неподготовлено в[в]иду ремонта. Временное правительство и здесь проявило заботу [об] их удобств[е]. Семье пришлось пробыть несколько дней на пароходе. продолжен[ие] на 58». Страница 58 также практически дублирует по смыслу страницу 56 и выглядит в оригинале следующим образом: «Пользуясь неожиданной остановкой, вежливые уполномоченные Временного Правительства устроили увесилительную прогулку. [Они] решили, чтоб Царская семья побывала [в] монастыре находяще[м]ся вверх по реке, немного выше Тобольска. Здесь для семьи [от]служили специальное богослужение [а затем] пароход снова возвратился в тобольск [где] 26 августа и началас[ь] выгрузка на берег».]

Тобольск – старинный город Западной Сибири. [С] давних пор [он] служил одним из таких отдаленных мест, куда русские цари ссылали представителей рабочего

класса [и] где были суровые каторжные тюрьмы в которых содержались политические [о]сужденные по указу Его величества. Временное правительство было настолько [с]нисходительно и благосклонно ко всем царствующим Романовым [и] даже проявляли особую заботу [по] их содержани[ю]. Для них был особый дом выделен – бывший губернаторский дом [290 - Губернаторский дом был бывшей резиденцией последнего Тобольского губернатора Н.А. Ордовского-Танаевского, назначенного на эту должность в 1915 г.] [располагавшийся] на улице Свободы, ныне получивший такое название после переворота [291 - До Февральской смуты 1917 г. улица, на которой располагался дом губернатора, называлась Дворянской, после чего она была переименована в улицу Свободы. В соответствии с этим губернаторский дом также стал называться «Домом Свободы». Любопытно также отметить, что таблички с новым названием этой улицы появились на ней именно в день приезда в Тобольск Царской Семьи, то есть 6/19 августа 1917 г.]. Прибывшие с ними [все] остальные [лица] были размещены [в] другом доме напротив, в бывшем доме купца Корнилова [292 - В обширной литературе, посвященной Царской Семье, упоминается дом «купца Корнилова». Это неверно, так как В.М. Корнилов никогда не состоял в Купеческой гильдии, а являлся одним из самых крупных тобольских рыбопромышленников и торговцев.] [293 - Дом В.М. Корнилова был хоть и меньше губернаторского, но тоже сравнительно большой и просторный. В отличие от дома, занимаемого Царской Семьей, он не имел коридорной системы и состоял из 17 комнат, расположенных на его 2-х этажах. Фасад дома, выкрашенный в розовый цвет, был украшен различными украшениями и завитками, используемыми в различных архитектурных стилях. Вот как описывает этот дом Т.Е. Мельник-Боткина: «Корниловский дом был довольно большой, в два этажа, нелепо построенный, с мраморной лестницей и украшениями на деревянных крашенных потолках, изображавшими лепку. В верхнем этаже помещались: генерал Татищев, Екатерина Адольфовна Шнейдер, графиня Гендрикова, мистер Гиббс, князь Долгоруков, доктор Деревенко с семьей и три горничные. Внизу была офицерская столовая и буфет, комната в которой происходили заседания Отрядного Комитета и комнаты, где жили: мой отец, комиссар Панкратов, его помощник Никольский и прапорщик Зима. В подвальном этаже помещалась прислуга и 8 человек стрелковой охраны. Мой отец имел две комнаты, из которых одна – большая, светлая, с окном на дом Их Величеств была предоставлена мне, а в другой, меньшей и проходной, где двери никогда не запирались и через которую по утрам ходило мыться в ванную все население нижнего этажа и целый день пробегал к себе в комнату прапорщик Никольский, поместился мой отец с младшим братом Глебом» (Мельник Т.Е. Указ. соч. С. 69–70).].

В первый ден[ь] прибывания (пребывания. – Ю.Ж.) [Царской] семьи [в] Тобольске произошел инцидент [294 - Описание этого «инцидента» появилось в книге П.М. Быкова «Последние дни Романовых» благодаря воспоминаниям бывшего Фельдфебеля П.М. Матвеева (позднее произведенного в Прапорщики), который

рассказал о таком на страницах своих воспоминаний (см. примечание 50). В свою очередь, используя книгу П.М. Быкова, П.З. Ермаков позаимствовал из нее рассказ о таком и перенес его на страницы своей рукописи. Однако сам факт этого «инцидента» как такового, видится, скорее всего, плодом воображения П.М. Матвеева, написавшего свои воспоминания годы спустя, ибо если бы подобный имел место в реальной действительности, то он просто не мог бы быть не упомянут в воспоминаниях участников тех событий. Эту же самую точку зрения разделяет и историк С.П. Мельгунов, который в своей книге «Судьба Императора Николая II после отречения» пишет следующее: «Откуда заимствовал Быков эти данные, совершенно не соответствующие реальности? Можно думать, из неизданной рукописи одного из солдат охраны – Матвеева, принадлежавшего к кадрам 2-го полка и сделавшегося «офицером» после октябрьского переворота (Царское Село – Тобольск – Екатеринбург). Нигде подтверждения таких требований со стороны охраны не имеется. Вероятно, в восприятии большевика Матвеева эти требования появились задним числом – в доказательство революционного сознания охраны. Какую инструкцию получили правительственные комиссары, мы не знаем. Дочь Боткина утверждает со слов отца, что дело ограничилось «устным постановлением», что было довольно естественно при спешке, которой сопровождался выезд из Царского» (Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 213–214).]. [Из-за него] сразу же обострил[и]сь отношения между охраной и заключенными, [а также] сопровождающими [Царскую Семью] представител[ями] Временного правительств[а] – Вершининым и Макаровым. Они позволили всей семье Романовых уйти без охраны в следующий дом Корнилова и разрешили [Им] свободную прогулку. Хотя [и] представители Временного правительства [все же] решались доказывать [правомерность своих действий, ссылаясь] на [имевшуюся у них] инструкцию, которую им вручило [Временное] правительство...

Сущность [этой] инструкции сводилась к охране семьи Романовых, исключительно лишь[ь] в целях их личной безопасности, а не как арестованных. Среди солдат охраны это вызывало сильное недовольство [в результате чего] вынесено было постановление – с инструкцией Временного правительства не считаться, а [его] представителям – Макарову и Вершинину было предложено заключить Николая Романова под строгий надзор охраны, для чего кругом дома и внутри поставить часовых, [а] ночью выставлять добавочные посты для обхода прилегающих у (к. – Ю.Ж.) губернаторскому дому улиц. Кроме того, [было решено] построить высокий забор около дома и огородить [то] место, куда Николай и Его семья могут выходить два раза в день [согласно] расписания от 10 [-ти час.] до 12 [-ти час.] и от 2-х [час.] до 4 [-х час.]. Далее постановлено было предоставить Романовым право раз в неделю посещать под канвоем церковь, под названием Покрова Богородицы, расположенную вблизи дома. Перепугавшие[ся] представители Временного правительства разрешили приступить к постройке забора и выстави[ть] наружные караулы. Характерно, что Вершинин и Макаров после вынесения решения караула о принятии мер [по] охране Романовых, пробыв в

Тобольске еще два или три дня, уехали обратно в Петроград [295 - В.А. Вершинин и П.М. Макаров выехали из Тобольска 14/27 августа 1917 г. и 21 августа/3 сентября доложили Временному Правительству о выполнении своей миссии.]. Не лутше, вскоре после их от[ъ]езда, прибыл в отряд новый (вновь. – Ю.Ж.) назначенный комиссар Временного правительства – эсер Панкратов [296 - Василий Семенович Панкратов (1864–1925) происходил из крестьян. Прибыв на заработки в Санкт-Петербург в 1880 г., он поступил на завод Семенникова, где освоил специальность токаря-металлиста. Приблизительно с 1881 г. В.С. Панкратов начинает посещать народовольческие кружки и проникается идеей «Народной воли». Оставив работу на заводе, В.С. Панкратов вскоре переходит на нелегальное положение и уезжает в Киев. Однако о месте его нового пребывания вскоре становится известно полиции, и он вынужден покинуть город и переехать в Харьков. Вскоре и Харьков становится для него ненадежным пристанищем, вследствие чего В.С. Панкратов перебирается в глубь Юга России, попеременно проживая в Одессе, Севастополе, Ростове-на-Дону и вновь в Киеве. Занимаясь революционной работой на Украине и к Крыму, В.С. Панкратов неоднократно наведывается в Москву и даже посещает Санкт-Петербург, где поддерживает активную связь с местными народовольцами и другими нелегалами. В один из таких приездов, происходивших в апреле 1884 г., В.С. Панкратов оказал вооруженное сопротивление одному из чинов жандармерии, которого смертельно ранил за предпринятую им попытку ареста его спутницы – нелегалки Кранцфельд. Используя создавшуюся ситуацию, Кранцфельд удалось бежать, а В.С. Панкратов был арестован. За убийство жандарма В.С. Панкратов был осужден и приговорен к одиночному заключению сроком на 20 лет. Первые 14 лет этого наказания В.С. Панкратов отбывал в Шлиссельбургском тюремном замке, где его камера, на протяжении всех этих лет, соседствовала с одиночкой В.Н. Фигнер, отбывавшей подобный срок за участие в покушениях на Императора Александра II и другие преступления. Именно В.Н. Фигнер в своих воспоминаниях «Когда часы жизни остановились» характеризует В.С. Панкрата как человека, оставшегося несломленным в тюремных условиях. Находясь в заточении, В.С. Панкратов снискал себе славу непримиримого борца с Самодержавием и, по мнению тюремного начальства, относился к числу так называемых «протестантов». Так, например, благодаря его настойчивым протестам заключенные Шлиссельбургской крепости стали получать книги для чтения, что дало возможность некоторым из них заняться самообразованием. За те долгие годы, которые В.С. Панкратову довелось провести в тюрьме, он полностью завершил свое самообразование и всерьез заинтересовался геологией, сыгравшей в его последующей жизни немалую роль. Несмотря на то, что В.С. Панкратов относился к числу так называемых «протестантов», тюремные власти все же сочли возможным ходатайствовать о его досрочном освобождении. Ходатайство удовлетворили, и в 1898 г. В.С. Панкратов вышел на свободу, проведя в Шлиссельбургском тюремном замке долгих 14 лет своей жизни. Оставшийся срок своего наказания В.С. Панкратов должен был отбывать в ссылке, местом которой ему был назначен далекий Вилуйск, в котором

он был доставлен под конвоем в феврале 1899 г. Якутская ссылка и оторванность от России не только не сломила воли В.С. Панкратова, но и заставила с еще большей энергией продолжать свою революционную деятельность. Именно там он знакомится со многими ссыльными революционерами и их семьями, дружба с которыми свяжет его на многие годы. В числе новых друзей, появившихся у В.С. Панкратова за годы ссылки, был В.А. Никольский, с семьей которого его связывали наиболее близкие отношения. Будучи в Якутии, В.С. Панкратов принимает самое деятельное участие в организации различной помощи ссыльным, а также способствует побегу некоторых из них. Отбыв срок наказания, В.С. Панкратов в 1904 г. возвращается в Москву, где почти сразу же оказывается в самой гуще событий 1905 г. В кипящей страстями Москве он довольно быстро находит общий язык с самыми разными представителями новых политических партий и всевозможных политических организаций. Разобравшись в политической обстановке, В.С. Панкратов активно включается в революционную борьбу и в декабре 1905 г. участвует в Московском вооруженном восстании. После разгрома восставших В.С. Панкратов вновь переходит на нелегальное положение и помогает спастись от расправы ушедшим в подполье товарищам. Прекрасно понимая, что его «декабрьские деяния» не составляют секрета для полиции, он решает уехать в глубь России, чтобы лишний раз не испытывать судьбу. С этой целью В.С. Панкратов уезжает в Сибирь с первой, подвернувшейся под руку научной экспедицией, место в которой ему обеспечили полученные в тюрьме знания по геологии и опыт человека, хорошо знавшего Якутию. Годы реакции В.С. Панкратов проводит в научных экспедициях по Сибири и Забайкалью, однако в 1907 г. все же арестовывается и вновь водворяется к месту своей прежней ссылки. Оказавшись в Якутии, он продолжает активно участвовать в научной работе геолого-разведывательных экспедиций, вместе с которыми он исследует Алдано-Нельканский тракт и Вилюйскую низменность. Уйдя с головой в научные изыскания, В.С. Панкратов к концу своей ссылки практически начисто отходит от какой-либо революционной работы, найдя себя в труде ученого-геолога. В 1912 г. В.С. Панкратов возвращается в Санкт-Петербург, где продолжает заниматься научной деятельностью, благодаря самым лестным рекомендациям работавших с ним ученых. Благодаря таковым, В.С. Панкратов, даже находясь под гласным надзором полиции, несколько раз выезжает за границу, где продолжает совершенствовать свои знания в области геологии. Однако события Февраля 1917 г. нарушили привычный уклад жизни В.С. Панкратова. Поддавшись революционной стихии, он вновь был вовлечен в политическую деятельность, избрав для себя путь социал-революционера. В первые дни Февральской смуты он выдвигается на пост Председателя Совета Василеостровской Народной Милиции, однако уже в июне 1917 г. переходит на работу в штаб Петроградского Военного Округа. Верный традициям «Народной Воли», В.С. Панкратов вновь посвящает себя служению народу, избрав сферой своей деятельности культурно-просветительную работу среди солдат Петроградского гарнизона. Подобрал необходимый штат из опытных

педагогов и старых народовольцев, он день и ночь разъезжал по различным воинским частям, донося до солдатских масс идеалы «Народной Воли», искренне считая, что только «...такой работой можно поднимать развитие солдат». В июле 1917 г. В.С. Панкратов попадает в Дополнительный список членов Учредительного собрания, выдвинутых партией социал-революционеров по Якутскому Избирательному Округу. По возвращении в Петроград В.А. Вершинина и П.М. Макарова перед Временным Правительством наиболее остро встает вопрос о командировании своего представителя в Тобольск в качестве «Комиссара по охране бывшего царя». С подобным предложением выступали также и местные власти в лице Тобольского губернского комиссара В.Н. Пигнатти, который в одном из своих писем к А.Ф. Керенскому писал: «Я считаю необходимым дачу Временным правительством кому-либо в городе Тобольске особых полномочий, или командирование в Тобольск особого лица с полномочиями, для постоянного жительства. Противное положение может поставить и невозможность исполнять Ваши приказы... Для переписки по делам бывшей Царской семьи необходимо, чтобы лицо, уполномоченное, имело особый шифр» (ГАРФ. Ф. 1778, оп. 1, д. 259, л. 2). В создавшейся ситуации подобным лицом мог быть человек не только исключительной надежности, но и хорошо знакомый с местными условиями жизни. Исходя из этих соображений лучшего кандидата, чем В.С. Панкратов, нельзя было и пожелать, поэтому именно к нему (по рекомендации ЦК партии социал-революционеров) Временное Правительство обратилось с подобной просьбой. Не желая бросать начатое дело, В.С. Панкратов поначалу отказывался, но при повторном давлении со стороны начальника Петроградского Военного Округа О.П. Васильковского и его помощника А.И. Кузьмина был вынужден пообещать подумать над их предложением. Помимо них, на поездке В.С. Панкратова настаивал и почетный член партии эсеров – Е.К. Брешко-Брешковская (Вериги), хорошо знавшая его по Якутской ссылке. Напутствуя его при личной встрече, она сказала: «Тебе необходимо ехать, – говорила она, – кому же больше? Ты сам много испытал и сумеешь выполнить задачу с достоинством и благородно. Это – обязанность перед всей страной, перед Учредительным собранием» (Панкратов В.С. С царем в Тобольске. Л., 1925. С. 12). Через несколько дней после встречи с Е.К. Брешко-Брешковской В.С. Панкратов был дважды принят А.Ф. Керенским, в разговорах с которым обсуждал вопросы, связанные со своим предстоящим назначением, над которым также обещал подумать. Свое окончательное согласие на эту поездку В.С. Панкратов дал только после Московского совещания партии социал-революционеров, результатом чего явилась еще одна встреча с А.Ф. Керенским, происходившая 21 августа / 3 сентября 1917 г. Помимо упомянутых свиданий, В.С. Панкратов в этот же день имел встречу с возвратившимся из Тобольска П.М. Макаровым, который поделился с ним своими наблюдениями. После разговора с П.М. Макаровым В.С. Панкратов получил в Секретариате Временного Правительства необходимые документы, один из которых представлял собой удостоверение следующего содержания: «Временное Правительство Г. Петроград №

301921 августа 1917 г. Настоящим удостоверяется, что предьявитель сего Василий Семенович Панкратов 21 августа 1917 г. назначен комиссаром по охране бывшего царя Николая Александровича Романова, находящегося в Тобольске, и его семейства. Министр председатель (подпись Керенского) Печать Временного Правительства». (Там же. С. 16) Взяв с собой в качестве своего заместителя упомянутого выше В.А. Никольского, а также одного солдата, В.С. Панкратов 23 августа/ 5 сентября выехал в Тобольск, куда и прибыл 1/14 сентября 1917 г.]

С 1-го сентября 1917 г. вся охрана перешла в его ведение. Ему же подчинился и полковник Кобылинский. Характерно [то, что] свою роль комиссара Панкратов понимал довольно своеобразно. В этом отношении очень характерна его первая встреча с царской семьей, им лично описанная.

«2 сентября [297 - Дата указана по ст. ст. (2/15.09.1917 г.)] я отправился в губернаторский дом. Не желая нарушать приличия, я заявил камердинеру бывшего царя, чтобы он сообщил о моем прибытии и что я желаю видеть бывшего царя. Мы встретилис[ь]. Здравствуйт[е] сказал Николая, протягивая мне руку. Благополучно доехали?» [298 - Весьма вольная трактовка отрывка из книги П.М. Быкова «Последние дни Романовых», где таковой приводится со ссылкой на первоисточник, – воспоминания В.С. Панкратова «С царем в Тобольске», опубликованные на с. 199–200 альманаха «Былое» за № 25, изданного в 1924 г. Однако Быков не только значительно сокращает данный отрывок, но и позволяет себе недопустимые «вольности», сокращая и опуская в нем некоторые слова, а также используя авторские вставки без каких-либо дополнительных пояснений, выдавая их тем самым за текст первоисточника. С целью восстановления истины автор данного издания считает необходимым воспроизвести этот отрывок в его изначальном виде, передав его в точном соответствии с указанным первоисточником: «2 сентября я (В.С. Панкратов. – Ю.Ж.) отправился в губернаторский дом. Не желая нарушать приличия, я заявил камердинеру бывшего царя, чтобы он сообщил о моем прибытии и что я желаю видеть бывшего царя. – Здравствуйте, – сказал Николай Александрович, протягивая мне руку. – Благополучно доехали? – Благодарю вас, хорошо – ответил я, протягивая свою руку. – Как здоровье Александра Федоровича Керенского? – спросил бывший царь. В этом вопросе звучала какая-то неподдельная искренность, соединенная с симпатией, и даже признательность. Я ответил на этот вопрос коротким ответом и спросил о здоровье бывшего царя и всей его семьи. – Ничего, слава богу, – ответил он, улыбаясь. [Начиная со следующего предложения и до места, отмеченного в тексте*, авторский текст Панкратова опущен.] Надо заметить, что бывший царь во все время нашей беседы улыбался. – Как вы устроились и расположились? – Недурно, хотя и есть некоторые неудобства, но все-таки недурно, – ответил бывший царь. – Почему нас не пускают в церковь, на прогулку по городу? Неужели боятся, что я убегу? Я никогда не оставлю свою семью. – Я полагаю, что такая попытка только ухудшила бы ваше положение и положение вашей семьи, – ответил я. – В церковь водить вас

будет возможно. На это у меня имеется разрешение, что же касается гулянья по городу, то пока это вряд ли возможно.— Почему? – спросил Николай Александрович.— Для этого у меня нет полномочия, а впоследствии будет видно. Надо выяснить окружающие условия. Бывший царь выразил недоумение. Он не понял, что я понимаю под окружающими условиями. Он понял их в смысле изоляции – и только*. Не можете ли вы разрешить мне пилить дрова? – вдруг заявил он. – Я люблю такую работу.— Быть может, желаете столярную мастерскую иметь? Эта работа интереснее, – предложил я.— Нет, такой работы я не люблю, прикажите лучше привезти к нам на двор лесу и дать пилу, – возразил Николай Александрович. [Двуручная пила, которой Государь пилил дрова во время Своего тобольского заточения, а также венский стул, на котором любила сидеть Государыня, находясь на балконе Губернаторского дома, были сохранены П.И. Печекосом и до 1934 г. находились в Москве, где он в то время работал инженером-строителем. Изъяты органами НКВД в ходе следствия по делу о так называемых «Романовских ценностях» – Агентурно-следственное дело № 2094 ЭКО УНКВД по Свердловской области. – Ю.Ж.]— Завтра же все это будет сделано.— Могу ли я переписываться с родными?— Конечно. Имеются ли у вас книги?— Даже много, но почему-то иностранные журналы мы не получаем, – разве это запрещено нам?— Это, вероятно, по вине почты. Я наведу справки. Во всяком случае, ваши газеты и журналы не будут задерживаться. [Начиная со следующего предложения и до места, отмеченного в тексте *, авторский текст Панкратова был опущен.] Я желал бы познакомиться с вашей семьей, – заявил я.— Пожалуйста, извиняюсь, я сейчас, – ответил бывший царь, выходя из кабинета, оставив меня одного на несколько минут. Кабинет бывшего царя представлял собой прилично обставленную комнату, устланную ковром; два стола: один письменный стол с книгами и бумагами, другой – простой, на котором лежало с десятков карманных часов и различных размеров трубки; по стенам – несколько картин, на окнах – портьеры. [Кабинет Государя находился на 2-м этаже губернаторского дома, отведенного под покои Царской Семьи.] «Каково-то самочувствие бывшего самодержца, властелина громаднейшего государства, неограниченного царя в этой новой обстановке?» – невольно подумал я. При встрече он так хорошо владел собою, как будто бы эта новая обстановка не чувствовалась им остро, не представлялась сопряженной с громадными лишениями и ограничениями. Да, судьба людей – загадка. Но кто виноват в переменах ее?.. Мысли бессвязно сменялись одна другою и настраивали меня на какой-то особый лад, вероятно, как и всякого, кому приходилось быть в совершенно новой для него роли.— Пожалуйста, господин комиссар, – сказал снова появившийся Николай Александрович. Вхожу в большой зал и к ужасу своему вижу такую картину: вся семья бывшего царя выстроилась в стройную шеренгу, руки по швам: ближе всего к входу в зал стояла Александра Федоровна, рядом с нею Алексей, затем княжны. «Что это? – мелькнуло у меня в голове и на мгновение привело в смущение. – Ведь так выстраивают содержащихся в тюрьме при обходе начальства». Но я тотчас же отогнал эту мысль и стал здороваться. Бывшая царица и ее дети кратко

отвечали на мое приветствие и на все вопросы. Александра Федоровна произносила русские слова с сильным акцентом, и было заметно, что русский язык, практически, ей плохо давался. Все же дети отлично говорили по-русски.– Как ваше здоровье, Алексей Николаевич? – обратился я к бывшему наследнику.– Хорошо, благодарю вас.– Вы в Сибири еще никогда не бывали? – обратился я к дочерям бывшего царя и получил отрицательный ответ.– Не так она страшна, как многие о ней рассказывают. Климат здесь хороший, погода чудесная, – вмешался Николай Александрович, – почти все время стоят солнечные дни.– Чего не достает Петербургу.– Да, климат Петербурга мог бы позавидовать тобольскому, – добавил бывший царь*. Не будет ли зимою здесь холодно жить? Зал большой.– Надо постараться, чтобы этого не было. Придется все печи осмотреть, исправить. А топлива здесь достаточно, – ответил я [Начиная со следующих слов и до места, отмеченного в тексте *, авторский текст В.С. Панкратова был опущен], других подходящих помещений в городе нет.– Имеются ли у вас книги? – спросил я княжон.– Мы привезли свою библиотеку, – ответила одна из них*.– Если у вас будут какие-то заявления, прошу обращаться ко мне, – сказал я уходя.]

Любезный комиссар Панкратов любезно благодарит Никалая [и] отвеча[ет] [что] хорошо доехал, протягивая свою руку.

Никалай так [же] любезно разговорился [с] Панкратовым [и] прежде всего спросил [его] как здоровье Александра Федоровича Керенского, – Панкратов [впоследствии] напишет об этом Керенскому, – [и] в этом вопросе [у Него] звучала какая-то неподдельная искренность, соединенная с симпатией [и] даже признательностью. А [В.С. Панкратов] в свою очередь[ь] спросил о здоровье Его и всей Его семьи. Ничего, слава богу, ответил он [Николай П. – Ю.Ж.]. Как све (все. – Ю.Ж.) это кажется странно, что может [быть] общего у «революционера» и бывшего царя.

Далее разговор был о (у. – Ю.Ж.) них по видимому [в таком же] любезно[м] [ключе], что по документам видно. Шел [также] вопрос [и] о переписке с родными. Панкратов отвечает [что] все будет исполнено. Никалай [также] просил [его] чтобы ему высылали иностранные журналы [так как с их пересылкой] была задержка. Панкратов взял [и эту] заботу [на себя, и также обещал] навести порядок [в регулярном] получении [журналов]. Заботливость и предупредительность, проявленная новым комиссаром в первой [же] встрече, не была случайной. Такое отношение к заключенным стояло в полном соответствии и с инструкцией Временного правительства. Надо отметить, что комиссар Панкратов добросовестно проводил директивы своего коллеги по партии – Керенского, [что] даже можно видеть из документов [299 - П.З. Ермаков имеет в виду Инструкцию Временного Правительства от 21 августа 1917 г., выданную В.С. Панкратову на руки перед его отъездом в Тобольск.]. Он далеко опередил последнего в лакейской предупредительности и услужливости, так что трудно было отличить в нем комиссара Временного правительства от старшего дворецкого, как слуги [или] приближенн[ого].

[В] одном из дневников приближенной фрейлины [300 - В данном случае речь идет не об «одном из дневников приближенной фрейлины», а о выдержке из Протокола допроса Е.Н. Эрсберг, позаимствованной П.М. Быковым со с. 32 книги Н.А. Соколова «Убийство Царской Семьи» (Берлин, 1925), в которой она выглядит следующим образом: «Эрсберг: Панкратов был хороший, честный, добрый человек. Он хорошо в душе относился к Ним и, как заметно было, жалел Их. Особенно он любил Марию Николаевну. Однажды Она зашибла себе глаз: упала. Он, услышав об этом сейчас же прибежал и заметно беспокоился из-за этого. Так же он относился и к болезням Алексея Николаевича. Он и к Государю относился внимательно. Иногда он приходил к нам и любил рассказывать Княжнам и Алексею Николаевичу о своей ссылке в Сибири. Они любили его слушать».] записано о нем – Панкратове, какой он человек добрый и сердечный [и] как он хорошо относился к семье, [и] как заметно было [что он] жалел их. Особенно он любил Марию Николаевну. Однажды она зашибла себе глаз [так как] упала, [а] он услышав об этом сейчас же прибежал [к Ней] и заметно беспокоился из-за этого [проишествия]. Так же он относился [к] Алексею и Государю. [То, что он] относился внимательно [ко всем членам Семьи бывшего Императора] дале[e] записано [с ее слов]: «Иногда он приходил к нам и любил рассказывать княжнам и Алексею Николаевичу о своей с[с]ылке в Сибирь. Они любили его слушать».

Какие благодетели [эти] эсеры оказались, чудно [даже было] [по]думать!

Один из солдат охраны свидетельствует об этом благополучии: «Все продукты для Романовых закупались на базаре. В тех же случаях, когда на базаре каких-либо продуктов не имелось, то это с избытком пополнялось приношени[ями] монашенок и другими сострадальцами. Приношений было много [и] разного ассортимента – сахар[a], масла, яиц и проч[ей] снеди. За эти приношения об уплате не могло быть и речи» [301 - Речь идет об отрывке из воспоминаний П.М. Матвеева «Царское Село – Тобольск – Екатеринбург», приведенном в книге П.М. Быкова «Последние дни Романовых», который в первоисточнике выглядел следующим образом: «Все продукты для Романовых закупались на базаре. В тех же случаях, когда на базаре каких-либо продуктов не имелось, как например, сахару, то это с избытком пополнялось приношениями монашек окрестных монастырей. За честь выпить стакан кофе на кухне бывшего царя эти чернохвостницы из отдаленных монастырей приносили Романовым в неисчислимом количестве свои подарки в виде сахара, масла, сливок, яиц и проч. снеди; об уплате за эти продукты не могло быть и речи».].

Не забывали Романовых и их друзья, оставшиеся на свободе, [которые] присылали им регулярно деньги и разного рода посылки. Их друг Вырубова в одном письме писала: «Не беспокойтес[ь], посылаю макарены, колбасу, кофе, посылаю муки». Все это привозилось курьерской связью через Лошкаревых и Краруп и ряд других [302 - Весьма вольная трактовка отрывка из книги П.М. Быкова «Последние дни Романовых», в которой приводятся выдержки из писем А.А. Вырубовой со ссылкой на источник – с. 162 «Записок А.А. Вырубовой»: «Поддерживая тесную связь со

своими “друзьями”, Романовы в свою очередь, не забывали их. В переписке между Александрой и Вырубовой почти в каждом письме встречаем: “Посылаю макаронны, колбасу, кофе – хотя и пост теперь”. Посылаю еще муки; надеюсь съедобное, которое я посылаю тебе через Лошкаревых и Краруп... и т. д.» (Быков П.М. Указ. соч. С. 42).]. Это показывает, что связ[ь] семьи с центром, куда ездили специальные курьеры-добровольцы, отвозившие почту и посылки, был[а] весьма хорошо налажена.

Николай жил неплохо в Тобольске. Ему комиссар не в чем не отказывал, [в]плоть до выдачи водки за обедом и ужином [303 - Однако подобные заявления в отношении Государя не имели на деле ничего общего с реальной действительностью и явились наглой инсинуацией, выгодной большевистскому режиму в пропагандистских целях. Разговоры о чрезмерном пристрастии Государя к спиртным напиткам стали распространяться в России еще в годы его Царствования. Большинство таковых стало рождаться благодаря аналогичным слухам об его отце – Императоре Александре III, преждевременную смерть которого зачастую связывали не с ее истинной причиной – нефритом, а со злоупотреблением спиртными напитками. Нефрит у Императора осложнился после простуды (инфлюэнцы), которую он перенес в январе 1894 г. Заболевание инфлюэнцей спровоцировало, в свою очередь, вспышку застарелого нефрита, вероятнее всего, возникшего у него вследствие сильного ушиба поясничной области, произошедшего 17/30 октября 1988 г. во время крушения Царского поезда близ ст. «Борки» (местечко Спасов Скит). Отправившись в Крым по рекомендации врачей в сентябре 1894 г., Александр III поселился в Ливадии, где первое время чувствовал себя несколько лучше. Однако к концу октября приступы болезни значительно участились, и состояние больного резко ухудшилось и днем 20 октября / 2 ноября 1894 г. он скончался. Подобная ложь, проникшая в сознание наиболее реакционно настроенных представителей различных слоев общества, в конечном итоге была воспринята ими за правду и представляла собой уже своего рода «общественное мнение», подогревая которое, враждебные Самодержавию силы искусственно раздували всевозможные слухи о пьянствах обоих Государей, подкрепляя их всякого рода «дешевой» литературой. Ярчайшим образцом последней может служить книга «Последний самодержец», выпущенная «анонимным» автором накануне 300-летия Российского Императорского Дома Романовых в 1913 г. Она отличалась от них своим дерзким и на редкость крамольным содержанием. Несмотря на незначительный тираж (всего 500 экземпляров), она сразу же приковала к себе пристальное внимание. Насквозь пропитанная ложью и оголтелой ненавистью к российскому самодержавию, эта книга, выражаясь языком современности, была тем самым идеологическим оружием, на которое сразу же начали делать ставку крайне левые силы, а также близкие к ним по духу элементы. Независимо от этого данное издание существенно подрывало престиж Царствующего дома, роняя его в глазах отдельно взятых представителей мировой

общественности накануне Торжеств, связанных с 300-летием Российского Императора Дома Романовых. Учитывая эти обстоятельства, Министерство Императорского Двора и Уделов пошло на беспрецедентный шаг: часть тиража, поступившая в открытую продажу, была им полностью скуплена. Имя автора этого издания выяснилось сразу же после Февральской смуты, когда оно появилось в его воспоминаниях, содержащих отрывки из этой книги (См.: Обнинский В.П. Девяносто дней одиночного заключения (тюремные записки). М., 1917. В 1917 г. отрывки из книги «Последний самодержец» появились в журнале «Голос минувшего» и сборнике «Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования»). Приблизительно в это же время началась и ее публикация, задуманная отдельными выпусками в виде брошюр. Однако из планируемых 40 или 50 таковых увидело свет не более 5, ставших почти сразу же библиографической редкостью: Николай II – последний самодержец. Вып. 1–5. Пгр., 1917. Автором этой книги является В.П. Обнинский, ударившийся в публицистику из-за неудачно сложившейся жизни. В молодые годы В.П. Обнинский служил офицером в одном из лейб-гвардейских полков, расквартированных в Царском Селе. Находясь на службе, В.П. Обнинский готовил себя к карьере военного юриста, но после единственной неудачной попытки поступить в Александровскую Военно-Юридическую Академию решил выйти в отставку. Не скрывая своей обиды, он поступает на службу в Министерство Путей Сообщения, где некоторое время работает рядовым статистиком. Однако вскоре, будучи непонятым и на этом поприще, он навсегда покидает государственную службу и устраивается конторским служащим на частный элеватор. Общась с самыми разнообразными людьми, большинство из которых составляли портовые рабочие, он постепенно проникся не свойственными дворянскому классу идеями, которые постепенно выводят его на скользкую дорожку «сочувствующего» вновь нарождающемуся «Союзу освобождения». После женитьбы В.П. Обнинский проживает в Новгородской, а затем в Калужской губернии, где выбирается предводителем дворянства Малоарославского уезда. Активность В.П. Обнинского не проходит незамеченной уездным земством, которое сначала выбирает его своим гласным, а затем и председателем губернской земской управы. В 1905 г. В.П. Обнинский – один из организаторов Конституционно-демократической партии, в качестве представителя которой он уже на следующий год избирается в 1-ю Государственную Думу. Будучи депутатом, В.П. Обнинский выступает сторонником так называемой радикальной аграрной реформы, однако его политические взгляды уже не вписываются в привычные рамки конституционного демократа (кадета). В отличие от своих собратьев – кадетов, симпатизирующих конституционной монархии, В.П. Обнинский являлся скорее республиканцем, выдвигающим три основные идеи: широкое самоуправление, автономия народов, демократизация политической жизни. За 72 дня существования 1-й Государственной Думы В.П. Обнинский успевае несколько отойти от кадетской фракции и примкнуть к многочисленной фракции автономистов, которую составили национальные парламентские группы –

украинская, литовская, эстонская, казачья и др. После разгона 1-й Государственной Думы В.П. Обнинский, вместе с другими кадетами, подписал так называемое «Выборгское воззвание», протестующее против произвола властей. За участие в этой акции он был осужден и просидел 3 месяца в одиночной камере. Пребывание в тюремной камере позволило В.П. Обнинскому окончательно определить направление своих жизненных интересов, заострив таковые на публицистике. Озлобленность тюремной жизнью подвела В.П. Обнинского к идее создания истории своего времени, необходимой, по его мнению, для следующего поколения даже больше, чем для современников. Не прибегая к каким-либо документам и справочным пособиям, В.П. Обнинский начал свое «камерное» творчество с изложения запомнившихся ему событий, запись которых он поначалу вел в дневниковой форме, придавая ей характер воспоминаний и размышлений. После выхода из тюрьмы одна за другой начинают появляться его первые работы, посвященные событиям 1905 г. («Полгода революции», «Летопись революции» и т. д.). В 1909 г. В.П. Обнинский выпускает свою первую «историческую» монографию-книгу «Новый строй», в которой он уже не стесняясь выступает как ярый противник монархии, описывая с очевидной лживостью так называемые «последствия антиконституционного переворота 3 июня 1907 г.», возлагая на Государя и Премьер-Министра П.А. Столыпина всю ответственность за содеянное. В канун Первой мировой войны «творческий аппетит» В.П. Обнинского заметно возрастает, что наглядно прослеживается из его статьи, посвященной роману Л.Н. Толстого «Война и мир». В этой публикации он уже открыто выступает против государственной «политики милитаризма», создавшей в России громадную армию и флот и всецело подчинившей себе «работу промышленного и научного гения». С началом войны В.П. Обнинский – фронтовой корреспондент газеты «Русские Ведомости». Итогом его поездок на Юго-Западный фронт стала не изданная до сих пор рукопись «Галицийская кампания 1914–1915 гг.», в которой он без стеснения излагает свои пораженческие настроения. Будучи отстраненным от работы корреспондента, В.П. Обнинский «соглашается» принять на себя заведование Отделом помощи военнопленным в Главном Комитете Всероссийского Земского Союза, в должности которого он не прекращает своих мелких и грязных инсинуаций, направленных теперь уже против деятельности... Государыни Императрицы Александры Федоровны, покровительствующей русским военнопленным, находящимся в Германии. Атмосфера лжи и постоянного страха, давно существовавшая в душе В.П. Обнинского, не могла не отразиться на его психике, а свойственная подобным натурам гордыня никак не могла найти себе достойного места в этой жизни... Еще будучи депутатом Государственной Думы, В.П. Обнинский любил часто цитировать слова Луция Сенеки: «Мудрец знает, когда ему умереть...» Не найдя себя как философ и социальный преобразователь, В.П. Обнинский позорно бежал... из жизни в трудный военный 1916 г. На биографии этого человека можно было бы и не останавливаться столь подробно, если бы не его книга «Последний самодержец», в предисловии к которой он

подчеркнул имеющееся в ней «достаточное количество проверенных данных». Долгие годы эти и подобные им «достоверные данные» являлись краеугольными камнями отечественной истории, «похоронившими под собой» многие из достойных имен наших соотечественников и породившие в угоду новым политическим властелинам еще большую ложь о Царствовании «Последнего Самодержца» в глазах следующих поколений, «узнавших» о нем из книг П.Е. Щеголева, П.М. Быкова, М.К. Касвинова, В.С. Пикуля и прочих фальсификаторов историографической науки. Но вернемся к самой книге. В этом гнусном пасквиле, насквозь пропитанном ложью и ненавистью ко всем членам Дома Романовых и, в первую очередь, к Его Главе – Государю Императору Николаю II Александровичу, отводится значительное место описанию его «систематического пьянства», не только в зрелые, но и в юношеские годы. Так, в частности, этот «анонимный» автор пишет, что, будучи еще Наследником Цесаревичем, Государь нередко предавался пьяному разгулу, так как «никто не вмешивался в распорядок его занятий, никто, быть может, не обращал на то внимания, что организм Николая Александровича начинал уже отравляться алкогольным ядом, что тон кожи желтел, глаза нехорошо блестели и под ними образовались уже припухлости, свойственные привычным алкоголикам» (Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерки жизни и Царствования Императора Николая II. Берлин, 1912. С. 22). Клевета, окружавшая Государя на протяжении всех лет его царствования, не могла не подкрепляться самыми «достоверными сведениями», касавшимися в особенности его «пьяных выходок». А для того чтобы не быть голословным, автор данного издания позволит себе привести еще одну выдержку из этой литературной инсинуации, которая, на его взгляд, наиболее характерно отражает то самое «общественное мнение», о котором говорилось выше: «Слухи о том, что царь сильно пьет, давно бродили по свету; но теперь, когда любой студент-медик по почерку Николая может определить отравление алкоголем, а любой кавалерийский вахмистр скажет, видя, как дрожит рука держащего поводья: “Эге, брат, выпиваешь”, теперь не скроешь своего образа жизни. Мало-помалу стеснение пропадает, привычки выносятся на улицу. И три года спустя после того, как царь плясал вприсядку, в малиновой рубашке на полковом празднике “императорских” стрелков (в присутствии солдат) он дошел до того градуса свободы, когда хочется всем демонстрировать свое душевное состояние. Одевшись солдатом, взвалив на плечи ранец и взяв ружье, Николай вышел, слегка пошатываясь, из своего крымского дворца и промаршировал десять верст, отдавая честь проходившим офицерам, испуганно оглядывавшимся на это чудо. Скандал был настолько велик, что для ликвидации его придумали новый поход, в другой уже форме, чтобы придать делу вид преднамеренности и, кстати, возбудить в армии восторг перед “до всего доходящим” царем-батюшкой. Но солдата XX века, да еще побывавшего в революционной переделке, этими наивностями не проймешь. Он очень хорошо понял, что царь, действительно, “дошел”, но не до солдатской участи, конечно, а до той грани, за которой алкоголикам чудятся зеленые змеи, пауки и другие гады. Пришлось замолчать, и

распространение фотографий и описаний подвига “самодержавнейшего” государя прекратилось. Кто знал семейную жизнь Николая, особенно в эти годы, тот не осудил бы его с общечеловеческой точки зрения. Люди запивают от меньшего горя, особенно люди неустойчивые, невежественные, ленивые по природе. Жить бок о бок с женщиной, которая от злобных выходов молодости незаметно перешла к ипохондрии и, наконец, к безумию, а в то же время рожала и кормила детей, зная свою зависимость от Азеевых и Рачковских, к которым не могло не быть презрения даже в душе дегенерата, видеть вокруг только низкопоклонные выражения лиц и быть уверенным, что, как только уйдешь из комнаты, эти лица немедленно перемигнутся и кто-нибудь постарается сострить, – такая жизнь при доминирующем чувстве безответственности и отсутствии живого интереса к большим операциям, каковыми так богата жизнь народа, должна была быстро сточить и те немногие возвышения над животным состоянием, какие свойственны самым примитивным натурам и обратить стремления организма к лицам наименьшего сопротивления. Наследственность – запой отца и злоупотребления вином и женщинами деда – помогла разгрому царского организма так же, как преемственность реакции – разгрому государственному» (Там же. С. 235–236). Ознакомившись с выдержками из вышеупомянутого пасквиля (сочиненном, кстати сказать, потомственным дворянином и бывшим офицером Лейб-Гвардии) было бы наивно думать о том, что потомственный пролетарий П.З. Ермаков (страдавший к тому же хроническим алкоголизмом) мог даже представить себе образ трезвого Государя, не требующего «выдачи водки за обедом и ужином». Возвращаясь же к разговору о моральном облике Государя, имевшем место в реальной действительности, нельзя не отметить его исключительной трезвости, о которой говорили все те, кто был с ним близко знаком. Так, например, во время различных торжеств он выпивал не более одного бокала шампанского (которого, надо сказать, не любил), а на парадных обедах, по случаю полковых праздников, – не более одной традиционной рюмки водки. За столом Государь обычно пил мало. Мог выпить за обедом одну-две рюмки водки или сливовицы. Из иностранных вин Государь предпочитал французское – «Сан-Рафаэль», но больше всего любил крымскую мадеру, которой отдавал значительное предпочтение. Однако иногда он просил подать портвейн, который, по устоявшейся привычке, выпивал также не более одного бокала. Ярким доказательством сказанному являются изданные ныне воспоминания генерала П.Г. Курлова, хорошо знавшего Государя на протяжении многих лет: «Говоря о пьянстве Государя Императора, которое, по тем же сведениям, происходило в различных гвардейских полках, я очень желал бы, чтобы мне указали хоть на одного гвардейского офицера, который был свидетелем таких кутежей. Бросалось невольно в глаза среди распускаемых в Петрограде по этому поводу слухов, что дерзавшие говорить об этом даже офицеры, бывали поставлены в безвыходное положение простым вопросом: посещал ли Государь ваш полк? – и на утвердительный ответ вторым вопросом – видели ли вы его в своем полку пьяным? Несмотря на подлость рассказчика – я не могу не назвать

этим именем клеветы против Государя со стороны гвардейского офицера – ответ на последний вопрос получался всегда отрицательный, причем смущенный клеветник добавлял: да, но это было в других полках... Начав свою службу в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку, я сохранил с ним самую тесную связь, а потому присутствовал почти на всех полковых праздниках и бывал в полковом собрании, когда Государь Император осчастливливал полк своим присутствием в других случаях. Государь засиживался иногда очень долго, слушая полковых трубачей, песенников и балалаечников. Я не только никогда не видел Его пьяным, но могу по совести утверждать, что Он просиживал долгие вечера над одним не выпитым бокалом. Ему ставили в вину эти частые посещения, и никто не понимал, что Государь всем сердцем любил свои войска, душой отдыхал среди офицеров от тягот, сопряженных с Его положением, так как в присутствии Государя в полковом собрании были, безусловно, исключены всякие политические разговоры. Я думаю, что можно покончить с мрачными клеветническими картинами. Для людей, их рисовавших, было непонятно, что, клеветая и позоря Русского Императора, они позорят Россию, представителем которой был ее Самодержец» (Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1992). Находясь в Тобольске, Государь также не отступил от своих принципов, в подтверждение чему имеется свидетельство Е.С. Кобылинского, который, будучи допрошенным следователем Н.А. Соколовым 6–10 апреля 1919 г., показал: «Вина он почти не пил. За обедом ему подавался портвейн или мадера, и он выпивал за обедом не более рюмки. Он любил простые русские блюда: борщ, щи, каша. Припоминаю, между прочим, такой случай. Он зашел однажды в погреб с винами и, увидев коньяк, сказал Рожкову, чтобы он отдал его мне: “Ты знаешь, я его не пью”. Это мне именно так и передал Рожков. И я сам никогда не видел, чтобы он пил что-либо, кроме портвейна и мадеры» (Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи. С. 308).]. Как можно видеть, в тобольской ссылке жилось не худо Романовым. В Тобольске им жилось хорошо [и] предоставлялось все необходимое. Они надеялись (пребывали. – Ю.Ж.) в надежде на освобождение, гораздо лучше (еще с большей верой. – Ю.Ж.), чем в Царском Селе.

Никалай и его семья лично и через своих приближенных проявляли большую настойчивость [в отношении не только регулярного] посещения церкви, но и прогулки по городу. Панкратов был не против, но боялся за охрану, которая враждебно к этому относилась.

Николай жил неплохо в Тобольске. Ему комиссар не в чем не отказывал, [в]плоть до выдачи водки за обедом и ужином [303 - Однако подобные заявления в отношении Государя не имели на деле ничего общего с реальной действительностью и явились наглой инсинуацией, выгодной большевистскому режиму в пропагандистских целях. Разговоры о чрезмерном пристрастии Государя к спиртным напиткам стали распространяться в России еще в годы его Царствования. Большинство таких стало рождаться благодаря аналогичным слухам об его отце –

Императоре Александре III, преждевременную смерть которого зачастую связывали не с ее истинной причиной – нефритом, а со злоупотреблением спиртными напитками. Нефрит у Императора осложнился после простуды (инфлюэнцы), которую он перенес в январе 1894 г. Заболевание инфлюэнцей спровоцировало, в свою очередь, вспышку застарелого нефрита, вероятнее всего, возникшего у него вследствие сильного ушиба поясничной области, произошедшего 17/30 октября 1888 г. во время крушения Царского поезда близ ст. «Борки» (местечко Спасов Скит). Отправившись в Крым по рекомендации врачей в сентябре 1894 г., Александр III поселился в Ливадии, где первое время чувствовал себя несколько лучше. Однако к концу октября приступы болезни значительно участились, и состояние больного резко ухудшилось и днем 20 октября / 2 ноября 1894 г. он скончался. Подобная ложь, проникшая в сознание наиболее реакционно настроенных представителей различных слоев общества, в конечном итоге была воспринята ими за правду и представляла собой уже своего рода «общественное мнение», подогревая которое, враждебные Самодержавию силы искусственно раздували всевозможные слухи о пьянствах обоих Государей, подкрепляя их всякого рода «дешевой» литературой. Ярчайшим образцом последней может служить книга «Последний самодержец», выпущенная «анонимным» автором накануне 300-летия Российского Императорского Дома Романовых в 1913 г. Она отличалась от них своим дерзким и на редкость крамольным содержанием. Несмотря на незначительный тираж (всего 500 экземпляров), она сразу же приковала к себе пристальное внимание. Насквозь пропитанная ложью и оголтелой ненавистью к российскому самодержавию, эта книга, выражаясь языком современности, была тем самым идеологическим оружием, на которое сразу же начали делать ставку крайне левые силы, а также близкие к ним по духу элементы. Независимо от этого данное издание существенно подрывало престиж Царствующего дома, роняя его в глазах отдельно взятых представителей мировой общественности накануне Торжеств, связанных с 300-летием Российского Императора Дома Романовых. Учитывая эти обстоятельства, Министерство Императорского Двора и Уделов пошло на беспрецедентный шаг: часть тиража, поступившая в открытую продажу, была им полностью скуплена. Имя автора этого издания выяснилось сразу же после Февральской смуты, когда оно появилось в его воспоминаниях, содержащих отрывки из этой книги (См.: Обнинский В.П. Девяносто дней одиночного заключения (тюремные записки). М., 1917. В 1917 г. отрывки из книги «Последний самодержец» появились в журнале «Голос минувшего» и сборнике «Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования»). Приблизительно в это же время началась и ее публикация, задуманная отдельными выпусками в виде брошюр. Однако из планируемых 40 или 50 таковых увидело свет не более 5, ставших почти сразу же библиографической редкостью: Николай II – последний самодержец. Вып. 1–5. Пгр., 1917. Автором этой книги является В.П. Обнинский, ударившийся в публицистику из-за неудачно сложившейся жизни. В молодые годы В.П. Обнинский служил офицером в одном из

лейб-гвардейских полков, расквартированных в Царском Селе. Находясь на службе, В.П. Обнинский готовил себя к карьере военного юриста, но после единственной неудачной попытки поступить в Александровскую Военно-Юридическую Академию решил выйти в отставку. Не скрывая своей обиды, он поступает на службу в Министерство Путей Сообщения, где некоторое время работает рядовым статистиком. Однако вскоре, будучи непонятым и на этом поприще, он навсегда покидает государственную службу и устраивается конторским служащим на частный элеватор. Общаясь с самыми разнообразными людьми, большинство из которых составляли портовые рабочие, он постепенно проникся не свойственными дворянскому классу идеями, которые постепенно выводят его на скользкую дорожку «сочувствующего» вновь нарождающемуся «Союзу освобождения». После женитьбы В.П. Обнинский проживает в Новгородской, а затем в Калужской губернии, где выбирается предводителем дворянства Малоярославского уезда. Активность В.П. Обнинского не проходит незамеченной уездным земством, которое сначала выбирает его своим гласным, а затем и председателем губернской земской управы. В 1905 г. В.П. Обнинский – один из организаторов Конституционно-демократической партии, в качестве представителя которой он уже на следующий год избирается в 1-ю Государственную Думу. Будучи депутатом, В.П. Обнинский выступает сторонником так называемой радикальной аграрной реформы, однако его политические взгляды уже не вписываются в привычные рамки конституционного демократа (кадета). В отличие от своих собратьев – кадетов, симпатизирующих конституционной монархии, В.П. Обнинский являлся скорее республиканцем, выдвигающим три основные идеи: широкое самоуправление, автономия народов, демократизация политической жизни. За 72 дня существования 1-й Государственной Думы В.П. Обнинский успевает несколько отойти от кадетской фракции и примкнуть к многочисленной фракции автономистов, которую составили национальные парламентские группы – украинская, литовская, эстонская, казачья и др. После разгона 1-й Государственной Думы В.П. Обнинский, вместе с другими кадетами, подписал так называемое «Выборгское воззвание», протестующее против произвола властей. За участие в этой акции он был осужден и просидел 3 месяца в одиночной камере. Пребывание в тюремной камере позволило В.П. Обнинскому окончательно определить направление своих жизненных интересов, заострив таковые на публицистике. Озлобленность тюремной жизнью подвела В.П. Обнинского к идее создания истории своего времени, необходимой, по его мнению, для следующего поколения даже больше, чем для современников. Не прибегая к каким-либо документам и справочным пособиям, В.П. Обнинский начал свое «камерное» творчество с изложения запомнившихся ему событий, запись которых он поначалу вел в дневниковой форме, придавая ей характер воспоминаний и размышлений. После выхода из тюрьмы одна за другой начинают появляться его первые работы, посвященные событиям 1905 г. («Полгода революции», «Летопись революции» и т. д.). В 1909 г. В.П. Обнинский выпускает свою первую «историческую»

монографию-книгу «Новый строй», в которой он уже не стесняясь выступает как ярый противник монархии, описывая с очевидной лживостью так называемые «последствия антиконституционного переворота 3 июня 1907 г.», возлагая на Государя и Премьер-Министра П.А. Столыпина всю ответственность за содеянное. В канун Первой мировой войны «творческий аппетит» В.П. Обнинского заметно возрастает, что наглядно прослеживается из его статьи, посвященной роману Л.Н. Толстого «Война и мир». В этой публикации он уже открыто выступает против государственной «политики милитаризма», создавшей в России громадную армию и флот и всецело подчинившей себе «работу промышленного и научного гения». С началом войны В.П. Обнинский – фронтовой корреспондент газеты «Русские Ведомости». Итогом его поездок на Юго-Западный фронт стала не изданная до сих пор рукопись «Галицийская кампания 1914–1915 гг.», в которой он без стеснения излагает свои пораженческие настроения. Будучи отстраненным от работы корреспондента, В.П. Обнинский «соглашается» принять на себя заведование Отделом помощи военнопленным в Главном Комитете Всероссийского Земского Союза, в должности которого он не прекращает своих мелких и грязных инсинуаций, направленных теперь уже против деятельности... Государыни Императрицы Александры Федоровны, покровительствующей русским военнопленным, находящимся в Германии. Атмосфера лжи и постоянного страха, давно существовавшая в душе В.П. Обнинского, не могла не отразиться на его психике, а свойственная подобным натурам гордыня никак не могла найти себе достойного места в этой жизни... Еще будучи депутатом Государственной Думы, В.П. Обнинский любил часто цитировать слова Луция Сенеки: «Мудрец знает, когда ему умереть...» Не найдя себя как философ и социальный преобразователь, В.П. Обнинский позорно бежал... из жизни в трудный военный 1916 г. На биографии этого человека можно было бы и не останавливаться столь подробно, если бы не его книга «Последний самодержец», в предисловии к которой он подчеркнул имеющееся в ней «достаточное количество проверенных данных». Долгие годы эти и подобные им «достоверные данные» являлись краеугольными камнями отечественной истории, «похоронившими под собой» многие из достойных имен наших соотечественников и породившие в угоду новым политическим властелинам еще большую ложь о Царствовании «Последнего Самодержца» в глазах следующих поколений, «узнавших» о нем из книг П.Е. Щеголева, П.М. Быкова, М.К. Касвинова, В.С. Пикуля и прочих фальсификаторов историографической науки. Но вернемся к самой книге. В этом гнусном пасквиле, насквозь пропитанном ложью и ненавистью ко всем членам Дома Романовых и, в первую очередь, к Его Главе – Государю Императору Николаю II Александровичу, отводится значительное место описанию его «систематического пьянства», не только в зрелые, но и в юношеские годы. Так, в частности, этот «анонимный» автор пишет, что, будучи еще Наследником Цесаревичем, Государь нередко предавался пьяному разгулу, так как «никто не вмешивался в распорядок его занятий, никто, быть может, не обращал на то внимания, что организм Николая Александровича

начинал уже отравляться алкогольным ядом, что тон кожи желтел, глаза нехорошо блестели и под ними образовались уже припухлости, свойственные привычным алкоголикам» (Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерки жизни и Царствования Императора Николая II. Берлин, 1912. С. 22). Клевета, окружавшая Государя на протяжении всех лет его царствования, не могла не подкрепляться самыми «достоверными сведениями», касавшимися в особенности его «пьяных выходок». А для того чтобы не быть голословным, автор данного издания позволит себе привести еще одну выдержку из этой литературной инсинуации, которая, на его взгляд, наиболее характерно отражает то самое «общественное мнение», о котором говорилось выше: «Слухи о том, что царь сильно пьет, давно бродили по свету; но теперь, когда любой студент-медик по почерку Николая может определить отравление алкоголем, а любой кавалерийский вахмистр скажет, видя, как дрожит рука держащего поводья: “Эге, брат, выпиваешь”, теперь не скроешь своего образа жизни. Мало-помалу стеснение пропадает, привычки выносятся на улицу. И три года спустя после того, как царь плясал вприсядку, в малиновой рубашке на полковом празднике “императорских” стрелков (в присутствии солдат) он дошел до того градуса свободы, когда хочется всем демонстрировать свое душевное состояние. Одевшись солдатом, взвалив на плечи ранец и взяв ружье, Николай вышел, слегка пошатываясь, из своего крымского дворца и промаршировал десять верст, отдавая честь проходившим офицерам, испуганно оглядывавшимся на это чудо. Скандал был настолько велик, что для ликвидации его придумали новый поход, в другой уже форме, чтобы придать делу вид преднамеренности и, кстати, возбудить в армии восторг перед “до всего доходящим” царем-батюшкой. Но солдата XX века, да еще побывавшего в революционной переделке, этими наивностями не проймешь. Он очень хорошо понял, что царь, действительно, “дошел”, но не до солдатской участи, конечно, а до той грани, за которой алкоголикам чудятся зеленые змеи, пауки и другие гады. Пришлось замолчать, и распространение фотографий и описаний подвига “самодержавнейшего” государя прекратилось. Кто знал семейную жизнь Николая, особенно в эти годы, тот не осудил бы его с общечеловеческой точки зрения. Люди запивают от меньшего горя, особенно люди неустойчивые, невежественные, ленивые по природе. Жить бок о бок с женщиной, которая от злобных выходок молодости незаметно перешла к ипохондрии и, наконец, к безумию, а в то же время рожала и кормила детей, зная свою зависимость от Азефов и Рачковских, к которым не могло не быть презрения даже в душе дегенерата, видеть вокруг только низкопоклонные выражения лиц и быть уверенным, что, как только уйдешь из комнаты, эти лица немедленно перемигнутся и кто-нибудь постарается сострить, – такая жизнь при доминирующем чувстве безответственности и отсутствии живого интереса к большим операциям, каковыми так богата жизнь народа, должна была быстро сточить и те немногие возвышения над животным состоянием, какие свойственны самым примитивным натурам и обратить стремления организма к лицам наименьшего сопротивления. Наследственность – запой отца и злоупотребления

вином и женщинами деда – помогла разгрому царского организма так же, как преемственность реакции – разгрому государственному» (Там же. С. 235–236). Ознакомившись с выдержками из вышеупомянутого пасквиля (сочиненном, кстати сказать, потомственным дворянином и бывшим офицером Лейб-Гвардии) было бы наивно думать о том, что потомственный пролетарий П.З. Ермаков (страдавший к тому же хроническим алкоголизмом) мог даже представить себе образ трезвого Государя, не требующего «выдачи водки за обедом и ужином». Возвращаясь же к разговору о моральном облике Государя, имевшем место в реальной действительности, нельзя не отметить его исключительной трезвости, о которой говорили все те, кто был с ним близко знаком. Так, например, во время различных торжеств он выпивал не более одного бокала шампанского (которого, надо сказать, не любил), а на парадных обедах, по случаю полковых праздников, – не более одной традиционной рюмки водки. За столом Государь обычно пил мало. Мог выпить за обедом одну-две рюмки водки или сливовицы. Из иностранных вин Государь предпочитал французское – «Сан-Рафаэль», но больше всего любил крымскую мадеру, которой отдавал значительное предпочтение. Однако иногда он просил подать портвейн, который, по устоявшейся привычке, выпивал также не более одного бокала. Ярким доказательством сказанному являются изданные ныне воспоминания генерала П.Г. Курлова, хорошо знавшего Государя на протяжении многих лет: «Говоря о пьянстве Государя Императора, которое, по тем же сведениям, происходило в различных гвардейских полках, я очень желал бы, чтобы мне указали хоть на одного гвардейского офицера, который был свидетелем таких кутежей. Бросалось невольно в глаза среди распускаемых в Петрограде по этому поводу слухов, что дерзавшие говорить об этом даже офицеры, бывали поставлены в безвыходное положение простым вопросом: посещал ли Государь ваш полк? – и на утвердительный ответ вторым вопросом – видели ли вы его в своем полку пьяным? Несмотря на подлость рассказчика – я не могу не назвать этим именем клеветы против Государя со стороны гвардейского офицера – ответ на последний вопрос получался всегда отрицательный, причем смущенный клеветник добавлял: да, но это было в других полках... Начав свою службу в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку, я сохранил с ним самую тесную связь, а потому присутствовал почти на всех полковых праздниках и бывал в полковом собрании, когда Государь Император осчастливливал полк своим присутствием в других случаях. Государь засиживался иногда очень долго, слушая полковых трубачей, песенников и балалаечников. Я не только никогда не видел Его пьяным, но могу по совести утверждать, что Он просиживал долгие вечера над одним не выпитым бокалом. Ему ставили в вину эти частые посещения, и никто не понимал, что Государь всем сердцем любил свои войска, душой отдыхал среди офицеров от тягот, сопряженных с Его положением, так как в присутствии Государя в полковом собрании были, безусловно, исключены всякие политические разговоры. Я думаю, что можно покончить с мрачными клеветническими картинами. Для людей, их рисовавших, было непонятно, что, клеветца и позоря Русского Императора, они

позорят Россию, представителем которой был ее Самодержец» (Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1992). Находясь в Тобольске, Государь также не отступил от своих принципов, в подтверждение чему имеется свидетельство Е.С. Кобылинского, который, будучи допрошенным следователем Н.А. Соколовым 6–10 апреля 1919 г., показал: «Вина он почти не пил. За обедом ему подавался портвейн или мадера, и он выпивал за обедом не более рюмки. Он любил простые русские блюда: борщ, щи, каша. Припоминаю, между прочим, такой случай. Он зашел однажды в погреб с винами и, увидев коньяк, сказал Рожкову, чтобы он отдал его мне: “Ты знаешь, я его не пью”. Это мне именно так и передал Рожков. И я сам никогда не видел, чтобы он пил что-либо, кроме портвейна и мадеры» (Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи. С. 308).]. Как можно видеть, в тобольской ссылке жилось не худо Романовым. В Тобольске им жилось хорошо [и] предоставлялось все необходимое. Они надеялись (пребывали. – Ю.Ж.) в надежде на освобождение, гораздо лучше (еще с большей верой. – Ю.Ж.), чем в Царском Селе.

Никалай и его семья лично и через своих приближенных проявляли большую настойчивость [в отношении не только регулярного] посещения церкви, но и прогулки по городу. Панкратов был не против, но боялся за охрану, которая враждебно к этому относилась.

В это [же] время [в] Тобольске велась усиленная подготовка со стороны анархических организаций и кружков, которые основали крепкое гнездо. Тобольск был заполнен контр-революционным элементом. Так же с ведома член[а] Временного правительства Львова был назначен Гермоген [304 - Епископ Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганов) (1858–1918) происходил из семьи единоверческого священника*сensored*сонской губернии. Свое начальное образование он получил в Духовной школе родной епархии, а затем, выдержав экзамен на аттестат зрелости при классической гимназии города Ананьева*сensored*сонской губернии, едет в Одессу, где поступает на юридический факультет Императорского новороссийского университета, одно из отделений которого находилось в этом городе. Изучая юридические науки, Г.Е. Долганов также прослушивает полный курс еще 2-х факультетов: математического и историко-филологического. Завершив светское образование, Г.Е. Долганов, по благословению епископа*сensored*сонского Никанора (Бровковича), поступает в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, где в 1892 г. рукополагается в сан иеромонаха с именем Гермогена. В 1893 г. он оканчивает это учебное заведение со степенью кандидата богословия и получает назначение на место инспектора Тифлисской Духовной Семинарии. Проживая в Грузии, он продолжает совершенствовать свое образование и за довольно короткий срок овладевает грузинским языком. Зарекомендовав себя с самой положительной стороны, иеродиакон Гермоген возводится в сан архимандрита и назначается ректором

Тбилисской духовной семинарии. Будучи ректором, архимандрит Гермоген входит в состав Грузинско-Имеретинской синодальной конторы, а также является председателем епархиального училищного Совета и редактором журнала «Духовный вестник Грузинского экзархата». В 1901 г. архимандрит Гермоген рукополагается в епископы и получает назначение в Вольск, где служит как викарный епископ Самарской епархии. В 1903 г. он принимает Саратовскую епархию в качестве епископа Саратовского и Царицынского. В своей новой должности Гермоген покровительствует изданию газет с явно выраженной черносотенной ориентацией, в силу чего имеет конфликты с губернатором и неоднократно вызывается в Святейшего Синода. В 1904 г. епископ Гермоген, во время своего пребывания в Санкт-Петербурге, знакомится с Г.Е. Распутиным, который был представлен ему ректором Санкт-Петербургской духовной академии – епископом Сергием (Иваном Николаевичем Страгородским, в советское время ставшим Патриархом Московским и Всея Руси). В 1906 г., по инициативе епископа Гермогена, в Саратове образуется Монархическая партия, которая вскоре, с его же благословения, преобразовывается в местный «Союз русского народа», избравший его своим Почетным членом. Находясь в Санкт-Петербурге, епископ Гермоген проживал на Ярославском подворье, где в феврале 1908 г. познакомился с иеромонахом Илиодором (о нем см. ниже). В начале 1911 г. епископ Гермоген вызывается в Санкт-Петербург для присутствия в Священном Синоде, то есть становится его постоянным членом. Проживая в Санкт-Петербурге в качестве члена Святейшего Синода, епископ Гермоген еще с большим рвением отдавал себя работе по наведению должного порядка в своей епархии. Однако к концу осени он все же несколько отходит от управления таковой, начиная вести открытую борьбу против некоторых членов Святейшего Синода и его Обер-Прокурора. 15/28 декабря 1911 г. Гермоген посылает Всеподданнейшую телеграмму, в которой в довольно резкой форме высказывается в адрес отдельных иерархов, способствующих введению института диаконтесс, а также выступает против поминовения Русской Православной Церковью инославных покойников. Резкие выступления Владыки не явились ни для кого новостью, так как, отстаивая свои принципиальные позиции, Гермоген и ранее обращал на себя внимание подобными выпадами в адрес некоторых представителей отечественной литературы – Д.М. Мережковского, В.В. Розанова, Л.Н. Андреева и др., требуя их отлучения от Церкви (См.: Церковные Ведомости. № 3, 1901; № 13, 1903; № 4, 1912; Кузнецов Н.Д. Забытая сторона дела епископа Гермогена. СПб, 1912). В июне 1914 г. епископ Гермоген оказывается втянутым в историю с покушением на Г.Е. Распутина, организованным бывшим монахом Илиодором (С.М. Труфановым). Несмотря на абсолютную непричастность к этому делу, он все же был вынужден давать свои показания следствию, которое, памятуя о его дружбе с С.М. Труфановым, считает его все же косвенным участником этого происшествия. В 1915 г. епископ Гермоген был переведен в Николо-Угрешский монастырь, относящийся к Московской епархии, где он и оставался до Февральской смуты 1917 г. Свое отношение к революции епископ

Гермоген выразил более чем конкретно в следующих словах: «Я ни благословляю случившегося переворота, ни праздную еще мнимой “пасхи” (вернее же мученической Голгофы) нашей многострадальной России и исстрадавшегося душой духовенства и народа, ни лобзая туманное и “бурное” лицо “революции”, ни в дружбу и единение с ней не вступаю, ибо ясно еще не знаю, что и она есть сегодня и что она даст нашей Родине, особенно же Церкви Божьей завтра... А сложившуюся или “народившуюся” в “буре революции” власть Временного правительства считаю вполне естественным и необходимым – для пресечения и предупреждения безумной и губительной анархии – признавать и об этой власти молиться, дабы они всецело служили одному лишь благу Родины и Церкви». О взаимоотношениях же Церкви и государства в те дни он писал дословно следующее: «Если государство желает быть долговечным, благополучным, свободным, оно должно поставить себе в непреложный закон хранить и оберегать (...) Церковь Православную, ее полную свободу и самоуправление» (Тобольские епархиальные ведомости. № 29 от 1.08.1917. С. 400–401). 23 февраля / 8 марта 1917 г. Гермоген был назначен на Тобольскую кафедру. Этому назначению в немалой степени способствовала протекция «революционного» обер-прокурора В.Н. Львова, сумевшего убедить членов Святейшего Синода в необходимости такого. Находясь в Тобольске, Гермоген ведет обширную переписку с Временным Правительством, в письмах к которому неоднократно предлагает перевести Царскую Семью в захолустный Тобольск, где местный совдеп не имел еще какого-либо заметного влияния на исполнительную власть, сосредоточенную в то время в руках Губернского комиссара В.Н. Пигнатти. Иеромонах Илиодор (Сергей Михайлович Труфанов) (1881–1952) происходил из семьи дьякона хутора Б. Марьинской станицы Донского округа. В 1901 г. он становится слушателем Санкт-Петербургской Духовной Академии, где 29 сентября / 12 декабря 1903 г. принимает монашеский постриг с именем Илиодор. Окончив академию в 1905 г., он становится преподавателем гомилетики в Ярославской Духовной Семинарии, однако в силу своего неуживчивого характера через год переводится на аналогичную должность в Новгород. Проработав в Новгородской духовной семинарии всего один месяц, иеромонах Илиодор бросает преподавательскую деятельность и переезжает в Почаевско-Успенскую лавру (относящуюся к Волынской епархии), где приобретает широкую известность антиреволюционного проповедника. Из Почаевско-Успенской лавры иеромонах Илиодор уже в сентябре 1907 г. переводится в Житомирский архиерейский дом, откуда по прошествии полугода переводится в Саратовскую епархию, по пути в которую он заезжает за назначением к проживавшему в то время в Санкт-Петербурге епископу Гермогену. В феврале 1908 г. 27-летний Илиодор становится настоятелем Архиерейского подворья и одновременно миссионером-проповедником. Центром своей деятельности Илиодор избирает один из монастырей Царицына. Здесь он развивает бурную деятельность, направленную исключительно на то, чтобы завоевать себе популярность в народе. С этой целью Илиодор организует различные службы и союзы, а также выступает с различными

речами и проповедями. Преследуя свою давнюю потаенную мечту – быть рукоположенным в сан епископа, Илиодор, в целях карьеры, пытается воздействовать на национальные чувства русских людей, однако проделывает это с доходящей до вульгарности грубостью, дискредитируя тем самым сан священнослужителя. В своих стремлениях он не считался ни с какими средствами и зачастую использует для достижения таковых – обман, шантаж и подкуп. Подобная деятельность служителя не могла оставаться незамеченной и вскоре стала вызывать различные пересуды, появление которых никак не способствовало росту его дальнейшей популярности. Однако, несмотря на это, таковая была все же еще достаточно велика, благодаря в основном его миссионерско-проповеднической деятельности. В качестве примера хочется привести выдержку одного из воззваний, в которой будущий вероотступник и ненавистник Царя, пособник гонителей Церкви и сотрудник ВЧК – иеромонах Илиодор, призывал: «Нет, братцы, не сдавайте Руси врагу лютому! Плюньте на все посулы царства жидовского! Идите, братцы, по стопам Христа! Мощной грудью крикните одним духом: “Прочь, жидовское царство! Долой сионизм! Долой красные знамена! Долой красную жидовскую свободу! Долой красное жидовское равенство и братство! Мы не желаем жидовского царства на Святой Руси! Да здравствует один на Руси Батюшка-Царь, наш Царь православный, Царь Христианский, Царь Самодержавный!”» (Платонов О.А. Терновый венец России. Заговор цареубийц. М., 1996. С. 100). В этом же году, во время одной из поездок в Санкт-Петербург, Илиодор знакомится с Г.Е. Распутиным, встреча с которым происходила в доме архимандрита Феофана (Быстрова) – инспектора Санкт-Петербургской Духовной Академии, находящегося в дружеских отношениях с епископом Гермогеном. Разворачиваемая Илиодором деятельность не ограничилась одними выступлениями перед местной паствой. Деятельный инок задумал издавать в Царицыне два издания, из которых одно – наиболее полемическое, нарекает весьма своеобразным названием: «Гром и Молнии». Посредством этих изданий воинствующий иеромонах начинает открыто обличать не только большинство церковных иерархов, но и все правительство в целом, стремясь тем самым снискать себе еще большую популярность в народе. Главным тезисом этих обличений были, как правило, разговоры о высоком долге священника, обязанного обличать в грехах всех, независимо от его звания и положения в обществе. Однако за общими разговорами была, как правило, скрыта личная месть Илиодора, направленная в адрес противоборствующих ему сановников. Общее положение дел в Саратовской епархии, оставившее и ранее желать лучшего, в связи с серьезным ослаблением церковной дисциплины ухудшилось еще больше после появления там «царицынского проповедника». Несмотря на неоднократные увещевания светских и церковных властей – навести в епархии должный порядок, таковые практически игнорировались епископом Гермогеном, втайне поддерживающим Илиодора в его начинаниях. Убедившись в тщетности своих увещеваний, Святейший Синод, по ходатайству Саратовского Генерал-губернатора – Графа И.Л. Татищева, Премьер-Министра П.А. Столыпина и

с Высочайшего соизволения Государя, в марте 1909 г. решил перевести иеромонаха Илиодора в Минск, оставив его в аналогичной должности настоятеля Архиерейского подворья. Не согласившись с этим решением, Илиодор прибыл в Санкт-Петербург, где решил прибегнуть к помощи ставшего к тому времени епископом Феофана. Получив решительный отказ последнего, Илиодор собрался было уже уходить, но в это время в гости к епископу заглянул Г.Е. Распутин, который, выслушав жалобы иеромонаха, обещал помочь во всем разобраться. Распутин не только сдержал свое слово, но и предоставил иеромонаху Илиодору возможность Высочайшей аудиенции у Государыни, происходившей в одном из домов Царского Села на третий день Пасхи 1909 г. В ходе этой встречи, состоявшейся в присутствии фрейлины А.А. Вырубовой, Илиодор клятвенно заверил Государыню, что прекратит свои выпады против правительства, а также вручил ей письменное в том обязательство. Возвратившись (по благословению Гермогена) назад в Царицын, Илиодор несколько поумерил свою деятельность, так как в самое ближайшее время ожидал приезда Г.Е. Распутина, пообещавшего лично посетить Саратовскую епархию. Приезд Г.Е. Распутина состоялся лишь в сентябре 1909 г., и Илиодор, вызванный Гермогеном в Саратов, вновь встречался со Старцем, прибывшим в город из Казани. Встретив Илиодора как старого знакомого, Григорий Ефимович имел с ним длительные беседы и поначалу даже не хотел его отпускать назад. Однако Илиодор, сославшись на занятость, все же упросил Старца его не задерживать и возвратился в Царицын, куда Г.Е. Распутин твердо пообещал ему приехать в ноябре 1909 г. Встреча епископа Гермогена и Г.Е. Распутина происходила в монастыре, в более чем торжественной обстановке. Выступивший с проповедью Гермоген назвал Старца благодетелем и попросил собравшихся не забывать его в своих молитвах. Вечером следующего дня Гермоген отбыл в Саратов, а оставшийся в Царицыне Г.Е. Распутин попросил Илиодора познакомить его с почитателями последнего, чтобы иметь представление о его миссионерской деятельности. Обходя в день по 50–60 домов и беседуя с их обитателями, Г.Е. Распутин стал понимать, что имеет дело не с простым проповедником, а с человеком, поставившим перед собой определенную цель. Однако, не желая поддаваться первому впечатлению, он приглашает Илиодора погостить у него в селе Покровском, куда они отправляются 27 ноября / 10 декабря 1909 г. По прибытии на родину Старца Илиодор был тепло встречен его родными и размещен в его доме, как самый дорогой гость. За оказанное гостеприимство Илиодор отплатил черной неблагодарностью, украв у Г.Е. Распутина 5 писем, написанные ему в разное время Императрицей Александрой Федоровной и четырьмя ее дочерьми, а также написанный рукою Государыни Манифест по поводу обретения Св. Мощей Серафима Саровского, которые он впоследствии использовал для шантажа. Раскусив Илиодора, как нечистоплотного человека и карьериста, Г.Е. Распутин отказывает ему в своем ходатайстве, столь необходимом «царицынскому проповеднику» для получения необходимых денежных сумм, которые он вознамерился потратить на свою миссионерскую деятельность во время поездок

по городам Волги, а также на расширение тиража выпускаемой им газеты «Гром и Молнии». Мельница иеромонаха не заставила себя долго ждать. Прибегнув к привычной для него лжи, Илиодору, за довольно короткий срок, удается оклеветать Распутина в глазах своего архиерея, ловко используя при этом посредничество епископа Феофана, разуверившегося к тому времени в святости Старца и имеющего на этот счет свое собственное суждение. Чувствуя за собой поддержку двух иерархов, Илиодор приблизительно с марта 1910 г. начинает сначала исподтишка, а затем и открыто травить Г.Е. Распутина, распуская о нем самые нелепые и грязные слухи. В конце 1910 г. Илиодор уличается в лживой демагогии, распространении клеветнических слухов, а также в многочисленных провокациях и карьеризме. В феврале 1911 г. в Царицын командирован Флигель-Адъютант Полковник А.Н. Мандырко, который имел личное поручение Государя разобраться на месте в клеветнических обвинениях, выдвигаемых против Г.Е. Распутина, а также установить причину и источник их происхождения. Проведя дознание, Полковник Мандырко приходит к выводу о вредной деятельности иеромонаха Илиодора и рекомендует удалить его из Царицына за вредную агитацию, затрагивающую не только Святейший Синод, но и лично Самого Государя. Вскрывшиеся в ходе дознания факты выявили явные интриги иеромонаха Илиодора и покровительствующих ему епископов – Гермогена и Феофана. 16/29 декабря 1911 г. иеромонах Илиодор, действующий по поручению епископа Гермогена, заманил Г.Е. Распутина к нему домой, где, при содействии еще двух лиц, последний был подвергнут избиению, после которого, по словам участников этой истории, владыка обратился к нему со следующей речью: «Ты обманщик и лицемер, ты изображаешь из себя святого старца, а жизнь твоя нечестива и грязна. Ты меня обошел, а теперь я вижу, какой ты есть на самом деле, и вижу, что на мне лежит грех – грех приближения тебя к Царской семье. Ты позоришь Ее своим присутствием и своими рассказами, ты порочишь Имя Царицы, ты осмеливаешься своими недостойными руками прикасаться к Ее Священной Особе. Это нельзя терпеть дальше. Я заклинаю тебя Именем Бога Живого исчезнуть и не волновать русского люда своим присутствием при Царском Дворе» (Платонов О.А. Заговор царевубийц. Ч. 1. М., 1996. С. 89). В ответ на требования Гермогена Г.Е. Распутин заявил, что не подчинится ему, а покинет столицу не иначе как по повелению Государя. Озлобленные заговорщики привели старца в храм, где ими была предпринята еще одна попытка взять с него клятву перед иконой со Св. Мощами. Потерпев и на этот раз неудачу, они попытались оскотить Г.Е. Распутина, однако последний, воспользовавшись их замешательством, сумел вырваться из рук мучителей и, выбежав на улицу, скрыться. Буквально через несколько часов о случившемся было доложено Государю, который потребовал от Святейшего Синода принятия самых решительных мер. В свою очередь, слух об этом происшествии моментально облетел весь город и, по мере своего дальнейшего распространения, обрастал все новыми и новыми «подробностями». Не желая еще больше будоражить общественность самим фактом пребывания в Санкт-Петербурге епископа

Гермогена, Святейший Синод предложил ему покинуть столицу и вернуться в Саратов. В ответ на это Гермоген стал апеллировать к общественному мнению и писать многочисленные статьи в либеральные газеты, в которых продолжал свои нападки на Распутина, а также выступал в защиту Илиодора и пониженного в должности епископа Феофана. 3/16 января 1912 г. обер-прокурор Святейшего Синода прислал Гермогену письменное уведомление о его увольнении от присутствия в Синоде, в котором ему, в частности, предписывалось не позднее следующего дня выехать во вверенную ему епархию. Однако Гермоген, вступивший на путь открытой конфронтации со Святейшим Синодом, не пожелал подчиниться и этому, уже официальному его решению, вследствие чего был отстранен от управления Саратовской епархией, понижен в сане и сослан в Жировицкий монастырь (См.: Тобольские епархиальные ведомости. 1918, № 18–20. С. 260). Иеромонах Илиодор также не избежал наказания. Решением Святейшего Синода от 5/18 января 1912 г. местом его дальнейшего пребывания была назначена Флорищева пустынь, представляющая из себя отдаленную обитель, расположенную во Владимирской губернии. Находясь во Флорищевой пустыни, Илиодор не прекращает вести свою клеветническую кампанию против Г.Е. Распутина. Будучи своего рода арестантом, он использует единственное, находящееся в его распоряжении средство – письма, которые он пишет в самые различные инстанции, включая, в первую очередь, Святейший Синод. Не добившись желаемого результата, Илиодор 25/8 мая 1912 г. подает в Святейший Синод прошение, в котором, в буквальном смысле этого слова, ставит перед ним ультиматум: «Или предайте суду Распутина за его ужасные злодеяния, совершенные им на религиозной почве, или снимите с меня сан. Я не могу помириться с тем, чтобы Синод, носитель благодати Св... Духа, прикрывал «святого черта», ругающегося над Церковью Христовой! Знайте, что я в заключении готов сгнить, я – монах, но с осквернением достоинства Господня я не помирюсь! Иеромонах Илиодор» [Илиодор (Сергей Труфанов). Святой черт (Записки о Распутине). М., 1917. С. 156]. Не получая ответа на свои послания, Илиодор в знак протеста окончательно замыкается в своей келье, прекращая посещать и церковные службы. Не поддаваясь каким-либо увещаниям, он продолжает забрасывать Святейший Синод своими письмами, в которых теперь уже всячески поносит церковных иерархов, обвиняя их в отступничестве от Веры. 6/19–7/20 ноября 1912 г. Илиодор направил в Святейший Синод свое очередное послание, в котором он уже не только упрекал его членов, но и делал им открытый вызов, превзошедший по своей крамоле все написанное им ранее: «Я же отрекаюсь от вашего Бога, Отрекаюсь от вашей Веры, Отрекаюсь от вашей Церкви, Отрекаюсь от вас, как от архиереев» (Илиодор. Указ. соч. С. 175). Не желая и далее терпеть выходки кощунствующего монаха, Святейший Синод на своем заседании от 30 ноября / 13 декабря – 4/17 декабря 1912 г. решает лишить Илиодора священного сана, о чем и объявили последнему через своих представителей 9/22 декабря 1912 г.]. С прибытием царской семьи в Тобольске тесно связана деятельность там одного из видных русских манархистов Епископа Гермогена. Начали появлять[ь]ся

офицеры под вымышленными фамилиями. Были задержаны два офицера Кириллов и Мефодиев [305 - Сведения об этих офицерах были получены автором из книги П.М. Быкова «Последние дни Романовых», который, в свою очередь, почерпнул таковые из воспоминаний И.Я. Коганицкого: «Тут же были обнаружены два офицера “Кириллов и Мефодиев” (их фамилии прискакавшие с фронта на 2 недели (так гласил их документ) отдыхать. Это в такой город, как Тобольск на Севере Сибири, имея только двухнедельный отпуск, они скакали отдыхать! Они шатались ночью вокруг дома Николая. Часовые гонялись за ними, но не поймали, а днем один из часовых опознал одного из них. Я их арестовал и отправил в Тюмень» (Коганицкий И.Я. Указ. соч.). Какими-либо сведениями о времени приезда «Кириллова» и «Мефодиева» (фамилии этих офицеров, безусловно, являлись вымышленными) автор данного издания не располагает, однако, опираясь на воспоминания упомянутого выше Коганицкого, следует считать, что их появление в Тобольске относилось ко времени появления там М.С. Хитрово.], приехавшие [в] отпуск с фронта и друг[ие]. Были задержаны два офицера – братья Раевские [306 - Сведения о «братьях «Р» (Раевских) были почерпнуты автором из книги П.М. Быкова «Последние дни Романовых», который, в свою очередь, позаимствовал их из воспоминаний бывшего Штаб-Ротмистра К. Соколова, написанные им в июле 1922 г. и опубликованные в многотомном издании Г.В. Гессена «Архив Русской революции». Однако помимо указанного источника, Быковым, безусловно, были использованы сведения из упомянутых уже воспоминаний И.Я. Коганицкого, опубликованные также в 1922 г. (см. примечание 71). Говоря о «братьях Раевских», нельзя не рассказать несколько подробнее об одной из попыток спасения Царской Семьи, превратившейся в жалкий фарс благодаря неумелой организации всего дела и абсолютной непригодности к исполнению такового некоторых заинтересованных в нем лиц. В своих воспоминаниях К. Соколов рассказывал о том, что, находясь в Москве в начале декабря 1917 г., он пожелал вступить в одну из подпольных офицерских организаций, возглавляемых «одним генералом». Вскоре К. Соколов был приглашен на одну из встреч, состоявшуюся в квартире «присяжного поверенного П.», где он был представлен епископу Камчатскому Нестору. Вот как описывает эту встречу сам К. Соколов: «В назначенный час я звонил в квартиру П. Впустил меня сам хозяин и попросил обождать в кабинете. (...) Минут через 15 дверь отворилась, и я увидел высокого красивого священника и за ним П. Священник оказался епископом Камчатским Нестором. Благословив меня, он вышел. Мы сели. Задав несколько вопросов о моей биографии, П. замолчал. Так прошло несколько секунд. Затем он поднялся и сказал: “Надо спасти Царя, медлить нельзя; он в опасности”. (...) Я отвечал, что готов сделать все, что от меня потребуется. П. волнуясь начал говорить, перескакивая с одного предмета на другой: об опасности, угрожающей Государю, о необходимости восстановления монархии, о войне, о подборе для выполнения задачи надежных людей» (Соколов К. Попытка освобождения Царской семьи, декабрь 1917 г. – февраль 1918 г. // Архив Русской революции. Т. XVII. С. 281). В качестве первого задания «присяжный поверенный

П.» предложил К. Соколову съездить в один из монастырей, где, встретившись с председателем Союза Хоругвиеносцев, передать ему тюк с прокламациями, призывающими к организации ячеек, необходимых для созыва Всероссийского Земского Собора. Помимо этого, К. Соколов был проинформирован в том, что в стенах этого монастыря находится 300 офицеров и еще 100 – из числа выздоравливающих, среди которых ему преочих, солдатских и крестьянских депутатов поступило заявление от общего собрания Отряда особого назначения о том, что на богослужении 25 декабря в Благовещенской церкви диакон Евдокимов с ведома священника Васильева в ектении титуловал бывшего царя и царицу «их величествами», детей – «высочествами». Отряд требовал немедленного ареста обоих. Настроение было повышенное, грозившее вылиться в самосуд. Исполнительный Комитет Совета с представителями всех революционных организаций и городского самоуправления решил пригласить обоих лиц и выяснить обстоятельства дела. Опрос не привел к выяснению виновного, так как показания обоих противоречили и самим себе, и показаниям друг друга. Поэтому было решено о происшедшем довести до сведения прокурора и епископа, а диакона и священника подвергнуть домашнему аресту во избежание самосуда и в целях гарантии дознания. Кроме того, еще выяснился факт крайне необычного привоза в Тобольск, и именно в Благовещенскую церковь, Абалакской иконы. Все это, в связи с тревожным настроением среди отряда, а также в связи со слухами о развитии в Тобольске монархической агитации, дало возможность прокурору возбудить дело по признакам 129 статьи о покушении на ниспровержение существующего строя. Пока шел вопрос о квалификации преступления, диакон и священник нарушили данную ими подписку о невыходе из дому: первый отправился к архиерею, второй выехал в Абалак. Совет образовать нашел недостаточным судебное официальное следствие и постановил образовать Революционно-Следственную Комиссию, которой поручил выяснить корни монархической агитации в Тобольске и окрестностях, облекши эту комиссию полномочиями и передав ее в ведение Революционно-демократического Комитета. В состав комиссии вошли Желковский, Иваницкий, Коганицкий и кандидаты Никольский и Филиппов».]

[В] Тобольске Романовым разрешали по утрам ходить в церковь, когда [было] меньше движения на улицах. Для них служилас[ь] там особая обедня [308 - Наряду с объяснениями диакона Александра Евдокимова и о. Алексея Васильева Тобольский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов получил письменное объяснение епископа Гермогена, который, объясняя действия своих подчиненных, пояснил, что, во-первых: «Россия юридически не есть республика, никто ее таковой не объявлял и объявить не правомочен, кроме предполагаемого Учредительного собрания», а во-вторых, «по данным Священного писания, государственного права, церковных канонов и канонического права, а также по данным истории, находящиеся вне управления своей страной бывшие короли, цари

и императоры не лишаются своего сана, как такового, и соответственных им титулов», посему он в поступке о. Алексея «ничего предосудительного» не усмотрел.].

3-го ноября, в день старого церковного праздника восшеств[ия] на престол Никола[я] Романова, после выхода из церкви царской семьи, по распоряжению священника Алексея Васильева раздавался праздничный перезвон всех колоколов собора и продолжался все время, пока семья не скрылась в дверях своего дома. Одним словом, был инсценирован прежний выход их величества. Комиссар Панкратов делал все, что хотели царская семья [и] их приближенные.

[В] Тобольске контр-революция действовал[а] открыто. Вот одна [такая] картинка [приведенная в качестве примера]. В ноябре месяце 1917-го [года] в городском соборе раздавались уже листовки с призывом помочь царю-батюшке и постоять за веру православную.

С разрешения представителя Временного правительства Панкратов[а] царской семье разрешалось часто почашать (посещать. – Ю.Ж.) церковь. Манахи их монастыря Абалакского торжественно принесли чудотворную икону. Обычно ранее ее приносили лютым по религиозному обычаю, а тут неожиданность: она оп[ь]явилась, как явленная. Молящиеся восприняли [этот факт, как предзнаменование, да] и сама семья царская предвидела [в этом событии] какое-то чудо.

Местный Совет вмешался. Новая чудо-икона исчезла из церкви снова [в] монастырь. Местный совет бездействовал или вернее не хотел ничего предпринимать [потворствуя во] всем творимым ахиналиях (вакханалиях. – Ю.Ж.). Местное духовенство благослав[енное] Гермогеном пошло дальше. 6-го декабря 1917-го [года] в той же церкви, куда ходила семья молит[ь]ся устроили благослужение (богослужение. – Ю.Ж.) [в] присутствии всей семьи Романовых. Дьякон провозгласил старое многолети[е] царствующему дому, именуя при этом полными [и] старым[и] титулами царя, Его жен[у] и Наследника, и дочерей [309 - В оригинале текста начало данной фразы пропущено и ее текст начинается с этих слов.]. Надо отметить [что] эта попытка манархистов перейти в открытое наступление, вызвал[а], большое недовольство и возмущение среди солдат охраны и среди наиболее революционных кругов Тобольска. После этого [происшествия] Романовым запрещено было почашения (посещения. – Ю.Ж.) церкви и [было] предложено молиться дома. После всего этого были арестованы священник Васильев и дьякон Евдокимов. При допросе они путались [в] ответах [и] сваливали вину один на другого. Надо было понимать [что] основную [роль] в этом деле играл [конечно же] Гермоген.

Местный совет не проявил должной решительности [и] оставил обоих [виновников происшествия] под домашним арестом. Гермоген [же] без разрешения [Местного] Совета освободил их [от такового] и отправил в монастырь.

[В ответ на эти действия владыки] местный совет завел переписку с Гермогеном [310 - Имеется в виду бывший член Государственной думы Н.Е. Марков (2-й).]

[пытаясь получить от него объяснение] почему им было дано указание [об] отпраздн[е] Васильева и Евдокимова направит[ь] [в] монастырь. Гермоген уклонивши[сь] от дачи личных показаний... Характерно, что в своем письме Совету, Гермоген философствовал и приводил тексты из церковных книг, заявляя что [:] «по данным священного писания, государственного права, церковных канонов и канонич[ес]кого права, а также по данным истории, находящиеся вне управления своей страной бывшие короли, цари и императоры не лишаются своего сана, как такового, и соответственных им титуло[в], почему поступок священника Васильева он не считал и не считает преступным». Местные власти и здесь так же бездейство[ва]ли.

Из всего [этого наглядно] видно [что] вся деятельность Гермогена свелась, главным образом, к этой мобилизации настроения среди верующей части тобольского населения [состоявшего] преимущественно [из] купцов, торговцев, кулачества и т[ому] под[обных] реакционных черносотенцев [и прочего контрреволюционного] элемента. Гермоген пытаясь всеми усилиями создавать организации [по] подготовке скрытого побега Романовых [предпринимал] попытки создать круж[о]к.

[311 - Этим человеком был бывший Корнет Крымского Конного Ее Величества полка С.В. Марков.]...был велик-тобольск, монархические организации, группы, [в общем] все [то] что находилось [в сфере его влияния] – разные темные личности им сколачивались [однако] все [эти] старания были без[п]лодны.

Но члены Временного правительства, [как, например,] Марков 2 [-й] [312 - Прапорщик П.М. Матвеев никаких дневников не вел, а впоследствии (в начале 20-х годов) написал для Уральского Истпарта свои воспоминания «Царское Село – Тобольск – Екатеринбург (Записки-воспоминания о Николае Романове), в коих и была означенная фраза.] [и] ем[у] подобные предпринимали подобные усилия [по] организации побега [Семьи Государя]. [В] сентябре [1917 г. они] посылают в Тобольск своего человека для установки связи с царской семьей. [Так, например,] был послан офицер Крымского полка, шефом которого была императрица, – Н. Это был человек искренно и глубоко преданный их величествам [313 - Вероятнее всего, П.З. Ермаков имеет в виду телеграмму от 3 января 1918 г.: Телеграммаг. Москва. ВЦИКОтряд постановил снять погоны с бывшего императора и бывшего наследника, просим санкционировать бумагой. Председатель Комитета Матвеев Командир отряда Кобылинский. (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 35. Л. 2)]. Он был лично и хорошо известен государю и государыне [В] сентябре 1917 [г. в Тобольск] стали прибывать и другие люди из [числа] бывших офицеров и прибыл член правительства Временного – Марков.

Тобольск стал разбухать монархическими организациями. Выплыл 2 [-й] Марков – член Думы. С той же целью предпринимаются подготовительные шаги [организацией] Вырубовой. Во главе всего (в качестве представителя организации А.А. Вырубовой в Тобольске. – Ю.Ж.) был выделен некий Борис Соловьев – сын казначея святейшего Синода, вернее старшего знакомого Григория Распутина. С 1915

г. этот Соловьев состоял членом республиканского кружка Он сам не отри[ц]ал, что во время переворота 1917 [г.] он [вместе] с пулеметным полком был [в] Государственной думе, [где] и был назначен адъютантом председателя Военной комиссии Думского Комитета. [«]Связ[и], – он говорил, – я [никогда] не терял с распутинским кружком, руководимым Вырубовой [»]. Он по прежнему остался активным членом последнего.

Этот Соловьев прибывает [в] Тобольск [с целью] завязать отношения [с] Гермогеном, чтобы [с его помощью] связат[ь]ся [с] содержащимися под стражей Романовыми. Из сообщения самого Соловьева [видно], что [с] приездом [в] Тобольск он вскоре женился [н]а Матрене Распутиной – дочери [известного] старца. Делалось все это [в] известной [манере] консперативного характера, чтобы [он] не мог вызвать [в] Тоболь[с]ке подозрения у местных властей. [Таким образом,] связ[ь] была Соловьевым установлена. Он был связан [с] семьей Романовых, которые [в]последствии [у]знали, что он зять Распутина. Он доставлял деньги, разного рода посылки. Подготовка [к побегу] готовилас[ь] [таким образом, что] к началу октября [монархическим] группам и кружкам удалось установить опорные пункты для организации освобождения (освобождения. – Ю.Ж.) Романовых из тобольского заключения. [Однако,] все эти старания и усилия [по] подготовке [побега Романовых] не жбылис (сбылись. – Ю.Ж.). Октябр[ь]ская революция смела с пути все и всех, кто хотел быть освободителем Романовых. Все эти приспешники Временного правительства – комиссар Панкратов, командир Кобылинский [и др.] были отстранены, [а их] власть была [передана ранее] создан[ному] солдатском[у] комитету.

Если все же [и] не удался побег Романовых, то это объяснялось [лишь] тем, что непосредственные организаторы его не поделили между собой громадные сумм[ы], шедшие на это дело из центра [от] их сподвижников, которые питали все надежды [на] своих посланцев. Они ошиблись, так [как] обожаемого [ими] манарха [так] и не спасли. Октябрьская революция разрешила все. Разные представители Временного правительства о[ба]нкрутились (обанкротились. – Ю.Ж.), спасти бож[ь]его помазанника не удалос[ь].

Об октябрьской революции Тобольск узнал позже недели на две после переворота. Об[ь]ясняло[сь] это общеполитической обстановкой момента [так как] долгое время ап[п]арат связи – телеграф и железные дороги находились под влиянием организаций бывших против большевиков. [Всероссийский] Исполнительный комитет железнодорожников, «Крестьянский союз» и другие организации, поддерживающие Временное правительство, ложными телеграммами [не доводили до сведения граждан Тобольска] о [развернувшейся] борьбе в Петрограде [и долгое время] запутывали [истинные] положения [вещей в политической жизни страны, скрывая их] от [самых] [от]даленных пункт[ов] страны. Но и Тобольск был в числе этих городов и долгое время не знал о действительном положении дел. И этому способствовали, конечно [же], меньшевики и эсеры, руководившие в то время тобольским Советом. Такая политическая обстановка в Тобольске вызывала у

рабочих масс Урала и Сибири подозрения и опасения [в] надежности охраны Романовых. На ряд предписаний Омского Совета и Екатеринбургского [Совета], где (от имени которых. – Ю.Ж.) предписывалось заключить Романовых [в] тюрьму, Тобольский Совет не выполнял [таковые] а [его действия по отношению к Семье бывшего Императора] носил[и] пассивный характер. А камиссар Панкратов [к тому же] долгое время пытался держать отряд в [полном] неведении, относительно происходивших в центре событий.

Но понемногу отзвуки октябрьского переворота стали проникать и в солдатскую массу охраны. Из документов видно, что одна из частей охраны недоверчиво относилась [к] местным властям и представителю Временного правительства Панкратову. Революционные солдаты, которые поняли [что] что-то кроется вокруг Романовых, на своем собрании дали себе обещание не выпустить Романовых, [а в случаях] попыток к бегству живыми не выпускать заключенных – ни бывшего царя, ни его семью. Влияние этой группы постепенно распространилось на весь отряд, который охранял Романова. [Кроме того, постепенно] было (росло. – Ю.Ж.) недоверие [к] представителю Вр[еменного] правительства Панкратову, [чьи приказы] стали [равно, как и] его распоряжения, игнорироваться.

[В] конце ноября 1917 [г.] был организован солдатский комитет охраны. С его организацией фактическая власть над Романовыми перешла к солдатам отряда. В жизни тобольских заключенных произошли резкие перемены. Солдатский комитет сделал более строгим режим всей семье Романовых. [Всех] их приближенных переселили из дома [Губернатора] в дом Корнилова [для дальнейшего] совместно[го] [проживания таковых под крышей] одн[ого] дом[а]. Эта мера была, как нельзя более уместной, в связи с попытками, которые предпринимались манархистами в целях освобождения (освобождения. – Ю.Ж.) Романовых. [После этого переселения, дальнейшая] связ[ь] их с царской семьей была затруднена.

Хотя несмотря на усиление режима Романовы и их свита продолжали жит[ь] довольно весело, ибо комиссар разрешал выда[ва]ть [им] вин[о] и водку со склада, которой [там] было изобилие, благодаря заботам Керенского и других приближенных. Председатель отрядного кометета этих дней Матвеев записал (описал. – Ю.Ж.) в дневнике [314 - Ныне Салехард.], например, такую сцену: «Будучи дежурным офицером по отряду, часов около 11 вечера я вышел в коридор из комнаты дежурного, расположенной в нижнем этаже губернаторского дома. [Этот] коридор пересекается другими, выходящими к верху лестниц[ы], где жили Романовы. Выйдя [в] коридор я услышал [в]верху необычайный шум. Надо сказать, что в этот день у Романовых был какой-то семейный праздник. Обед у них затянулся до поздней ночи, шум все усиливался и скоро по лестнице сверху спустилась веселая компания, состоявшая из семьи Романовых и их свиты, разодетая в праздничные наряды. Впереди шол Никалай одетым в казачью форму с полковничьими погонами и черкесским кинжалом за поясом. Вся компания веселилас[ь] [до] 2[-х] часов ночи». Все это дозволялось комиссаром Панкратовым. Солдаты [охраны] были возмущены [этой] нагло[й] выходкой бывшего императора

[вследствие чего Солдатский комитет] постановил произвести [у Романовых] обыск [в ходе которого у Николая II] из[ъ]яли кинжал и пашку.

16 января 1918 г. на об[ъ]единенном собрании солдат местного гарнизона и отряда охраны было вынесено постановление о запрещени[и] носить погоны офицерам и солдатам [315 - Решение об уничтожении Романовых по пути следования в Екатеринбург было принято не на совещании членов Тобольского Совдепа, а многим ранее на заседании членов Исполкома Уральского Облсовета.]. Солдатский комитет [отряда] охраны решил потребовать, чтобы снял погоны и бывший царь. [В] одно[м] из писем Соколова (Б.Н. Соловьева. – Ю.Ж.) – зятя [Р]аспутиных [было написано] как оскорбительно будет для него (Государя. – Ю.Ж.) [выполнить] это требование. Кобылинский долго боролся с солдатами, грозя им английским королем и германским императором, но, видимо, солдат охраны нельзя было испугать английским королем и так далее. Они все же продолжали настаивать на своем решени[и]. [Солдатский комитет предупредил арестованных, что] если [это их] требование не будет выполнено [то они] применят [к ним более действенные меры]. [Таким образом] и Николаю пришлось разделить участь всех офицеров охраны [и] снять погоны. Несмотря на обещание, данное представителю отряда снять погоны [Николай II] все ж таки носил [их в своей] укрудчи (украдкой. – Ю.Ж.), [а] после всего это[го] инцидента [когда] Николаю было разрешено ходить [в] церков[ь] он [стал] прятать погоны под буркой, а Алексей по[д] башлыком.

Когда разбирая всю историю содержания под стражей Романовых [в] Тобольске [начинаешь анализировать происходившее] можно судить, что Ему (Государю. – Ю.Ж.) все разрешалось начальником охраны. Вот характерно [то, что] Кобылинский почувствовал, что власть из его рук выскользывает [и что] он более безсилен предпринимат[ь] [какие-либо] меры [по отношению к] команде охраны. [Практически] маральн[ым] убийство[ом] [стало для Кобылинского] снятие погонов [после которого] он почувствовал свое полное бес[с]илие. Далее остават[ь]ся при охране [было] нельзя [и] он увидев[шись] [с] Государем [сказал ему] [:] «Ваше величество, власть выскользает из моих рук. С нас сняли погоны, я не могу больше быть полезным». Из записанного дальше видно, что государь обнял его рукой и на глазах у него навернулись слезы. Он сказал мне (Е.С. Кобылинскому. – Ю.Ж.): «Евгений Степанович, от себя, жены и детей я вас прошу остаться. Вы видите, что мы все терпим...» И он остался совместно терпеть.

Не менее тяжело и мучите[льно] переживал[и] эти истории и Панкратов и Кобылинский. [Они] понимали, что у них осталась лиш[ь] номинальная власть, что всем [уже давно] распорежаются солдаты и также помышляли о том, как бы уйти по добр[у]-[по] здоро[ву].

У всех (У В.С. Панкратова. – Ю.Ж.) была надежда единственна[я] на Учредительное собрание на (до. – Ю.Ж.) которого он[и] [не] хотели сложить свои полномочия. Да и Николай совместно с ними ждал Учредительного собрания. Недалеко от них ушли меньшевики и то[му] подобные.

У Солдатского комитета [продолжал] стоят[ь] [открытым] вопрос [о том] как

дальше быть с положением [об] охране Романовых. Не имея связи с центром [Солдатский комитет] выделя[ет] своих представителей [для того, чтобы] делегировать [их] в Питер для доклада центрально[ым] органам Советской власти [и рассказать] об условиях содержания под стражей семьи Романовых. Побывав во ВЦИК[е] и Совнарком[е] и получив соответствующие указания, делегаты выехали обратно, где [ими] был поставлен вопрос об удалении из отряда охраны комиссара Панкратова и его помощника.

Чу[в]ствуя остроту [создавшегося], Панкратов поспешил подать заявление в комитет отряда об [своем добровольном] уходе [с занимаемого поста]. [В этом] заявлении говорилось: «...что за последнее время в отряде особого назначения наблюдается между ротами трение вызываемое моим присутствием в отряде, как комиссара, назначенного еще в августе 1917 г. Временным правительств[ом], и не желая усугублять это трение, я в интересах дела общественной важности, слагаю с себя полномочия и прошу выдать мне письменное подтверждение основательности моей мотивировки. В.Панкратов. Января 24 дня 1918 [г.] Тобольск».

Вместе с Панкратовым ушел и его помощник Никольский. Власть официально перешла в руки отряда.

В одном из писем Романовых... С оставлением Кобылинского в отряде охраны [он] оставался единственный человек, сочу[в]ствующий царской семье, так как вслед за уходом Панкратова и Никольского были уволены из отряда многие солдаты оказавш[и]еся недостаточно надежными. На смену им в отряд прибыли новые солдаты из Петрограда.

Положение создается напряженным [для] тобольских властей. Посылки (прибытие. – Ю.Ж.) уполномоченных [из] Екатеринбурга [с задачей] следить за [всяким происходящим в городе] действием, [способствующим тому], чтоб[ы] Никалай скрылся, [а] также аналогичных представителей омских организаций и ряд других [так] все ни к чему [и] не привели [т. к.] происходили [постоянные] трения между отрядами [связанные, в первую очередь, с самым главным вопросом:] кто [же] должен быть ответственным за сохранность Романовых? [И что надо делать] чтоб[ы] [Царь] не скрылся?

Вопрос о положении в Тобольске [в]стал [наиболее] остро (остро. – Ю.Ж.) п[е]ред Екатеринбургским Советом [в] феврале 1918 г., ибо из полученных точных данных [и] сведений [говорилось] о большом наплыве (скоплении. – Ю.Ж.) в Тюмени и в Тобольске [бывшего] офицерства и [о] существовани[и] там организаций, поставивши[х] [перед собой] целью освобождение Романовых [что, в свою очередь,] заставило [его] еще внимательне[е] отнестис[ь] к этому вопросу. [В] начале марта [1918 г.] президиум Областного Совета постановил обратиться в[о] ВЦИК с предложением о переводе Романовых в Екатеринбург. Не дожидаясь ответа центра была послана [в] Тобольск экспедиция, которая должна [была] выяснить на месте [создавшееся в городе] положение, [а также] приня[ть] [ряд] предварительных мер [препятствующих] к увозу царской семьи. Для выполнения этого постановления был разработан предварительный план – загородить пути к побегу. Несколько

груп[п] надежных рабочих-большевиков должны были поехать в Тобольск и его окрестности, [т. к.] имелись пре[д]положения, что в случае побега Романовых [Они] могут отправить[ся] на Обдорск [316 - Бывший Лейб-Хирург В.Н. Деревенко никогда не содержался в доме Ипатьева в качестве узника.], где можно было сесть на английский пароход, или по тракту через Ишим – на Дальний Восток. [С этой целью] были командированы Советом несколько групп [с задачей] занят[ь] все [предполагаемые] пути [Их бегства] и [в] крайнем случае [при неповиновении во время] задержки (задержания. – Ю.Ж.) Романовых [– Их физического уничтожения]. Такое было вынесено решение Уралсоветом. Представители [такового] были командированы с командой бойцов с Урала. [Из] Екатеринбурга был послан в Тобольск [Урал]советом – Хохряков. По прибытии в Тобольск, благодаря всяки[м] неуряд[ицам] и недовери[ю] одн[ой] организации – другой, дело дошло даже до ареста Хохрякова [и] только переговоры с Омском и Екатеринбургом устранили взаимное недоверие. Надо отметить, [что в] подобной обстановке говорить о [какой-либо] перевозке Романовых на Урал было невозможно, т. к. охрана Романовых и омские представители требовали на это разрешени[е] центра. Считаюсь, однако, с нерешительностью омичей, уральцы приняли все меры к тому, чтобы подчинить все отряды своему влиянию, чего им [и] удалось добит[ь]ся.

Одновременно с этим, уральцам, совместно с бывшими в Тобольске коммунистами, удалось добит[ь]ся [исполнения] решающего вопроса перевыборов [местных] Советов. В результате этой компании перевыборов, меньшевики, эсеры [и] кадеты были изгнаны из Советов и председателем нового Совета был избран коммунист Хохряков Павел. С тех пор Совет начал принимать [самое] близкое [и деятельное] участи[е] в деле охраны Романовых. Стоял [также] вопрос на [одном из] заседан[ий] Совета, перевести [ли] Романовых [и] их свиту из дома губернатора на гору – в тюрьму, где с этой целью было приступлено к ремонту помещения, но впоследствии необходимость такого перевода отпала сам[а] собой. ВЦИКом было решено переве[з]ти Романовых из Тобольска в Екатеринбург.

Одновременно с посылкой экспедиции в Тобольск Уральский областной Исполком начал переговоры с центром о переводе Романовых на Урал. [С этой целью в Москву] был командирован член Президиума [Уральского Обл]совета Ф.И. Голощекин. На заседании ВЦИКа им был сделан доклад о положении дел в Тобольске и о необходимости принятия срочных мер по отношению к царской семье [и] переводе их [в] Екатеринбург. Президиум ВЦИК согласился на перевод Николая Романова и все[х] приближенных. [В] Тобольске [в это время] положение было неважное. Конр-революция [и] манархисты, которые орудовали вокруг дома Романовых (бывш. Губернаторского дома. – Ю.Ж.) [не прекращали своей деятельности].

[Чтобы каким-то образом разрешить создавшееся положение] ВЦИК решил послать [в Тобольск] особого комиссара, о чем было сообщено Уралсовету. [В качестве представителя ВЦИК] был назначен Яковлев, который должен [был] из

Тобольска вывезти семью Романовых. В. Яковлеву был прикомандирован отряд из рабочих Миньярского завода, под начальством Зенцова. К этому отряду были присоединены [некоторые из] уфимских боевых товарищей [вооруженных] несколькими пулеметами и кроме того Екатеринбургск[ий] Совет разрешил [В.В. Яковлеву] подчинить [себе имеющихся] в Тобольске [красногвардейцев, находящихся в непосредственном подчинении у] Хохрякова и Заславского [для] участия [в] сопровождении [Семьи Романовых во время их следования в Екатеринбург].

Уральский Областной Исполком [постоянно] получая из Тобольска тревожные сведения [о том], что белогвардейские организации [несмотря ни на что продолжает существовать и] действуют [еще более] усиленно, хотя [в] Тобольске [уже] были созданы Советы [вполне] прочные [и способные осуществлять] твердую власть Советов.

А в Т[ю]мени разгуливала неопределенность, большевицкого Совета не было. Характерно, [что] на одной улице сущест[во]вало два штаба [и] висели две вывески. На одной было объявление [о] запис[и] [в] Красную Армию, [а] на другой красовалась [надпись следующего содержания]: [«] Принимается (производится. – Ю.Ж.) запись добровольцев в Народную арми[ю] в штабе Народной армии[«]». [В этом штабе] вы [всегда могли] встретить офицерство и местное и приезжее. Это была уже организация, готовая к выступлению против Советской власти за освобождение Романовых из Тобольска.

Представитель [ВЦИК] Яковлев со своим отрядом прибыл в Тобольск 22 апреля 1918 го[да]. Приезд коми[с]сар[а] из Москвы, как называли его обитатели губернаторского дома, сильно [в]стревожил всю Романовскую семью и приближенную свиту. На другой день после приезда в Тобольск, Яковлев явился в дом Губернатора и опросил всех заключенных, не имеют ли они каких [-либо] претензий или жалоб на охрану. Никаких заявлений от Романовых не поступало. Потом Яковлев выяснил, что [в связи с] осложнением болезни [Цесаревича] Алексея, который зачастую болел приступами гемофилий [Его переезд в Екатеринбург временно невозможен]. Первое время сама Александра предьявляла много требовани[й], устраивали семейные совещания [и сами Романовы, на которых Они говорили] о создавшемс[я] положении. Предположения их были, вероятно, [таковые], что их повезут [в] Москву [и] что [ни] в коем случае она (Государыня. – Ю.Ж.) не отпустит мужа одного [и] что она сама должна с ним следовать. Были [также] предпосылки [и о том], что [возможной тому причиной может явиться] акт отречения от престола, [который] он подписал. Яковлев вновь пришел в Губернаторский дом и вызвал Романова. С ним вышл[а] жена. Яковлев недостаточно проявил энергии, как представитель власти. [Он] пускался [в] рассуждения могут [ли] оне ехать из Тобольска или нет, пустит ли жена Никалая [и т. д.]. После долгих разсуждени[й] Яковлев все ж таки решил выве[з]ти [Царскую семью из Тобольска]. Ехать было решено в тот же день ночью, так как река еще не вскрылась. Переезд до Тобольска (до Тюмени. – Ю.Ж.) [был в] 260 верст [которые]

необходимо было сделать на лошадях. Яковлев предложил Романовым взять с собой еще несколько человек с тем, что[бы] скорее сп[е]шить (успеть. – Ю.Ж.) переправ[иться] [через реку т. к.] Тобол должен [был] скоро вскрыт[ь]ся, а [о]стальных будет легко доставить на параходе со всем их багажом [после открытия навигации по рекам]. Ведя все эти переговоры с Романовыми, Яковлев, как это подтверждают [свидетели] из охраны, заявил им определенно, что их [по]везут в Москву. Александра выразила недоверие и сказала, что [до] нее дошли слухи, что нас (Царскую семью. – Ю.Ж.) везут на Урал. Она спросила Яковлева, окончательно ли решен этот вопрос[и] было [ли] дано [по этому поводу] утвердительное [подтверждение]. [В связи с этими обстоятельствами, среди охраны] стали распространяться слухи, что Яковлев намерен, вопреки решению центра, ве[з]ти Романовых не на Урал, а в Москву.

Поведение Яковлева, вызывавшее и ранее немало подозрений, заставило уральцов обратить внимание на эти слухи [что видно] из документов и личных разговоров. По инициативе уральцев, было организовано при Исполкоме Тобольского [Совдепа] совещание. На нем всеми высказывалось определенное недоверие к Яковлеву и было постановлено, в случае необходимости произвести нападение на его отряд в пути [следования], с целью отбить Романовых [317 - Члены Союза бывших фронтовиков никогда не ставили перед собой целью освобождение Царской Семьи.].

Яковлевым было созвано общее собрание солдат тобольской охраны от которой он хотел заручит[ь]ся доверием и поддержкой. Нужно сказать, что солдаты охраны не совсем доверчиво отнеслись к Яковлеву и на собрании требовали от него, чтобы они также сопровождали Романовых. Яковлев решительно отказывался, он доказывал надежность своего отряда, но солдаты настаивали [более] решительно, [в результате чего] он согласился взять из охраны 8 человек, которых он сам отобрал. Таким путем Яковлеву удалось заручит[ься] [доверием охраны] и тем [самым] было упрочено его положение в Тобольске.

Романовы прекрасно понимали, что их желание поехать в Москву, теряет под собой почву [так как] оне более всего боялись Урала. Тем не менее они понимали, что как и в том, так и в другом случае их надежды на побег рушатся окончательно. Оне з[н]али, что им удас[т]с[я] при помощи их приближенных, которые свивали крепкое гнездо вокруг Романовых [осуществить побег], но [у них] получился прос[ч]ет в этом [деле], ибо все кто мечтал об освобождении, то [есть] ихние слуги, прежде сего занялись дележом – кто [из них] будет играть 1 [-ю] роль в этом [деле].

Романовы [свой] отъезд задерживали под разным предлогом [прикрываясь, в первую очередь] болезнью сына и ждали разлива реки Тобола, который должен был про[и]зойти со дня на день. Чтобы оттенуть время... Она (Государыня. – Ю.Ж.) верила, что час настанет и дру[з]ья их ос[в]ободят. Она верила [в] чудо, но чудо не совершилось [и] надежды на побег не збылись.

Настал последний момент [когда] она должна [была] попрощат[ь]ся с Тобольском и своими при[с]пешниками всех мастей.

26 апреля [1918 г.] [в] четыре часа утра были поданы подводы к дому губернаторскому. Пассажиры разместились по тарантам. С Николаем не рас[с]тавался сам Яковлев. [В] одну из повозок сели Александра с Марией, и остальные разместились в других коробках, и поезд тронулся в путь с охра[ной] конвоя. [Вскоре им] пришлось переправля[ть]ся через реку Иртыш. Лед [на реке] уже был слабый и переправа была сопряжена с известным риском, ибо время подходил[о] [к] оттепели, но переправились[ь] [все же] хорошо через реку.

Заранее по пути намечены были остановки, где менялись подводы, но Яковлев разрешил (отдавал распоряжения. – Ю.Ж.) [перепрягать лошадей только] в крыт[ой] повозк[е] [в остальные же коробки] впрягать других лошадей [не было необходимости, так как новые подводы подавались уже с заранее впряженными в них лошадьми]. Надо заметить, что Яковлев был весьма любезен с романовыми и больш[е]ю частью проводил время около Александры и Марии, развлекая их. 1 [-я] начевка была в селе Бочалино, на берегу [реки] Тобола, при впадении в нее [реки] Тавды. Под селом Иовлевым (в селе Иевлево. – Ю.Ж.) [куда] приехали уже [слишком] поздно [остановились] для ночлега. [В нем заранее] был отведен большой дом [в] 2 этажа. Надо отметить, что Романовым было дозволено забрать из Тобольска [свои] походные кровати, [так что на ночлег] они разместились [с] некоторым удобством.

За следованием Яковлева уже было предпринято преследование в пути, командированными [в Тобольск] представителями уральских организаций, в отрядах которых окончательно установилось мнение о ненадежности Яковлева. В первый момент даже была мысль о необходимости отбить у него царскую семью. Я[ковлев] подозревал об этом [и знал также о том] что за ним следят [вследствие чего] он [был] вынужден маневрировать. Проез[ж]ая село Покровское, – родину Распутина, была сделана остановка лошадей. [Повозки с пленниками во время этой остановки] расположились как раз против дома Распутина. По сведениям команды сопровождения, которые рассказывали, что [были свидетелями того, как] во всех окнах распутинского дома были люди, махавшие белыми платками, [а] Александра, сидя в своем тарантасе, отвечала на [эти] приветствия.

По прибытию в Тюмень [Романовы и сопровождавшие их лица] были встречены председателем Тюменского Совета Немцовым. 27 апреля 1918 [г.] приехали в Тюмень, где подан был поезд для дальнейшего следования в Екатеринбург. [Романовы] были размещены в 1-го класса вагон[е], где [вместе с ними] и следовал с отрядом Яковлев. Посадка [в] вагоны закончилась к часу ночи. В это время прибыл тюменский председатель Немцов и вместе [с В.В. Яковлевым] они пошли на станцию [к] прямому проводу для переговоров с Москвой. Когда вернувшийся [назад] Яковлев сообщил следовавш[ему] с ним представител[ю] Екатеринбурга Авдееву [и находившимся в купе товарищам о результатах своих переговоров с представителями Центра, он приказал никому не оставлять поезда и, в первую очередь, Авдееву], которого из вагона [и] от себя уже не отпускал. Яковлев сказал, что по распоряжению Центра он должен ве[з]ти Романовых не [в] Екатеринбург, а в

Москву, через Омск – Челябинск – Самару. Авдееву удалось сообщить об изменении маршрута [через своих] товарищей об этом [в] Екатеринбург.

Яковлев повез Романовых [в] 5 часов утра. 28 апреля [1918 г.] поезд с Романовыми двинулся по направлению к Омску. Впоследствии выяснилос[ь], что Яковлев зная, что Романовых на Урале ждет расстрел, решил спасти их и думал по пути на Самару высадить их и скрыть на время в горах Симского округа.

Хотя Екатеринбургский Совет [и] предпринял все меры, чтоб[ы] не выпустить Яковлева с Романовым[и] [но все-таки] Екатеринбургский Совет получает сообщение из Тюмени, что Яковлев выбыл из Тюмени с поездом при потушенных огнях [и проследовал] по направлению на Омск. Телеграмму об этом [факте] дал Бусяцкий, приехавший со своим отрядом в Тюмень уже после от[ъ]езда отсюда Яковлева.

С получением извещения, Екатеринбургский призидиум Совета собрал совещание, совместно с комитетом партии коммунистов. Совещание решило объявить Яковлева изменником революции и дать о случившемся телеграмму: Всем, всем [всем!] В этой телеграмме, разосланной немедленно, было указано, что Яковлеву ВЦИК поручил организовать и произвести перевозку Романовых из Тобольска в Екатеринбург. Несмотря на это, без ведома Уралсовета, он направил поезд на Омск. Телеграмма заканчивалась объявлением Яковлева изменником революции и ставила его вне закона. И одновременно [Уральский] Областной Совет снесся по прямому проводу с Омском, где председателе[м] Сибзапсовета был в то время стар[ый] коммунист тов. Косарев, и потребовали от него [принятия] немедленных решительных мер для противодействия проезда поезда [В.В. Яковлева] в Сибирь или на Челябинск /через ст. Коломзино/ (ст. «Куломзино». – Ю.Ж.). Омский совет немедленно выслал значительные силы на ст. Коломзино, дав распоряжение остановить поезд Яковлева и повернуть его обратно на Тюмень. [Но] и здесь Яковлев [по-прежнему] маневрировал. [Было] ясно, что он хотел Романовых скрыт[ь] от уральск[их] организ[аций].

В эти дни в Екатеринбурге происходила 4-я Уральская областная конференция большевиков, на которую съехалось 102 делегата от 51 [-й] организации Урала, в то время представлявших 30.278 членов партии. Конференция одобрила действия партийного комитета и Областного Совета, и в частном совещании большинство делегатов высказалис[ь] за необходимость скорейшего расстрела Романовых, чтобы в будущем предупредить все попытки к освобождению бывшего царя и [тех], кто думал вос[с]тоновить в России монархи[ю].

Направив поезд на Омск, вопреки указаниям Москвы и Облостного Совета Урала, Яковлев пытался убедить ехавшего с ним в одном купе представителя Уральского Совета Авдеева в то[м], что целесообразно везти Романовых в Москву, мативируя [это свое мнение тем, что при] [наз]начении его в эту ответственную командировку, в личной инструкции (полученной им от Я.М. Свердлова. – Ю.Ж.) ему было указано на необходимость [особо тщательной] охраны Романовых, [гарантирующей] от всяких покушений на жизнь Романовых. С приближением к Омску Яковлев узнал от

железнодорожной администрации о телеграмме Уралсовета. От [этой] администрации же он узнал, что Омск готовится задержать [его] поезд и выслать с этой целью вооруженные части на станцию Куломзино, откуда поезд должен был свернуть на Челябинск. Яковлев [решил] узнать, что [же] омичи предприняли [против него и какие] меры [уже введены в действие с целью] не пропуска [задержания. – Ю.Ж.] [его] эшелона. Он решил остановить [поезд] на станции Люблинской, а сам выехал с паравозом и одним вагоном, в сопровождении нескольких своих товарищей [в] Омск. 28 апреля 1918 г. в Омске его встретил представитель Запсибсовета [который] на основании переговоров с Уралсоветом предлож[ил] Яковлеву ве[з]ти Романовых в Екатеринбург. Яковлев настаивал на новых переговорах по прямому проводу с Москвой. Совместно с председателем Запсибсовдепом он вызвал к прямому проводу Якова Михайловича Свердлова и изложил [суть дела, пояснив при этом, что] уральцы требуют [от него] выдачи Никалая, [и] на основании это[го] он решил изменить маршрут. Из Москвы было получено предложение (указание. – Ю.Ж.) везти Романовых в Екатеринбург, где [Яковлев] должен [будет] и сдать их Областному Совету Урала. Яковлев, чувствуя, что силой через Куломзино не проедешь, решил на этот раз подчинит[ь]ся распоряжению Центра. Со станции Люблинской поезд [с Царской семьей] пошел обратно на Тюмень. Действительная причина изменения маршрута от Романовых скрывалась, и [только при] возвращени[и] поезда обратно из Сибири, Романовы, видимо понели, что их везут уже в друго[м] направлении – на Урал, [в] Екатеринбург.

Поезд прибыл [в] Екатеринбург утром 30 апреля 1918 г. Приезд [и все связанное с ним] застало Романовых в большой тревоге, [как] рассказывал [один из] сопровождающих [Их] солдат охраны, который был в Тобольске, – П.М.Матвеев. В охрану (из охраны. – Ю.Ж.) [Царской семьи] он был взят Яковлевым [в качестве] сопровождающего. Он так рассказывает о настроении Никалая и всех присутствующих [с Ним лиц] перед приездом [в Екатеринбург].

«Под[ь]езжая к Екатеринбургу, мной было приказано конвою быть [в] полном порядк[е], одет[ь]ся. Я встретил Ника[ла]я выходящего из купе. Он спросил:

– Скажите, вопрос определенно решен, что мы останемся в Екатеринбурге?

Когда он получил от меня утвердительн[ы]й ответ, что

– Да, в Екатеринбурге, он [в]здыхнул и сказал

– Я бы поехал куда угодно, только не на Урал.

Я было сказал Никалаю, что

– Не все ли равно куда ехать, раз везде в России Советская власть?

Он ответил, что все-таки на Урале ему оставаться не хочется, так как он понимал, что уральские рабочие настроены резко против него и он это [хорошо] понимал [»].

Когда поезд [В.В.Яковлева] прибыл на станцию Екатеринбург I, к приходу поезда собралась громадная толпа железнодорожников и ряд других [граждан], требовавш[их] показать [им] Романовых. По соглашению с представителями Облостного Совета было решено поезд [с Царской семьей] отвезти обратно на

станцию Екатеринбург II-й, где и должны были высадит[ь] Романовых.

//-- Столица Урала --//

На станции приход поезда ожидали представители Областного Совета. Вся прибывшая семья Романовых была посажена на автомобили [на которых Они] и поехали в город.

Еще до приезда Романовых в Екатеринбурге для них, по распоряжению Совета был приготовлен особняк инженера Н.Н. Ипатьева [расположенный] на углу Вознесенского проспекта /теперь улица Карла Ли[б]кнехта/.

[Этот дом] расположен на вершине холма господствующего над городом. По Вознесенскому переулку начинается спуск [к] пруду, расположенному в центре города. Таким образом, дом Ипатьева находился на косогоре так. Что из двух [его] этажей, нижний, с одной стороны, – полу-подвальный, [а] с другой находится выше уровня улицы. Вход в верхний этаж с площади, причем между уровнем площади и подъездом [был] устроен спуск для подъезда (для экипажей и пешеходов. – Ю.Ж.). Здание было выбрано удачно, как находящ[е]еся в центре города и удобное в стратегическом отношении[и].

Владельцу дома [Уральским] Советом предложено было в 24 часа освободить (освободить. – Ю.Ж.) дом и вокруг дома был устроен наскоро забор, защищающий дом от взглядов с улицы. Впоследствии, по фасаду дома, по косогору и с площади, а также вдоль сада находящегося ниже дома, был поставлен второй высокий забор.

[С] приездом Николая под конвоем 30 апреля 1918 г. в Екатеринбург [Он] был водворен в [этот] дом [и заключен в нем вместе с Семей] под особую охрану.

Вечером того же дня было созвано совещание Исполкома, на котор[ое] вызвали Яковлева. Последний явился на [это] заседание, где был заслушан доклад [двух] представителей Исполнительного Комитета [Уральского Областного] Совета, которые доложили [собравшимся о деятельности В.В.Яковлева и указали] на недопустимо верноподданническое отношение Яковлева с Романовыми в Тобольске и во время пути [следования в Екатеринбург].

[Следует отметить, что] было достаточно компрометирующих материалов против него и [присутствовавшие на этом собрании члены Исполкома] требовали немедленного производства обыска в поезде [В.В. Яковлева], обезоруж[ива]ния гвардейцев и ареста Яковлева. На пред[ъ]явленные к нему обвинения, Яковлев отвечал, что хотя он и получил в Москве распоряжение доставить Романовых в Екатеринбург, однако имея словесное указание Я.М. Свердлова охранять Романовых всеми средствами и учитывая настроения в Тобольске Заславского и Авдеева, подготовлявших, по его убеждению, покушени[е] на Романовых, он решил донести (довести. – Ю.Ж.) [до сведения] ВЦИК о своих опасениях, связанных с переводом Романовых на Урал. [Все] разговоры [с] ВЦИК велись [им] по прямому проводу. Яковлев предоставил (представил. – Ю.Ж.) Уралсовету [все] ленты аппарата (телеграфных переговоров с Москвой. – Ю.Ж.). Из этих записей (лент. – Ю.Ж.) видно было, что Яковлев не доверял Уралсовету и стремился сохранить

особу Николая Романова и их (Его. – Ю.Ж.) приближенных [а также] просил у ВЦИК разрешения увезти бывш[е]го царя к себе на родину, в уфимскую губернию и скрыть в известном ему месте в горах. ВЦИК это [его] предложение, конечно, отверг. Тогда Яковлев, по его словам, не решаясь [ь] ехать в Екатеринбург прямо из Тюмени [изменил маршрут] так как он боялся нападения на поезд представителей Уралсовета, и поэтому повез Романовых окружным путем через Омск [и] Куломзино.

Конечно об[ъ]яснения эти Уралсовет не удовлетворили, [т. к. его члены посчитали], что это простая увер[т]ка Яковлева [и попытка уйти] от правильного [правдивого. – Ю.Ж.] ответа. Уралсовет решил Яковлева отпустить в Москву. Ему был выдан официальный документ [гласящий о том], что Романовы приняты [в] Екатеринбурге Уралсоветом.

Как только открылась навигация, оставшиеся в Тобольске члены царской семьи были также переведены в Екатеринбург. 23 мая 1918 [года] дети Романовых были отвезены в дом Ипатьева, где содержался Николай. Также с ними из Тобольска прибыл[а] остальная свита [и] приближенные – всего 27 человек. [В] доме Ипатьева оставили совместно с романовыми следующих лиц: Ботки[н], Деревенко [318 - Об этом факте см. подробнее в воспоминаниях бывшего Члена Коллегии УОЧК И.И. Родзинского.], Демидова.

Только с переездом на Урал Романовы действительно были переведены на режим арестованных. Они находились под самым бдительным надзором охраны. Внутренний режим жизни Романовых изменился. Не было уже того довольства (довольствия. – Ю.Ж.) [и] той большой свободы, которой они пользовались в Тобольске.

Ден[ь] расписания (распорядок дня. – Ю.Ж.) для них был установлен обычно так. Утром вся семья пила чай, часа [в] 2 – обед, который приносили из местной столовой. Обед состоял из мясного супа и котлет, но у к ужину подавалос[ь] то же блюдо, что и к обеду.

Время прогулки [было] установлено, обычно один раз в день, в течение 15–20 [-ти] минут. День и ноч[ь] [в] верхнем этаже стоял караул [состоящий из] 3 [-х] человек и [имелись также] наружные посты. Наблюдали четко, ибо охрана была вверена лучшим рабочим [уральских] заводов.

Как [мы] видим, обстановка жизни Романовых в доме Ипатьева мало напоминала их тобольское заключение. Их разгул кончил[ся], [он] нашел [свой] предел (предел. – Ю.Ж.).

[К] находящи[мся] Романов[ым] [в] Екатеринбурге так же стали стягиват[ь]ся контрреволюции представители [и] разных мастей монархист[ы]. Вокруг дома [Ипатьева] создавались тайные организации для освобождения (освобождения. – Ю.Ж.) Романовых. По данным (по свидетельству М.К. Дитерихса. – Ю.Ж.) [в] середине июня 1918 [года] из Одессы приехал в Екатеринбург видный монархист.

[Этот] старый офицер [и] бывший флигель-ад[ъ]ютант – Сидоров Иван Иванович [прибыл в город] с целью освобождения (освобождения. – Ю.Ж.) царской семьи. [В

то время] белогвардейские организаторы действовали открыт[о]. Пользуясь [поддержкой осмелевшей] в связи с близост[ь]ю фронта буржуазии[ей] они готовились в удобн[ый] момент поднять в городе вос[с]тание с целью освобождения (освобождения. – Ю.Ж.) Романовых из ипатьевского дома.

Успех такой попытки не был исключен в то время. [Так, например], получилось восстание на Верх-Исетском заводе. 1918 [года] июня 15 числа [организованное Союзом] бывших фронтовиков, – был такой Союз. Возглавляли это вос[с]тани[е] офицер Кардапольцев, Мамкин, Балакин, Логинов. Нахритов был взят [в плен и на допросе показал, что] план их [заключался в том, чтобы] разоружит[ь] Верх-Исетский отряд [Красной гвардии] и напасть на дом, где находился Николай [319 - Войска Верховного Правителя А.В. Колчака в июле 1918 г. просто не могли рваться к Екатеринбург, так как он стал таковым лишь 18 ноября 1918 г., т. е. спустя четыре месяца после трагической гибели Царской Семьи.]. Но мечты остались мечтой. Вся эта белогвардейская шайка была ликвидирована, главари были захвачены и расстрелены.

Попытка сорвалась также и [у] имевш[его] касательство к семье Романовых [а конкретно к попыткам] их освобождения [которое предпринимал] некий майор сербской службы (военнослужащий сербской армии. – Ю.Ж.) Магич (М. Мичич. – Ю.Ж.), [а также] фельдфебель Божечич (М. Божичич. – Ю.Ж.) [и] Смирнов – управляющий делами Сербской королевы Елены Петровны, жены бывшего великого князя Ивана Константиновича (Иоанна Константиновича. – Ю.Ж.).

Вокруг [Царственных Особ] создавалась [в буквальном смысле] паутина [из контрреволюционных заговоров, особо ощущаемая] около дома [Ипатьева], которая думала (стремилась. – Ю.Ж.) всем и способами [оказать] помощ[ь] божьему Помазаннику. Белогвардейские организаторы действовали довольно открыто. С приближением фронта он[и] создали (организовывали. – Ю.Ж.) связ[ь] с заключенными в доме особого назначения. Часты[ми] случая[ми] [подобной связи] были ма[на]шенки местного монастыря [которые] стали носить разного рода лакомства для Романовых. [Это] все принималось [но кое-] где [в подобных подношениях] зачастую [приходилось] находить записки [для арестованных] запечатанные [в пробках] бутылочки [или] в хлебе. Был случай [когда монахинями] было принесено молоко [в] бутылке, закупорен[н]о[й] так удачно пробкой, где так умело сидела (сидела. – Ю.Ж.) записка, которую обнаружили [при досмотре этой передачи]. Содержание это[го] письма [следующее]:

«Час освобождения (освобождения. – Ю.Ж.) приближается, и дни узурпаторов сочтены» – пишут друзья [Романовых в этой записке] [320 - В ночь с 16 на 17 июля 1918 г.].

Еще одна записка [которая была] обнаружена также в пробке [молочной бутылки, принесенной из монастыря, гласила следующее:]

«Славянские армии [все более и более] приближаются к Екатеринбург. Они в нескольких верстах от города. Момент становится критическим. Этот момент наступил, надо действовать».

Что «час столь долгожданный настал» [и] дале[е] [медлить недопустимо, свидетельствует еще весьма] характерные письма [передаваемые Романовым:]

«С божьей помощью и вашим хладнокровием надеемся достичь нашей цели, не рискуя ничем. Необходимо расклеить одно из ваших окон, чтобы вы могли его открыть; я прошу точно указать мне окно. В случае, [если маленький] царевич не может идти, дело сильно осложнится, но мы [и] это взвесили и я не считаю это непреодолимым припятствием. Напишите точно, нужны ли два человека, чтобы Его нести, и не возьмет ли это на себя кто-нибудь из вас».

Далее пишется [что:]

«Нельзя ли [было бы на] 2 [часа] ус[ы]пит[ь] Алексея. К побегу [мы] предоставим все нужное, будьте спокойны».

Далее пишется:

«Мы не предпримем ничего, не будучи совершенно уверены в удач[е] заранее. Даем вам в этом торжественное обещание перед лицом Бога [и] перед собственной совестью».

[Письмо] подписано: «Офицер».

Когда чита[ешь] эти письма перехваченные к Романовым (перехваченные у Романовых. – Ю.Ж.) [даже] простая фантазия [отказывается понимать происходившее, воспринимая таковое, не иначе, как] бред сумасшедших.

Приношени[я] из монастыря [и]передачи (передавали. – Ю.Ж.) [в] корзинках [в которых] все это (записки и письма к Романовым. – Ю.Ж.) обнаруживалось. Не подавая вида [в том, что об этих записках давно уже известно Уральскому Областному Совету, таковые] снова вкладывались обратно [вследствие чего] получая обратный ответ [Романовых, который возвращался назад] в этой [же] корзине, где [уже] был [очередной, предшествующий ему] ответ [«с воли»].

Со своей стороны и Романовы дают информацию о положении внутри дома, опис[ывая] [в одном из своих писем-ответов] расположение [его комнат:]

«Второе окно от угла, выходящего на площадь, стоит открыто уже два дня. Окна 7-е и 8-е около главного входа, тоже выходящ[и]е на площадь точно также [всегда] открыты. Комната занята комендантом и его помощником. Охрана составляет 13 человек вооруженных ружьями, револьверами и бомбами. Ни в одной двери, за исключением нашей, нет ключей. Дежурный делает обход ночью два раза в час, и мы слышим, как он под нашими окнами бряца[е]т оружием. На балконе стоит один пулемет, а над балконом – другой».

[В] общем Никалай достаточно [хорошо] зделал ор[и]ентацию [для заговорщиков], но все [это оказалось] пустое. Вся переписка дал[ь]ше корзинки не шла [и] все [их] замыслы были известн[ы]. А они [-то] думали [в] своей недальновидн[ости], что все это так просто [и] можно вести переписку! Это [был Им] не Тобольск, а Екатеринбург! Так оне и жили [в] мысл[ях] о скором освобождении (освобождении. – Ю.Ж.). Никалай пытался отправ[лять] письма [в] конверте с цветной подкладкой, где [Им] был [спрятан] план [дома Ипатьева вместе

с) обозначение[м] всех комнат [верхнего этажа]. [Однако], вся эта переписка попадала [всегда] в руки советскому надзору.

Внутри дома заключенные принимали все меры к тому, чтобы расположить к себе охрану. Большим дипломатом действующим от имени Романовых был Боткин, часто приходивший в комнату коменданта и пытавшийся ловкими разговорами выведать положение Романовых и отношение к их судьбе [Уральского] Совета и центральной власти. Из семьи Романовых одна [только] доч[ь] Мария проявляла большую активность в этом деле [и] при каждом удобном случае кокетничала с солдатами охраны. Все это заставило, в начале июля, Областной Совет насторожит[ь]ся [результатом чего] была [проведена] достаточно строгая проверка составу охраны [повлекшая за собой] изменение в [его] личном составе.

//-- Расстрел Никалая Романова и Его семьи --//

Областной Совет имея сношени[я] с центром [в] отношени[и] Романовых [и] по отношени[ю] их [над Ними. – Ю.Ж.] суда гласного...

Вопрос [в]стал чрезвычайно остро [т. к.] [к] Екатеринбург[у] приближались белогвардейские войска Колчака [321 - Время указано неверно, так как убийство Царской Семьи и находящихся при Ней верных слуг было совершено 17 июля 1918 г. около 2 часов 50 минут по местному времени.]. [Во всем] чу[в]ствовалось напряженное положение [в связи с тем], что город не удержат[ь].

В[с]тал вопрос [о том, что] ника[ко]го гласного суда п[е]ред народом не делать, да и н[и] к чему [это было], ибо с ожидаемой временной сдач[ей] Екатеринбург[а], чтобы не дать в руки контр-революции возможность[и] ослобонить (освободить. – Ю.Ж.) Никалая и с помощью царя играть на темноте отдельных [представителей] народных масс и сделать подставную фигуру царя.

Эмоции белогвардейских г[л]аварей, их подвижников и интервентов не збыл[и]сь. На подстамент[е] (постаменте. – Ю.Ж.) фигур[ы] [Царя] не окизилось (оказалось. – Ю.Ж.). Советская власть [и] диктатур[а] рабочего класса вынесла [свой] приговор. Он был приведен [в исполнение] 16-го июля 1918 г. [322 - Трупы из шахты были извлечены днем 17 июля 1918 г. сотрудниками УОЧК.]

Всем находящим[ся] по[д] стражей, [а также] царской семье и Никалаю было предложено спустит[ь]ся в нижний этаж. Было объяснено им, что [их жизни] угрожает опасность [и] что их повезут из Екатеринбург[а] [в Москву], как они и ожидали, [и] что их [затем] вышлют из пределов России.

Когда все были переведены в нижний этаж [и собрались] в намеченную [заранее одну] из комнат для исполнения приговора [совершился пролетарский суд] над Кровавым Самодержцем [подлежащим безоговорочному уничтожению] за все нанесенные человечеству тиранства и горе, за те жертвы приговоров вынесенных [революционерам за годы Его правления], расстрелов, каторги, с[с]ылки [за которые] он должен [был] нести ответ перед народом. Настал долгожданный день, когда сам рабочий класс будет судить коронованного императора! Этот час настал. Суд состоялся.

1918 г. [в] 10 [час.] 30 м [323 - Под словами «1-й Крематорий» П.З. Ермаков имеет

в виду, что трупы Царской Семьи были сожжены, хотя на самом деле попытке сожжения были подвергнуты только два трупа – Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и Великой Княжны Марии Николаевны.]. [был] приговор приведен в исполнение [над] Романовым[и] и их сподвижниками. Были все расстреляны. [Все] 11 человек [были расстреляны] в доме, где они содержались [под арестом].

После рас[с]стрела [трупы] все[х] [казненных] были уложены в грузовой автомобиль. По заранее намеченному пути автомобиль выехал за город: на Верх-Исетский завод [а затем на] лесную Урочищу [расположенную] на 8 [-ом] километре [от города], где когда-то были (велись. – Ю.Ж.) разработ[ки] [по] добыч[е] руды.

В эту ноч[ь] только трупы были спущены в шахту. [Это было сделано] для того чтоб[ы] скрыть [их дальнейшее место захоронения от] сопровождавш[их] [машину] люд[ей], которые не все [были] должны знать.

В ноч[ь] [на] 17 июля [324 - Доктор В.Н. Деревенко расстрелян не был.] все трупы были достаты (извлечены. – Ю.Ж.) из шахты для того, чтоб[ы] окончательно покончить [с] Романовыми и чтоб[ы] ихние друзья не думали [бы] создавать [из их останков] святых мощей. Все трупы [казненных], при помощи серной кислоты и керосина были сож[ж]ены. Был и 1 [-й] Крематорий [325 - Все нижеперечисленные лица были не расстреляны, а сброшены в шахту, будучи перед этим зверски умерщвленными, посредством нанесения сильного удара обухом топора в затылочную часть головы.] над коронованным разбойником [проделан] так, [что] белогвардейцам и всей контр-революции на постамент фигуры не стало. Урал покончил навсегда [с] игом самодержав[ия].

Решение (об исполнении. – Ю.Ж.) [этого] приговора было донесено (доложено. – Ю.Ж.) [в] Президиум ВЦИК, председателю его Я.М. Свердлову. И в тот же вечер сообщение о рас[с]стреле сделал Свердлов на заседании Совета Народных Комиссаров. Никаких суждений об этом [сообщении] не было. [Присутствующие на заседании лица] приняли [информацию Я.М. Свердлова] к сведению, [после чего] Ленин (В.И. Ленин. – Ю.Ж.) предложил [всем] передти (перейти. – Ю.Ж.) [к] очередной работе (к очередному вопросу данного заседания. – Ю.Ж.)

Нашли себе предел за все тиранства над рабочим классом <неразб.> император на Урале.

19 июля 1918 [года] Совет [ом] Народных Комиссаров был опубликован Декрет о конфискации имущества Никалая Романов[а] и членов бывшего императорского дома, а также все[го] [Их] родственно[го] потомств[а] – великих князей и княжен императорской крови, которые также нашли себе могилу на Урале.

Официально о расстреле Романовых было опубликовано [в центральной печати] 22 июля 1918 г. На рабоч[ем] митинг[е] [в Екатеринбургском] городском театре, со стороны рабочих [это сообщение] было встречено бурным выражением восторга. Была принята на [этом] митинг[е] резолюци[я], [в] котор[ой] говорилось:

«Казнь Николая Кровавого служит грозным предостережением буржуазной монархической контрреволюции, пытающе[й]ся затопить в крови рабоче-

крестьянскую революцию».

Расстреляны пролетарской рукой бывший царь и его семья:

1 Никола[й] Романов

2 Александра – жена

3 Ольга – дочь

4 [Та]тьяна – дочь

5 Анастасия – дочь

Мария – дочь

Алексей – сын

Демидова – приближенна[я]

Деревенко – приближен[ный] [326 - Князь Императорской Крови Иоанн Константинович.]

Боткин – дворцовый врач.

//-- * * * --//

Все приближенные – великие князья и княжны, которые находились [вместе] с царской семьей в Тобольске, он[и] по решению Областного Исполкома были привезены [в] Свердловск (Екатеринбург. – Ю.Ж.) и содержались отдельно [в местах] заключения.

[В]последствии [они] были выданы алапаевской организации, где также пролетарским судом их судили [после которого им] был вынесен приговор – расстрелять, [в]виду приближения белогвардейских частей Колчака. [Этот] приговор был приведен [в исполнение] [327 - Такого человека не было среди убитых.].

18 июля 1918 [года] были расстреляны нижеследующие [лица]:

Бывший великий князь

1. Сергей Михайлович

2. Елизавета Федоровна

Сыновья бывшего великого князя Константин[а] Константинович[а] [:]

3. Иван Константинович [328 - Королева Сербская Елена Петровна накануне убийства выехала в Екатеринбург и поэтому осталась в живых.]

4. Игорь Константинович

5. Константин Константинович

6. Владимир Константинович

7. Палей – сын бывшего великого князя Павла Александровича

8. Сербская королева бывшая – Елена.

ЕРМАКОВ

Брат императора [Николая II] – Михаил рас[с]трелен [в] Перми [в] 1918 [году].

//-- РАССТРЕЛ БЫВШЕГО ЦАРЯ --//

Место заключения Николая был бывший дом Ипатьева, под названием дома

Особого Назначения с подвальным этажом. На верху размещалась семья РОМАНОВА из самого Николая, жены, 4 дочерей, доктор Боткин, фрейлина и дядька [329 - «Дядька» Наследника Цесаревича – Отставной Квартирмейстер Императорской яхты «Штандарт» К.Г. Нагорный.].

Условия содержания Романовых в отношении режима были довольно свободные и во внутреннюю их жизнь распределения (распорядка. – Ю.Ж.) дня не вмешивались. Ежедневно заключенных выводили гулять в садик, который был на задах дома, обнесенный деревянным забором, во время прогулки им было предоставлено инструменты для физической работы [330 - Несмотря на неоднократные просьбы, никаких инструментов для физической работы Государю выдано не было.].

Во время заключения Николай к своему заключению относился довольно спокойно, т. е. не наносил особого оскорбления, кроме требования дать ему во время обеда вина [331 - Данный «факт» – фантазия П.З. Ермакова.].

Можно считать человек был бесхарактерный.

Но не так вела себя Александра, она все время протестовала, придиралась ко всему, а зачастую оскорбляла охрану и даже были случаи представителей Областного Совета [332 - Это также фантазия П.З. Ермакова, так как бывшая Императрица лишь один раз высказала свое возмущение во время досмотра ее личных вещей, произведенного при заселении в дом Ипатьева.].

Какже (так же. – Ю.Ж.) вела себя [и] остальная семья, надо сказать, что сын Алексей не ходил, его возили в коляске, что-то было с ногами [333 - Как известно, Наследник Цесаревич был болен гемофилией и после перенесенной им в Тобольске травмы не мог передвигаться самостоятельно.], дочери вели себя спокойно, за исключением одной, которая старалась со старшим конвоем (конвоя. – Ю.Ж.) заговаривать ласково, но можно было понимать, чтобы не найдется ли доброй души и поможет бежать, но увы, мечты были напрасны.

Какое же место заключения было вокруг дома, было обнесено высоким деревянным забором, который скрывал дом от любопытства проходящих. Охрана охраняла два поста снаружи, два поста внутри ограды, т. е. в фасаде задней стены, выходящей в сад и внутренних два поста [334 - На самом деле постов было гораздо больше. Более подробно о таблице постов указано в приведенных в данном издании протоколов допроса М.И. Летемина, П.С. Медведева, Ф.П. Проскурякова и А.А. Якимова.].

Надо отметить с приездом Николая в Свердловск (Екатеринбург. – Ю.Ж.) из Тобольска, в Екатеринбурге стало заметно, что стягивается разный элемент, под всяким предлогом искали доступ к свиданию.

Был случай приезжали представители Красного Креста, члены дипломатической миссии, были делегаты сербского посланника и даже сербского генерального штаба, не помню Магич или Мигич, будто бы для переговоров. Ввиду неудачи военных действий, это не входило в мою компетенцию разрешение Областной Исполнительный Комитет. Надо еще сказать, что в передаче пищи (в корзинках с пищей. – Ю.Ж.), которую часто носила монашенка Екатеринбургского Тихвинского

монастыря находились письма «Молим бога за вас, бог вас хранит», но и в других посылках передавались лучшие письма, которые были более существенны, были писаны, повидимому, офицерами, которые вили гнездо для восстания. Было одно письмо, которое я хорошо помню, где говорилось: час освобождения приближается, славянская армия все более приближается к Екатеринбург, она в нескольких верстах от города, дни узурпаторов сочтены. Момент становится тяжелым, надо бояться кровопролития, дальше было написано надо действовать за частую подпись офицера [335 - Имеются в виду подметные письма, написанные на французском языке сотрудником УОЧК И.И. Родзинским.]

Надо сказать, что Екатеринбург угажала опасность, вокруг Екатеринбурга вспыхивали восстания, как-то: в Невьянске да и В-Исетске восстание офицеров и разного сброда, торгаша и прихвостней старого строя. Этот момент был критическим, со стороны Челябинска шли чехословаки, которые шли на Екатеринбург, в общем Екатеринбург угажала опасность, было время решительное, был вопрос несколько раз на обсуждении малого круга президиума [336 - Под «малым кругом президиума» П.З. Ермаков имеет в виду совещание членов Исполкома Уральского Облсовета, состоящим исключительно из членов партии большевиков.] о расстреле, был даже помню, в первых числах июля, велись переговоры с центральной властью, которая просила направить в центр и там устроить суд, за подписью Якова Михайловича Свердлова как Председателя Центр. Комитета смог договориться, но и требование уральских рабочих было для Областного Совета резким, Совет должен был считаться да и отправлять было рискованно, могли по дороге отбить; момент был колеблющий и на требование Екатеринб. Областного Совета перед центром о расстреле Николая было дано согласие за подписью Свердлова, но о семье, я помню, не говорилось ни звука [337 - Официальной санкции на расстрел бывшего Императора ВЦИК РСФСР, в лице его председателя Я.М. Свердлова, не давал, а, провозжая Ф.И. Голощёкина, дал лишь устное указание в отношении его дальнейшей судьбы. Подробнее об этом см. в воспоминаниях М.А. Медведева (Кудрина).]. И так Екатеринбургский Исполнительный Комитет сделал постановление расстрелять Николая, но почему то в постановлении не говорилось о семье, о их расстреле, когда позвали меня, то мне сказали: на твою долю выпало счастье – расстрелять и схоронить так, чтобы никто и никогда их трупа не нашел, под личную твою ответственность. Сказали, что мы доверяем, как старому революционеру [338 - Свою исключительную роль в деле убийства Царской Семьи П.З. Ермаков явно преувеличивает. Ответственным за расстрел Царской Семьи и находящихся при ней лиц был назначен Комендант ДОН Я.М. Юровский. П.З. Ермаков же лишь принял участие в ее расстреле, как представитель Красной Гвардии. В свою очередь, ему, как местному жителю, было поручено сокрытие трупов убитых, которые он должен был «захоронить» в одной из заброшенных старательских шахт.]

Поручения я принял и сказал, что будет выполнено точно, подготовил место куда вести [339 - П.З. Ермаков не только не подготовил места, но после убийства даже не

знал, куда вести трупы убитых.] и как скрыть учитывая все важности момента политического. Когда я доложил Белобородову, что могу выполнить, то он сказал: сделай так, чтобы все были расстреляны, мы это решили. Дальше я в рассуждения не ступал. Стал выполнять так, как это нужно было.

Получил постановление 16 июля в 8 ч. вечера, сам прибыл с двумя товарищами и др. латышем, теперь фамилию не знаю, но который служил у меня в моем отряде, в отделе карательном [340 - Никакого Постановления Уральского Облсовета П.З. Ермаков лично не получал. Таковое привез в ДОН Ф.И. Голощёкин. Но так как в этом документе было сказано о расстреле лишь одного Николая П, то, вероятнее всего, оно в дальнейшем было просто уничтожено.] [341 - Под латышом скорее всего имеется в виду прибывший в ДОН вместе с М.А. Медведевым (Кудриным) сотрудник УОЧК А.Т. Паруп (А.Я. Биркенфельд), который, кстати говоря, никогда не был подчинен П.З. Ермакову.]. Прибыл в 10 часов ровно в дом особого назначения, вскоре пришла моя машина малого типа грузовая. В 11 часов было предложено заключенным Романовым и их близким, с ними сидящими спуститься в нижний этаж, на предложение сойти к низу были вопросы для чего? Я сказал, что вас повезут в центр, здесь вас держать больше нельзя, угрожает опасность, как наши вещи спросили, я сказал ваши вещи мы соберем и выдадим на руки, они согласились, сошли книзу, где для них были поставлены стулья вдоль стен. Хорошо сохранилось у меня в памяти, 1 фланга сел Николай, Алексей, Александра, старшая дочь Татьяна, далее доктор Боткин сел, потом фрейлина и дальше все остальные.

Когда все успокоилось, тогда я вышел, сказал своему шоферу действуй, он знал что надо делать, машина загудела, появились выхлопки, все это нужно было для того, чтобы заглушить выстрелы, чтобы не было звука слышно на воле, все сидящие чего то ждали, у всех было напряженное состояние, изредка перекидывались словами, но Александра несколько слов сказала не по русски, когда все было в порядке, тогда я коменданту дома (дома Ипатьева. – Ю.Ж.) дал в кабинете дал постановление Областного Исполнительного Комитета Юровскому, то он усомнился почему всех, но я ему сказал, надо всех и разговаривать нам с вами долго нечего, время мало, пора приступать [342 - Сомнения Я.М. Юровского заключались в том, что в данном постановлении было написано лишь о расстреле одного Николая П.].

Я спустился книзу совместно с комендантом, надо сказать, что уже заранее было распределено кому и как стрелять. Я себе взял самого Николая, Александру, дочь, Алексея потому, что у меня был маузер, им можно верно работать, остальные были наганы [343 - Распределение жертв по палачам обсуждалось заранее в комнате коменданта, в соответствии с чем на каждого из убийц приходилось по одной жертве. П.З. Ермаков (с его собственных слов: он выдавал себя за политкаторжанина), выторговал у Я.М. Юровского право выстрела в Государя. Императрицу должен был застрелить Я.М. Юровский, Наследника Цесаревича – Г.П. Никулин, Великую Княжну Марию Николаевну – М.А. Медведев (Кудрин). Во всех остальных должны были стрелять так называемые «латыши», то есть лица,

входящие в состава внутренней охраны ДОН. Следует также отметить, что никакого Маузера в то время у П.З. Ермакова не было, так как пистолет этой системы находился в качестве личного оружия лишь у Я.М. Юровского.]. После спуска в нижний этаж, мы немного обождали, потом комендант предложил всем встать, все встали, но Алексей сидел на стуле, тогда стал читать приговор постановления, где говорилось по постановлению Исполнительного Комитета – расстрелять.

Тогда у Николая вырвалась фраза: так нас никуда не повезут, ждать дальше было нельзя, я дал выстрел в него в упор, он упал сразу, но и остальные также. В это время поднялся между ними плач, один другому бросались на шею, затем дали несколько залпов и все упали.

Когда я стал осматривать их состояние, которые были еще живы, то я давал новый выстрел в них. Николай умер с одной пули, жене дано было две и другим также по несколько пуль, при проверке пульса, когда были уже мертвы, то я дал распоряжение всех вытаскивать через нижний ход в автомобиль и сложить, так и сделали, всех покрыли брезентом. Когда эта операция была окончена около часу ночи 16 июля по 17 июля 1918 г. автомобиль с трупами направился через В-Исетск, по направлению дороги Коптяков, где мною было выбрано место для зарытия трупов, но я заранее учел момент, что зарывать не следует, ибо не я один, а со мной есть еще товарищи. Я вообще мало кому мог доверять это дело и тем паче, что я отвечал за все, что я заранее решил их жечь, для этого приготовил серную кислоту и керосин, все было усмотрено, но не давая никому намека сразу то я сказал, мы их спустим в шахту и так решили, когда я велел всех раздеть, чтобы одежду сжечь и так было сделано, когда стали снимать с них платье, то у самой (у Государыни. – Ю.Ж.) и дочерей были найдены медальоны, в которых вставлена голова Распутина [344 - Конечно же, не «голова», а ладанка со словами молитвы, написанной рукой Г.Е. Распутина.], дальше под платьями на теле были особо приспособленные лифики двойные, подложена внутри материала вата и где были уложены драгоценные камни и простежено. Это было у самой и четырех дочерей. Все это было передано члену Уралсовета Юровскому. Что там было я вообще не поинтересовался на месте, ибо было некогда, одежду тут же сжег, а трупы отнесли около 50 метров и спустили в шахту, она была глубокая, около 6 саж., ибо все эти шахты я хорошо знаю для того, чтобы можно было вытащить для дальнейшей операции с ними, все это я проделал, чтобы скрыть следы от своих лишних присутствующих товарищей.

Когда все это было окончено, то уже был полный рассвет около 4-х часов утра. Это место находилось совсем в стороне от дороги, около 3-х верст. Когда все уехали, то я остался в лесу, об этом никто не знал. С 17 на 18 июля я снова прибыл в лес, привез веревку, меня спустили в шахту, я стал каждого по отдельности привязывать, по двое ребят вытаскивали. Когда всех вытащили, тогда я велел класть на двуколку, отвезли от шахты в сторону, разложили на три группы дрова, облили керосином, а самих серной кислотой, трупы горели до пепла и пепел был зарыт [345 - Версия о том, что трупы казненных были сожжены дотла, была одной из

официальных версий. А в соответствии с другой, они были зарыты в болоте, где впоследствии вырос «гигант Машинострой». (позднее – «Уралмаш».) И, тем не менее, это заявление не лишено здравого смысла. Так как количество обнаруженных в лесном массиве, подвергшихся действию огня, костных останков Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и Великой Княжны Марии Николаевны (расположенном в непосредственной близости от места «захоронения» остальных жертв) никак не соответствует тому, которое должно было бы остаться после попытки сожжения двух трупов, уже достаточно взрослых людей. Пусть даже и подростков... Так что в данном случае вполне имеет право на существование авторская версия о том, что часть упомянутых останков была сокрыта (притоплена) где-то в заболоченной местности, находящейся в непосредственной близости от места их сожжения.]. Все это происходило в 12 час. Ночи с 17 на 18 июля 1918 г. После всего 18-го я доложил [Белобородову].

На этом я заканчиваю все.

ЕРМАКОВ

Приложение 5

Царубийца Петр Ермаков: между славой и забвением

Михаил Константинович Дитерихс

...Ермаков Петр Захарович личность также несравненно сильнее Анучина и такая же русская отрицательная сила, которая именно только и нужна была Исааку Голощекину. Поэтому непосредственного участия Анучина в убийстве Царской семьи не видно, исключая присутствие в совещаниях президиума; имя же Петра Ермакова Исааком Голощекиным выдвинуто определенно и преднамеренно, а в акте самого убийства и сокрытии следов убийства Ермаков является уже левой рукой Исаака Голощекина вместо Белобородова – другого проявившего себя в этом преступлении русского деятеля (правой же рукой все-таки все время остается Янкель Юровский).

Ермаков – коренной житель Верх-Исетского завода – этого центра большевистского пролетариата Екатеринбургского района; через него Исаак Голощекин располагает силой всей распушенной части заводской черни, готовой всегда на любое злодеяние, на гнуснейшее преступление, особенно если можно безнаказанно и без опасности поживиться чужим добром. Мальчиком Ермаков был писарем в заводской конторе. 1905 г. выводит его на арену «политического» деятеля, что он проявляет сообразно своей совершенно испорченной натуре – выходит на большие дороги и начинает грабить, резать, душить, с хладнокровием и

зверством, которые впоследствии поражали даже истых советских деятелей, не останавливавшихся ни перед чем. Этой деятельностью Ермаков составляет себе крупное состояние, но в 1911 г. попадает, и Февральская революция застаёт его на каторге.

Амнистии, дарованные Керенским, освобождают Ермакова от каторги, а дальше он уже самостоятельно покидает место ссылки и возвращается к себе на Верх-Исетский завод. Здесь он вступает в ряды в то время еще тайных агентов будущей советской власти, куда-то часто уезжает, получает откуда-то крупные деньги и усиленно занимается скупкой оружия. Быть может, именно в этот период возникают его дружеские отношения с Исааком Голощекиным, по крайней мере, когда после Октябрьского переворота и обоснования советской власти в Екатеринбурге Исаак Голощекин занял пост областного военного комиссара, он сейчас же провёл в военные комиссары Верх-Исетска Петра Ермакова.

Ермаков выявил свою деятельность рядом невероятных зверств над своими же поселковыми и заводскими жителями. Он окружил себя подобными себе убийцами по натуре и стал грозой для всех окрестных жителей Верх-Исетского завода. Худой, с застывшим лицом, мертвыми, висевшими прямыми длинными нитями волосами как бы плохого парика, он был, как говорили несчастные обитатели окрестных хуторов и заимок, «сама смерть».

Правой рукой Ермакова состоял бывший кронштадтский матрос Степан Ваганов – такой же зверь, грабитель и *censored* ган, как и сам Ермаков. При них состоял как бы штаб из ближайших друзей Ермакова и из тех же подонков Верх-Исетского завода, откуда вышли и сами главари. Этот штаб составляли:

Болотов Александр

Леватных Василий [346 - Правильно. – Ливадных Василий.]

Костоусов Александр

и Грудин Алексей,

а для приведения в исполнение своих мероприятий Ермаков образовал свою «конную дружину» под началом Александра Рыбникова.

Когда Исаак Голощекин и Янкель Юровский разрабатывали план убийства Царской семьи, Ермаков был привлечен ими в число ближайших непосредственных участников. Ермаков же, видимо, указал им на район «Ганиной ямы», как на место глухое и удобное для легкого сокрытия тел. Знал же он то место потому, что «Ганина яма» входила в сенокосный участок его приятеля и ближайшего сотрудника Алексея Болотова. Поэтому Исаак Голощекин воспользовался и «конной дружиной» Ермакова для работ для сокрытия тел, а людей своего отряда использовал для внешней охраны всего района» [347 - Дитерихс М.К. Убийство Царской семьи и других членов Дома Романовых на Урале. Ч. 1. – М.: 1991. – С. 286–288.].

Николай Алексеевич Соколов

Петр Захаров Ермаков – родом из Верх-Исетска.

Когда большевистским главарям, проживавшим за границей, нужны были деньги, они добывали их в России путем разбоя и убийств.

Для этого они имели на местах своих людей.

Ермаков был одним из таких людей, будучи давно связан с Голощекиным.

За одно из этих преступлений он был в ссылке и вернулся домой в 1917 г.

После переворота 25 октября он стал Верх-Исетским военным комиссаром и был подчинен Голощекину, как областному комиссару.

С ним и с Юровским он также был связан и по чека, выполняя там иногда роль палача.

Его ближайшим помощником был известный уже нам матрос Степан Ваганов.

Как военный комиссар Верх-Исетска, Ермаков имел особый отряд красноармейцев, в который входили:

1. Егор Скорянин
2. Михаил Шадрин
3. Петр Ярославцев
4. Василий Курилов
5. Михаил Курилов
6. Петр или Сергей Пузанов
7. Николай Казанцев
8. Михаил Сорокин
9. Илья Перин
10. Григорий Десятов
11. Иван Просвирник
12. Виктор Ваганов
13. Егор Шалин
14. Поликарп Третьяков
15. Александр Медведев
16. Иван Звушицин
17. Александр Рыбников
18. Гуськин
19. Орешкин

Все эти люди были русские, преимущественно жители Верх-Исетска, где большевистская пропаганда была весьма сильна.

Ермаков увез трупы царской семьи на рудник на грузовом автомобиле.

Ваганов, так напугавший Зыковых, был в составе тех конных красноармейцев, которые этот автомобиль сопровождали.

Вместе с Вагановым Ермаков и руководил охраной коптяковской дороги, которую несли указанные красноармейцы его отряда.

Кр-н Карлуков [348 - Свидетель С. Ф. Карлуков был допрошен агентом розыска Сретенским 17 мая 1919 г. в Екатеринбурге.] шел утром 17 июля на свой покос, находившийся недалеко от рудника. Он шел из Верх-Исетска, и ему каким-то

образом удалось, обойдя переезд № 184, попасть на коптяковскую дорогу. Он показал: «Из лесу на дорогу вышли известные Ермаков и Ваганов, причем Ваганов не приказал дальше проходить, а в случае послушания грозил застрелить. Дальше в лесу видны были другие красноармейцы».

Неоднократно советская пресса пыталась наделить Ермакова ролью руководителя убийством.

Неправда.

Ермаков был привлечен к убийству не для самого убийства. Юровский имел в своем распоряжении в доме Ипатьева достаточно палачей, чтобы с ними перебить в застенке беззащитных людей.

Ермаков был привлечен для другой цели. Для уничтожения трупов выбрали удобный рудник. Это мог сделать только человек, хорошо знающий лесные трющобы в окрестностях Екатеринбурга. Юровский не знал их, а Ермаков знал.

Роль Ермакова была чисто исполнительная. На грузовом автомобиле в потоках крови поехал он на рудник в ночь на 17 июля.

На том же самом автомобиле с пустыми бочками из-под бензина возвратился он в Верх-Исетск 19 июля.

Свидетели показывают:

З у д и х и н: «Ермакова я знал по Верх-Исетску. Он давно еще занимался грабежами на больших дорогах и нажил таким путем деньги. Был он сослан в каторгу и находился в ссылке. После революции он вернулся в Верх-Исетск, и, когда власть взяли большевики, он стал у нас военным комиссаром. Его помощником был матрос Степан Ваганов,*censored*ган и бродяга добрый. С ними обоими был в близких отношениях комиссар Голощекин».

Б о ж о в: «Кто указал этот рудник? Ермаков – верх-исетский. Он знает этот рудник. И Ермаков и Ваганов были оба близки с Голощекиным».

Крестьяне правильно посмотрели на дело и правильно определили в нем положение Ермакова.

Он изображен на снимке № 124, Ваганов – на снимке № 125» [349 - Соколов Н.А. Убийство Царской семьи. – М.: 1990. – С. 299–300.].

А.С. Яковлев

Товарищ маузер

Хлопнул выстрел, и по Опалихе разнесся жалобный щенячий визг. Лопухий барбос волчком крутился у поленницы, оставляя на желтой щепе брызги крови.

Биба торопливо перезарядил поджиг, всыпав в медное дуло щепоть серы. Потом зашарил свободной рукой по карманам, ища коробок со спичками. (Спички и серу стянули вчера со склада логиновской фабрики.) Найдя коробок, чиркнул по спичке у прорези в дуле, снова нацеленном на щенка...

Хлесткий удар по руке вышиб поджиг. Еще оплеуха, и Биба, подобно барбосу,

закрутился на месте.

– Тебе чего-о?..

Тонкий чернявый парнишка в линялой рубаше, перетянутой ремешком, сверкал глазами-угольями, грозил Бибе кулаком:

– Я те покажу, углан...

И побежал к раненому щенку. В этот момент Биба подхватил брошенный поджиг и направил его на парнишку.

– Петь, берегись!

Это крикнул Алешка, братишка Петьки. Он стоял тут же среди ребят. Кто-то из дружков Бибы, едва Алешка крикнул, треснул его по шее. Но Петька уже услышал, он ловко крутанулся, увертываясь от выстрела; дымный заряд пролетел мимо, впелся в березовый комель. Но и Петьке пролетом выжгло дырку в рубаше: добавится еще одна штопка.

Разъяренный Петька вцепился в Бибу. Долговязый Биба был не из слабеньких. Он больно бил Петьку острыми, как гвозди, козанками по голове, рукам, по спине. Петька не сдавался. Не сдался и когда на помощь Бибе набежали его дружки, а за Петьку вступился один лишь Алешка.

– Кличь наших, плотинских! – крикнул Алешка и тоже влез в драку.

Уловив момент, Биба вывернулся из цепких Петькиных рук и сразу отскочил. Стоял, прислонясь к поленнице, и размазывал по лицу кровь. А потом, точно вспомнив, раз – за карман, и потянул из кармана цепочку... Понятно, на цепочке гирька фунтовая. Петька пальцы в рот – и пронзительно свистнул.

Биба, придержав руку, испуганно оглянулся. Сумев-таки скорчить презрительную гримасу, махнул своим:

– Будет, робя. Поучили – и будет.

Дружки отбежали. Следом и Биба. Петька, уязвленный его снисходительностью, снова было вскипел, но... неприятеля и след простыл.

Щенок, виновник драки, тоже скрылся. Уполз, видать, в огороды.

Алешка радовался: «Сдыгали...»

Из-за соседней избы вывернулись пацаны, спешившие на зов своего атамана.

Вечером Петька, получив от матери трепку за порванную и прожженную рубашу, ворочался на полатах и, горяча мальчишеское воображение, рисовал себе картину жестокой мести Бибе и его дружкам. Мечтал: соберет большую дружину, – человек сто – и тогда уж...

Мать возилась у печки с горшками, разогревая обеденные, из кислой капусты щи для отца и старших братьев. Они еще не приходили с завода. Завод на берегу пруда, в котором только сегодня Петька купался, пыхтел, гремел железом. И отец с братьями там. Долго их ждать по вечерам...

И Петька продолжал мечтать.

Не подозревал он тогда, что пройдет два десятка лет и будет под его, Петра Ермакова, началом сто и больше бойцов. Будут они насмерть биться за самую справедливую власть на земле – Советскую, и собственной рукой из маузера

расстреляет тогда Петр Ермаков Бибу... Только уж не из-за лопоухого щенка, а дела куда как посерьезнее...

Прошло десять лет. Петр Ермаков выровнялся в ладного парня – рослого, в плечах крепкого; глаза те же уголья и те же черные, теперь только пышные и длинные, как у студента, волосы.

Впрочем, и действительно Петр проходил в то время «университеты». Особые. Он после окончания церковно-приходской школы слесарил уже на заводе, на том же Верх-Исетском, что и братья, что и недавно умерший отец. Стали забываться мальчишеские дела-проделки: и то, как городских сизарей уманивали, и вылазки огородные, и бои врукопашную.

Петр теперь готовил себя к другим боям.

К 1905 г. Верх-Исетский завод стал одним из центров революционной борьбы в Екатеринбурге. Там с некоторых пор активно работала большевистская ячейка. Людей, входящих в нее, Петр знал, как и почти всех работающих на заводе, но не сразу, конечно, догадался, что они социалисты.

В сближении Петра с ними не было ничего случайного. Старшие братья его – Николай и Степан – вскоре тоже вступили в партию. А Петр в свою очередь помогал братьям... Позднее, когда начнутся репрессии на заводе и братья пойдут в ссылку, двадцатилетний Петр, много переживший и передумавший в ночь их ареста, наутро впервые сам разбросает в цехах листовки, призывающие к свержению самодержавия.

А листовки и книжечки-брошюрки против царя он видел и читал еще до поступления на завод. Название у книжечек было безобидное «Пауки и мухи», например... А прочтешь такую – и дух захватывает. Много становится понятным: и почему царь – кровопиец, и почему люди кругом так бедствуют. И еще прокламации: «Правда о войне», «Царские поражения и наши требования», «Царские посулы и рабочий класс»... Чтение нелегальной литературы раскрывало глаза молодому парню, объясняло, освещало другим светом то, что, казалось, стало уже привычным.

Петру, как и другим верх-исетским ребятишкам, не приходилось видеть живых графов, помещиков, банкиров и, понятно, самого царя, то есть тех, о ком писалось в запретных книжках, зато он каждый день видел, как изматывает людей завод, как обманывают их управитель и приказчики, мироед Волокитин...

О Волокитине особо. Был он мало похож на обыкновенного лавочника, нашему поколению знакомого лишь по книжкам да по картинкам в них. По виду – не брюхат, наоборот, худ и жилист. И одеждой обыденной не отличался от прочих: та же рубаха с пояском и *censored*нный пиджак поверх, сапоги... В отношениях с поселковыми ровен и неприторно ласков.

Но шкуру драл умело. Впрочем, «механика» его проста. К примеру, отец Петра – Захар Степанович, числясь мастером поденного строительного цеха, зарабатывал в среднем в месяц двадцать рублей [350 - Заработная плата профессионального рабочего явно занижена. Таковая могла составлять не менее 32–37 рублей в месяц.].

Учитывая довольно-таки низкие цены на мясо, масло и прочее, прожить на эти деньги можно было бы... Но дело в том, что денег-то этих Ермаковы, как и другие рабочие семьи, не видели. Завод платил товарами. Выдавали и муку (отнюдь не лучшего помола: привозили ее с Беленьковской мельницы). Цена баснословная – пять целковых за мешок (пять пудов). А деньги-то семье все равно нужны. И приходилось эту самую муку, навязанную заводом, продавать... Кому? Покупатель в поселке один – лавочник Волокитин. Платил он рабочему за муку уже по три рубля, наперед зная, что при нужде к нему снова придут за мукой, тогда уж и продаст он ее по пять рублей. «Механика» эта не составляла секрета не только для взрослых верхисетцев, но и для детворы...

Так и «воспитывал» Волокитин классовое сознание в Ермакове-младшем, закрепленное впоследствии чтением братниных книжек и частым общением с большевистскими заводилами. А те, в свою очередь, приглядывались к Петру. Повзрослел он, пристальнее стали приглядываться. Виден им был парень как на ладони: общительный, боевой, всегда готовый постоять за товарища – качества, которые не скроешь, они всегда на виду... Верный парень.

После ареста братьев Петр как бы заменил их. Ему стали доверять уже серьезные поручения, такие, как распространение листовок.

И Петр успешно выполнял эти поручения. Риск он научился сочетать с осторожностью. У него даже появились свои методы... Он знал: в механическом цехе, например, удобнее всего листовку положить в инструментальный ящик рабочего, а в прокатке – засунуть в карман снятой на время работы одежды... На улицах подбрасывал листовки в подворотни, в почтовые ящики, сени.

Дано было поручение Ермакову и в канун знаменитой майской демонстрации 1905 г.

29 апреля он получил сверток свежееотпечатанных на гектографе листовок. Их нужно было передать другому товарищу по борьбе – Горбунову.

Вечером Петр был на месте явки: прогуливался вдоль кладбищенской стены, полуобвалившейся, заросшей сорняком. Листовки были спрятаны на груди под пиджаком. Зорко вглядывался в сумрак, тревожился, не видя друга.

А вечер был чудесный: воздух синий и пряный. Принаряженный парень, ожидавший кого-то в уединении, подозрений не вызывал. Да и прохожие были редки. Один пошутил на ходу:

– Чего ждешь? Да не придет она, не думай... Она, брат, с другим сейчас гуляет.

Наконец показался Горбунов. Он спешил, путаясь в полах длинного, видать для маскировки, с чужого плеча пальто. Петр шагнул ему навстречу и передал сверток. Тот сунул его под пальто.

И вдруг в эту самую минуту из-за угла вынырнул человек. Рыжий? Точно. Рыжего оба знали: агент охраны. Он видел, конечно, что передали сверток.

Петр не растерялся. Нагнулся, схватил огромный булыжник и замахнулся на шпика. Тот испуганно отпрянул. Этим воспользовался Горбунов. В момент перемахнул стену и помчался по кладбищу, перепрыгивая через могилы, только

длинные полы развевались.

– Ты что это? – опомнился было Рыжий. – Ты на кого?

Но оглянувшись и сообразив, что никто ему на помощь в этом пустынном месте не придет, повернулся и потрусил обратно.

А наутро, собираясь на маевку, верх-исетцы читали пламенные слова обращения, подписанного Екатеринбургским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии...

Петр Ермаков был горд.

Боевые качества Ермакова, его решительность и находчивость не остались незамеченными в организации. «Получится прекрасный боевик», – решили товарищи. И это мнение подтвердил приехавший в Екатеринбург Яков Михайлович Свердлов [351 - Яков Михайлович Свердлов приехал осенью того же года. В первые же дни, несмотря на сложность обстановки, он познакомился со многими екатеринбургскими подпольщиками, в том числе и с Ермаковым. Сейчас неизвестно, кто и как представил ему Ермакова, но несомненный факт, что Яков Михайлович с большой заинтересованностью отнесся к судьбе рабочего парня. Спустя некоторое время он был отправлен в школу пропагандистов, а затем в январе 1906 г. Я.М. Свердлов и К.Т. Новгородцева рекомендовали Петра Ермакова в партию большевиков.]

Петр стал «боевиком».

К тому времени рабочая дружина в Екатеринбурге была уже создана. Числом она была невелика: в разное время пятьдесят – семьдесят человек, но силу представляла большую. Во всяком случае, к концу 1905 г. дружинников в городе было больше, чем полицейских. Это потом уж пригнали казаков и ингушей для расправы с революцией.

Люди в дружину отбирались по строгой мерке; только до конца преданных рабочему делу принимали в боевые отряды. Такой подбор был очень важен: партия придавала боевым дружинам громадное значение, в конце концов они стали «единственно надежным оплотом революции» (Ленин).

Правда, трудностей в создании боевых дружин было немало. Плохо было с вооружением. Оружие себе боевики добывали сами, притом самыми разными путями. Бывали деньги – револьверы и порох покупали в магазине Киссельмана-Симонова, револьверы никудышные: бульдоги, смит-вессоны... Нередко оружие отнимали у полицейских. А обычно делали сами. Ножи на Верх-Исетском заводе ковал Николай Воронов. Бомбы тоже изготовляли сами: фунт весом в стальной оболочке, начиненные взрывчаткой с Медного рудника.

Хлопот и бед с этими самодельными бомбами не оберись. Как-то Павел Попов работал в кладовой неподалеку от поденного цеха и – подорвался... Нелегко было и выносить бомбы с завода. Однажды поймали рабочего Чепурина: на нем под рубахой – десяток разных бомб... Приговор был вынесен суровый: пожизненная каторга.

Для мобильности, большей оперативности, да и конспирации дружина была

разбита на пятерки, «пятки». Одним из таких «пятков» – в него входили члены партии Николай и Василий Воиновы, Василий Рябов, Иван Фролов – руководил Петр Ермаков.

Со вступлением в дружину в жизни его началась бурная полоса. Именно в боевой работе нашел себя Петр Ермаков, и не было теперь для него ничего важнее, нужнее, интереснее, чем эта работа.

А делать приходилось много. Боевики охраняли собрания и митинги, разоружали полицейских и черносотенцев, следили за действиями жандармерии, помогали партийным руководителям скрываться от преследования. Тому, что Я.М. Свердлову долгое время удавалось скрываться от полиции, немало способствовали решительные действия боевиков. Потом уж много позднее П.З. Ермаков вспоминал:

«На Верх-Исетском заводе, в листовом цехе собрался митинг человек больше двухсот. Корпус был длинный, хоть весь завод собирай. Никаких механизмов нет, только железо лежит в тюках. Здание светлое, одна сторона кругом в рамках. Собрались прямо после работы. Митинг открылся. Предоставили слово Андрею. Его внимательно слушали. Очень уважали Андрея. Я заранее расставил патрули по всем проходным, чтобы полиция нас врасплох не застала. Рабочие вооружались: кто железинкой, кто камнем, кто чем. Кое-кто из дружины имел браунинги. У меня был маузер. Вдруг вбегают, кричат: «Полиция!» Мой брат схватил рабочую одежду, шапку, закутал Андрея, подмазал его маленько и через котлы, через задний двор и заднюю проходную будку вывел на Китайскую гору».

...Коротка августовская ночь, но для Ермакова и его товарищей, затаившихся в засаде, тянулась она медленно. Трудное дело предстояло в эту ночь: экспроприация заводской кассы в пользу Уральского комитета.

По добытым заранее сведениям, кассир Фирсов должен был проехать в сторону Медного рудника еще вечером. Но миновал вечер, выпали в близкое озерцо серебряные звезды, а дорога – знаменитая Ключевская – все пустынна. Рябов, лежавший слева, шепнул Ермакову: «Не едут... Может, на нас донес кто, а? Ермаков осадил по-командирски: “Разговоры отставить. Ждем до утра”».

Начало светать. Заершилась на ветру придорожная листва, проступила в предутренней синеве мохнатая ель на взгорке. А дорога по-прежнему пустынна. Даже Ермаков теперь засомневался: «Проедут ли?»

События развернулись уже в восемь утра...

Из-за поворота, где синий ельник сомкнулся с рядком прихваченных желтизной берез, показалась сначала одна пароконная упряжка, потом другая, а за ними – двое верхом. Они!

В первой бричке ехал Фирсов – узнал его Петр, во второй – помощник кассира Тарханеев, верхом на лошадях – стражники. Ермаков надеялся, что все обойдется мирно: «Припугнем стражников – и порядок...»

Не обошлось. Стражники сразу же заметили вооруженных людей в масках и подняли стрельбу. Выхватил револьвер и Фирсов. В схватке он был ранен.

В результате этой боевой операции в кассу партийного комитета поступило 12 400

рублей. Часть из них пошла на нужды подпольной типографии, а большая часть – на закупку оружия в Финляндии.

Пистолет системы маузер, лучшей по тем временам, № 161474 [352 - Ранее уже говорилось, что пистолет Маузера мод. К-96/12 был запущен в производство в конце 1912 г., а посему просто не мог «физически» существовать в 1906–1907 гг. К тому же, судя по его заводскому номеру 161474, он был выпущен никак не ранее 1913–1914 гг.] комитет вручил Петру Ермакову.

Полиция долго разыскивала участников операции на Ключевской дороге. И, кажется, нашла след. Несколько верх-исетцев угодили на допрос. Был вызван и Ермаков, но отпущен за неимением улик.

Однако ненадолго. Вскоре Петр Ермаков был арестован и заключен в городскую тюрьму.

История этого ареста такова.

В Екатеринбурге прошла тяжелая полоса репрессий. Были арестованы Мария и Анна Бычковы, Анатолий Парамонов, Иван Кириевский, Вера Сабанеева, Александр Минкин, Галина Рядкина и многие другие. Конечно, не обошлось без провокатора. Кто? Подозрение пало на Николая Ерина, по партийной кличке «Летний».

Посоветовавшись с немногими теми, кто остался на воле, Ермаков и его товарищи решили следить за Летним.

Летний жил на Арсеньевском проспекте. Постоянно – и днем, и вечером – кто-то из друзей, а то и оба вместе дежурили неподалеку от его дома.

Однажды заметили: вышел Летний и спокойно, будто разгуливая, пошел по направлению к Солдатской улице. Друзья сразу смекнули: на Солдатской живет жандармский ротмистр... А ну глянем!<

> Ерин-Летний подходил уже ближе к дому, когда оттуда вышел жандарм. Они встретились, и Ерин быстро передал ему что-то. Сомнений больше не оставалось.

– Нужно кончать, и немедленно, – решительно сказал Ермаков.

(«Тяжелый был момент, – вспоминал он впоследствии. – Нестерпимо плохо было от осознания того, что перед тобой предатель. Еще вчера ты считал его человеком, считал своим...»)

– Нужно кончать немедленно, – повторил Ермаков.

И они пошли навстречу Летнему. Собрав в кулак все чувства, переполнявшие его, Ермаков спокойно, даже весело приветствовал Николая. А потом, придвинувшись ближе, шепнул:

– Приехал один товарищ... Его нужно встретить и проводить.

Летний, ничего не подозревая, согласился. Все трое свернули в переулок, вышли к железной дороге и пошли вдоль полотна к верх-исетскому кладбищу. На кладбище прошли тропкой мимо могил в жухлой траве.

– Присядем пока, – предложил Ермаков, показывая на низкий холмик.

Летний едва успел сесть, как оба навалились на него. Скрутили руки, связали

шарфом.

– Говори все. Только правду!

И провокатор признался. Все рассказал. И то, как давно был связан с охранкой, и как предавал, и за сколько.

– На Рядкину показал, заплатили десять рублей, за Анну Бычкову дали пятнадцать, за Червонного – двадцать пять... Пощади-и-те...

Жалости не было. Предатель получил по заслугам.

И вот Петр Ермаков в тюрьме. На месте казни провокатора он оставил улику – свой зеленый шарф.

Девятый месяц идет следствие. Следователю известно, что Ермаков – боевик, но доказать причастность его к убийству не удастся.

– А это?

Следователь идет ва-банк. Торжествуяще выкладывает на стол зеленый шарф.

Ермаков спокойно приоткрывает ворот пиджака: на шее – зеленый шарф...

Этому решающему допросу предшествовали такие события.

Верх-исетская ребятня, вся поголовно, как огня, боялась почетного жителя поселка – старшего тюремного надзирателя Рудакова. Да и взрослые побаивались. По праздникам, когда Рудаков шел в церковь – в мундире, вся грудь в медалях, – люди расступались перед ним.

Отношение заключенных Екатеринбургской тюрьмы к заслуженному надзирателю тоже было далеким от любви и уважения... И лишь единицы знали, что надзиратель Рудаков – глубоко преданный делу революции человек.

Рудаков и помог Ермакову выйти на свободу. Он предупредил его и товарищей на воле о «козырной» улике. В тюрьму был передан точно такой же зеленый шарф.

– Откуда у вас шарф? – свирепея, спросил следователь.

– В лавке купил, – невозмутимо разъяснил подследственный. И не удержался от усмешечки:

– А у вас откуда?

В мае 1908 г. Петр Ермаков вышел на волю, где ждали товарищи и опасная, требующая мужества и напряжения всех сил работа.

В том же году он был введен в состав подпольного Екатеринбургского комитета партии и вместе с Леонидом Вайнером, Николаев Давыдовым и посланцем Центрального Комитета Семеном Шварцем активно работал там до ареста в связи с известным провалом Уральской партийной конференции.

Прошло еще восемь лет.

К революционному 1917 г. Петр Захарович Ермаков пришел закаленным бойцом партии [353 - Участие Петра Захаровича в революции и Гражданской войне широко известно. Об этом наиболее ярком периоде его жизни рассказывает Александр Иванович Медведев в своей книге «По долинам и по взгорьям». Многими подробностями насыщена книга Юрия Бессонова «Верх-исетские рабочие в Гражданской войне 1918 г.». Известны и другие книжные источники. Поэтому автор считает возможным остановиться лишь на отдельных моментах биографии

Петра Захаровича в этот период.]

Летом 1917 г. в Екатеринбургe началось формирование красногвардейских отрядов. Город разделили на четыре района, в каждом из них создали штаб Красной гвардии, который и формировал свой отряд.

Отряд четвертого района был скомплектован из рабочих Верх-Исетского завода и спичечной фабрики; командиром его был назначен П.З. Ермаков. Этот отряд, как и другие, подчинялся центральному штабу Красной гвардии. Возглавлял его П.Д. Хохряков.

Снова, как и в боевом 1905 г., Ермаков почувствовал себя в своей стихии. Он надел кожаную куртку и теперь уже открыто, на портупее, повесил кобуру с маузером.

На первых порах Красной гвардии предстояло навести в городе революционный порядок. Обстановка тех дней была весьма сложная. Контрреволюция, правда, еще не подымала голову, но зато немало беспокойства приносило всякое охвостье: бандиты, воры, спекулянты. Со всем этим «темным элементом» приходилось бороться красногвардейцам. Другой вооруженной силы, защищающей позиции пролетариата, в городе не было. Ответственность за все лежала на тех, кто днем стоял у станка, а вечером брал в руки винтовку.

А.И. Медведев приводит в своей книге такой эпизод:

«Однажды, в конце очередного моего дежурства в штабе, когда я мысленно высчитывал, успею ли на завод к началу смены, из соседней комнаты вышли Ермаков и Андрей Елизаров.

– Голодно, Захарыч, – прогудел Елизаров. – А эти бандюги... – и он злобно выругался.

Ермаков, обычно нетерпимо относившийся к ругани, на этот раз никак не реагировал на нее.

– Был я нынче в больнице, – продолжал Андрей. – Детишки ну, чисто смерть. Кости кожей обтянуты, под глазами сине, щеки зеленые... Эх! Кусочка сахару не видят... Из Питера рабочие отправили нам два вагона постного сахару, а на станцию вагоны пришли пустые. Все растащили, сволочи, на Палкинском разъезде.

Петр Захарович, сложив руки за спиной, стремительно шагал из угла в угол.

– Штаб Хохрякова дал указание выловить и расстрелять грабителей.

– Где их найдешь? – безнадежно махнул рукой Елизаров. – Они, что крысы, больше в подполье живут.

– Надо найти, – настаивал Ермаков.

Я ушел с дежурства в подавленном настроении: тяжело было видеть, как сильный, обычно веселый крепыш Андрей Елизаров сидит на лавке, обхватив голову руками.

Вот если бы все-все поднялись против бандитов – не было бы им житья. А то ведь есть такие: послушать их, так они за Советскую власть, а сами прячут этих бандитов и награбленное ими народное добро.

В цеховой конторке за столом старший приемщик Тимоха Смирных откладывал на счетах итоги движения сырья и изделий прокатки.

Он поднял голову, с минуту рассеянно смотрел на меня, беззвучно шевеля губами, потом улыбнулся:

– А, Саша свет Иваныч. Молодца брат, что загодя пришел, садись, садись, чайком побалуемся. Я было один хотел, да в компании оно приятнее.

Он суетливо выбрался из-за стола, присел перед печкой и налил из котелка в жестяную кружку кипяток, густо заправленный морковным чаем:

– Пей вот на здоровье.

Я сделал несколько глотков.

– Да погоди, погоди пустой прихлебывать, у меня, чать, и сахар найдется.

Смирных полез в карман, вытащил оттуда серый кулечек и высыпал на неровную поверхность стола несколько зеленоватых и розоватых кусочков сахарной помадки, Я не поверил глазам: постный сахар.

– Откуда это у тебя?

– Да черт его знает, жена где-то расстаралась. Она у меня жох-баба. Васена-то, – пояснил Тимоха.

– Но ведь в городе уже давно сахара нет.

– А у нее везде знакомство. – Смирных важно поднял палец. – Я, почитай, и в глаза всех тех баб не видал, и не знаю, с коими Васена моя дружбу водит.

Когда Тимоха обернулся к котелку, мне удалось незаметно спрятать в карман один из кусков, лежащих на столе.

В ту ночь я не мог спокойно работать, и утром, как только пришел мой сменщик, кинулся в штаб. За столом, положив голову на руки, спал Синяев. Оказалось, что разбудить Артамоныча не так-то просто, но когда я все же растолкал его и начал рассказывать, в чем дело, он сразу забыл про сон.

– Сколько же в Тимохином кулке сахару такого? – спросил Синяев?

– Да около фунта наверняка.

Скрипнула дверь. Я обернулся и увидел Ермакова. Он пристально посмотрел на кусок розовой помадки.

Около восьми утра патруль под командой Германа Быкова подошел к дому Смирных. В пустом амбаре, под сенной трухой, в огромном ларе из-под овса нашли три ящика постного сахару. Тимоха, присутствовавший при этом, обомлел от страха, а его жена бросилась защищать ворованное добро.

Отсидевши день под арестом, Васена рассказала, у кого выменяла сахар. В тот же вечер часть груза была взята во дворе одного из поселковых домов, а остальное – в лесу, в заброшенном каменном карьере. Ящики в лесу охранялись несколькими бандитами, которых застрелили при попытке скрыться».

Но главные события в которых должны были принять участие и приняли, взвалив на плечи всю тяжесть борьбы, красногвардейские отряды, еще только назревали.

«Мы – сначала казаки, а потом – русские. Россия – больной, разлагающийся организм, и из опасения заразы мы должны стремиться спасти свои животы», – заявил еще в сентябре семнадцатого года на войсковом казачьем кругу в Оренбурге атаман Дутов.

Атамана послал в Оренбургские степи Керенский с заданием сформировать казачьи отряды для борьбы с большевиками, «если они вооруженным восстанием захотят взять власть». Большевики «захотели» и взяли власть. Тогда Дутов рьяно приступил к выполнению наказа сбежавшего премьера. Создав свое «казачье войсковое правительство» и «комитет спасения родины и революции», он зимой 1917 г. начал военные действия на юге Урала.

25 декабря Ермакова вызвали в Центральный штаб. Там уже собрались руководители других районных красногвардейских дружин.

– Советская власть на Южном Урале в опасности, – с тревогой сообщил Павел Хохряков. – Требуется наша помощь, товарищи...

– Поможем!

Тут же Ермаков получил приказ: в 24 часа собрать отряд и выехать на Дутовский фронт.

Ровно через 24 часа красногвардейцы были на станции. Оружие, патроны, полушубки, валенки выдавались уже перед самой отправкой.

Сводный екатеринбургский отряд под командованием Ермакова двинулся по направлению к Бузулуку.

Первый поход на Дутова был завершен успешно. Заслуга Петра Захаровича в этом немалая. Он показал себя прекрасным командиром, хотя, кстати, никогда и не обучался военному делу. Именно ему принадлежит инициатива в разработке наиболее удачных операций.

Подтверждением военного таланта Ермакова может служить операция под Гамалеевкой. План захвата станции был предложен Петром Захаровичем и в точности исполнен.

Ермаковцы заняли в проходящем через Гамалеевку эшелоне несколько товарных вагонов. На дверях их, обращенных к станции, крупно написали «Дрова». Эшелон миновал станцию и остановился у семафора. Ермаковцы, не замеченные противником, обошли его с тыла и отпраздновали победу.

К военной хитрости прибегнул Петр Захарович в сражении за другую станцию – Сырть. Трехдневный бой за нее не принес желаемых результатов. Тогда Ермаков с отрядом лыжников, не снимая фронта, ушел в степь, с тем чтобы выйти на железнодорожное полотно с другой стороны станции.

Выбравшись, как было задумано, на железнодорожное полотно, ермаковцы подключились к телефонному проводу и узнали, что в Сырть на помощь осажденным дутовцам спешит подкрепление. Под видом этого подкрепления лыжники и подошли к станции на расстояние выстрела. Петр Захарович дал сигнал ракетой, и оставшиеся на прежних позициях красногвардейцы пошли в атаку. Ударом с фронта и тыла неприступная Сырть была взята.

Не случайно верх-исетские красногвардейцы сложили и часто распевали такую песню:

С таким-то командиром

Не бойся, наш завод.
Не даст тебя в обиду
И нас убережет...

Боевые качества Петра Захаровича в не меньшей степени проявились и во время второго похода на Дутова. Но здесь, в жестоком бою под Черной речкой, он вскоре был ранен и увезен в госпиталь.

Походы на Дутова – лишь небольшая часть биографии Ермакова. В перерывах между походами и особенно потом, по выходе из госпиталя, он буквально с головой был завален работой в самом Екатеринбурге.

В то жаркое лето 1918 г. обстановка в городе сложилась чрезвычайно напряженная. Заслышав о приближении белых, чехословацкого корпуса в частности, зашевелилась внутренняя контрреволюция. Целью ее было свергнуть Советы, освободить царя, привезенного к тому времени из Тобольска.

В поддержку темным силам из Москвы со специальным заданием прибыл белогвардейский капитан Ростовцев. Установив связь с местными монархистами, он окопался в так называемой «Екатеринбургской организации фронтовиков», где уже собралось немало враждебно настроенных к Советской власти элементов.

Десятого июня на верх-исетской площади у церкви собралась большая толпа бывших фронтовиков. Помитинговав, они потребовали от Советов начать переговоры с белочехами.

Совет, конечно, не удовлетворил эти «требования».

Обстановка еще более накалилась. Районный штаб Красной Армии привел в боевую готовность весь наличный состав: 80 бойцов, 20 конников и 12 пулеметчиков. (Основные силы были направлены на фронт.)

Мятежников насчитывалось около двух тысяч. И Совет пошел на крайнюю меру: решил послать на площадь П.З. Ермакова с тем, чтобы попытаться убедить солдат. Только такому бесстрашному человеку, как Ермаков, можно было дать это связанное с большим риском поручение.

Петр Захарович пошел и выступил на митинге. Это чуть было не стоило ему жизни. Из толпы раздался выстрел. Еще мгновение, и Ермаков был бы растерзан. Но по его знаку из соседнего, Барабашинского переуллка высыпал отряд конников, а поверх толпы ударила пулеметная очередь.

Увидев красногвардейцев и услышав выстрелы, участники митинга разбежались.

Мятеж был подавлен в зародыше. В тот же день к вечеру был убит и Ростовцев, пытавшийся скрыться.

Впрочем, вечером произошло событие, остро напомнившее Ермакову детство. Он встретился с давним своим врагом Василием Прохоровым – Бибой. Тот сам пришел к штабу.

Ермаков стоял в группе бойцов, когда подошел Биба. Глядя исподлобья, Биба злобно бросил Ермакову:

– Зря вы Тишку Нахратова забрали. Отпустите его.

– Он расстрелян. Так и передай своим, – отчеканил Ермаков.

– Ну, так получай же! – И, резко взмахнув рукой, Биба швырнул к ногам Ермакова щелкнувшую бойко гранату. А сам распластался на земле, надеясь избежать ранения.

Бойцы окаменели.

Ермаков, выхватив маузер, выстрелил в Бибу:

– Держи сдачу, гад!

А граната, прошипев сгоревшим запалом, не взорвалась. Лежала, спокойно поблескивая гранями стенок.

В середине июля 1918 г. Уральский областной Совет, учитывая сложившуюся обстановку, постановил: во избежание кровавых авантюр, на которые могут пойти монархисты, используя семью Романовых, как знамя контрреволюции, и в наказание за все кровавые преступления царя против народа – расстрелять Николая II.

В исполнении приговора принял участие и Петр Захарович Ермаков.

У Ермакова было много друзей. Большая дружба связывала его со времен подполья с Николаем Сергеевичем Партиным, с юных лет он был близок с Иваном Федоровичем Фроловым.

И еще с одним человеком связывала Ермакова крепкая и нежная дружба. То был Сергей Артамонович Синяев, а среди товарищей просто Артамоныч...

Впрочем, они совершенно не были похожи друг на друга. Петр Захарович всегда в движении, в действии – такая уж натура. Динамического мышления человек, на раздумье – ни минуты. Синяеву деловых и боевых качеств тоже не занимать, но по складу характера он мечтатель.

Где-нибудь в перерывах между боями, собравшись с красногвардейцами у костра, брал Артамоныч в руки баян... Играл он вдохновенно, весь отдаваясь музыке... Прильнет щекой к баяну – мягкую без седины бороду подсвечивает костровое пламя – и слушает, слушает, будто свое сердце. И все слушают.

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,

Ты вся горишь в огне...

Эта песня была одной из любимых в первом батальоне Уральского обкома партии. Новые песни не успели узнать, а эту знали и любили. В песне, правда, говорилось о событиях, не всем известных – из времен Англо-бурской войны, – но призыв к борьбе, неистребимая любовь к истерзанной родине брали ребят за живое. И многие считали, что песня про них сложена.

Еще Артамоныч играл «На сопках Маньчжурии»...

– А знаете, ребята, – скажет он, вдруг оборвав мелодию. – Знаете, что потом будет? Совсем иначе все будет.

Красногвардейцы прислушиваются. Взволнованность Артамоныча не кажется им чудной. Не в первый раз заводит он разговор о будущем, и всякий раз интересно.

– Что вот это за музыка – баян?..

– Ничего музыка, подходящая, – не соглашаются бойцы.

– Потому ничего, что только ее и знаем. Да еще духовой оркестр знаем на марше да на похоронах. А симфонический оркестр вам знаком? Нет. А будет время – баян на полку, симфонию подавай. Все шедевры музыки, какие есть в мире, подавай. Сейчас, быть может, и не поняли бы симфонию – культурный уровень низковат, а потом будем понимать, научимся. Победит революция, и иди учись. Учись, и все будет тебе доступно. И не только музыка, все книги, все картины – живопись. Самые прекрасные картины увидим мы с вами, ребята...

Так мечтал в грозном восемнадцатом году верх-исетский рабочий – воин Сергей Синяев, человек яркой и трагической судьбы.

Вместе с Ермаковым и другими товарищами Сергей Синяев без усталости шагал нелегкой дорогой революции.

Разделил со всеми и горечь отступления из родного города.

Отступление из Екатеринбурга было чрезвычайно трудным. Враг сжал город в кольцо. Через Палкино Верх-Исетскому отряду прорваться не удалось. Пришлось вернуться в осажденный город и кружным путем через Шарташ, Богданович, Алапаевск, Кушву и Чусовую добираться до Перми. Около станции Сарга отряд влился в первый батальон Уральского областного комитета РКП(б), образовав роту, командиром которой остался Петр Ермаков.

Каждый километр пути коммунистического батальона отмечен кровью его бойцов. Сабик, Сарга, Шаля, Сылва... На подступах к ним разыгрались жесточайшие схватки. Особенно – под Сылвой. Здесь, на высотах, бои продолжались около недели. Много погибло наших. Героически погиб и знаменосец отряда коммунаров Сергей Синяев – Артамоныч...

Его ранили в живот под Вогульцами. Ослабев от мучительной боли, Синяев просил медсестру Лизу Зыкову:

– Брось меня, Лиза, все равно умру...

Лиза в этот момент пыталась перенести раненого через изгородь. И тут вторая пуля настигла его...

Тело Синяева и его боевых соратников Кости Попова, Николая Романова белогвардейцы, ненадолго захватившие высоты, зверски искололи штыками и изрубили саблями до неузнаваемости.

Тяжело переживал гибель друга Петр Захарович. Не находил себе места.

– Да отдохни, Захарыч, – говорили ему.

– Отстаньте, – отмахивался он. И скрипел зубами. – Отомстить, братцы, нужно... Немедленно отомстить!

И отомстили.

Шестого ноября Ермаков, расположившийся со своими бойцами в деревне Размалиновка неподалеку от Кунгура, получил приказ: «В день Октябрьской революции, 7 ноября предлагается вашему полку занять железнодорожную станцию Кордон, зайдя в тыл противнику на 15 верст лесами, по болоту, от деревни

Размалиновка. Остальные части бригады ведут наступление в лоб по железной дороге. Справа демонстрирует кавалерийский полк имени Стеньки Разина. Комбриг Томин».

Рано утром отряд был поднят по тревоге.

За несколько часов по болоту, которое считалось непроходимым, совершили переход к Кордону. Через «языка» выяснили, что на станции сосредоточен шестой чешский полк и казачья часть. На путях стоит бронепоезд. А бойцов у Ермакова только сто...

Все же станция была взята. Ермаковцы дождались, когда белочехи уснули, и нагрянули. В вагоны полетели гранаты. Взрывы и пулеметные очереди разбудили лесное эхо. Не ожидавшие нападения каратели в панике спасали животы свои.

– Это вам за Саргу, за Сылву, за шестьдесят четвертый разъезд, за Артамоныча... – потрясал маузером Петр Захарович.

Не меряны верстами дороги, пройденные Петром Захаровичем в годы Гражданской войны. Воевал он в составе полка имени Малышева на Урале, громил белую армию на Западном фронте, военкомбригом участвуя в боях под Березиной. Не однажды был ранен, но возвращался в строй. А закончилась война, работал в органах милиции. И только в 1934 г., тяжело заболев, перешел на пенсию.

Но горячим сердцем своим он всегда был с армией. Началась Великая Отечественная война, и Ермаков на своем родном Верх-Исетском заводе готовил будущих бойцов. Сам все время рвался на фронт. Выехал однажды с делегацией и... со слезами на глазах просил командира части оставить его.

Такой уж это был человек.

Его жизнь оборвалась 25 мая 1952 г.

Е. Бирюков

Фотограф «Товарищ Маузер»

Среди старых большевиков Урала одной из самых колоритных фигур был Петр Захарович Ермаков (1884–1952).

«Товарищ Маузер», такой была его подпольная кличка, принимал активное участие в революции 1905 г. В партию большевиков его принимали по рекомендации Свердлова. Петр Ермаков дважды сидел в тюрьме, два года провел в ссылке.

В 1912 г. Ермаков возвращается в Екатеринбург, но на работу его нигде не берут: числится в черных списках. Пришлось стать агентом знаменитой фабрики «Зингер» – продавать в рассрочку швейные машины. Это дает повод для посещения многих квартир, в том числе и конспиративных. У бойкого коммивояжера было другое дело: он разносил денежную помощь семьям политзаключенных.

Потом Ермаков вдруг открыл на Опалихе (так называли тогда жилой район Верх-Исетского завода) фотографию [354 - Это утверждение Е.М. Бирюкова голословно и

не находит документального подтверждения.]. Из заказов предпочитал миниатюры – они очень подходили к липовым документам подпольщиков. Но фотозаведение вскоре привлекло внимание жандармов. Дело пришлось свернуть, и Ермаков уезжает в Кунгур, где стал работать в фотографии Д. Долгушева. Сохранился ряд снимков той поры, они сделаны Ермаковым по всем правилам тогдашней светописы.

1917 г. застал Ермакова в Екатеринбурге. Здесь его выбрали командиром отряда Красной гвардии.

Дальнейший боевой путь описан в книге А.И. Медведева «По долинам и по взгорьям».

На снимке автопортреты П.З. Ермакова 1910 и 1917 гг. [355 - Журнал «Уральский следопыт». 1979. № 10. С. 78.].

Д. В. Боровиков, Д. В. Гаврилов **«Расстреляны пролетарской рукой...»**

(Еще один неизвестный документ об убийстве Царской семьи [356 - Имеются в виду так называемые «Воспоминания» П.З. Ермакова, опубликованные в настоящем издании.])

В Государственном мемориальном музее Я.М. Свердлова [357 - Мемориальный музей Я.М. Свердлова (ул. К. Либкнехта, 26). В настоящее время в этом здании располагается Музей города Екатеринбурга.] в Свердловске хранится рукопись воспоминаний еще одного участника расстрела Романовых – П.З. Ермакова. Она написана им по собственной инициативе, содержит 150 листов (300 страниц). По сообщению сотрудников музея, за последние 30–40 лет с рукописью никто незнакомился, она нигде не публиковалась.

Роль Петра Ермакова в расстреле Царской семьи до сих пор полностью не исследована. Из «Записки» Юровского известно, что Ермаков был ответственным за подбор места погребения, вывоз трупов Романовых и их уничтожение, то есть, бесспорно, имел непосредственное отношение к расстрелу.

Воспоминания Ермакова позволяют сравнить их с показаниями на допросе у колчаковского следователя Н. Соколова участников и свидетелей расстрела, а также с воспоминаниями и соображениями Юровского, изложенными в его «Записке» и написанными позднее воспоминаниями участников расстрела Г.П. Никулина и М.А. Медведева.

Петр Захарович Ермаков (1884–1952) – известный на Урале большевик (с 1906 г.), участник трех революций. В 1907–1908 гг. за участие в убийстве рабочего Ерина, подозревавшегося в провокаторстве, отбывал наказание в царской тюрьме [358 - Ермаков наказания по этому делу не отбывал, а как подозреваемый, всего лишь некоторое время содержался в тюрьме.]. В 1917 г. был организатором красногвардейского отряда на Верх-Исетском заводе в Екатеринбурге. В 1918 г. –

чекист [359 - Ермаков никогда не был сотрудником ЧК.], участвовал в подавлении восстания рабочих и солдат автомастерских в поселке Невьянского завода 12–17 июля 1918 г. Участник Гражданской войны, несколько раз ранен. С 1920 г. – сотрудник НКВД [360 - Сведения неверны.]. В 1927 г. был назначен на должность областного инспектора мест заключения Уральской области, затем работал заместителем начальника Уральского областного управления мест заключения и начальником административно-строевого сектора. В 1934 г. вышел на пенсию по болезни. Умер в 1952 г. в Свердловске, похоронен на Ивановском кладбище. Его именем названа одна из улиц города в Верх-Исетском районе.

Ермаков был свидетелем и участником многих событий на Урале в 1917–1918 гг., тесно общался с руководителями Уралсовета, много знал, и его воспоминания заслуживают самого пристального внимания. Рукопись не имеет даты, но по ряду признаков можно заключить, что она написана в 30 – начале 40-х годов. Автор обвиняет Николая II в «примитивности мышления в области политической», негодует по поводу вмешательства в государственные дела «неграмотного Распутина», обвиняет контрреволюцию, что она играет «на темноте народных масс». Знакомство с рукописью, однако, показывает, что ее автор – сам человек малограмотный, политически малоразвитый. Автор, например, почти не ставил знаков препинания, не признавал предлогов. Воспоминания публикуются с сохранением стиля и орфографии Ермакова [361 - В опубликованной в настоящем издании рукописи «Воспоминаний» также полностью сохранена стилистика и орфография первоисточника.].

В воспоминаниях П.З. Ермакова обращает на себя внимание прежде всего «классовый подход» к событиям. Свои воспоминания он начинает с описания ссылки Романовых из Царского Села в Тобольск и их жизни в этом маленьком сибирском городке под охраной караула, приставленного Временным правительством. Они основаны на материалах, опубликованных в 20-х годах, и, по-видимому, на рассказах уральских чекистов, участвовавших в охране царя и его семьи в Тобольске [362 - Выдвинутые авторами предположения – неверны, так как никакие «уральские чекисты» не охраняли в Тобольске Царскую семью.].

Ермаков всячески подчеркивал, что Тобольский Совет «бездействовал», проявлял «пассивность и нерешительность», не заключил Романовых в тюрьму, им «все разрешалось». Комиссар Временного правительства Панкратов, по его утверждению, проявлял к Романовым «ненужную заботливость и предупредительность», «услужливость», уполномоченный ВЦИК Яковлев «был весьма любезен с Романовыми, «пускался в рассуждения», «развлекал» их своими разговорами. Проявление обыкновенного человеческого внимания, попытки хоть в какой-то мере облегчить участь арестованного царя и членов его семьи, элементарная вежливость по отношению к ним расцениваются Ермаковым как предательство и измена.

Бросается в глаза и явная тенденциозность автора, его безоговорочное следование официальной версии событий. Он много пишет о «многочисленных заговорах»

контрреволюционеров, якобы собиравшихся освободить Романовых, о попытках царя вести из Ипатьевского дома переписку с верными ему контрреволюционерами на воле. (Теперь стало известно, что эта переписка с провокационными целями была организована ВЧК, а письма к царской семье от имени некоего белогвардейского «офицера» писал на французском языке член Уралсовета П.Л. Войков [363 - Сведения неверны, так эти письма под диктовку П.Л. Войкова писал член Коллегии Уральской областной ЧК И.И. Родзинский.]). С этой стороны рассуждения Ермакова не представляют какого-либо исторического интереса.

Вместе с тем воспоминания Ермакова сообщают о ряде новых фактов, связанных с расстрелом Романовых, которые до сих пор не были известны историкам или остались незамеченными.

Из воспоминаний Ермакова следует, что Уралсовет, начиная с февраля 1918 г., последовательно и настойчиво осуществлял свою «революционную инициативу», направленную на переезд Романовых в Екатеринбург и их уничтожение. Ссылаясь на то, что «политическая обстановка в Тобольске вызывала у рабочих масс Урала и Сибири подозрение и опасение в надежности охраны Романовых», Екатеринбургский и Омский Советы «предписали» Тобольскому Совету заключить Романовых в тюрьму, но Тобольский Совет не выполнил их «предписанного наряда».

В начале марта 1918 г. президиум Уралсовета постановил обратиться во ВЦИК с предложением о переводе Романовых в Екатеринбург и, не дожидаясь ответа Центра, послал в Тобольск вооруженные отряды, которые должны были выяснить положение на месте и принять предварительные меры для вывоза Царской семьи, но это не удалось сделать ввиду сопротивления солдатского комитета караула, отказавшегося выдать им Романовых. Когда же в Тобольск прибыл уполномоченный ВЦИК В. Яковлев (Мячин), которому было поручено вывезти Царскую семью, уральцами, по заявлению Ермакова, «было постановлено – в случае необходимости произвести нападение на его отряд с целью отбить Романовых».

Как известно, Уралсовету удалось, с согласия Я.М. Свердлова, но вопреки имевшемуся у Яковлева предписанию ВЦИК перевезти Романовых в Москву, доставить их в Екатеринбург, где они были сданы Яковлевым под расписку Уралсовету. Нежелание Яковлева подчиниться распоряжению Уралсовета о переводе Романовых в Екатеринбург Ермаков объясняет тем, что он, «зная, что Романовых на Урале ждет расстрел, решил спасти их».

Весьма интересно сообщение Ермакова, что во время состоявшейся в Екатеринбурге 25 апреля 1918 г. Четвертой областной партийной конференции было проведено частное совещание, на котором «большинство делегатов с мест высказалось за необходимость скорейшего расстрела Романовых, чтобы в будущем предупредить все попытки к освобождению бывшего царя и кто думал восстановить монархию».

Эти факты, сообщенные Ермаковым и, по-видимому, соответствующие

действительности, окончательно опровергают версию о «вынужденном расстреле» Романовых в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. якобы «ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала».

Воспоминания П. Ермакова позволяют проследить, каким образом и по чьей инициативе было принято решение о казни. Он пишет: «На требование Екатеринбургского областного Совета [364 - Такого органа власти никогда не существовало. Вероятнее всего, Ермаков имеет в виду Уральский областной совет.] перед Центром о расстреле Николая было дано согласие за подписью Свердлова, но о семье, я помню, не говорилось ни звука». И дальше: «Екатеринбургский исполком принял постановление расстрелять Николая, но почему-то в постановлении не говорилось о семье, о их расстреле...» В то же время были с царем казнены его жена, дети, приближенные. Если верить Ермакову, то выходит, руководство акцией осуществлялось из Москвы?

В последнее время в нашей печати опубликованы воспоминания Л.Д. Троцкого, в которых также подтверждается эта версия. Когда Троцкий прибыл с фронта в Москву после падения Екатеринбурга, он спросил Свердлова, кто принял решение расстрелять всех членов Царской семьи. Свердлов ответил: «Мы решили это здесь... Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в наших трудных условиях». (Родина. 1989. № 5, с. 89). В 1930-е годы Ермаков, выступая перед пионерами, тоже говорил, что «основанием для расстрела было личное распоряжение Ленина» («Огонек. 1990, № 22, с. 26).

Далее Ермаков вспоминает: «...когда позвали меня, то мне сказали: “На твою долю выпало счастье – расстрелять и схоронить так, чтобы никто и никогда их трупы не нашел, под личную твою ответственность. Сказали, что мы доверяем тебе как старому революционеру. Поручение я принял и сказал, что будет выполнено точно, подготовил то место, куда везти и как скрыть, учитывая все обстоятельства важности политического момента. Когда я доложил Белобородову (Белобородов – в то время председатель президиума Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов [365 - Должность А.Г. Белобородова названа неправильно. В июле 1918 г. он занимал выборный пост председателя Президиума Исполкома Уральского областного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.]. – Д.Б., Д.Г.), что могу выполнить, то он сказал: сделай так, как нужно было».

Обратим внимание: Ермаков дважды подчеркивает, что расстрел Царской семьи постановлением не предусматривался. Лишь из уст Белобородова услышал: «Это мы решили» [366 - Видимо, Д.В. Боровиков и Д.В. Гаврилов имеют в виду приведенную в настоящей статье цитату из дневника Л.Д. Троцкого за 9 апреля 1935 г., начало которой в первоисточнике выглядит следующим образом: «Мы здесь решали. Ильич считал...»].

Впрочем, насколько правдоподобны эти строки воспоминаний, судить трудно. Ведь и по сей день у исследователей нет доказательств того, что сначала Центр дал согласие на расстрел («за подписью Свердлова»), а после этого принято решение Уралсоветом. Юровский в своей записке утверждает, что «ему было поручено

только привести в исполнение приговор», а «удаление трупов и перевозка лежала на обязанности тов. Ермакова». Встает вопрос: почему Юровский в таком случае лично принимает участие в захоронении? Сам он объясняет это так: «Решил проверить сам всю операцию до конца потому, что опоздание автомобиля внушило коменданту сомнения в аккуратности Ермакова».

Более правдоподобным представляется соображение И. Непейна: «17 июля ночью трупы вывезли и бросили в открытую шахту. Когда утром узнал Голощекин (Уральский военный комиссар [367 - Должность Ф.И. Голощекина названа неправильно. В июле 1918 г. Голощекин занимал должность уральского областного военного комиссара, совмещая таковую с должностью секретаря Уральского областного комитета РКП(б)]. – Д.Б., Д.Г.), он пришел в страшную ярость: задача оказалась невыполненной, так как трупы захоронены, но не уничтожены и могли стать добычей подходивших белогвардейцев». Тогда и началась «беготня за бензином, серной кислотой и спиртом». Значит, вовсе не сомнения в аккуратности Ермакова заставили Юровского участвовать в захоронении. Причина – негодование Голощекина, который осуществлял пристальный контроль за «акцией».

О роли Голощекина свидетельствуют такие строки из воспоминаний Ермакова: «Получил постановление 16 июля в 8 часов вечера, сам прибыл с двумя товарищами – Медведевым и латышом, который служил в моем отряде в карательном отделе». (На основании известных фактов можно предположить: те семь латышей, которые вошли в угловую комнату нижнего этажа вместе с Юровским, его помощником Никулиным и двумя чекистами, состояли в карательном отряде Ермакова [368 - Как известно, Ермаков в июле 1918 г. занимал должность военного комиссара 4-го района Красной гвардии Екатеринбурга. А посему в его подчинении просто не могло быть никакого «карательного отдела», функции которого в то время выполняла Уральская областная ЧК, в структуре которой имелся Отдел по борьбе с контрреволюцией.]. В то время австрийские и немецкие военнопленные («латыши»), признавшие Советскую власть, набирались в ЧК. Из их числа были и караульные на постах [369 - В составе лиц внутренней охраны Дома особого назначения не было никаких австрийцев и немцев. А их численный состав в 10 человек представляли собой пять человек русских (А.Г. Кабанов, В.Н. Нетребин, Черняк + двое доподлинно неустановленных лиц), четыре этнических латыша (Е.А. Каякс, Я.М. Цалмс, Я.М. Сникерс, Ф.Г. Индриксон) и один венгр – А. Верхаш. Единственным же австрийским военнопленным, проживавшим в ДОН, был Р. Ла*censored*, который, состоя при обоих комендантах в качестве «соглядатая-переводчика», совмещал такое свое назначение с обязанностями денщика.].) Надо отметить, что в доме Ипатьева «латыши» появились за тринадцать дней до трагедии [370 - Так называемые «латыши» появились в доме Ипатьева не в день вступления Я.М. Юровского в должность коменданта (4.7.1918), а днями позже.]. Появление «латышей» на постах совпало с поездкой Голощекина в Москву, где он встречался с Я.М. Свердловым и В.И. Лениным [371 - Ф.И. Голощекин убыл в Москву в качестве делегата V Всероссийского съезда Советов, на котором должен был

рассматриваться вопрос о дальнейшей судьбе экс-Императора и проведение над ним суда. Посему он не только встречался с Я.М. Свердловым, но и жил у него на кремлевской квартире.]. Случайное ли это совпадение?

Вернемся к воспоминаниям Ермакова: «Прибыл в 10 часов в Дом особого назначения, вскоре пришла моя машина малого типа, грузовая». Надо полагать, что Ермаков вначале получил в исполкоме указания и постановление о расстреле, которое потом доставил в дом Ипатьева Юровскому.

Косвенно это предположение подтверждается тем, что (по словам Медведева [372 - Помощник начальника караула наружной охраны ДОН П.С. Медведев.]) Юровский не шел будить Царскую семью, пока не прибыл Ермаков. Если бы у Юровского уже было на руках решение исполкома, он имел возможность привести приговор в исполнение и раньше.

Еще одно подтверждение, что Ермаков получил для коменданта постановление и дополнительные инструкции, содержится в таких его словах: «Когда было все в порядке, тогда я коменданту дома в кабинете дал постановление областного исполнительного комитета Юровскому, то он усомнился, почему всех, но я сказал, что надо всех и разговаривать нам с вами долго нечего, время мало, пора приступать». Вряд ли мог вести себя так Ермаков в отношении коменданта члена Уралсовета, не будь у него на то веских аргументов – таких, например, как разговор с Белобородовым и постановление.

Свидетель расстрела охранник А. Стрекотин утверждал, что «в левой руке Юровский держал небольшой листок, читая приговор, а правую – в кармане брюк и при последнем слове моментально вытащил из кармана револьвер и выстрелил в упор в царя». По-видимому, именно этот «небольшой листок» и доставил Ермаков.

В своих воспоминаниях Ермаков всячески преувеличивает свою роль в революции, например, приписывает себе участие в Октябрьском перевороте на судне «Аврора». Он, видимо, приписывает лично себе и расстрел царя. Во времена «классового подхода» убийство царя считалось желанной и высокой честью. Белобородов говорил Ермакову: «На твою долю выпало счастье – расстрелять...» «Высокую честь» расстрелять царя приписывали себе три человека: комендант Дома особого назначения Юровский, начальник караула, член Уральской коллегии ЧК М.А. Медведев [373 - Член Коллегии Уральской областной ЧК М.А. Медведев (Кудрин) никогда не состоял в должности «начальника караула».], а также и Ермаков. Кто же в действительности застрелил Николая II?

Обращает на себя внимание разноречивость показаний и свидетельств, касающихся подготовки расстрела и самой казни. Воспоминания Ермакова его лишь усиливают. «В 11 часов было предложено заключенным Романовым и их близким спуститься в нижний этаж». На это предложение был вопрос: для чего? Я сказал, что вас повезут в Центр, здесь вас держать больше нельзя, угрожает опасность. Как наши вещи? – спросили. Я сказал: ваши вещи мы соберем и выдадим на руки, они согласились, сошли вниз, где для них были поставлены стулья вдоль стены».

Скорее всего, в этом отрывке факты искажены. Стульев, например, там не должно

было быть: по словам Медведева (П.С. Медведева. – Ю.Ж.), когда все спустились в подвал, «Юровский ему велел принести стулья». Юровский же утверждает, что за Романовыми он отправился сам лично, причем один, и «свел их по лестнице в нижнюю комнату». Ермаков добавляет: «...я спустился книзу совместно с комендантом».

А.А. Якимов описывает, кто за кем шел, но Ермакова не называет: «Впереди шли Юровский и Никулин, за ним Николай нес наследника, шли жена, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Боткин, Демидова, Трупп, Харитонов. Сзади шли Лопатин, Медведев» [374 - Авторы статьи Д.В. Боровиков и Д.В. Гаврилов весьма вольно трактуют выдержку из Протокола допроса А.А. Якимова от 7–11 мая 1919 г., в котором дословно сказано нижеследующее: «Впереди шли Юровский и Никулин. За ними шли Государь, Государыня и дочери: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а также Боткин, Демидова, Трупп и повар Харитонов. Наследника нес на руках сам Государь. Сзади за ним шли Медведев и “латыши”, т. е. десять человек, которые жили в нижних комнатах и которые были выписаны Юровским из чрезвычайки. Из них двое русских были с винтовками». То есть, как видит читатель – существенная разница в трактовке одного и того же документа... Посему не приходится удивляться, что при подобном отношении к первоисточнику следовавшие за П.С. Медведевым «латыши» были чудесным образом превращены... в некоего «Лопатина»]. Охранник А.А. Стрекотин: «Наконец, слышу, вниз спускается вся семья Романовых и их приближенные. Тут же идут Юровский, Медведев и Ермаков». Кому здесь верить? Тщательное изучение архивных документов показывает – ближе к истине Юровский. Участники расстрела противоречат и в описании того, как расположилась Царская семья с прислугой.

Медведев: «Государыня села у... стены, где окно ближе к заднему столбу арки. За нею встали дочери. Государь сел в центре, рядом наследник, за ним встал доктор Боткин. Служанка... встала у левого косяка двери. С ней встала одна из дочерей» [375 - И опять же-таки вольная трактовка документа упомянутыми авторами. Ибо данный отрывок в первоисточнике выглядит несколько по-иному: «Государыня села у той стены, где окно ближе к заднему столбу арки. За ней встали три дочери (я их всех очень хорошо знаю в лицо, так [как] каждый почти день видел их на прогулке, но не знаю хорошенько, как звали каждую из них. Наследник и Государь сели рядом, почти посреди комнаты. За стулом наследника встал доктор Боткин. Служанка (как ее зовут – не знаю, высокого роста женщина) встала у левого косяка двери, ведущей в опечатанную кладовую. С ней встала одна из царских дочерей (четвертая)». И снова, как видит читатель, – комментарии излишни...].

Ермаков: «Хорошо сохранилось у меня в памяти: у правого фланга сел Николай, Алексей, Александра, старшая дочь Татьяна, далее доктор Боткин сел, потом фрейлина и дальше остальные. Когда же успокоились, тогда я вышел, сказал своему шоферу: действуй, он знал, что надо делать. Машина загудела. Все это нужно было для того, чтобы заглушить выстрелы... Все сидящие чего-то ждали, у всех было напряженное состояние, изредка перекидывались словами, Александра несколько

слов сказала не по-русски...» [376 - То же самое вольное обращение с первоисточником: «Хорошо сохранилось у меня в памяти, 1 фланга сел Николай, Алексей, Александра, старшая дочь Татьяна, далее доктор Боткин сел, потом фрейлина и дальше остальные. Когда все успокоилось, тогда я вышел, сказал своему шоферу действуй, он знал, что надо делать, машина загудела, появились выхлопки, все это нужно было для того, чтобы заглушить выстрелы, чтобы не было звука слышно на воле, все сидящие чего-то ждали, у всех было напряженное состояние, изредка перекидывались словами, но Александра несколько слов сказала не по русски...»]

Ермаков прав, когда рассказывает: «Уже заранее было распределено, кому и как стрелять». Однако никто не мог предусмотреть, что своих жертв каратели будут добивать. Из опубликованных источников теперь известно: не были сразу убиты Алексей – малолетний сын царя, три его сестры, фрейлина и Боткин. Это удивило коменданта, так как «целили прямо в сердце», но «пули от наганов [377 - В первоисточнике: «...пули наганов...»] отскакивали от чего-то рикошетом и как град прыгали по комнате».

Детей не только «пришлось достреливать», но их и других докалывали штыком. Этот факт никто не оспаривает. Вот, например, как пишет Юровский: «Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсаж».

Надо заметить, что, описывая расстрел, Ермаков берет на себя главную роль: «Я себе взял самого Николая, Александрю, дочь, Алексея потому, что у меня был маузер, им можно верно работать, остальные были с наганами...» [378 - В первоисточнике: «...остальные были наганы».] Потом утверждает, что именно он, Ермаков, «стал читать приговор постановления, где говорилось... расстрелять».

Затем Ермаков продолжает: «Тогда у Николая вырвалась фраза: «Так нас никуда не повезут?» – ждать дальше было нельзя – я дал выстрел в него в упор, он упал сразу, но и остальные также. В это время поднялся между ними плач, один другому бросались на шею, затем дали несколько выстрелов, и все упали. Тогда я стал осматривать их состояние, которые были еще живы, то я давал новый выстрел в них. Николай умер с одной пули, жене дано две и другим также по несколько пуль. Когда были уже мертвы, то я дал распоряжение всех вытаскивать через нижний ход в автомобиль...» [379 - В первоисточнике: «Тогда у Николая вырвалась фраза: так нас никуда не повезут, ждать дальше было нельзя, я дал выстрел в него в упор, он упал сразу, но и остальные также. В это время поднялся между ними плач, один другому бросались на шею, затем дали несколько выстрелов и все упали. Когда я стал осматривать их состояние, которые были еще живы, то я давал новый выстрел в них. Николай умер с одной пули, жене дано было две и другим также по несколько пуль, при проверке пульса, когда были уже мертвы, то я дал распоряжение всех вытаскивать через нижний ход в автомобиль...»]

Читать это невозможно, тяжело...

Но вдумаясь. Юровский берет на себя «убийство Николая наповал». Зачем же приписывает себе то же Ермаков? Что за этим кроется? Другие свидетельства

показывают, что Ермаков не должен был принимать участия в убийстве – он лишь пришел на помощь, когда уже началась вакханалия, полилась кровь, слышались стоны.

Охранник Александр Андреевич Стрекотин (он стоял тогда на посту – у пулемета в нижнем этаже) ошибиться не мог, так как Ермакова знал по дутовскому фронту. А.А. Стрекотин вспоминает: «Когда арестованные были введены в комнату, в это время из другой комнаты направилась группа 6–7 человек незнакомых мне людей. Я пошел за ними, оставив свой пост. Они и я остановились в дверях комнаты. Юровский показывает арестованным, кому и куда нужно становиться, и спокойно, тихим голосом – пожалуйста, вы встаньте сюда, вот так в ряд... Перед царем лицом к лицу стоял Юровский – держа правую руку в кармане брюк, а в левой держал небольшой листок, потом он читал приговор... Но не успел он до конца дочитать, как царь громко переспросил: “Я не понял. Прочитайте еще раз”. Юровский читал вторично и при последнем слове моментально вытащил из кармана револьвер и выстрелил в упор в царя. Сойкало несколько голосов. Царица и дочь не успели перекреститься, одновременно раздались выстрелы, свалились и остальные десять человек. По лежащим сделано еще несколько выстрелов. Дым заслонил электрический свет, затруднил дыхание. Стрельба была прекращена, раскрыты двери, чтобы дым разошелся. Принесли носилки, начали убирать трупы на грузовой автомобиль, когда ложили одну из дочерей, она вскричала и закрыла лицо рукой. Живыми остались также и другие. Стрелять было нельзя, двери открыты. Ермаков взял у меня винтовку со штыком и доколот всех, кто остался живым» [380 - В первоисточнике: «Когда арестованные были введены в комнату, в это время группа людей, которая раньше вошла в одну из комнат, направились к комнате, в которую только что ввели арестованных. Я пошел за ними, оставив свой пост. Они и я остановились в дверях комнаты. Юровский коротким движением рук показывает арестованным, как и куда нужно становиться, и спокойно тихим голосом: «Пожалуйста, вы встаньте сюда, а вы вот сюда, вот так в ряд». (...) Перед царем лицом к лицу стоял Юровский – держа правую руку в кармане брюк, а в левой держал небольшой листок бумаги, потом он читал приговор (...) Но не успел он закончить последнего слова, как царь громко переспросил: «Как, я не понял? Прочитайте еще раз». Юровский читал вторично, при последнем слове он моментально вытащил из кармана револьвер и выстрелил в упор в царя. Сойкало несколько голосов. Царица и дочь Ольга пытались «осенить себя крестным знаменем», но не успели. Одновременно с выстрелами Юровского раздались выстрелы группы людей, специально призванных для этого, – царь не выдержал единственной пули нагана, с силой упал навзничь. Свалились! И остальные десять человек. По лежащим было сделано еще несколько выстрелов. Дым заслонил электрический свет и затруднял дыхание. Стрельба была прекращена, были раскрыты двери комнаты с тем, чтобы дым разошелся. Принесли носилки, начали убирать трупы, первым был вынесен труп царя. Трупы выносили на грузовой

автомобиль, находящийся во дворе, когда ложили на носилки одну из дочерей, она вскричала и закрыла лицо рукой. Живыми оказались также и другие. Стрелять было уже нельзя, при раскрытых дверях, выстрелы могли быть услышаны на улице. По словам товарищей из команды, даже первые выстрелы были слышны на всех внутренних и наружных постах. Ермаков взял у меня винтовку со штыком и доколот всех, кто остался живым.].

После расстрела, по воспоминаниям Ермакова, трупы стали по одному выносить в автомобиль, где «...всех покрыли брезентом. Когда эта операция была окончена, около часу ночи с 16 на 17 июля 1918 г. автомобиль с трупами направился через ВИЗ [381 - первоисточнике: «В-Исетск».] по направлению дороги Коптяки, где было мною выбрано место для зарытия трупов» [382 - Отсутствует многоточие, так как этими словами фраза не оканчивается.].

Далее П. Ермаков рассказывает о том, как в этот же день опустил тела убитых в шахту, а в ночь с 17-го на 18-е сжег трупы, облив керосином и серной кислотой. Заканчивает он такими словами: «Решение приговора было донесено президиуму ВЦИК, его председателю Я.М. Свердлову. И в тот же вечер сообщение о расстреле сделал Я. Свердлов на заседании Совета Народных Комиссаров. Приняли к сведению» [383 - Все отрывки, на которые ранее ссылались авторы, относились к воспоминаниям Ермакова, названные им как «Расстрел бывшего царя». Данный же отрывок взят из последней части его «Воспоминаний», именуемой как «Расстрел Николая Романова и Его семьи». Но, как и во всех прежних случаях, авторы вновь допускают небрежность по отношению и к данному первоисточнику: «Решение приговора было донесено [в] Президиум ВЦИК, председателю его Я.М. Свердлову. И в тот же вечер сообщение о рас[с]треле сделал Свердлов на заседании Совета Народных Комиссаров. Никаких суждений об этом [сообщении] не было. [Присутствующие на заседании лица] приняли [информацию Я.М. Свердлова] к сведению, после чего Ленин (В.И. Ленин. – Ю.Ж.) предложил всем передти (перейти. – Ю.Ж.) [к] очередной работе (к очередному вопросу данного заседания. – Ю.Ж.).].

Записки П. Ермакова показывают, на кого возлагается ответственность за убийство без суда и следствия заключенных, в том числе и детей. Это – представители Центра (Я.М. Свердлов), А.Г. Белобородов (с января 1918 г. – председатель исполкома Уралоблсовета), Ф.И. Голощекин (уральский военный комиссар, член президиума Совета, секретарь Уральского областного комитета РКП(б), П.Л. Войков (член президиума Совета [384 - Занимая пост уральского областного комиссара снабжения и продовольствия, П.В. Войков никогда не состоял членом Президиума Исполкома Уральского облсовета.]), Я.М. Юровский (комендант дома Ипатьева, депутат Уральского Совета [385 - Не совсем понятно, какое именно «депутатство» Я.М. Юровского имелось в виду авторами...], товарищ комиссара юстиции Уральской области, член Коллегии областной ЧК [386 - Присутствуя на заседаниях Коллегии Уральской областной ЧК, Я.М. Юровский тем не менее никогда не состоял в таковой, так как совмещал должность товарища

уральского областного комиссара юстиции и председателя Следственной комиссии революционного трибунала.]). А также П.З. Ермаков и другие, которых убеждали, будто принять участие в убийстве – это счастье.

«...Забвение или игнорирование этого... не даст возможности даже приблизиться к истинному пониманию екатеринбургской трагедии», – утверждает историк Г. Иоффе в книге «Великий Октябрь и эпилог царизма».

Воспоминания Ермакова, явно противоречащие свидетельствам других участников и очевидцев расстрела, не позволяют с полной достоверностью заключить, что именно он лично застрелил царя или что он вообще участвовал в расстреле. Зато все свидетели единодушно показывают, да это подтверждает в своих воспоминаниях и сам Ермаков, что когда после расстрела трупы были вынесены из подвала к автомобилю и оказалось, что некоторые из расстрелянных еще живы, Ермаков взял «винтовку со штыком и доколот всех, кто остался живым», а затем занялся исполнением своего основного «ответственного поручения» – вывозом трупов и их уничтожением, чтобы замести следы этого дикого преступления. Из воспоминаний четко прослеживается образ Ермакова – палача, безжалостно и хладнокровно, с садистской жестокостью уничтожавшего «классовых врагов», в том числе ни в чем не повинных женщин и детей. Это никак не вяжется с созданным ему нашими писателями и журналистами обликом «пламенного революционера», «самоотверженно претворявшего в жизнь» великие идеи.

Непосредственные участники расстрела Романовых – Юровский, Никулин, Медведев и Ермаков – дожили благополучно до старости и были похоронены с почестями. Все они стремились увековечить свои «славные имена» в истории, для чего сдали в музей «священные революционные реликвии» – орудия убийства Романовых: Юровский и Никулин в 1927 г. в Музей революции в Москве – револьвер кольт и маузер, Ермаков в том же году в Уральский областной музей революции в Свердловске – маузер. Сохранился акт от 10 декабря 1927 г., в котором научные сотрудники Истпарта А.В. Баранов и В.А. Гензель подтверждают, что «приняли у тов. П.З. Ермакова револьвер № 161474 системы маузер, которым, по свидетельству Ермакова, был расстрелян царь». Этот маузер сохранился в музее до настоящего времени.

Вокруг этого маузера создана, при активном участии Ермакова, «красивая» легенда. Маузер, по рассказам Ермакова, находился у него со времени Революции 1905–1907 гг. Когда в августе 1907-го его арестовали, у него «пистолета не было, так как накануне мать закопала его в огороде», а в 1917-м маузер в его руках уже «снова служит революции». Потом оружие «долго лежало в ящике стола», а в 1927 г. маузер был сдан в музей. На легенде воспитывались пионеры, которым ее искусно рассказала всесоюзная газета «Пионерская правда» (1957, 13 сентября). Сам Ермаков часто выступал перед пионерами и школьниками, на многочисленных пионерских кострах охотно рассказывал о расстреле Романовых, утверждал, что

собственноручно расстрелял из своего маузера царя и некоторых других членов царской семьи. Благодарные пионеры дарили «герою революции» цветы. Весь рассказ о «легендарном маузере» всецело остается на совести автора легенды. Дело в том, что на пистолете, хранящемся в музее, номера и заводские знаки спилены, и при внешнем осмотре установить его подлинное происхождение невозможно. Ранее работавшие в музее сотрудники утверждают, что, по имеющимся у них материалам, которые скрывались от посетителей, маузер был изготовлен на заводе в начале 1920-х гг. Но разве можно принимать во внимание такие «мелочи», если работникам музея так хотелось иметь у себя «бесценную» реликвию?

«Легендарный» маузер Ермакова требует тщательной, высококвалифицированной, с применением новейших технических средств, криминалистической экспертизы.

Оценивая историческое значение расстрела Романовых, Л.Д. Троцкий писал: «Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы напугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что впереди полная победа или полная гибель» (Огонек. 1990, № 2, с. 27).

Эта цель была достигнута. Убийство отказавшегося от престола и не игравшего уже никакой роли в политической жизни страны бывшего царя Николая II и его семьи усилило ожесточенность Гражданской войны, способствовало расширению ее масштабов и продолжительности. Классовый подход, классовая ненависть, насилие, заложенные в те годы, до сих пор сказываются на многих сторонах жизни нашего общества [387 - Оpubл. Убийство царской семьи Романовых. (Сборник документов, статей и участников давней трагедии в Екатеринбурге). Свердловск, 1991. С. 112–123.].

О.А. Платонов

Из книги «Убийство Царской семьи»

Теперь непосредственно исполнители. Самой зловещей, конечно после Юровского, фигурой здесь является тридцатичетырехлетний [388 - На момент совершения убийства Царской семьи П.З. Ермакову исполнилось 33 года.] Ермаков Петр Захарович, своего рода прототип Федьки Каторжного из «Бесов» Достоевского. Когда смотришь на его детскую фотографию, невольно возникает мысль о волчонке, готовом укунить руки родителей, стоящих вокруг своего «меньшенького». Второе фото – он в темной косоворотке, наглухо застегнутой, лежит на траве, длинные волосы, как у Махно, взгляд дикий и неприятный. В 23 года (в 1907 г.) у него три пистолета, он уже убил, по крайней мере, одного человека – отрезал ему голову [389 - Это широко распространенный миф, на деле не имеющий ничего общего с реальной действительностью. Ибо таковой связан с непосредственным участием П.З. Ермакова в деле убийства секретного сотрудника Екатеринбургского Отделения Пермского ГЖУ Николая Ерина («Летнего»)]. Его арестовывают по подозрению в убийстве, но вину берет на себя другой боевик,

которого по суду присуждают к виселице [390 - Этим боевиком был В. Кругляшов.]. А Ермаков снова на свободе, участвует в нападениях на транспорт с деньгами, занимается рэкетом. Всюду за ним тянется кровавый след. В 1910 г. его ссылают в Вельск. В 1917 г. он сколачивает отряд-шайку для изъятия земель и имущества крупных землевладельцев, первые безнаказанные расстрелы «контры». Ермакова с его отрядом направляют на подавление крестьянских восстаний – и снова расстрелы, главарей он убивает лично, о чем говорит в воспоминаниях. В июне 1918 г. он подавляет восстание на Верх-Исетском и Невьянском заводах. «Были пойманы главари Аранс и учитель Пелеков и ряд других главарей. Последние мной были уничтожены» [391 - ЦДООСО. Ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 12.]. К моменту убийства царской семьи руки Ермакова были обогреты кровью десятков жертв.

Неудивительно, что именно ему поручили уничтожение тел.

На фотографии 1918 г. [392 - Эта фотография относится к 1919 г. и была сделана в Кунгуре.] у Ермакова бравый вид: гимнастерка с ремнями крест-накрест, галифе, офицерские сапоги, на боку маузер в деревянной кобуре. Снимок сделан в солидной фотографии (может быть, делал сам Юровский), на фоне декорации экзотических растений и камней. Взгляд дикий, разбойничий и по-прежнему вызывающий. Волосы покороче, чем в юности, но и сейчас издалека за Махно сойдет.

В 20-е гг. Ермаков служит начальником милиции в разных городах, а с 1927 г. становится одним из руководителей мест заключения в Уральской области – закономерная карьера легендарного боевика-террориста. Рассказывают, что в начале 30-х гг. он лично казнил наиболее важных лиц, приговоренных к расстрелу. Тогда было арестовано более двух тысяч руководителей области, из них примерно треть – расстреляна. Как не помочь в любимом деле!

В 20–30 гг. Ермаков охотно встречается с коллективами трудящихся, рассказывает о подробностях расстрела царской семьи и о своей собственной роли в нем. Те, кто знали его, отмечают за ним страсть к алкоголю. Выпив, он становился особенно болтлив. «Я лично расстрелял царя, царицу и наследника, – кричал он, – я впервые на Урале устроил крематорий», – часто повторял Ермаков [393 - Сообщение А.И. Антропова.]. Говоря о крематории, он имел в виду сжигание тел представителей царской семьи. На фотографии конца 30-х гг. мы видим типичного чекиста-начальника тех лет, располневшего, в гимнастерке с ремнем, в сапогах, из гимнастерки торчит приличное брюшко. Вид самоуверенный, взгляд как в юности, неприятный и даже отталкивающий.

Был он, если судить по воспоминаниям, очень тщеславный, падкий на славу и похвалу. Любил, чтобы его отличали и награждали. Но вот что меня удивило: за такие «большие заслуги» он не был награжден орденами и медалями. Я просмотрел его личное дело – правительственных наград у него нет [394 - О.А. Платонов заблуждается. В 1946 г. Ермаков был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».]. Вот только в воспоминаниях Ермаков пишет, что в 1930 г. рабочие Верх-Исетского завода, профбюро и партбюро милиции преподнесли ему как стойкому ленинцу браунинг, а в 1931 г.

присвоили звание почетного ударника и выдали грамоту за выполнение пятилетки в три года [395 - ЦДООСО. Ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 1–12.].

К концу 30-х гг. распоряжением свыше ему запретили выступать с рассказами о своих «подвигах». Родственники вспоминают, что перед самой войной постучались люди Берии, взяли Ермакова под руки, посадили на самолет, привезли в столицу, разместили в гостинице «Москва». Не разрешали выходить, и три дня он писал воспоминания о расстреле царской семьи. Вернулся из Москвы радостным, так как не чаял остаться живым. Нравы своих соратников он знал. Но язык с тех пор прикусил [396 - О.А. Платонов не совсем верно доносит информацию о случившемся. Вызов П.З. Ермакова в Москву был связан с обнаружением на территории оккупированной Германии материалов предварительного следствия Н.А. Соколова, в одном из томов которого подтверждался добровольный переход на сторону врага бывшего начальника караула наружной охраны Дома особого назначения П.С. Медведева. Проявляя «незаурядное служебное рвение», ретивые «энкагэбешники» перепутали умершего еще в 1918 г. Медведева с его однофамильцем М.А. Медведевым (Кудриным), занимавшим в то время должность секретаря парторганизации Высшей офицерской школы НКВД СССР. В связи с этим обстоятельством был допрошен и Ермаков, доставленный в Москву поездом в сопровождении двух сотрудников НКГБ.]. Хотя, по свидетельству очевидцев, во время войны, бывало, выступал с рассказами в некоторых военных частях. Умер Ермаков в 1951 г., похоронен с почестями возле памятника героям гражданской войны, именем его названа улица Свердловска [397 - П.З. Ермаков скончался 25 мая 1952 г. и был похоронен на Ивановском кладбище города Свердловска.].

Ермаков имел большой отряд, состоявший преимущественно из деклассированных уголовных элементов. Ближайшими сподвижниками Ермакова были: беглый кронштадтский матрос Степан Ваганов, Александр Болотов, Василий Леватных [398 - Правильно – Ливадных.], Александр Костоусов, Алексей Грудин, Александр Рыбников.

Ваганова впоследствии растерзали родственники и близкие тех людей, которых он зверски убивал и грабил [399 - Скрываясь в леднике (погребе) собственного дома, С.П. Ваганов был случайно замечен соседской девочкой. На ее крики сбежались соседи и окружили ледник. Предприняв попытку прорваться, С.П. Ваганов был застрелен из охотничьего ружья одним из местных жителей.]. Такая же участь, конечно, ждала и главаря шайки Ермакова, но он вовремя исчез.

Зашел я в дом старых большевиков, где с 30-х годов жил этот пламенный революционер. Когда-то здесь было спецраспределение и спецобслуживание. Но всему приходит конец. Дом, построенный в духе конструктивизма, сильно обветшал, квартиры требуют ремонта. В квартире Ермакова живут другие люди, его не знают. Не помнят его и в квартирах рядом. С час хожу по двору, расспрашиваю стариков. Нет, никто не помнит...» [400 - Платонов О.А. Убийство Царской семьи. М., 1991. С. 125–129.]

А.П. Мурзин

О чем рассказал перед смертью цареубийца Ермаков (Открытое письмо Святейшему Патриарху)

Ваше Святейшество! Обращаюсь к Вам по самому неотложному в данный момент вопросу из всего комплекса проблем, связанных с изучением обстоятельств гибели в 1918 г. в Екатеринбурге Царской семьи и ее слуг – к вопросу о дальнейшей судьбе найденных в 1991 г. людских останков. Как известно, эти останки сразу же были сенсационно объявлены «Царскими», что вызвало решительные возражения многих исследователей Екатеринбургской трагедии, не снятые и теперь.

Тем не менее недавно Госкомиссия, занимающаяся «идентификацией» этих останков, все по той же лишь «царской» версии приняла решение перезахоронить их именно как «царские» и соответственно с «августейшим» образом размахом. Сделано это по-прежнему без какой-либо исторической аргументации самого происхождения захоронения под Коптяковской дорогой.

В связи с этим я вынужден прервать свое многолетнее молчание и приоткрыть завесу над некоторыми эпизодами Екатеринбургской трагедии. И прежде всего – над мнимой тайной обнаруженной «могилы». Насколько мне известно, именно Ваши мудрость и терпение как Предстоятеля Русской Православной Церкви до сих пор сдерживали агрессивные попытки разных сил понудить и Церковь к согласию перезахоронить далеко не достоверные останки по «царскому» ритуалу. Буду рад, если хоть малой толикой помогу укрепить позицию Вашего Святейшества и РПЦ уберечь Церковь от грозящей беды – от возможного «обретения» ею в будущем, в случае канонизации когда-либо мучеников Екатеринбурга, ложных мощей, чего она не может попустить.

Коротко представляюсь. Журналист. Бывший корреспондент «Комсомольской правды» и «Правды». Но случилось в моей жизни так, что, еще будучи студентом отделения журналистики Уральского университета (тогда в Свердловске), я встречался в 1951 г. с действительным убийцей Николая II – Петром Захаровичем Ермаковым. Пишу лишь о себе, потому что организовавший ту встречу мой университетский друг С.М. Бетев, впоследствии известный на Урале писатель, к сожалению, скончался в 1990 г. С тех пор я остаюсь единственным свидетелем всего того, что рассказывал П.З. Ермаков, в том числе и о существовании некой «тайной могилы», которую он обещал, но не успел нам показать.

«Цареубийца» в нынешней свободной от историзма прессе развелось уже не меньше, чем тех, кто еще недавно в той же прессе «нес» на кремлевском субботнике знаменитое ленинское бревно.

Зато ключевая к разгадке многих тайн «преступления века» фигура Ермакова с ходу отмечается в сторону из-за его известных непомерных претензий на цареубийство: а, это тот, который всюду заявлял, что он один «всех, всех убил». Между тем если посчитать, то, по всем «свидетельствам» распорядителя «казни» Я.М. Юровского, выходит, что «всех, всех» убил в ту июльскую ночь как раз он:

минимум восемь жертв из одиннадцати. На такое не отваживался даже и «кровавый Мюнхгаузен» Ермаков.

Пишу это потому, что преступление не может быть раскрыто, если по его «следам» водит сам преступник. Не могу превращать это письмо в детальное историческое исследование, но убежден и готов где угодно доказать: все «свидетельства» Я.М. Юровского о екатеринбургском злодеянии сотканы из сплошной, непролазной лжи. С чрезвычайной осторожностью надо относиться и к разным «мемуарам» остальных убийц (П.З. Ермакова, Г.П. Никулина и М.А. Медведева-Кудрина), а также «похоронщиков». Фраза «Лжет, как участник» имеет здесь отнюдь не иронический смысл. Поскольку убийцы просто не могли знать многих событий тех нечеловеческих трех дней и ночей 1918 г. Вот почему все их «свидетельства» являют собой всего лишь «малые версии» одной Большой большевистской лжи о совершенном преступлении. Они уведут очень далеко от подлинных путей к Истине. И надо менять сам принцип подхода к исследованию всех свидетельств с «красной» стороны.

Иное дело предсмертная (как вскоре оказалось) исповедь Ермакова. 30 марта 1952 г. перед нами сидел не тот хвастливый и болтливый Ермаков, какого мы ранее знали. Болезненно желтый, обиженный, ничем не отмеченный родной властью за свой «подвиг», всеми презираемый и забытый, не привечаемый даже в обкоме партии... Обещанное ему в 1918 г. «счастье» за убийство Царя не состоялось. Он сидел за столом с водкой и пельменями. И обрушивал на нас, студентов журфака, свой оглушительный рассказ, свою кровавую правду, которую не пожелал уносить в могилу.

В тот день мы и узнали во многих деталях (еще более ужасных, чем известно теперь), что же на самом деле произошло в подвальной комнате Ипатьевского дома в ночь на 17 июля 1918 г. Узнали про судьбу палачей, про обезумевшую их команду, про то, как уничтожались тела мучеников, про драгоценности, снятые с убитых Великих княжон. И даже про то, где и кем они были зарыты в 1918 г. Разумеется, все, что я услышал о цареубийстве тогда и что сверяю-проверяю поныне, требует целой серии отдельных, сугубо доказательных публикаций. И я постараюсь это сделать по мере возможностей и сил. Тема же этого письма – подлинная история коптяковского захоронения и совершенно неясная пока судьба упрятанных в нем останков.

Июль 1918 г.: как уничтожались тела мучеников.

Ермаков рассказывал лишь то, что знал. А знал и он далеко не все. Акция по уничтожению (или сокрытию) тел была еще более скрытой, чем убийство. Строилась она на симуляции и слухах. И чем нелепее был слух, тем лучше. Скажем, версия со «сбрасыванием» тел в шахту и последующим их доставанием из шахты. Абсурд! А ведь сработало, да как! До сих пор эту фантастическую версию строго «по Юровскому» повторяет ведущий следствие по «делу Романовых» прокурор-криминалист Генпрокуратуры В.Н. Соловьев (см. журнал «Домовой», 1996, № 2, с. 14).

Ермаков рассказывал нам: борьбу за «право первой пули» Юровский начал еще в ту ночь, при окровавленных трупах. Едва затихла стрельба, как из комендантской прибежал военный комиссар Голощекин, в ярости спросил: «Что так долго возились?» Юровский ответил: «Команда растерялась, пришлось мне самому все взять на себя». В коптяковский лес Юровский с телами убитых не ездил: трупы увозили Ермаков и Медведев-Кудрин с «двумя товарищами».

Не стану описывать всего происходившего в те дни и ночи близ шахты. Все это почти с полной достоверностью установлено – «белым» следствием еще в 1918–1919 гг. Говорю «почти», потому что есть чрезвычайно важные детали, которые не могли быть известны тому следствию и о которых поведал нам царевбийца Ермаков.

Он категорически утверждал: трупов было тринадцать, потому что на другой день привезли еще тела двух «австрийцев» (или мадьяр) – тех самых, что отказались участвовать в расстреле царской семьи: «Девиц не стреляем!»

Голощекин приказал Ермакову в первую очередь сжечь дотла три тела: Николая II, Алексея и Анастасии. Но при этом головы их в огонь не бросать. Зубной техник Голощекин лично «объяснил», что зубы не горят, поэтому головы будут уничтожены в серной кислоте. И три головы «куда-то забрал» П.Л. Войков. Для удобства сожжения тела были разрублены.

Верить, не верить? Послушаем Ермакова дальше. И сейчас задается вопрос: сколько нужно дров, чтобы сжечь хотя бы один труп. Ведь известно, что близ шахты № 7 не было никаких следов их заготовки или подвозки. Рассказ Ермакова был обескураживающе прост: «Белые следователи не догадались, что Коптяки на то и Коптяки, что там занимались углежжением. На древесном угле мы жгли. Поливали бензином, жгли...» Не потому ли никто не заметил в те дни ни большого огня, ни дыма над лесом?

Ермаков говорил, что в лес они ездили, «как на работу». И утверждал: «главные» тела он «сожжет» еще в ночь на 18 июля. И уехал с командой домой отсыпаться. А поздним вечером того же дня они вернулись к шахте. И немало удивились, увидев: команда Голощекина и Юровского заканчивает погрузку каких-то «не догоревших» тел в повозки.

Охранник Александр Андреевич Стрекотин (он стоял тогда на посту – у пулемета в нижнем этаже) ошибиться не мог, так как Ермакова знал по дутовскому фронту. А.А. Стрекотин вспоминает: «Когда арестованные были введены в комнату, в это время из другой комнаты направилась группа 6–7 человек незнакомых мне людей. Я пошел за ними, оставив свой пост. Они и я остановились в дверях комнаты. Юровский показывает арестованным, кому и куда нужно становиться, и спокойно, тихим голосом – пожалуйста, вы встаньте сюда, вот так в ряд... Перед царем лицом к лицу стоял Юровский – держа правую руку в кармане брюк, а в левой держал небольшой листок, потом он читал приговор... Но не успел он до конца дочитать, как царь громко переспросил: “Я не понял. Прочитайте еще раз”. Юровский читал

вторично и при последнем слове моментально вытащил из кармана револьвер и выстрелил в упор в царя. Сойкало несколько голосов. Царица и дочь не успели перекреститься, одновременно раздались выстрелы, свалились и остальные десять человек. По лежащим сделано еще несколько выстрелов. Дым заслонил электрический свет, затруднил дыхание. Стрельба была прекращена, раскрыты двери, чтобы дым разошелся. Принесли носилки, начали убирать трупы на грузовой автомобиль, когда ложили одну из дочерей, она вскричала и закрыла лицо рукой. Живыми остались также и другие. Стрелять было нельзя, двери открыты. Ермаков взял у меня винтовку со штыком и доколот всех, кто остался живым» [380 - В первоисточнике: «Когда арестованные были введены в комнату, в это время группа людей, которая раньше вошла в одну из комнат, направились к комнате, в которую только что ввели арестованных. Я пошел за ними, оставив свой пост. Они и я остановились в дверях комнаты. Юровский коротким движением рук показывает арестованным, как и куда нужно становиться, и спокойно тихим голосом: «Пожалуйста, вы встаньте сюда, а вы вот сюда, вот так в ряд». (...) Перед царем лицом к лицу стоял Юровский – держа правую руку в кармане брюк, а в левой держал небольшой листок бумаги, потом он читал приговор (...) Но не успел он закончить последнего слова, как царь громко переспросил: «Как, я не понял? Прочитайте еще раз». Юровский читал вторично, при последнем слове он моментально вытащил из кармана револьвер и выстрелил в упор в царя. Сойкало несколько голосов. Царица и дочь Ольга пытались «осенить себя крестным знаменем», но не успели. Одновременно с выстрелами Юровского раздались выстрелы группы людей, специально призванных для этого, – царь не выдержал единственной пули нагана, с силой упал навзничь. Свалились! И остальные десять человек. По лежащим было сделано еще несколько выстрелов. Дым заслонил электрический свет и затруднял дыхание. Стрельба была прекращена, были раскрыты двери комнаты с тем, чтобы дым разошелся. Принесли носилки, начали убирать трупы, первым был вынесен труп царя. Трупы выносили на грузовой автомобиль, находящийся во дворе, когда ложили на носилки одну из дочерей, она вскричала и закрыла лицо рукой. Живыми оказались также и другие. Стрелять было уже нельзя, при раскрытых дверях, выстрелы могли быть услышаны на улице. По словам товарищей из команды, даже первые выстрелы были слышны на всех внутренних и наружных постах. Ермаков взял у меня винтовку со штыком и доколот всех, кто остался живым.]»

После расстрела, по воспоминаниям Ермакова, трупы стали по одному выносить в автомобиль, где «...всех покрыли брезентом. Когда эта операция была окончена, около часу ночи с 16 на 17 июля 1918 г. автомобиль с трупами направился через ВИЗ [381 - первоисточнике: «В-Исетск».] по направлению дороги Коптяки, где было мною выбрано место для зарытия трупов» [382 - Отсутствует многоточие, так как этими словами фраза не оканчивается.]»

Далее П. Ермаков рассказывает о том, как в этот же день опустил тела убитых в шахту, а в ночь с 17-го на 18-е сжег трупы, облив керосином и серной кислотой.

Заканчивает он такими словами: «Решение приговора было донесено президиуму ВЦИК, его председателю Я.М. Свердлову. И в тот же вечер сообщение о расстреле сделал Я. Свердлов на заседании Совета Народных Комиссаров. Приняли к сведению» [383 - Все отрывки, на которые ранее ссылались авторы, относились к воспоминаниям Ермакова, названные им как «Расстрел бывшего царя». Данный же отрывок взят из последней части его «Воспоминаний», именуемой как «Расстрел Николая Романова и Его семьи». Но, как и во всех прежних случаях, авторы вновь допускают небрежность по отношению и к данному первоисточнику: «Решение приговора было донесено [в] Президиум ВЦИК, председателю его Я.М. Свердлову. И в тот же вечер сообщение о рас[с]треле сделал Свердлов на заседании Совета Народных Комиссаров. Никаких суждений об этом [сообщении] не было. [Присутствующие на заседании лица] приняли [информацию Я.М. Свердлова] к сведению, после чего Ленин (В.И. Ленин. – Ю.Ж.) предложил всем передти (перейти. – Ю.Ж.) [к] очередной работе (к очередному вопросу данного заседания. – Ю.Ж.).].

Записки П. Ермакова показывают, на кого возлагается ответственность за убийство без суда и следствия заключенных, в том числе и детей. Это – представители Центра (Я.М. Свердлов), А.Г. Белобородов (с января 1918 г. – председатель исполкома Уралоблсовета), Ф.И. Голощекин (уральский военный комиссар, член президиума Совета, секретарь Уральского областного комитета РКП(б), П.Л. Войков (член президиума Совета [384 - Занимая пост уральского областного комиссара снабжения и продовольствия, П.В. Войков никогда не состоял членом Президиума Исполкома Уральского облсовета.]), Я.М. Юровский (комендант дома Ипатьева, депутат Уральского Совета [385 - Не совсем понятно, какое именно «депутатство» Я.М. Юровского имелось в виду авторами...], товарищ комиссара юстиции Уральской области, член Коллегии областной ЧК [386 - Присутствуя на заседаниях Коллегии Уральской областной ЧК, Я.М. Юровский тем не менее никогда не состоял в таковой, так как совмещал должность товарища уральского областного комиссара юстиции и председателя Следственной комиссии революционного трибунала.])). А также П.З. Ермаков и другие, которых убеждали, будто принять участие в убийстве – это счастье.

«...Забвение или игнорирование этого... не даст возможности даже приблизиться к истинному пониманию екатеринбургской трагедии», – утверждает историк Г. Иоффе в книге «Великий Октябрь и эпилог царизма».

Воспоминания Ермакова, явно противоречащие свидетельствам других участников и очевидцев расстрела, не позволяют с полной достоверностью заключить, что именно он лично застрелил царя или что он вообще участвовал в расстреле. Зато все свидетели единодушно показывают, да это подтверждает в своих воспоминаниях и сам Ермаков, что когда после расстрела трупы были вынесены из подвала к автомобилю и оказалось, что некоторые из расстрелянных еще живы, Ермаков взял «винтовку со штыком и доколот всех, кто остался живым»,

а затем занялся исполнением своего основного «ответственного поручения» – вывозом трупов и их уничтожением, чтобы замести следы этого дикого преступления. Из воспоминаний четко прослеживается образ Ермакова – палача, безжалостно и хладнокровно, с садистской жестокостью уничтожавшего «классовых врагов», в том числе ни в чем не повинных женщин и детей. Это никак не вяжется с созданным ему нашими писателями и журналистами обликом «пламенного революционера», «самоотверженно претворявшего в жизнь» великие идеи.

Непосредственные участники расстрела Романовых – Юровский, Никулин, Медведев и Ермаков – дожили благополучно до старости и были похоронены с почестями. Все они стремились увековечить свои «славные имена» в истории, для чего сдали в музеи «священные революционные реликвии» – орудия убийства Романовых: Юровский и Никулин в 1927 г. в Музей революции в Москве – револьвер кольт и маузер, Ермаков в том же году в Уральский областной музей революции в Свердловске – маузер. Сохранился акт от 10 декабря 1927 г., в котором научные сотрудники Истпарта А.В. Баранов и В.А. Гензель подтверждают, что «приняли у тов. П.З. Ермакова револьвер № 161474 системы маузер, которым, по свидетельству Ермакова, был расстрелян царь». Этот маузер сохранился в музее до настоящего времени.

Вокруг этого маузера создана, при активном участии Ермакова, «красивая» легенда. Маузер, по рассказам Ермакова, находился у него со времени Революции 1905–1907 гг. Когда в августе 1907-го его арестовали, у него «пистолета не было, так как накануне мать закопала его в огороде», а в 1917-м маузер в его руках уже «снова служит революции». Потом оружие «долго лежало в ящике стола», а в 1927 г. маузер был сдан в музей. На легенде воспитывались пионеры, которым ее искусно рассказала всесоюзная газета «Пионерская правда» (1957, 13 сентября). Сам Ермаков часто выступал перед пионерами и школьниками, на многочисленных пионерских кострах охотно рассказывал о расстреле Романовых, утверждал, что собственноручно расстрелял из своего маузера царя и некоторых других членов царской семьи. Благодарные пионеры дарили «герою революции» цветы. Весь рассказ о «легендарном маузере» всецело остается на совести автора легенды. Дело в том, что на пистолете, хранящемся в музее, номера и заводские знаки спилены, и при внешнем осмотре установить его подлинное происхождение невозможно. Ранее работавшие в музее сотрудники утверждают, что, по имеющимся у них материалам, которые скрывались от посетителей, маузер был изготовлен на заводе в начале 1920-х гг. Но разве можно принимать во внимание такие «мелочи», если работникам музея так хотелось иметь у себя «бесценную» реликвию? «Легендарный» маузер Ермакова требует тщательной, высококвалифицированной, с применением новейших технических средств, криминалистической экспертизы.

Оценивая историческое значение расстрела Романовых, Л.Д. Троцкий писал: «Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы напугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды,

показать, что впереди полная победа или полная гибель» (Огонек. 1990, № 2, с. 27).

Эта цель была достигнута. Убийство отказавшегося от престола и не игравшего уже никакой роли в политической жизни страны бывшего царя Николая II и его семьи усилило ожесточенность Гражданской войны, способствовало расширению ее масштабов и продолжительности. Классовый подход, классовая ненависть, насилие, заложенные в те годы, до сих пор сказываются на многих сторонах жизни нашего общества [387 - Оpubл. Убийство царской семьи Романовых. (Сборник документов, статей и участников давней трагедии в Екатеринбурге). Свердловск, 1991. С. 112–123.].

О.А. Платонов

Из книги «Убийство Царской семьи»

Теперь непосредственно исполнители. Самой зловещей, конечно после Юровского, фигурой здесь является тридцатичетырехлетний [388 - На момент совершения убийства Царской семьи П.З. Ермакову исполнилось 33 года.] Ермаков Петр Захарович, своего рода прототип Федьки Каторжного из «Бесов» Достоевского. Когда смотришь на его детскую фотографию, невольно возникает мысль о волчонке, готовом укунить руки родителей, стоящих вокруг своего «меньшенького». Второе фото – он в темной косоворотке, наглухо застегнутой, лежит на траве, длинные волосы, как у Махно, взгляд дикий и неприятный. В 23 года (в 1907 г.) у него три пистолета, он уже убил, по крайней мере, одного человека – отрезал ему голову [389 - Это широко распространенный миф, на деле не имеющий ничего общего с реальной действительностью. Ибо таковой связан с непосредственным участием П.З. Ермакова в деле убийства секретного сотрудника Екатеринбургского Отделения Пермского ГЖУ Николая Ерина («Летнего»)]. Его арестовывают по подозрению в убийстве, но вину берет на себя другой боевик, которого по суду присуждают к виселице [390 - Этим боевиком был В. Кругляшов.]. А Ермаков снова на свободе, участвует в нападениях на транспорт с деньгами, занимается рэкетом. Всюду за ним тянется кровавый след. В 1910 г. его ссылают в Вельск. В 1917 г. он сколачивает отряд-шайку для изъятия земель и имущества крупных землевладельцев, первые безнаказанные расстрелы «контры». Ермакова с его отрядом направляют на подавление крестьянских восстаний – и снова расстрелы, главарей он убивает лично, о чем говорит в воспоминаниях. В июне 1918 г. он подавляет восстание на Верх-Исетском и Невьянском заводах. «Были пойманы главари Аранс и учитель Пелеков и ряд других главарей. Последние мной были уничтожены» [391 - ЦДООСО. Ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 12.]. К моменту убийства царской семьи руки Ермакова были обагрены кровью десятков жертв. Неудивительно, что именно ему поручили уничтожение тел.

На фотографии 1918 г. [392 - Эта фотография относится к 1919 г. и была сделана в Кунгуре.] у Ермакова бравоый вид: гимнастерка с ремнями крест-накрест, галифе,

офицерские сапоги, на боку маузер в деревянной кобуре. Снимок сделан в солидной фотографии (может быть, делал сам Юровский), на фоне декорации экзотических растений и камней. Взгляд дикий, разбойничий и по-прежнему вызывающий. Волосы покороче, чем в юности, но и сейчас издалека за Махно сойдет.

В 20-е гг. Ермаков служит начальником милиции в разных городах, а с 1927 г. становится одним из руководителей мест заключения в Уральской области – закономерная карьера легендарного боевика-террориста. Рассказывают, что в начале 30-х гг. он лично казнил наиболее важных лиц, приговоренных к расстрелу. Тогда было арестовано более двух тысяч руководителей области, из них примерно треть – расстреляна. Как не помочь в любимом деле!

В 20–30 гг. Ермаков охотно встречается с коллективами трудящихся, рассказывает о подробностях расстрела царской семьи и о своей собственной роли в нем. Те, кто знали его, отмечают за ним страсть к алкоголю. Выпив, он становился особенно болтлив. «Я лично расстрелял царя, царицу и наследника, – кричал он, – я впервые на Урале устроил крематорий», – часто повторял Ермаков [393 - Сообщение А.И. Антропова.]. Говоря о крематории, он имел в виду сжигание тел представителей царской семьи. На фотографии конца 30-х гг. мы видим типичного чекиста-начальника тех лет, располневшего, в гимнастерке с ремнем, в сапогах, из гимнастерки торчит приличное брюшко. Вид самоуверенный, взгляд как в юности, неприятный и даже отталкивающий.

Был он, если судить по воспоминаниям, очень тщеславный, падкий на славу и похвалу. Любил, чтобы его отличали и награждали. Но вот что меня удивило: за такие «большие заслуги» он не был награжден орденами и медалями. Я просмотрел его личное дело – правительственных наград у него нет [394 - О.А. Платонов заблуждается. В 1946 г. Ермаков был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».]. Вот только в воспоминаниях Ермаков пишет, что в 1930 г. рабочие Верх-Исетского завода, профбюро и партбюро милиции преподнесли ему как стойкому ленинцу браунинг, а в 1931 г. присвоили звание почетного ударника и выдали грамоту за выполнение пятилетки в три года [395 - ЦДООСО. Ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 1–12.].

К концу 30-х гг. распоряжением свыше ему запретили выступать с рассказами о своих «подвигах». Родственники вспоминают, что перед самой войной постучались люди Берии, взяли Ермакова под руки, посадили на самолет, привезли в столицу, разместили в гостинице «Москва». Не разрешали выходить, и три дня он писал воспоминания о расстреле царской семьи. Вернулся из Москвы радостным, так как не чаял остаться живым. Нравы своих соратников он знал. Но язык с тех пор прикусил [396 - О.А. Платонов не совсем верно доносит информацию о случившемся. Вызов П.З. Ермакова в Москву был связан с обнаружением на территории оккупированной Германии материалов предварительного следствия Н.А. Соколова, в одном из томов которого подтверждался добровольный переход на сторону врага бывшего начальника караула наружной охраны Дома особого назначения П.С. Медведева. Проявляя «незаурядное служебное рвение», ретивые

«энкагэбешники» перепутали умершего еще в 1918 г. Медведева с его однофамильцем М.А. Медведевым (Кудриным), занимавшим в то время должность секретаря парторганизации Высшей офицерской школы НКВД СССР. В связи с этим обстоятельством был допрошен и Ермаков, доставленный в Москву поездом в сопровождении двух сотрудников НКГБ.]. Хотя, по свидетельству очевидцев, во время войны, бывало, выступал с рассказами в некоторых военных частях. Умер Ермаков в 1951 г., похоронен с почестями возле памятника героям гражданской войны, именем его названа улица Свердловска [397 - П.З. Ермаков скончался 25 мая 1952 г. и был похоронен на Ивановском кладбище города Свердловска.].

Ермаков имел большой отряд, состоявший преимущественно из деклассированных уголовных элементов. Ближайшими сподвижниками Ермакова были: беглый кронштадтский матрос Степан Ваганов, Александр Болотов, Василий Леватных [398 - Правильно – Ливадных.], Александр Костоусов, Алексей Грудин, Александр Рыбников.

Ваганова впоследствии растерзали родственники и близкие тех людей, которых он зверски убивал и грабил [399 - Скрываясь в леднике (погребке) собственного дома, С.П. Ваганов был случайно замечен соседской девочкой. На ее крики сбежались соседи и окружили ледник. Предприняв попытку прорваться, С.П. Ваганов был застрелен из охотничьего ружья одним из местных жителей.]. Такая же участь, конечно, ждала и главаря шайки Ермакова, но он вовремя исчез.

Зашел я в дом старых большевиков, где с 30-х годов жил этот пламенный революционер. Когда-то здесь было спецраспределение и спецобслуживание. Но всему приходит конец. Дом, построенный в духе конструктивизма, сильно обветшал, квартиры требуют ремонта. В квартире Ермакова живут другие люди, его не знают. Не помнят его и в квартирах рядом. С час хожу по двору, расспрашиваю стариков. Нет, никто не помнит...» [400 - Платонов О.А. Убийство Царской семьи. М., 1991. С. 125–129.]

А.П. Мурзин

О чем рассказал перед смертью цареубийца Ермаков (Открытое письмо Святейшему Патриарху)

Ваше Святейшество! Обращаюсь к Вам по самому неотложному в данный момент вопросу из всего комплекса проблем, связанных с изучением обстоятельств гибели в 1918 г. в Екатеринбурге Царской семьи и ее слуг – к вопросу о дальнейшей судьбе найденных в 1991 г. людских останков. Как известно, эти останки сразу же были сенсационно объявлены «Царскими», что вызвало решительные возражения многих исследователей Екатеринбургской трагедии, не снятые и теперь.

Тем не менее недавно Госкомиссия, занимающаяся «идентификацией» этих останков, все по той же лишь «царской» версии приняла решение перезахоронить их именно как «царские» и соответственно с «августейшим» образом размахом.

Сделано это по-прежнему без какой-либо исторической аргументации самого происхождения захоронения под Коптяковской дорогой.

В связи с этим я вынужден прервать свое многолетнее молчание и приоткрыть завесу над некоторыми эпизодами Екатеринбургской трагедии. И прежде всего – над мнимой тайной обнаруженной «могилы». Насколько мне известно, именно Ваши мудрость и терпение как Предстоятеля Русской Православной Церкви до сих пор сдерживали агрессивные попытки разных сил понудить и Церковь к согласию перезахоронить далеко не достоверные останки по «царскому» ритуалу. Буду рад, если хоть малой толикой помогу укрепить позицию Вашего Святейшества и РПЦ уберечь Церковь от грозящей беды – от возможного «обретения» ею в будущем, в случае канонизации когда-либо мучеников Екатеринбурга, ложных мощей, чего она не может попустить.

Коротко представлюсь. Журналист. Бывший корреспондент «Комсомольской правды» и «Правды». Но случилось в моей жизни так, что, еще будучи студентом отделения журналистики Уральского университета (тогда в Свердловске), я встречался в 1951 г. с действительным убийцей Николая II – Петром Захаровичем Ермаковым. Пишу лишь о себе, потому что организовавший ту встречу мой университетский друг С.М. Бетев, впоследствии известный на Урале писатель, к сожалению, скончался в 1990 г. С тех пор я остаюсь единственным свидетелем всего того, что рассказывал П.З. Ермаков, в том числе и о существовании некой «тайной могилы», которую он обещал, но не успел нам показать.

«Цареубийц» в нынешней свободной от историзма прессе развелось уже не меньше, чем тех, кто еще недавно в той же прессе «нес» на кремлевском субботнике знаменитое ленинское бревно.

Зато ключевая к разгадке многих тайн «преступления века» фигура Ермакова с ходу отбрасывается в сторону из-за его известных непомерных претензий на цареубийство: а, это тот, который всюду заявлял, что он один «всех, всех убил». Между тем если посчитать, то, по всем «свидетельствам» распорядителя «казни» Я.М. Юровского, выходит, что «всех, всех» убил в ту июльскую ночь как раз он: минимум восемь жертв из одиннадцати. На такое не отваживался даже и «кровавый Мюнхгаузен» Ермаков.

Пишу это потому, что преступление не может быть раскрыто, если по его «следам» водит сам преступник. Не могу превращать это письмо в детальное историческое исследование, но убежден и готов где угодно доказать: все «свидетельства» Я.М. Юровского о екатеринбургском злодеянии сотканы из сплошной, непролазной лжи. С чрезвычайной осторожностью надо относиться и к разным «мемуарам» остальных убийц (П.З. Ермакова, Г.П. Никулина и М.А. Медведева-Кудрина), а также «похоронщиков». Фраза «Лжет, как участник» имеет здесь отнюдь не иронический смысл. Поскольку убийцы просто не могли знать многих событий тех нечеловеческих трех дней и ночей 1918 г. Вот почему все их «свидетельства» являют собой всего лишь «малые версии» одной Большой большевистской лжи о совершенном преступлении. Они уводят очень далеко от

подлинных путей к Истине. И надо менять сам принцип подхода к исследованию всех свидетельств с «красной» стороны.

Иное дело предсмертная (как вскоре оказалось) исповедь Ермакова. 30 марта 1952 г. перед нами сидел не тот хвастливый и болтливый Ермаков, какого мы ранее знали. Болезненно желтый, обиженный, ничем не отмеченный родной властью за свой «подвиг», всеми презираемый и забытый, не привечаемый даже в обкоме партии... Обещанное ему в 1918 г. «счастье» за убийство Царя не состоялось. Он сидел за столом с водкой и пельменями. И обрушивал на нас, студентов журфака, свой оглушительный рассказ, свою кровавую правду, которую не пожелал уносить в могилу.

В тот день мы и узнали во многих деталях (еще более ужасных, чем известно теперь), что же на самом деле произошло в подвальной комнате Ипатьевского дома в ночь на 17 июля 1918 г. Узнали про судьбу палачей, про обезумевшую их команду, про то, как уничтожались тела мучеников, про драгоценности, снятые с убитых Великих княжон. И даже про то, где и кем они были зарыты в 1918 г. Разумеется, все, что я услышал о цареубийстве тогда и что сверяю-проверяю поныне, требует целой серии отдельных, сугубо доказательных публикаций. И я постараюсь это сделать по мере возможностей и сил. Тема же этого письма – подлинная история коптяковского захоронения и совершенно неясная пока судьба упрятанных в нем останков.

Июль 1918 г.: как уничтожались тела мучеников.

Ермаков рассказывал лишь то, что знал. А знал и он далеко не все. Акция по уничтожению (или сокрытию) тел была еще более скрытой, чем убийство. Строилась она на симуляции и слухах. И чем нелепее был слух, тем лучше. Скажем, версия со «сбрасыванием» тел в шахту и последующим их доставанием из шахты. Абсурд! А ведь сработало, да как! До сих пор эту фантастическую версию строго «по Юровскому» повторяет ведущий следствие по «делу Романовых» прокурор-криминалист Генпрокуратуры В.Н. Соловьев (см. журнал «Домовой», 1996, № 2, с. 14).

Ермаков рассказывал нам: борьбу за «право первой пули» Юровский начал еще в ту ночь, при окровавленных трупах. Едва затихла стрельба, как из комендантской прибежал военный комиссар Голощекин, в ярости спросил: «Что так долго возились?» Юровский ответил: «Команда растерялась, пришлось мне самому все взять на себя». В коптяковский лес Юровский с телами убитых не ездил: трупы увозили Ермаков и Медведев-Кудрин с «двумя товарищами».

Не стану описывать всего происходившего в те дни и ночи близ шахты. Все это почти с полной достоверностью установлено – «белым» следствием еще в 1918–1919 гг. Говорю «почти», потому что есть чрезвычайно важные детали, которые не могли быть известны тому следствию и о которых поведал нам цареубийца Ермаков.

Он категорически утверждал: трупов было тринадцать, потому что на другой день привезли еще тела двух «австрийцев» (или мадьяр) – тех самых, что отказались

участвовать в расстреле царской семьи: «Девиц не стреляем!»

Голощекин приказал Ермакову в первую очередь сжечь дотла три тела: Николая II, Алексея и Анастасии. Но при этом головы их в огонь не бросать. Зубной техник Голощекин лично «объяснил», что зубы не горят, поэтому головы будут уничтожены в серной кислоте. И три головы «куда-то забрал» П.Л. Войков. Для удобства сожжения тела были разрублены.

Верить, не верить? Послушаем Ермакова дальше. И сейчас задается вопрос: сколько нужно дров, чтобы сжечь хотя бы один труп. Ведь известно, что близ шахты № 7 не было никаких следов их заготовки или подвозки. Рассказ Ермакова был обескураживающе прост: «Белые следователи не догадались, что Коптяки на то и Коптяки, что там занимались углежжением. На древесном угле мы жгли. Поливали бензином, жгли...» Не потому ли никто не заметил в те дни ни большого огня, ни дыма над лесом?

Ермаков говорил, что в лес они ездили, «как на работу». И утверждал: «главные» тела он «сожжет» еще в ночь на 18 июля. И уехал с командой домой отсыпаться. А поздним вечером того же дня они вернулись к шахте. И немало удивились, увидев: команда Голощекина и Юровского заканчивает погрузку каких-то «не догоревших» тел в повозки.

Было темно. Ермаков не мог нам уверенно сказать, насколько тела были изрублены или обожжены. К тому же Голощекин устроил Ермакову дикую сцену за якобы «самоуправство», за то, что «не тех пожег», – разнос был явно рассчитан на публику. Голощекин заявил, что они решили поменять место захоронения: про него уже «знает весь город». После чего они с Юровским уехали, сказав: едем тела дожигать или топить. И приказали Ермакову все следы у шахты «сокрыть», а остатки костей утопить в болоте.

Обозленные ермаковцы ничего особо «сокрывать» не стали. Сгребли какие-то кости, сложили в пустой кувшин из-под серной кислоты, на носилках отнесли его куда-то на «гать» или «стлань». И бросили в болотный зыбун. Ермаков говорил нам, что кувшин «был мал», поэтому все оставшиеся в костре кости они раскидали и побросали в шахту. А потом засыпали костер и уехали домой.

Август 1919 г.: «могила» под мостком.

Мы, студенты, были молоды и наивны. И почти не задавали Ермакову вопросов. Мы лишь видели, как подтверждаются чудовищные слухи о цареубийстве, еще и тогда гулявшие по городу. Был среди них и слух о некоей тайной «царской могиле»; якобы после войны ее раскапывали, якобы велось какое-то следствие. Мы спросили: было ли такое? И Ермаков рассказал.

В 1919 г. «на плечах» Красной армии в Екатеринбург вернулся Юровский – уже главой облЧК. Естественно, к нему тут же пристали с расспросами о захоронении царских останков. Ходили упорные слухи, что какие-то тела Юровский с Голощекиным укрыли близ деревни Палкино. Юровский на удивление охотно согласился показать «самым надежным товарищам» место «царской могилы». И

ближе к осени привез товарищей к некоему мостику на болотце: «Вот здесь они и лежат, под этими шпалами». В тот день Ермаков впервые услышал, как на ходу рождалась еще более лживая и нелепая, чем сказка с шахтой, версия про «вынужденные» похороны целой груды тел в яме, образовавшейся из-за буксовки грузовика. После чего над ямой, утверждал Юровский, был построен для маскировки мост из шпал.

От этой басни Ермаков едва не расхохотался. Мостик на этом месте был знаком ему с детства – шаткий, полуразрушенный. Теперь на его месте лежали ровно уложенные шпалы, вокруг – свежие следы земляных работ. И он «по глупости» громко усомнился: «Я же в ту ночь следом за вами ехал и никого из вас тут не видел». Юровский глянул на него с сочувствием: «Ты у нас главный, вот дай я тебя на этом историческом месте и сфотографирую». И сфотографировал. И весь «узкий круг» товарищей тоже. На том и уговорились: хранить это место в тайне. И Ермаков хранил долгие годы, решив: значит, так надо.

А в 1945 г. его вызвали в Москву. Был принят в аппарате «самого товарища Берия». Дотошно выспрашивали его обо всем, связанном с казнью Царя. Почти год велось новое следствие. И под мостиком раскопали «могилу», в которой наткнулись на какие-то кости. Ермаков, узнав об этом, был немало удивлен. Однако убеждения своего не изменил, твердо сказав нам мартовским днем 1952 г.: захоронение в этом месте Юровский производил в 1919-м...

Прощаясь, Ермаков пообещал – «вот как только подсохнет» – показать и эту «могилу», и место «на гати», где он утопил кувшин с останками, как он считал, Царя, Цесаревича и Анастасии. Но вскоре наш собеседник слег в больницу и умер. Вот так получилось, что больше сорока лет я знал о существовании некой «тайной царской могилы». А увидел это место лишь в «Известиях» за 19 ноября 1994 г. Там В.Н. Соловьев свою статью об исследовании останков проиллюстрировал фотографией Ермакова, стоящего на месте коптяковского захоронения. Стало ясно: что та фотография, о которой рассказал нам, свердловским студентам, Ермаков. Значит, и тут он не лгал.

Мостик тот, да не тот!

В известинской статье В.Н. Соловьев утверждает: Ермаков стоит «на том самом» мостике, который в 1919 г. фотографировал колчаковский следователь Н.А. Соколов. Но Соколов, бедолага, «не догадался», мол, заглянуть под шпалы, где сразу нашел бы «царские останки».

Убедительное объяснение...

Но почему до сих пор не проведена экспертиза двух фотографий – одного и того же места на Коптяковской дороге, запечатленного в мае 1919 г. «белым» следователем Соколовым, а в августе – сентябре того же года – чекистом Юровским? И невооруженным взглядом видно: да, место то же, те же деревья, только у Соколова они весенние, а у Юровского летне-осенние. Но «мостик» – совсем другой! Он явно заново построен!

Не здесь ли один из ключей к разгадке тайны захоронения «под мостком»? Еще в

1994 г. сотрудник Института Всеобщей истории РАН С.А. Беляев, который по поручению Вашего Святейшества внимательно изучил все материалы экспертиз и следствия по уголовному делу № 16/123666-93 по обстоятельствам гибели Царской семьи и слуг (которое и «ведет» В.Н. Соловьев), пришел в отношении останков в коптяковском захоронении, в частности, и к такому выводу: «...ТЕОРЕТИЧЕСКИ ДОПУСТИМО ПОЛОЖЕНИЕ ЭТИХ ОСТАНКОВ В ДАННОЕ МЕСТО В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ МЕЖДУ ИЮЛЕМ 1918 г. И ИЮЛЕМ 1991 г.». Сказано прозорливее некуда.

Попробую развить эту мысль. Я не видел фотографии «узкого круга» людей, о которой говорил нам Ермаков. Но знаю: она лежит в сейфе у следователя Генпрокуратуры В.Н. Соловьева. На ней Юровским сняты 13 человек. И среди них знаменитый А.И. Парамонов, который в 1928 г. «показывал» В. Маяковскому «могилу императора». В 1968 г. я пытался выяснить у Анатолия Ивановича, на какое место «на девятой версте» возил он поэта? Но, поняв, что я кое-что знаю, Парамонов оборвал разговор: «На то, какое мне указывал Юровский».

Еще раньше, в 1964 г., я о том же завел разговор с дочерью Юровского – Риммой Яковлевной. И тоже впустую. Они умели хранить свои тайны!

Но какие тайны хочет и ныне хранить «новая» Россия? Лишь пару месяцев назад я узнал, наконец: в 1952 г. рассказ Ермакова о следствии по «царскому делу» в 1945–1946 гг. не был его фантазией! О материалах следствия докладывал в Академии наук директор екатеринбургского Института истории и археологии академик В.В. Алексеев. Он сообщил мне, что следствием руководил заместитель Берии Б.З. Кобулов.

Что же так тянуло к скромному мостику на Коптяковской дороге наши хитроумные спецслужбы? Вот сколько раз они рылись там: в 1919 г. – Я.М. Юровский, в 1945–1946 гг. – Свердловское управление НКГБ, в 1979 г. – ретивые «энтузиасты» Г. Рябов и А. Авдонин (по наводке главы МВД СССР Н.А. Щелокова), в 1980 г. – они же, в 1991 г. – «официальная» команда, изъывшая из захоронения останки. Причем вновь в глубочайшей тайне от народа и Церкви.

Потомки не простят нам торопливости.

Вчитайтесь в полное название госкомиссии: «Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая 2 и членов его семьи». Какое же «изучение», какое «исследование», когда заранее ясно: они, Царь, Царица, три Великие княжны, слуги... Немедленно хоронить! На каком основании? На основании одного-единственного «документа» – от начала до конца фальшивой версии, известной как «Записка Юровского».

Могут возразить: есть действительно точный «адрес» коптяковского захоронения. Однако, как неопровержимо теперь установил доктор исторических наук Ю.А. Буранов, даже и этот «адрес» приписал от руки к той «Записке» вовсе не Юровский, а член ВЦИК, зам. наркома просвещения РСФСР, друг Я.М. Свердлова, большевистский историк М.Н. Покровский, по революционной кличке «лихой старик».

В принципе если «адрес» верен, то неважно, кто его приписал. Весь вопрос – когда? Архивная папка, где хранится «Записка Юровского», называется: «Дело о семье б. (бывшего) царя Николая Второго. 1918–1919». Дело о Царской семье! И закрыто оно в 1919 г.! Неужто тут не о чем подумать? Какую «могилу» и по чьему указу создавал в 1919 г. глава Уральской ЧК Юровский, чьи тела (или кости) он туда положил и, управившись, оповестил о содеянном «узкий круг», а затем и М.Н. Покровского?

Вполне допускаю, что в 1919 г. сюда могли быть перезахоронены и останки «царские». Но это надо доказать!

А разве не вызывает вопросов странный ряд совпадений: ТРИ отрубленные Ермаковым от августейших тел головы; ТРИ подозрительных ящика «с чем-то», которые вез Голощекин в Москву в 1918 г.; ТРИ черепа, изъятые из захоронения Г. Рябовым и А. Авдониным в 1979 г. (и с ходу объявленные ими черепами Николая 2, Алексея и Анастасии); ТРИ черепа, «возвращенные» ими туда же в 1980-м...

Допустим на минуту, что сторонники «царского происхождения» останков правы. Но и в этом случае их нельзя не спросить: кого же ПОИМЕННО они намерены хоронить? Анастасию? Но ее тело сжег в 1918 г. Ермаков. Горничную А.С. Демидову? Но ее тело тогда же «сжег» Юровский, как он о том дважды (!) говорит в своих «свидетельствах». Откуда же она оказалась теперь в захоронении? Или будем хоронить Великую княжну Марию? Но ее тело уже в наши дни взял да и «сжег» на кучке хвороста все тот же В.Н. Соловьев в том же журнале «Домовой» (см. его № 2, 1996, с. 14)... В одном нельзя не согласиться с Госкомиссией: неприкаянные останки надо похоронить. Но каким образом? Чтобы не допустить возможного святотатства, при сложившейся ситуации единственно разумным могло бы быть компромиссное решение: построить скромный, но достойный склеп и упокоить в нем останки – пока лишь как предполагаемый прах царских особ и их слуг. До лучших времен.

Убежден: эти времена не так уж далеки, если продолжить беспристрастное расследование екатеринбургской трагедии с позиции исторической аргументации каждого ее эпизода. А для этого нужно прежде всего полностью открыть для исследований все архивы. И как можно скорее создать международную, независимую, свободную от любых политических игр комиссию.

Более двух тысяч лет люди ищут могилу Александра Македонского. Не одно столетие их волнует тайна смерти Наполеона или Моцарта. Возьмем и другую Ипостась Истории – канонизацию Церковью подвижников Православия. Князь Димитрий Донской, например, «ждал» ее более шестисот лет.

Примерам подобным несть числа. И говорят они лишь об одном: история не терпит торопливости. Нельзя допустить, чтобы из самой тяжелой тайны XX века была поспешно сотворена новая тайна, новая загадка – уже для людей третьего тысячелетия.

24 ноября 1997 г.

И.Ф. Плотникова

Из книги «Гражданская война на Урале»

ЕРМАКОВ Петр Захарович [01 (13) [401 - Дата рождения П.З. Ермакова указано неверно. Правильно – 1 декабря (18 ноября) 1884 г.].12. 1884 пос. Верх-Исетский з-д – 22.05.1952 [402 - Ермаков скончался 25 мая 1952 г.], Свердловск]. Из семьи рабочего. Учился в церковно-приходской школе. Работал слесарем на Верх-Исетском з-де. В 1905-м включился в революционную борьбу. Член РСДРП (с 1906), большевик. Состоял в организации боевиков. Выделялся экстремистскими, уголовными наклонностями, участвовал в убийствах, в т. ч. жандарма (которому отрубил голову [403 - Это широко распространенный миф, не имевший на деле ничего общего с реальной действительностью.]). В 1907-м был привлечен к суду по обвинению в убийстве. Через год освобожден (вину Е. взял на себя боевик В. Кругляшов; был повешен). В 1909–1912-м за участие в ограблениях находился в заключении и ссылке в г. Вельске Вологодской губ. После освобождения вернулся в Екатеринбург, проживал и в др. городах. После Февральской революции сформировал на Верх-Исетском з-де дружину, занимавшуюся конфискациями, вымогательством; полученные таким образом средства передавал большевистскому комитету, а также использовал на собственные нужды. Участвовал в октябрьских событиях, затем, во главе отряда – в борьбе с войсками атамана Дутова, в июне 1918-го – в подавлении антибольшевистских восстаний в Верх-Исетском з-де и Невьянске (лично расстреливал повстанцев). В середине июля 1918-го принял участие в расстреле царской семьи и их приближенных, захоронении их тел. Безосновательно приписывал себе руководство этими акциями, говорил о (якобы) полном сожжении тел жертв. В период Гражданской войны находился на командных и комиссарских должностях батальонно-полкового и бригадного уровней. В дальнейшем находился на милицейской и лагерно-охранной работе на Урале. Участвовал в расстрелах репрессированных. Несмотря на «особые заслуги», выполнение палаческих функций в 1920–1930-м, большой карьеры в карательной системе не сделал – из-за отсутствия административных способностей и тяги к знаниям. В одной из характеристик на Е. сказано: «...Интерес к научным дисциплинам... отсутствует. В политической обстановке ориентируется с замедлением». В декабре 1934-го Е. вышел на пенсию (с должности начальника административно-строевого сектора Уральского областного управления местами заключения). Строго предупреждался спецорганами по поводу выступлений с воспоминаниями на запрещенную тему об убийстве царской семьи (иногда приписывал руководство акцией себе), но выступать изредка продолжал [404 - Оpubл.: Плотников И.Ф. Гражданская война на Урале. Т. 1. Екатеринбург, 2007. С. 128–129.].

Список использованной литературы

Бирюков Е.М. Фотограф «Товарищ Маузер // Журн. «Уральский следопыт». 1979. № 10.

Боровиков Д.В., Гаврилов Д.В. Расстрелян пролетарской рукой // Убийство царской семьи Романовых. Свердловск, 1991.

Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920). Составитель Росс Н.Г. Франкфурт-на-Майне, 1987.

Дитерихс М.К. Убийство Царской семьи и других членов Дома Романовых на Урале. Ч. I. М., 1991.

Жук Ю.А. Гибель Романовых. По следам неразгаданных тайн. М., 2009.

Исповедь цареубийц. Убийство Царской семьи в материалах предварительного следствия и в воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления. Автор-составитель Ю.А. Жук. М., 2008.

Крайнова Е.В. Уральский музей революции. Россия. Романовы. Урал. // Сб. материалов Свердловского государственного историко-краеведческого музея. Екатеринбург, 1993.

Медведев А.И. По долинам и по взгорьям. М., 1960.

Пушкарский Н.Ю. Всероссийский император Николай II (1894–1917). Жизнь. Царствование. Трагическая смерть. Саратов, 1995.

Радзинский Э.С. Господи, спаси... и усмири Россию. М., 1993.

Реликвии Октября. Составители: Л.Ф. Муртузалиева, Б.А. Свалова, С.Б. Кохан. Свердловск, 1987.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. М., 1990.

Яковлев А. Товарищ Маузер // Ленинская гвардия Урала. Свердловск, 1967.

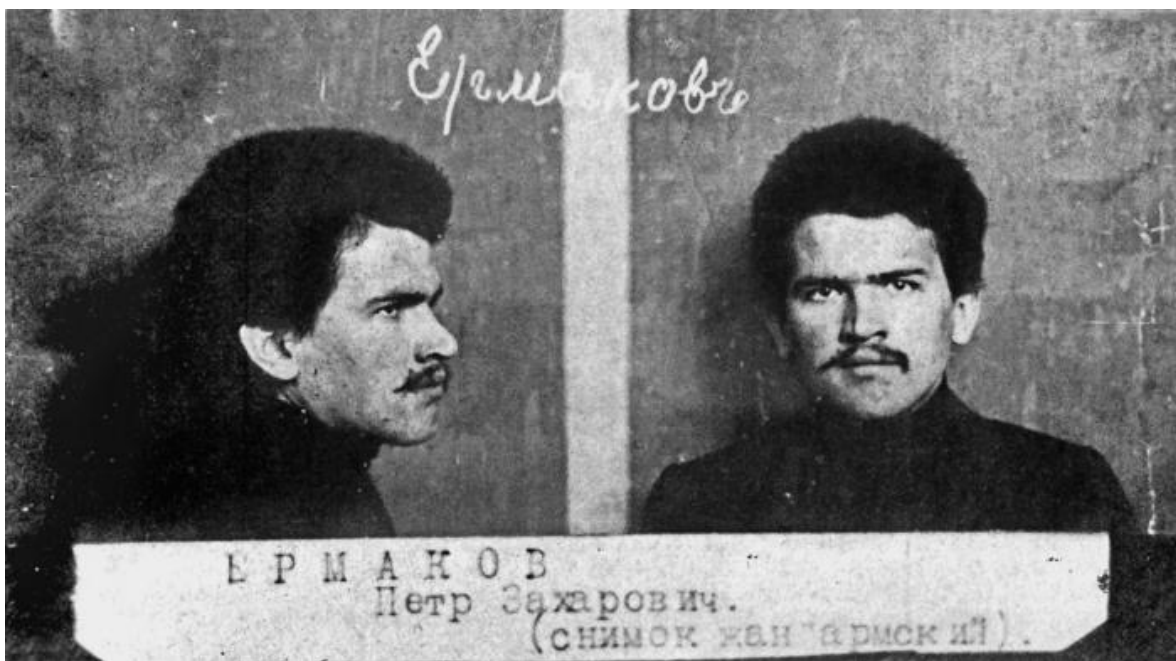
Ezell Edward. Handguns of the World. Stackpole Book, 1981.

Красный Архив. 1927. № 2 (21).

Фото с вкладки

Поселок Верх-Исетского металлургического завода. Начало XX в. Фото С.М. Прокудина-Горского

ЕРМАКОВ. Фото из архива Пермского Губернского Жандармского Управления П.З.

Организатор и начальник Сводной боевой дружины РСДРП, эсеров и анархистов Ф.Ф. СЫРОМОЛОТОВ («Федич»)

Инструктор Сводной боевой дружины РСДРП, эсеров и анархистов К.А. МЯЧИН («Утиный нос»), 1905 г.

Члены Сводной боевой дружины РСДРП, эсеров и анархистов – рабочие Верх-Исетского металлургического завода. Крайний слева (присевший на колени) – П.З. Ермаков. Второй слева (стоит) – боевик «дядя Ваня», бывший матрос, участник

убийства агента охраны Н.Н. Ерина. Екатеринбург. 1900-е гг.

П.З. ЕРМАКОВ. 1907 г.

Председатель Екатеринбургского
Комитета РСДРП Я.М. СВЕРДЛОВ, 1904 г.

«Крестная мать» П.З. Ермакова по
революционному подполью К.Т. СВЕРДЛОВА-НОВГОРОДЦЕВА

П.З. Ермаков (слева) с боевиками Верх-Исетского завода – С.А. Синяевым (в центре) и неизвестным. Екатеринбург. 1900-е гг.

Сообщение в газете

«Уральская жизнь» за август 1918 г. об убийстве Комиссара Центрального Штаба Красной Гвардии гор. Екатеринбург С.П. ВАГАНОВА

Помощник начальника 4-го района Резерва Красной Армии г. Екатеринбург С.П. ВАГАНОВ

Боец Красногвардейского отряда ВИЗа (бывш. Прапорщик Военного времени) А.И. РЫБНИКОВ

Боец Красногвардейского отряда ВИЗа Г.Л.

ДЕСЯТОВ.

Фамилии этих людей как членов «особого красноармейского отряда при Верх-Исетском военном комиссаре» указаны в книге Н.А. Соколова «Убийство Царской Семьи»

П.З. ЕРМАКОВ, 1919 г. Надетая на нем папаха ранее принадлежала Государю Императору Николаю II Александровичу

Нагрудный знак красногвардейца, подобный которому носило все военно-политическое руководство Урала. Учрежден 1918 г.

Группа бойцов Рабочего им. И.М. Малышева Стрелкового полка. Кунгур. Сентябрь 1919 г. В центре – П.З. Ермаков, накануне получивший ранение

Начальник штаба 3-й Уральской Стрелковой дивизии 3-й Армии Восточного фронта А.И. ПАРАМОНОВ, 1918 г. Надетая на нем бекеша ранее принадлежала Государю Императору Николаю II Александровичу

КОСТОУСОВ

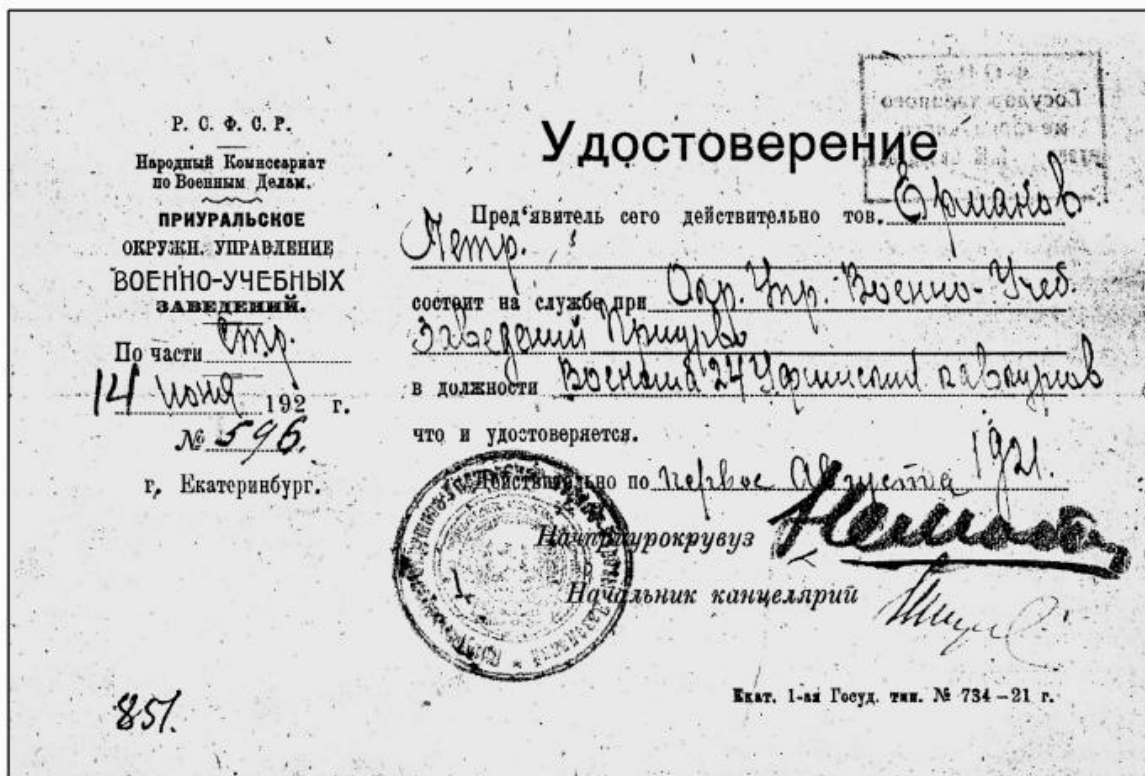
Член Делового Совета ВИЗа А.Г.

Член Делового Совета ВИЗа В.И. ЛИВАДНЫХ

П.З. ЕРМАКОВ, 1919 г.

Удостоверение П.З. Ермакова от 14 июня 1921 г., подтверждающее его полномочия в должности Военкома 24 Уфимских Кавалерийских курсов

Удостоверение П.З. Ермакова от 15 ноября 1921 г., подтверждающее его полномочия в должности Комиссара 20 Екатеринбургских Кавалерийских Курсов

Взвешенье 1-го Западного Стрелкового полка 16-й Армии
Уважаемый
Петр Захарович!

Мы как представители интересов наших
Военных Комиссаров и других лиц, выступающих
столь драгоценнейшее время, тогда
когда вы уходите от нас для того чтобы
заняться более отвлеченными работами,
от души поклонились вам уважаемый Петр
Захарович свои наилучшие пожелания и пожела
ли вам захватить друзей и собрать всеобщие
внимание к себе, какое мы желаем в частности
от вас всегда в первую очередь в деле стрелков, и
всегда справедливого комиссара и товарища
Тем не менее вы продолжаете на свой ко
ммунистический удар в том что вы считаете
прижизненно еще много работы Советского
Республике благодаря вашим талантам
умению и энергии, которые вы всегда проявля
ли в нас.

Ваша верная
Кавказская Коммунистическая
Республика
Петр Захарович

26-го декабря 1920 года

Место на территории

Адрес, врученный П.З. Ермакову от имени л/с 1-го Западного Стрелкового полка 16-й Армии 20 декабря 1920 г.

НАЧАЛЬНИКУ АДМИНИСТРАТИВНОГО ОТДЕЛА ЗЛАТОУСТОВСКОГО
О К Р У Г А.

ТОВАРИЩУ ЕРМАКОВУ.

УВАЖАЕМЫЙ ПЕТР ЗАХАРОВИЧ.

Мы командный и младший строевой состав Милиции и сотрудники Злат. Округадм. отдела, Начальником которого Вы состояли столь продолжительное время, теперь когда Вас долг службы отзывает в другой Округ, мы искренно от души приносим Вам уважаемый Петр Захарович свои наилучшие пожелания и в знак нашей солидарности также преподносим Вам наш скромный подарок, который просим хранить от нас на память, наряду с другими воспоминаниями от сотрудников Адм. отдела и благодарим Вас за то теплое и доброжелательное отношение к нам, какое мы всегда встречали от Вас везде и всюду видел Вас строгим, но всегда справедливым Начальником и товарищем, и теперь когда Вы уезжаете от нас на новый пост Начальника Адм. отдела мы глубоко уверены в том, что Вы сумеете принести еще больше пользы Советской Республике, благодаря Вашим познаниям, умением и энергией, которую Вы всегда проявляете когда Вы были с нами.

Что и свидетелем ставим, соболично ручками
ПОДПИСАЛИ.

1) *Савицкий* 14 *Масаров*
2) *С. Давыдов* 15 *Климент*
3) *Народная милиция* 16 *К. Зен-цел*
4) *Копылов* 17 *К. Зен-цел*
5) *Муромцев* 18 *Михайлов*
6) *В. Давыдов* 19 *С. Давыдов*
7) *С. Давыдов* 20 *С. Давыдов*
8) *С. Давыдов* 21 *Савицкий*
9) *С. Давыдов* 22 *Курчат*
10) *С. Давыдов* 23 *С. Давыдов*
11) *С. Давыдов* 24 *Колес*
12) *С. Давыдов* 25 *С. Давыдов*

Адрес, врученный П.З. Ермакову

19 апреля 1921 г. сотрудниками милиции г. Златоуста и Административного Отдела Златоустовского Округа Челябинской области

П.З.

Ермаков на мостике из шпал, под которым «похоронена» Царская Семья, 1924 г.

Группа видных уральских большевиков, сфотографировавшаяся у «могилы Романовых», 1924 г. Стоят слева направо: 1-й А.И. Парамонов, 3-й М.М. Харитонов, 4-й Б.В. Дидковский, 5-й И.П. Румянцев, 7-й А.Л. Борчанинов. Сидят: 1-й Д.Е. Сулимов, 2-й Г.С. Мороз, 3-й М.В. Васильев, 4-й В.М. Быков, 6-й П.З. Ермаков. Перед В.М. Быковым лежит принадлежавший П.З. Ермакову пистолет Маузера.

Почетная грамота, врученная

П.З. Ермакову в день «ознаменованья 10-й годовщины освобождения Урала от Колчака», датированная 15 июля 1929 г.

А К Т

10-го декабря 1927 года им нижеподписавшиеся научные сотрудники
Историко-Уральского Областного Комитета В.К.П.(б) - г.г. МУТЕНЬ В.С.,
ПАТУНОВ И.В. и Уральского Областного "Музея Революции" - г.г. БАРАНОВ
А.Л. и ПУЗЕЛЬ В.А. приняли от участника расстрела - бив. царя Николая
II у тов. ЕРМАКОВА П.З. револьвер № 161474 системы маузер, который,
по свидетельству тов. ЕРМАКОВА, - был расстрелян Николая II.

Участник расстрела НИКОЛАЙ II *Ермаков* (Ермаков)
Научные Сотрудники "Музея Революции" *Баранов* (Баранов)
Гензель (Гензель)
Мутень (Мутень)
Патунов (Патунов)

Пистолет Маузера К-96 мод. 1912 г. Зав. № 161474 перед его передачей в Уральский Областной «Музей Революции». Автограф на бумаге выполнен рукой П.З. Ермакова.

Акт принятия «револьвера № 161474 системы маузер», из которого по свидетельству П.З. Ермакова им лично был расстрелян Николай II.

Дом Ипатьева в день открытия в нем Уральского Областного «Музея Революции», 1927 г.

П.З. Ермаков во время пребывания в санатории «Ривьера». Евпатория. Конец 1920-х гг.

Грамота, врученная П.З.

Ермакову в связи с 25-летием пребывания в партии большевиков и пистолет Браунинга мод. 1910 г. зав. № 40005

П.З. Ермаков в форме сотрудника
Главного Управления Мест Заключения (ГУМЗ) НКВД РСФСР. Свердловск. 1920-е
гг.

Нагрудный знак в честь 10-летия Рабоче-Крестьянской Милиции, который был вручен П.З. Ермакову в 1927 г.

Здание ГУМЗ НКВД РСФСР по Свердловской области. Свердловск, ул. К. Либкнехта, дом № 3. 1920-е гг.

Тов. ЕРМАКОВУ

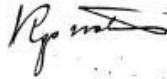
Тебе старому большевику, тебе закаленному в ожесточённых классовых боях, тебе подпольному и красному партизану, тебе тов. ЕРМАКОВ наш дружеский горячий привет. Мы собрались работники ИТУ Свердловского Гарнизона, на торжественное заседание в день XVI-ти летней борьбы и побед РККА.

Глубоко сожалеем, что в силу своей болезни не присутствуешь на нашем заседании, но мы уверены в том, что ты вместе с нами торжествуешь нашу всеобщую победу социализма и нашу готовность к Мировому Октябрю.

Да здравствует старый большевик - подпольщик и Красный партизан тов. ЕРМАКОВ.

Преодолей тов. ЕРМАКОВ свою болезнь и будь готов к надвигающимся штурмовым боям труда с капиталом.

Председатель заседания

22.2.34.

№ 872

Адрес, врученный П.З.

Ермакову 22 февраля 1934 года от имени работников Исправительно-Трудовых Учреждений Свердловского гарнизона

Бывшие члены
Коллегии Штаба 4-го района Резерва Красной Армии гор. Екатеринбурга В.И.
Ливадных (слева), П.З. Ермаков и А.И. Медведев. Свердловск. 1930-е гг.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**ВСЕСОЮЗНАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(большевиков)
УРАЛЬСКИЙ
ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ**

СПРАВКА.

Истпарт удостоверяет, что ПЕТР ЗАХАРОВИЧ
ЕРМАКОВ действительно принимал участие в *Б.ск*
О-Г. организации с 1902 г. по март м-ц 1909 г.
был членом Уральского Областного комит. РСФРР
также с 1905 г. по 1908 г. был начальником бое-
вой партдружины 2-Исетского завода и гор. Екат
ринбурга.
Тов. Ермаков подвергался арестам в 1907 г. и с
1909 г. по 1917 г. в Пермской, Вятской, Николае-
вских арестанских ротах и Екатеринбургских тюрь-
мах.

Зав. Истпарт *Наранович* (Д. Наранович)

861

Зак. № 10742

Г. СВЕРДЛОВСК, Набережная Рабочей Молодежи, д. № 3.

При ответе сослаться на наш №

Справка Уральского Истпарта от 17 июля 1931 г., выданная П.З. Ермакову в подтверждение его революционных заслуг

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**ВСЕСОЮЗНАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(большевиков)
УРАЛЬСКИЙ
ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ**

Тов. Ермаков, П.З.

Областной К-т содействия изданию: "История
Гражданской войны" 6 МАЯ в 11 час. дня созыв
СОВЕЩАНИЕ командиров и организаторов отрядов
Красной Гвардии, принимавших участие в направ-
ный фронтов: 1) Челябинское-Екатеринбургское жел
дорож; 2) Челябинское-Екатеринбургское по трак-
ту; 3) Самаро-Златоустовское; 4) Кузинский за-
лон, на которое приглашает Вас.
Совещание будет проводиться в помещении Об-
истпарта (ул. К. Либкнехта, 49).

ОБЛ. К-т Содействия изданию: "История
Гражданской войны".

Моисеев

871

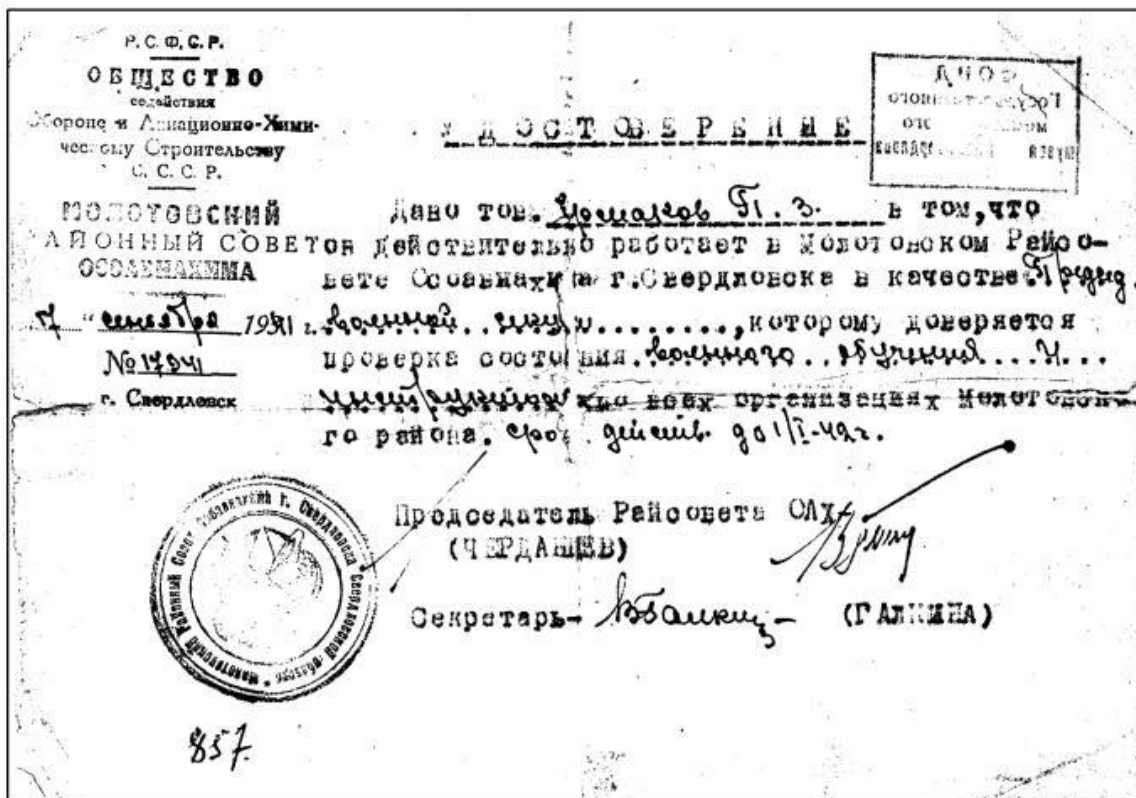
Зак. № 107

Г. СВЕРДЛОВСК, Набережная Рабочей Молодежи, д. № 3.

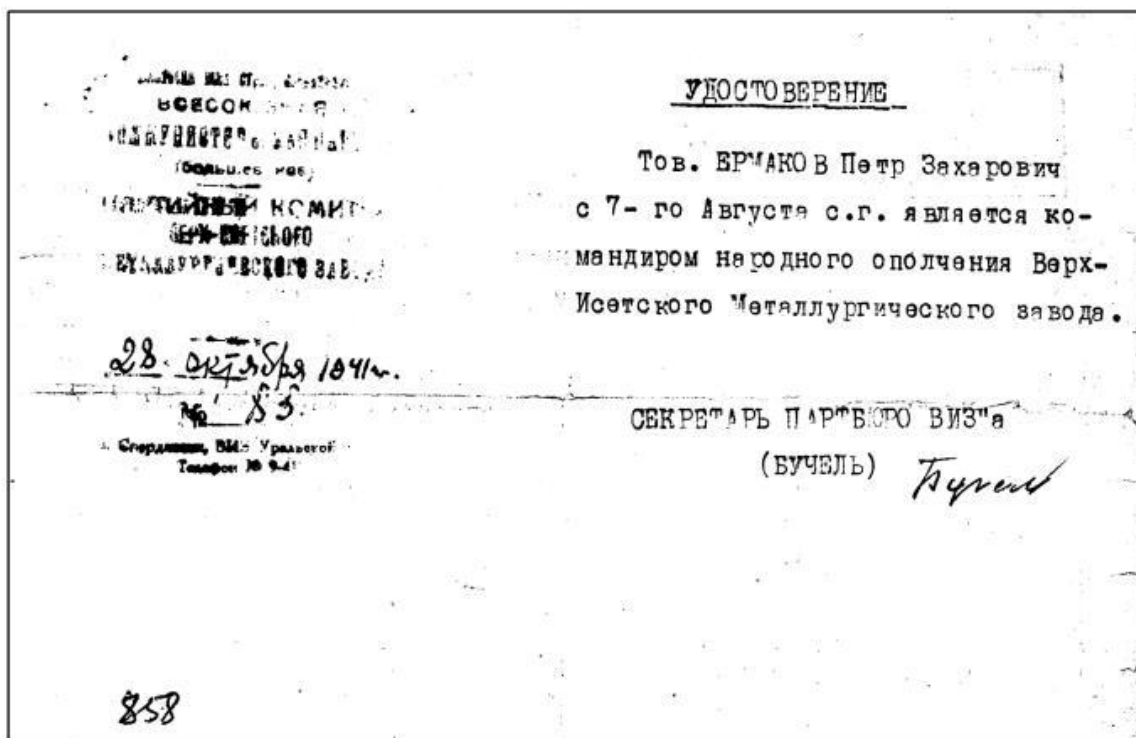
При ответе сослаться на наш №

Приглашение Директора Уральского Истпарта С.С. Моисеева от 5 мая 1933 г., отосланное П.З. Ермакову для принятия участия в совещании командиров и организаторов отрядов Красной Гвардии, принимавших участие в Гражданской

Удостоверение П.З. Ермакова от 7 сентября 1941 г., подтверждающее его полномочия в качестве Председателя Военной секции Молотовского Районного Совета ОСОАВИАХИМА г. Свердловска

Удостоверение П.З. Ермакова от 28 октября 1941 г., подтверждающее его полномочия как Командира батальона Народного Ополчения ВИЗа

Навстречу 40-летию Великого Октября 38

Товарищ „Маузер“

На одном из стелдов Свердловского краеведческого музея хранится пистолет системы «маузер». Кобура у него из твёрдого дерева. Его можно прикрепить к ручке пистолета, и тогда он превратится в маленькое ружьё. Сделан этот пистолет на бельгийском заводе лет 50 назад.

После революции 1905 года рабочий класс России начал готовиться к новому бою с царским самодержавием.

дня Комитета большевиков. Вооружённый маузером, Пётр охранял тайные собрания рабочих. Но полицейские искали его, и всё труднее становилось Петру вести революционную работу. В конце концов Ермакова арестовали. Оружия при нём не было (накануне мать Петра закопала пистолет в огороде), но всё же рабочего на несколько лет упрятали в тюрьму, из которой он вышел после Февральской революции 1917 года. Маузер стал служить революционерам командира гвардейского отряда Ермакова. Пётр сражался против банд ирландского атамана и иностранных захватчиков. В отлучении, когда некий отряд рабочих занял станцию, Ермаков был ранен, но жал руководить

боем, пока рабочие не победили.

Потом маузер долго лежал в ящике. К началу Отечественной войны пистолет уже устарел. Воевали новым, более совершенным оружием.

Старого боевого товарища — маузер — Ермаков решил сдать в музей. Пусть видят люди, каким оружием отстаивали советскую власть их отцы.

Л. НЕВЕРОВ.

Бердман —

СТРОЙ МУЗЕЙ ПЕТР ЗАКАРОВИЧ I

ВОЛОДИН.

3.11.39 Студенты и педагоги Промакадемии об-

12-34 ащаются к Вам с просьбой провести с ни-

Табачкина ми экскурсию в музей о расстреле Николая

Гоманова 1/II-39 г. одну экскурсию в 2ч30м и дру-

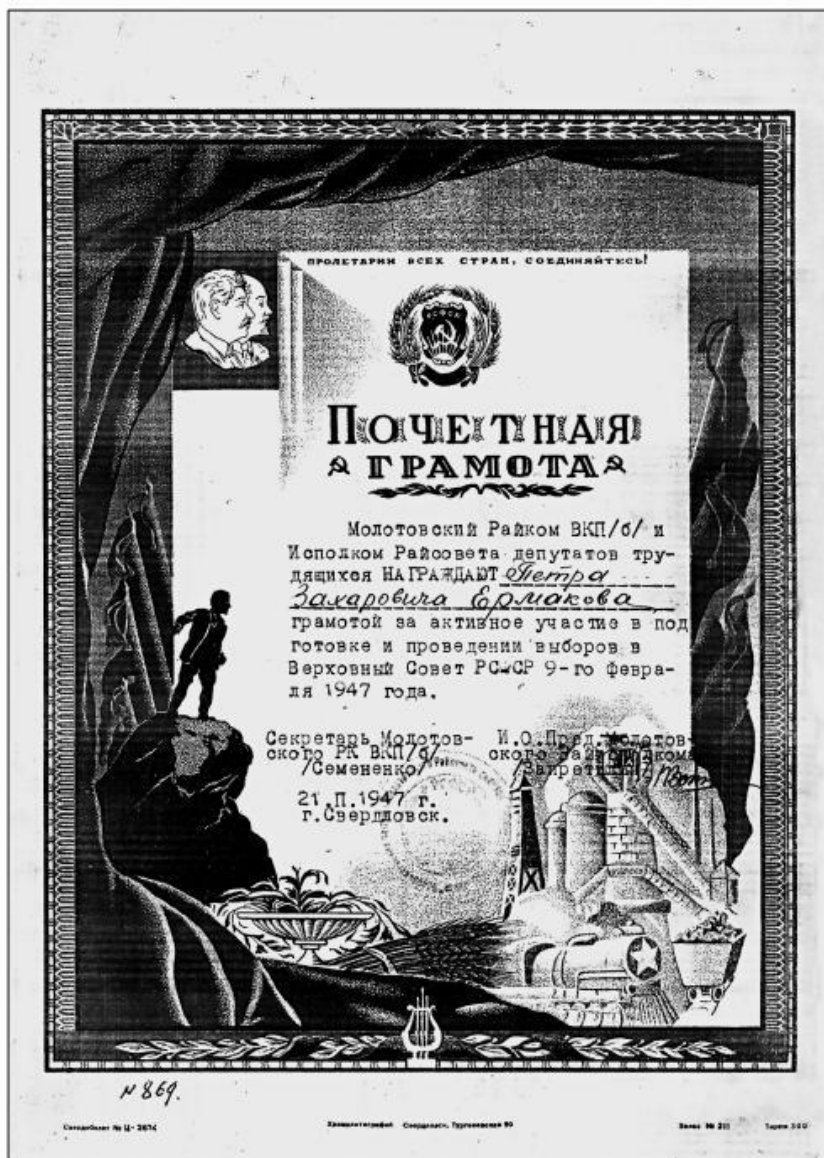
гую в 3 ч. 30м. Просим Вас сообщить в музей Рево-

люции сможете ли Вы провести эти экскурсии или нет.

Зам. Директора по науч. части: *Чуданов* /Чуданов/

П.З. ЕРМАКОВ. 1940-е гг.

Приглашение дирекции Уральского Областного «Музея Революции». 1939 г.

Почетная грамота,
врученная П.З. Ермакову Молотовским Райкомом ВКП (б) за участие в подготовке
и проведении выборов в Верховный Совет РСФСР 9 февраля 1947 г., датированная
21 февраля 1947 г.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
CARTE POSTALE

Куда Свердловск

Кому Пётру Захаровичу Ермакову

Адрес отправителя
Москва ул. Сергеевская д.
№ 319 Свердловск

Шлю привет.
Дорогой прекрасный
город Москва! Встаёт
над городом первый небес-
ный сморчок, летит
прочно, жарко и уютно.
В Москве снег рабани.
Сыро, сегодня маршас дождь,
лишь и на минутку
показывается.
Привет т.т. ста-
рым бойцам
К.Т. Свердлова
29/5 47г.

Министерство Связи СССР

1756 ТЕЛЕГРАММ

ПЕРЕДАЧА: =ВРУЧИТЬ 1 МАЯ

Время № 10 30/4 № связи СВЕРДЛОВСК

Принял: Перешёл: ОБЛАСТНОЙ УЛИЦА 8

МОСКВЫ: 72/95 17' 28" 1715 — МАРТА ДОМ 1

ОТМЕТЬ: ЕРМАКОВУ ПЕТРУ ЗАХАРОВИЧУ

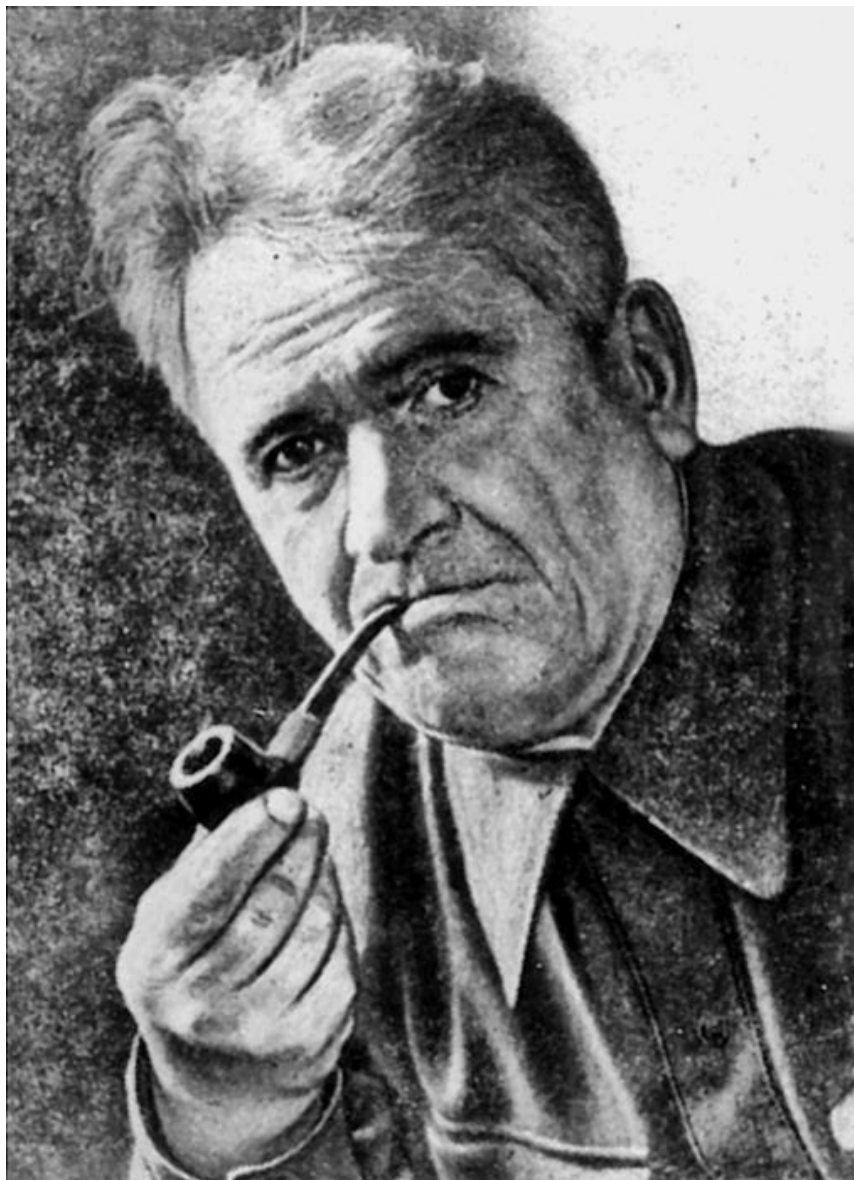
=ПОЗДРАВЛЯЮ ПЕРВЫМ МАЕМ=СВЕРДЛОВА

Заказ № 9161

Открытое письмо и телеграмма К.Т. Свердловой-Новгородцевой, адресованные П.З. Ермакову

Встреча П.З. Ермакова и К.Т. Свердловой-Новгородцевой в Свердловске, 1947 г.

Член ВОСБ П.З.

ЕРМАКОВ. Свердловск, 1940-е гг.

П. З. Ермаков

После продолжительной и тяжелой болезни в воскресенье, 25 мая 1952 года, скончался старший большевик Петр Захарович Ермаков, член ВКП(б) с января 1906 года.

Петр Захарович Ермаков родился в 1884 году в городе Екатеринбург, в семье рабочего. Свою трудовую деятельность он начал на Верх-Исетском заводе учеником слесаря, затем работал на разных заводах Урала, переезжая в связи с нелегальной революционной работой.

В 1905-1906 году он закончил партийную школу, которой руководил Я. М. Свердлов (Андрей). Тот, Ермаков был активным бойцом большевистского подполья, за что царское правительство все время его преследовало. Тот, Ермаков тот раз арестовывался, сидел в тюрьме и высылался. На тюрьмы, ни ссылки не сломали его духа. Он каждый раз еще энергичнее бросался за революционную работу и активно выполнял поручения партии.

После февральской революции тот, Ермаков—на партийной и советской работе. В декабре 1917 года партия послала его вместе с уральскими рабочими на борьбу с контрреволюционными войсками Дитова. Вместе с легендарными уральскими красногвардейцами тот, Ермаков защищая молодую Советскую власть и в боях получал тяжелые ранения.

Тот, Ермаков—активный участник гражданской войны. Партия не раз поручала ему ответственные задания, которые он выполнял с честью.

После окончания гражданской войны тот, Ермаков—на ответственных постах в советских и партийных организациях. Будучи больным, на пенсии, тот, Ермаков не порывал деятельной связи с партийной организацией и рабочими Верх-Исетского завода. В последние годы принимал активное участие в организации имени Николая Михайловича Снегидина, где был членом ученого совета.

Со смертью Петра Захаровича Ермакова наша партия большевиков потеряла члена, преданного коммуниста, рабочего-бойца. Грядущему Уралу, проживая Петра Захаровича в последний путь, глубоко скорбят о нем. Память о нем будет жить долгие годы.

Группа товарищей.

Некролог, опубликованный в

газете «Уральский рабочий» от 27 мая 1952 г.

Могила П.З. Ермакова. Свердловск. Ивановское кладбище. 1970-е гг. Фото В.В. Шитова

Дом № 1 по
улице 8 Марта (Дом Старых Большевиков), в кв. № 4 которого проживала семья
Ермаковых, Екатеринбург. Современный снимок

Т. А. Ермакова (1900 – ?). Вторая супруга П.З. Ермакова с 1942 г., стараниями которой Ключевская улица (бывш. 3-я Ключевская) в 1960-е г. г. была переименована в улицу Ермакова. В начале 1990-х гг. улице было возвращено историческое название.

Частный дом № 2/48, расположенный на углу улиц Ключевской (Ермакова) и Крылова. Свердловск 1990-е гг. Фото В.В. Шитова

Газета «Уральский рабочий»

за 23 июля 1918 г. и принадлежавший П.З. Ермакову пистолет Маузера. Коллаж из книги Э.Г. Якубовского «Расстрел в подвале», Екатеринбург, Банк культурной информации, 1998 г.

Могила П.З. Ермакова на Ивановском кладбище. Екатеринбург, 2011 г. Фото автора. До конца 1970-х гг. на этом надгробии находился металлический барельеф с изображением профиля П.З. Ермакова. В годы «перестройки» чеканный профиль «борца за дело революции» от обветшалости упал и некоторое время валялся в могильной оgrade, а затем и вовсе был утрачен. Начиная с 1990-х гг. появилась «традиция» обливать это надгробие красной краской, символизирующей пролитую кровь Царской Семьи и других жертв Ермакова

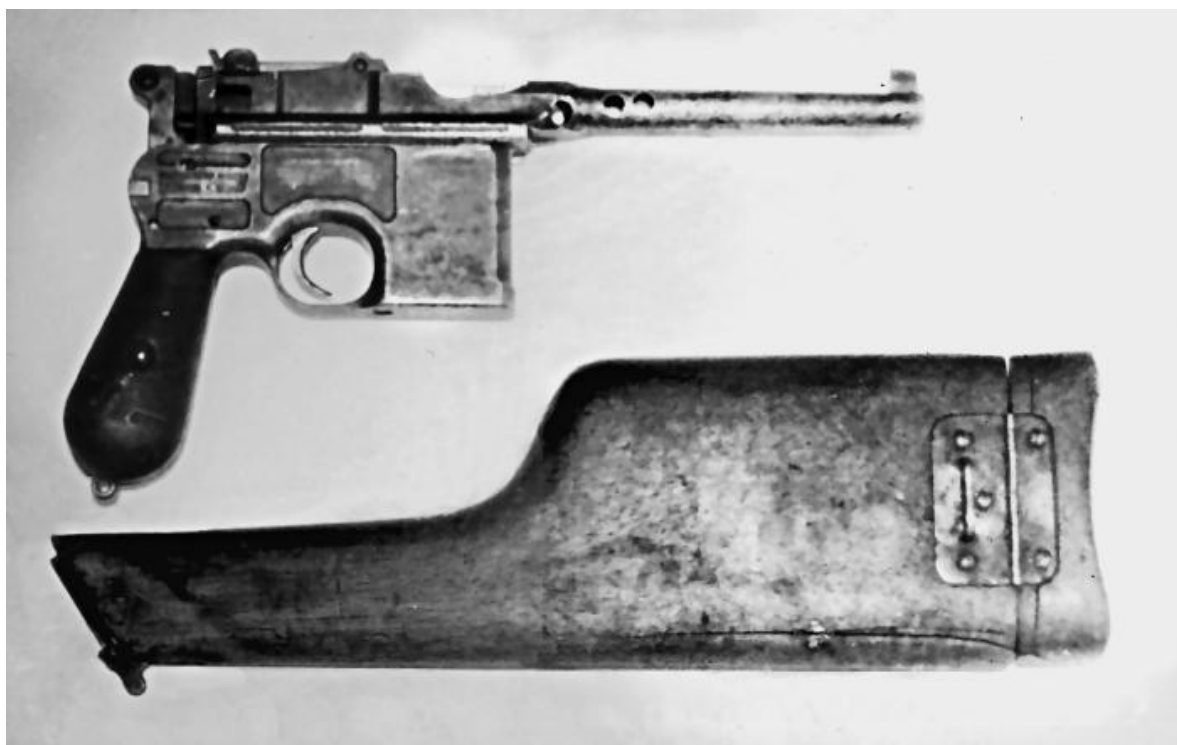
Автор

этой книги Ю.А. Жук у Царского Креста с подлинником рукописи воспоминаний цареубийцы П.З. Ермакова в руках. Фото В.В. Шитова. 1994 г.

Автор

этой книги с принадлежавшим П.З. Ермакову пистолетом Маузера в помещении Реставрационных мастерских Свердловского государственного историко-краеведческого музея. Екатеринбург, 2001. Фото В.И. Топоркова

Экспонат СОКМ – пистолет Маузера К-96/12 зав. № 161474 и деревянная кобура-приклад. Фото 2001 г.

Фото 1. Фрагмент пистолета с фирменным клеймом и отверстиями под резьбу для крепления на стендах музейных экспозиций.

Фото 2. Тыльная часть пистолета с заводскими номерами на курке, замочной коробке и раме

На двух этих фото четко просматриваются утраченные детали пистолета, наличие которых имело место быть на более ранних фото этого музейного предмета. На фото 1 – отсутствие упорной муфты, а на фото 2 – отсутствие предохранителя и защелки в замочной коробке

Пистолет системы Маузер образца 1896 г.
Германия. Начало XX в.
Принадлежал П.З. Ермакову.
По его словам из этого оружия был убит
Император Николай II.
Mauser. Owner P.Z. Ermakov according to him
Emperor Nicolas II was killed with this Mauser.

Пистолет Маузера К-96/12 зав. №161474 в экспозиции СОГИКМ рядом с оружием, идентичным оружию «расстрельной ночи» – револьвером Нагана обр. 1895 г., пистолетом Браунинга мод. 1900 г. и пистолетом Кольта М1911. Фото автора